

ISSN 2411-2070

история
филология
культурология

ВЕСТНИК

гуманитарного образования

№ 2 (26) | 2022

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ГУМАНИТАРНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 2 (26)

Киров
2022

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Заместители главного редактора

Л. В. Калинина, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

Н. О. Осипова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Ответственные секретари

О. В. Байкова, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

И. В. Смольняк, канд. ист. наук, Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

**Состав редакционной коллегии:
Исторические науки и археология**

А. М. Белавин, д-р ист. наук, проф., Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь);

Т. А. Закаурцева, д-р ист. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

А. А. Калинин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Н. Б. Крыласова, д-р ист. наук, доц., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь);

А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., академик РАО, Московский педагогический государственный университет (г. Москва);

А. А. Машковцев, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

Е. И. Пивовар, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва);

Ю. А. Петров, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН (г. Москва);

В. В. Романов, д-р ист. наук, проф., Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (г. Тамбов), ORCID: 0000-0002-9199-6573;

Д. А. Редин, д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Филология

О. И. Колесникова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров),
ORCID: 0000-0002-6159-6261;

Е. Н. Лагузова, д-р филол. наук, проф., Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);

В. А. Поздеев, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);

О. Ю. Поляков, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

Н. Д. Светозарова, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Н. Л. Шубина, д-р филол. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

D. Stellmacher, д-р филологии, проф., Университет им. Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);

H. W. Retterath, д-р филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия).

Культурология

И. А. Едошина, д-р культурологии, Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова (г. Кострома);

Т. И. Ерохина, д-р культурологии, Ярославский государственный театральный институт (г. Ярославль);

Д. Н. Замятин, д-р культурологии, проф., Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Высшая школа урбанистики ВШЭ (г. Москва);

А. В. Костина, д-р филос. наук, д-р культурологии, проф., действительный член Международной академии наук, Московский гуманитарный университет (г. Москва);

В. Я. Перминов, д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

Т. Б. Сиднева, д-р культурологии, проф., Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Нижний Новгород);

Г. Е. Шкалина, д-р культурологии, проф., Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Научный журнал «Вестник гуманитарного образования» как средство массовой информации зарегистрирован в Роскомнадзоре (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67555 от 31 октября 2016 г.)

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Цена свободная

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Vyatka State University

**HERALD
OF HUMANITARIAN
EDUCATION**

S c i e n t i f i c j o u r n a l

№ 2 (26)

Kirov
2022

Chief editor

V. T. Yungblud, Dr. of hist. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Deputy editor

L. V. Kalinina, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

N. O. Osipova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Executive Secretary

O. V. Baikova, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

I. V. Smolnyak, PhD of hist. sciences, Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Editorial board members:

Historical sciences and archeology

- A. M. Belavin**, Dr. of hist. sciences, prof., Perm Federal Research Center of UrO RAS (Perm);
T. A. Zakaurtseva, Dr. of hist. sciences, prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow);
A. A. Kalinin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);
N. B. Krylasova, Dr. of hist. sciences, associated prof., Perm State University of Humanities and Education (Perm);
A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., academician of RAE, Moscow Pedagogical State University (Moscow);
A. A. Mashkovtsev, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0001-8135-4043;
E. I. Pivovarov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAS, Russian State University for the Humanities (Moscow);
Y. A. Petrov, Dr. of hist. sciences, Institute of Russian History of RAS (Moscow);
V. V. Romanov, Dr. of Historical Sciences, professor, Tambov State University n.a. G. R. Derzhavin (Tambov),
ORCID: 0000-0002-9199-6573;
D. A. Redin, Dr. of hist. sciences, prof., Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).

Philology

- O. I. Kolesnikova**, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-6159-6261;
E. N. Laguzova, Dr. of philol. sciences, prof., Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky (Yaroslavl);
V. A. Pozdeev, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);
O. Y. Polyakov, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-9362-7720;
N. D. Svetozarova, Dr. of philol. sciences, prof., St. Petersburg State University (St. Petersburg);
N. L. Shubina, Dr. of philol. sciences, prof., Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen (St. Petersburg);
D. Stellmacher, Dr. of philol. sciences, prof., Georg-August University (Göttingen, Germany);
H. W. Retterath, Dr. of philol. sciences, Institute of Ethnography of Germans in Eastern Europe (Freiburg, Germany).

Culturology

- I. A. Edoshina**, Dr. of cultural studies, Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov (Kostroma, Russia);
T. I. Erokhina, Dr. of cultural studies, Yaroslavl State Theatre Institute (Yaroslavl);
D. N. Zamyatin, Dr. of cultural studies, professor, D. S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, HSE Higher school of urban studies (Moscow);
A. V. Kostina, Dr. of philos. sciences, Dr. of cultural studies, professor, full member of the International Academy of Sciences, Moscow humanitarian University (Moscow);
V. Ya. Perminov, Dr. of philos. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);
T. Sidneva, Dr. of cultural studies, professor, Nizhny Novgorod State Conservatory (Academy) n. a. M. I. Glinka (Nizhny Novgorod);
G. E. Shkalina, Dr. of cultural studies, professor, Mari State University (Yoshkar-Ola).

**Scientific journal «Herald of humanitarian education» is registered as a mass media
in Roskomnadzor (Certificate of registration of mass media PI № FS 77-67555 of October 31, 2016)**

Founder of the journal «Vyatka State University»

Address of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price

*The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific
results of theses for the degree of Dr. and PhD should be published*

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Батмаев М. М., Кольцов П. М., Мургаев С. М., Умгаев С. А.</i> Некоторые предприятия астраханского губернатора В. Н. Татищева по улучшению социально-экономического положения калмыцкой степи.....	9
<i>Попова О. Д.</i> Микроистория в изучении истории духовных семинарий: эпизод из жизни Орловской духовной семинарии в воспоминаниях К. Никольского как исторический источник	19
<i>Пыльцын Ю. С.</i> Кавалерия в Крыму и Северной Таврии в 1920 г. Из воспоминаний пехотного офицера.....	28
<i>Коршунков В. А.</i> Дорожные ухабы: особенности зимних передвижений в России в XVIII – первой половине XX века.....	37
<i>Коньшев Д. Н.</i> Аграрные реформы периода «оттепели» 1953–1964 гг. как инструмент политической борьбы за лидерство внутри советского руководства	48
<i>Орлов М. А.</i> «Наставление вятским миссионерам» – миссионерский проект по утверждению новокрещенных в христианской вере.....	59

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ДОКУМЕНТАХ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

<i>Тряхов И. С., Тряхова С. В.</i> Функционирование дошкольных учреждений в годы Великой Отечественной войны (на материалах Владимирской и Ивановской областей)	68
<i>Перевощиков Д. В.</i> Плен, побег, отряд, армия: военнослужащие из Удмуртии в составе советских партизанских соединений (1941–1944 гг.)	79

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Надёжин А. Д., Пеньковцев Р. В.</i> Политика обеспечения энергетической безопасности в Европейском союзе с 2000 по 2020 гг.	86
---	----

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Баранов Н. Н.</i> Память о Первой мировой войне в Федеративной Республике Германии	94
---	----

ИСТОРИОГРАФИЯ

<i>Новиков М. В., Перфилова Т. Б.</i> Природная среда как исходный фактор социогенеза древних цивилизаций: трактовка М. М. Хвостова	105
<i>Сенников А. И.</i> Научное измерение экономических истоков холодной войны	117

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Моряхина К. В.</i> История изучения погребального обряда средневекового населения Пермского Предуралья	123
---	-----

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Бурдин И. В.</i> Концепт «чай» как часть семантического поля «еда» травелога	
<i>И. А. Гончарова</i> «Фрегат “Паллада”»	133
<i>Никанорова Е. И.</i> Образ нижегородского ярмарочного театра	
в травелогах XIX в.	140

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Мищенко И. Е.</i> Стратегия национальной безопасности:	
многообразие аспектов и роль культурных факторов в ее обеспечении	148
<i>Галимова Н. В.</i> Графическая символика	
фамильных тамга-знаков кабардинцев и балкарцев	155

РЕЦЕНЗИИ

<i>Поздеев В. А.</i> Диалоги о судьбе и вятской литературе	162
--	-----

CONTENTS

NATIONAL HISTORY

<i>Batmayev M. M., Koltsov P. M., Murgayev S. M., Umgaev S. A.</i> Some enterprises of the Astrakhan governor V. N. Tatishchev to improve the socio-economic situation of the Kalmyk steppe.....	9
<i>Popova O. D.</i> Microhistory in the study of the history of theological seminaries: an episode from the life of the Orel Theological Seminary in the Memoirs of K. Nikolsky as a historical source	19
<i>Pyltsyn Yu. S.</i> Cavalry in the Crimea and Northern Tavria in 1920 from the memoirs of an infantry officer	28
<i>Korshunkov V. A.</i> Road potholes: the peculiarities of winter travel in Russia in the 18th – first half of the 20th centuries	37
<i>Konyshchev D. N.</i> Agrarian reforms of the "thaw" period of 1953–1964 as an instrument of political struggle for leadership within the Soviet leadership	48
<i>Orlov M. A.</i> "Instruction to Vyatka missionaries" is a missionary project for the approval of newly baptized in the Christian faith.....	59

GREAT PATRIOTIC WAR IN DOCUMENTS AND HISTORICAL MEMORY

<i>Tryakhov I. S., Tryakhova S. V.</i> Functioning of preschool institutions during the Great Patriotic War (based on the materials of the Vladimir and Ivanovo regions)	68
<i>Perevoshchikov D. V.</i> Captivity, escape, army detachment: military personnel from Udmurt as part of Soviet partisan formations (1941–1944)	79

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONSHIP

<i>Nadezhin A. D., Penkovtsev R. V.</i> Energy Security Policy in the European Union from 2000 to 2020	86
--	----

GENERAL HISTORY

<i>Baranov N. N.</i> Memory of the First World War in the Federal Republic of Germany	94
---	----

HISTORIOGRAPHY

<i>Novikov M. V., Perfilova T. B.</i> The natural environment as an initial factor of the sociogenesis of ancient civilizations: interpretation by M. M. Hvostov.....	105
<i>Sennikov A. I.</i> Scientific measurement of the economic origins of the Cold War	121

ARCHEOLOGY

<i>Moryakhina K. V.</i> The history of the study of the funeral rite of the medieval population of the Perm Urals.....	131
--	-----

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Burdin I. V.</i> The concept of "tea" as part of the semantic field "food" in travelogue by I. A. Goncharov «Frigate "Pallada"»	138
<i>Nikanorova E. I.</i> The image of the Nizhny Novgorod Fair Theater in the travelogues of the XIX century	146

CULTURAL STUDY

<i>Mishchenko I. E.</i> The national security strategy: the diversity of aspects and the role of cultural factors in its provision	153
<i>Galimova N. V.</i> Graphic symbolism of the family tamga-signs of Kabardins and Balkars	160

REVIEWS

<i>Pozdeev V. A.</i> Dialogues about fate and Vyatka literature.....	165
--	-----

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(047.47)

DOI: 10.25730/VSU.2070.22.001

Некоторые предприятия астраханского губернатора В. Н. Татищева по улучшению социально-экономического положения калмыцкой степи

М. М. Батмаев¹, П. М. Кольцов², С. М. Мургаев³, С. А. Умгаев⁴

¹доктор исторических наук, профессор, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова.
Россия, г. Элиста. E-mail: history@kalmsu.ru

²доктор исторических наук, профессор, зав. кафедры всеобщей истории,
Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова.
Россия, г. Элиста. E-mail: petrkoltssov52@mail.ru

³кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории,
Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова.
Россия, г. Элиста. E-mail: murgaev_sm@mail.ru

⁴старший преподаватель кафедры всеобщей истории,
Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова.
Россия, г. Элиста. ORCID: 0000-0003-0778-1607. E-mail: sam_umg@yahoo.com

Аннотация. Представленная статья посвящена отдельным социально-экономическим аспектам деятельности В. Н. Татищева на посту астраханского губернатора (с 1741 по 1745 гг.) в отношении калмыцких степей, которые в то время находились в его ведении. При этом у калмыков существовала своя феодально-крепостническая политическая структура во главе с наместником (сами калмыки называли его ханом), которая постепенно подминалась под себя центральным имперским аппаратом.

В силу комплекса внутренних и внешних политических, экономических и административных причин калмыки начали испытывать ряд существенных социально-экономических проблем, которые в целом приводили к обеднению населения. В целом данная тенденция носила общероссийский характер, однако по Калмыцкому ханству она ударила особенно сильно, по сути, став катализатором процессов ликвидации автономии.

В. Н. Татищев как администратор-практик увидел большую проблему в массовом обеднении калмыцкого народа, в результате которого все больше и больше простых калмыков оставались без скота, в частности, без коней. А без коня, решил Татищев, калмык для Отечества бесполезен, так как невозможно использовать его в военных предприятиях.

В связи с этим деятельный астраханский губернатор попытался претворить в жизнь ряд идей по улучшению социально-экономической ситуации, но встретил сопротивление калмыцкого наместника и феодальных владетелей, преодолеть которое он не смог.

Статья основана на архивных материалах и историографии, использован историко-генетический метод. В частности, сделана попытка комплексно рассмотреть личность Татищева, понять его цельный образ и как ученого, и как администратора.

Ключевые слова: В. Н. Татищев, калмыцкая степь, Дондук-Даши, Российская империя, социально-экономическая политика.

Одной из самых примечательных и значимых фигур в истории России являлся Василий Никитич Татищев, знаменитый автор «Истории Российской». Многие помнят Татищева именно как выдающегося ученого и историка, оставившего потомкам первый опыт описания истории России. Действительно, Василий Никитич очень любил историю, на протяжении долгих лет жизни собирал, изучал исторические сведения и сводил их воедино. Однако не только как ученый отметился Татищев в истории России – менее знаменитой, но не менее примечательной является та часть его жизни, которая была посвящена политике и имперскому администрированию.

Статья основана на материалах РГАДА (Российского государственного архива древних актов) и НАРК (Национального архива Республики Калмыкия), также на историографических данных. Из материалов РГАДА использовались документы Кабинета министров и Коллегии иностранных дел, в которых содержались позиция и решения центральной власти по калмыцкому вопросу в 1741 г. Использованные фонды НАРК представляют из себя в основном официальную деловую переписку между калмыцким ханом и астраханским губернатором. В этих письмах раскрываются как социально-экономические проблемы калмыцкой степи, так и, собственно, предприятия Татищева по их исправлению.

В статье поставлена цель рассмотреть социально-экономические инициативы В. Н. Татищева в отношении калмыцких дел в период нахождения его на посту астраханского губернатора с 1741 по 1745 гг. в контексте целостной оценки деятельности как ученого и как администратора.

Биография Татищева рассматривалась множеством исследований, но в основном она касалась его деятельности именно как ученого, как историка. Тем не менее самыми полными и интересными образцами биографии можно считать работу Дейча «Татищев: историк и гос. деятель. 1686–1750» [6], в которой тот рассмотрел и административную службу героя, а также изобилующую подробностями биографию от Кузьмина, опубликованную в серии ЖЗЛ [12]. Исторический образ В. Н. Татищева как человека, чья судьба отразила противоречия эпохи, раскрыт в работе Гордина «Хроника одной судьбы: художественно-документальная повесть о В. Н. Татищеве» [5].

Если говорить о научной деятельности Татищева, то стоит отметить, что она породила оживленные дискуссии еще в XVIII в. [см. 3; 4; 25; 26], а также и некоторое количество скептиков: его критиковали Шлецер, Карамзин и другие [10, с. 100, 101].

Не только как историк отметился Татищев на карте российской науки. До сих его вспоминают и как замечательного географа и картографа – работая в отдаленных регионах, Василий Никитич уделял этому особое внимание [см., напр., 8; 13].

В то же время именно пыливый ум и стремление докопаться до истины составили основу характера Татищева, которую он перенес на административную деятельность.

В современной российской историографии, особенно региональной (а Татищев занимался местным администрированием), интерес к его фигуре не утихает, поддерживаемый не только научным, но и общественным запросом [см. 1; 7; 9; 19; 20].

Актуальными и современными работами по администрированию калмыцких дел В. Н. Татищевым являются статьи Колодкина [11], Носковой [15], Сосенкова [21], Сусеевой [22], Торопицына [23; 24].

В частности, не забывают Татищева и в Калмыкии – дело в том, что именно в этот период происходил процесс урезания автономии Калмыцкого ханства и подчинение оно имперской администрации. Отношения астраханских губернаторов, и Татищева в частности, с калмыцкими ханами и владельцами были освещены как в работах Попова [17] и Пальмова [16], так и современными авторами [2].

Всю свою жизнь Татищев служил Отечеству: участвовал в военных действиях и главных сражениях Северной войны, затем служил чиновником в Берг-коллегии, руководил Монетным двором, принимал участие в дипломатической деятельности, занимался развитием горного и металлургического дела на Урале и в Сибири, был губернатором имперских окраин – Башкирского края и Оренбургской экспедиции, а в бытность свою астраханским губернатором (с 1741 по 1745 гг.) занимался и калмыцкими делами.

В части политических убеждений Татищев всегда оставался верным петровцем, эдаким имперским чиновником, который видел своей целью укрепление Российской империи и проведение имперской политики в отношении малых народов. Деятельный характер и административный талант позволили Василию Никитичу оставаться на серьезных административных должностях и после смерти Петра I. Правда, попал он в некоторую опалу при Анне Иоанновне, чей режим он считал губительным для России – в этот период Татищев даже косвенно поучаствовал в заговоре против императрицы, но, по счастью, та скончалась до того, как Василий Никитич был наказан.

Переходя непосредственно к нашей теме, следует сказать, что В. Н. Татищев, будучи астраханским губернатором, возглавлял также деятельность Калмыцкой комиссии, особого административно-управленческого органа, который контролировал ситуацию в Калмыцком ханстве.

Собственно, обстоятельства, которые привели Татищева на позицию астраханского губернатора, следующие: в марте 1741 г. в калмыцкой степи начались усобицы из-за политической борьбы между вероятными наследниками скончавшегося от болезни хана Дондука-Омбо. Проблему усугублял этнический фактор – жена хана, Джан, происходила не из калмыков, а была, по-видимому, татаркой и вдобавок мусульманкой (калмыки традиционно исповедуют буддизм). Соответственно, ее малолетний сын не был популярен ни среди калмыцких владетелей и зайсангов, ни среди буддистского духовенства – гелюнгов. Сама Джан со своими сторонниками вела отчаянную борьбу – от калмыцких феодалов в русскую администрацию стали поступать жалобы, что она желает «калмыцких владельцев перевести» [18, ф. 16, д. 619, л. 100].

Имперская администрация увидела в этой ситуации шанс еще сильнее усилить контроль над калмыцкой степью. К тому же всякая смута в южных степях могла привести к непредсказуемым последствиям, в том числе и политическим. Надо сказать, что пока принималось это решение, Джан сумела известить своего главного противника – Галдана Данжина, сына популярного среди калмыков первого хана Аюки (правил с 1690 по 1724 гг.), при власти которого Калмыцкое ханство достигло пика своего могущества, покорив окрестные тюркско-татарские орды [18, ф. 16, д. 619, л. 100].

Соответственно, было принято решение непопулярного сына Джан не поддерживать, а выдвинуть свою кандидатуру. Ею стал Дондук-Даши, внук Аюки-хана. Удобным предлогом стало обращение к имперским властям матери убитого Галдан Данжина, которая попросила российские власти признать наследником именно Дондука-Даши [18, ф. 16, д. 619, л. 100].

При этом находившийся и долго проживавший вдали от степи Дондук-Даши не имел опыта управления калмыцкой степью, а к тому же там продолжалась смута. Поэтому с ним был направлен человек опытный и разбирающийся в делах малых народов – В. Н. Татищев. Вероятно, уже тогда планировалось, что он примет дела Астраханской губернии.

В конце концов, при поддержке имперского центра Дондук-Даши утвердился в качестве калмыцкого наместника – так его называли в России. Для калмыков он оставался ханом. Калмыцкое ханство будет ликвидировано только при его преемнике Убуши, который возглавил откочевку части калмыков из России. Сам Дондук-Даши отдал сына в аманаты и дал реверс (клятву-присягу) российской императрице. При этом, как наместнику, ему выделили неплохое жалованье [18, ф. 36, д. 135, л. 5 об. – 7 об.].

Советы В. Н. Татищева, по-видимому, сыграли свою роль в утверждении власти нового хана: вопрос с Джан был решен без лишнего кровопролития (ей выделили улус в управление), а калмыцкие владельцы приняли нового правителя.

Вступив в должность астраханского губернатора, В. Н. Татищев не оставил свои занятия наукой. В то же время пылкий ум и деятельный характер заставляли его искать способы усовершенствовать государственное управление.

В частности, в отношении калмыцкой степи им были предприняты попытки улучшить социально-экономическое положение широких слоев калмыцкого населения. Разумеется, администратор-практик занимался этими вопросами не из чувства сострадания – он видел в обеднении калмыков помеху имперским интересам. Дело в том, что калмыки к тому моменту уже более столетия служили своеобразным буфером, прикрывающим часть южной границы Российской империи от набегов других, в основном тюркоязычных, кочевников, а также выступали в роли противовеса окрестным малым народам, зачастую недовольным усилением имперского административного контроля. Для выполнения этих задач калмыки должны были представлять серьезную военную силу. Однако кочевники-калмыки умели сражаться только конными, а из-за обеднения многие семьи продавали скот, который не могли содержать, в том числе и лошадей.

Действительно, масштаб этого обеднения был значительным: если простые калмыки продавали скот, то недополучающие доходы владельцы продавали другим народам как своих крепостных, в основном, детей, так и пленных, захваченных в ходе междоусобных столкновений. В частности, особенно много жалоб на продажу калмыцких детей поступало из улусов Джан. В связи с этим Татищев опасался, что «чрез что весь калмыцкой народ вскоре исчезнуть может». Он выдвинул предложение запретить северокавказским народам, кубанцам и татарам покупать калмыков-крепостных в России. А у русских помещиков купленных калмыков изымать с компенсацией и записывать в рекруты, «в чем немалая польза быть может». Вообще, впечатленный увиденным в калмыцких степях, Татищев высоко оценил храбрость и дисциплину, проявляемую калмыками в сражениях [14, ф. 36, д. 133, л. 25, 26].

Новый наместник Дондук-Даши выразил поддержку Татищеву в этом начинании. Действия своего предшественника он осудил как не соответствующие этнической и буддистской морали, и пообещал, что «... сам намерен столько о исправлении убогих прилежать, сколько его возможности будет». В декабре 1741 г. в личном разговоре с Татищевым он подтвердил свое намерение и сообщил, что ввел запрет на продажу калмычат во всех улусах. Однако Дондук-Даши заметил, что сейчас «у татар и бухарцев в покупке оных немалое число», и попросил губернатора, чтобы им покупать калмыцких крепостных запретили, а тех, что куплены – вернули [14, ф. 36, д. 132, л. 203, 217].

В то же время общий административный подход Татищева заключался в установлении контроля над малыми народами путем строительства ряда укрепленных линий и размещения там гарнизонов и казаков. В частности, большой проблемой в то время были казахские набеги. Татищев предлагал построить ряд крепостей по Волге, а также ниже Яицкого городка. Проблема заключалась в том, что именно через эти территории калмыки получали доступ к водным и рыбным ресурсам Волги. Однако астраханский губернатор полагал, что прорехи между крепостями достаточно велики, чтобы не создавать калмыкам препятствия, а кроме того «для ловли рыбы вся Ахтуба останется для них свободной, которая в оброке не бывала» [14, ф. 36, д. 132, л. 27].

Тут надо отметить, что в связи с негативными социально-экономическими процессами все больше развивалось среди калмыков отходничество на Волгу, в основном, для рыбной ловли. Для «обескотинившихся» калмыков это был практически единственный источник серьезного заработка и даже возможность от доходов вновь приобрести скот. Помимо этого, по Волге располагались русские города, с которыми калмыки могли вести торговлю, получая столь необходимые им товары, в частности, хлеб и муку – калмыки не занимались земледелием.

Таким образом, водные и торговые ресурсы Волги представляли немалую ценность для калмыков, давая им шанс поправить свое материальное положение. Однако вскоре выяснилось, что и тут существует несколько проблем. Во-первых, различные торговые запреты для калмыков, а во-вторых, различные ограничения на рыбную ловлю, в-третьих, собственные калмыцкие крепостнические порядки.

С первой указанной проблемой Татищев столкнулся во время разговора с черныярским комендантом подполковником Пилюгиным. Тот сообщил губернатору, что еще недавно торговать с калмыками запрещено было, а сейчас и муки им не продают – только готовый печеный хлеб и просынную муку кулями. Также, видимо, для калмыков завышались цены.

Удивленный таким положением дел Татищев выразил недоумение: «... хан Дондук Омбо получаемую от всероссийского двора в жалованье муку отдавал калмыцкому народу за великую цену из роста, отчего калмыцкой народ пришел в наисвящее разорение и скудость; тогда тем более непонятно, почему калмыкам не разрешали покупать муку у торговцев повольной ценою» [14, ф. 36, д. 133, л. 63].

Вторая проблема заключалась в том, что все большее тяготение калмыков к Волге приводило к сопротивлению со стороны местных властей и населения. Межэтнические в своем проявлении конфликты имели конкретную экономическую подоплеку – борьбу за волжские водные ресурсы.

Так, Татищев заметил в письме Остерману, что: «... калмыки имеют жалованные грамоты и договоры утвержденные, что им по Волге везде рыбу ловить кроме что в близости учугов, но потом и оным воспрещать, грабить и бить их начали» [14, ф. 36, д. 133, л. 63].

Уже 15 января 1742 г., получив, видимо, разрешение от центральной власти, Татищев вместе с царцынским комендантом полковником В. Беклемишевым составили бумагу, которая разрешала калмыкам ловить рыбу «по Волге, озерам и протокам без запрещенія». Однако местное купеческое лобби в это определение сумело внести некоторые ограничения: в частности, калмыкам запрещалось ловить рыбу в Волге «от песчаного до учугов» в «беляшное время» (когда рыба, особенно осетровые, идет к морю, в октябре и ноябре), а ловить «в эти два месяца в малых протоках и озерах». Дондук-Даши на то согласился [14, ф. 36, д. 180, л. 36].

Третья проблема напрямую была связана с несправедливым крепостническим устройством, которое, как оказалось, влияло на обеднение и обескотинивание калмыков. По сути, она была неразрешима, так как происходила из несовершенства самого социально-политического устройства Калмыцкого ханства. В то же время губернатор эту проблему осознавал не как непосредственную вину крепостничества, а всего лишь как злоупотребление своим положением со стороны владетелей.

По поводу этой проблемы Татищев направил Дондук-Даши письмо (по всей видимости, ответное, так как калмыцкий наместник постоянно направлял губернатору письма, в которых жаловался на различные проблемы калмыцкого народа и притеснения, которые ему чинят), в котором высказал свое понимание проблемы: «... вы изволите объявлять, что калмыки изъужожили и без свободного в рыбной ловле допущения исправить и скот завести невозможно, а без скота они во услуги ея императорского величества негодны, что сущая правда». Однако далее по тексту Татищев отмечает, что здешним купцам, что торгуют на Волге, хорошо известно бедственное состояние калмыков, и что они утверждают, что в нем неповинны. Они «представляют, что калмык ловлею рыбы нынешним порядком не поправить и скота не завести, потому что при ватагах калмыки хотя в год столько вырабатывают, чтоб всякий лошадь купить мог, только не купят затем, что владельцы, зайсанги и посланцы их грабят немилостиво, а деньги, пришедшие манжики (то есть вышеупомянутые калмыки. – авт.) выманивают» [14, ф. 36, д. 180, л. 36].

Таким образом, мы видим, что у наместника и губернатора сформировались разные взгляды на проблемы. Если наместник, по-видимому, обвиняет в существующем положении дел различные ограничения, наложенные на калмыков, а также торговую политику волжских купцов, то губернатор склонен видеть в этом происки калмыцких феодалов – владельцев и зайсангов, которые у своих крепостных все деньги отбирают и ничего не оставляют. Отсюда следует невозможность для простого калмыка выбраться из нищеты и завести себе лошадь.

В то же время и сам В. Н. Татищев признавал, что «на ватагах может найти работу 1,5–2 тысячи» человек, и каждый может заработать столько, что «за два года лошадь и прочую необходимую скотину» приобрести сможет. Видя именно в этом решение многих социально-экономических проблем калмыцкого народа, астраханский губернатор настоятельно посоветовал Дондук-Даши следующее: «отныне на все ватаги определить добрых надзирателей» и велеть от «промышленников» (то есть от прорабов или хозяев ватаг) деньги принимая, каждому работнику калмыку «только на крайнюю нужду выдавать, а что помимо этого соберется проследить, чтоб была на эти деньги куплена скотина». Уверенный в найденном способе решения наболевших социально-экономических неурядиц, Татищев подчеркнул для наместника: «... и так можете в краткое время со скотом сделать, а о грабеже и обманах запретить» [14, ф. 36, д. 180, л. 36].

Надо сказать, что со временем стало ясно, что подобные советы в условиях несовершенства степной административной структуры были просто-напросто нереализуемы. Надо сказать, что от бедности многие калмыки принимались и за преступные деяния, в том числе за набеги и грабежи, правда, с укреплением имперской власти в Южном Поволжье последние происходили все реже и реже.

Кроме того, необходимо отметить, что и некоторые требования наместника в отношении урегулирования дел между калмыками и русскими были выполнены. Так, уже в 1742 г. к астраханскому губернатору прибыл зайсанг Сойбин Иши, который представил еще трех зайсангов для представительства в судебных спорах и разбирательствах по различным вопросам, связанным с калмыками, а также для контроля над калмыцкими ватагами. Таким образом, дело оживилось [14, ф. 36, д. 182, л. 75].

Не прошли бесследно и те письма, которые как сам Татищев, так и Дондук-Даши писали в Петербург (тут надо заметить, что высшая прослойка калмыцкого общества, сам наместник, его владельцы и духовенство высоко ценили возможность написать кляузу или ходатайство в вышестоящую инстанцию, этой возможностью регулярно пользовались). Однако центральное правительство оценивало положение дел в Калмыкии скорее в негативном ключе, рассматривая большое количество письменных жалоб как следствие различных грабежей, смут и неурядиц, допускать которые нельзя. В ответных письмах из Петербурга четко прослеживался курс на укрепление имперского контроля над калмыцкой степью. Так, еще в апреле 1741 г. Татищеву пришел следующий указ:

«Что принадлежит до калмыцких внутренних малых грабительств, оные вам так отвращать, чтоб из того в калмыцком народе нового смятения быть не могло, ибо ранее такие их малые ссоры разбирали их ханы по своим правилам. А если ныне вдруг при новом наместнике ту их вольность отнять, то и многие из калмыцкого народа видя, что от Дондук Даши противу вольности их взят в аманаты сын, поопасуются того, чтоб со временем чрез него не похотели мы и всю их вольность отнять, и тако в том вам весьма искусным и склонным образом поступать и добрым способом отвращать, а на иное и сквозь перстов смотреть надлежит» [14, ф. 36, д. 150, л. 63].

Собственно, как показывает дальнейшая переписка Дондука-Даши и Татищева, проблема рыболовства решена не была – в частности, еще и потому, что взгляды наместника и губернатора по этому вопросу серьезно отличались. Причина этих различий понятна: Дондук-Даши рассуждал с позиции калмыцкого хана, видел вопрос с одной стороны, Татищеву же приходилось ориентироваться больше на интересы русского и казачьего населения, расселенного по Волге. Даже прикрытая казаками и калмыками, в те времена эта территория была в достаточной степени уязвима, что, кстати, через несколько десятилетий покажет Пугачевское восстание.

В очередном письме Дондук-Даши напомнил Татищеву о привилегии калмыков ловить рыбу неводами в урочище Караболе, а саму эту рыбу только на пропитание использовать, а не продавать с целью извлечения прибыли, «в города для продажи не возить». Понятное дело, что с помощью неводов рыбу можно было добывать в существенных количествах, и имелся запрет на такую продажу. Видимо, со временем доступ к Караболе для калмыков был закрыт.

Однако в ответ Татищев написал, что «калмыки ныне весьма оскудали и если бесскотным продавать русским и другим не калмыкам запретить, то они денег на хлеб и одежду достать не смогут, а будут с великим вредом продавать за границу детей или заниматься разбоем».

В то же время, видя реальное положение дел, Татищеву пришлось предложить альтернативу. Он предложил разрешить калмыкам наниматься и работать в городах или в учугах. Такие отходнические работы, по мнению Татищева, способны поправить материальное положение части калмыков. Однако в ответ на это предложение Дондук-Даши заметил, что бесскотных калмыков вокруг Астрахани невероятно много – более 10 000 кибиток. А значит, они все не смогут работать по найму, не найти такого количества рабочих мест [14, ф. 36, д. 154, л. 33 об.].

Вообще, переписка наместника и губернатора демонстрирует при общем понимании проблемы резкое противоречие в подходах к ее решению. Видимо, именно это противоречие стало одним из факторов, которые помешали Татищеву довести свои инициативы до какого-то успешного уровня.

К примеру, в одном из писем Дондук-Даши высказал недовольство тем определением, которое Татищев выписал для регламентации рыбной ловли со стороны калмыков. Так, им предписывалось действовать лишь «малыми и сомовыми удочками, сетями и неводами до 40 – по крайней мере до 60 сажень», запрещалось ловить ценную рыбу осетровых пород, а также другие различные неудобства. Раздосадованный Дондук-Даши от всей души написал гневное: «Когда по Волге земля, вода, трава и лед, все к русским принадлежит, то поданным ея императорского величества нашим калмыкам чрез какой способ исправится я не знаю» [14, ф. 36, д. 154, л. 33 об.].

В то же время ограничения, накладываемые Татищевым, были следствием мощного давления на него со стороны местного купеческого и рыболовного лобби, которые использовали все средства, чтобы ограничить деятельность на Волге конкурентов-инородцев.

Тем не менее внимательный Татищев пытался поправить некоторые другие несправедливости в отношении калмыцкого народа. Так, изучая налоговую структуру региона, он заметил, что кабацкие и таможенные сборы для калмыков сильно завышены. Это связано было с тем, что при Аюке-хане калмыки обладали некоторым достатком, который получали из постоянных военных столкновений и набегов, и могли позволить себе платить настолько большие поборы. Калмыки в то время кочевали вместе с присоединившимися к ним татарами по «Волге до Самары, и по всем городам – Самаре, Сызрани, Саратову, Дмитриевке – и в лежащих между ними селах имели великие торги». Однако с тех времен прошли уже десятилетия, и калмыки оскудели, потеряв возможности платить такие большие сборы. Эти самые сборы потеряли всякий налоговый смысл – из-за их дороговизны они просто не собирались, так как калмыки отказывались торговать и посещать города [14, ф. 36, д. 133, л. 68].

Однако даже уменьшив размеры старых сборов, поправить ситуацию Татищеву не удалось – имперская администрация вводила все новые и новые налоги, пошлины и сбор. Уже 2 мая 1744 г. Дондук-Даши вновь эмоционально обращается к Татищеву: «Многие люди мне объявляют, что с калмык наших как с ездящих на своих лодках, так с тулугов, с овчин, с мерлушек и с рыбы имание денег и пошлин пред прежним наипаче умножилось, а понеже на пред сего таково обыкновения не бывало, тако ж и ныне в том вновь указа не имеется». Далее по тексту наместник просил остановить эту порочную практику, еще больше загоняющую калмыцкий народ в бедственное положение [14, ф. 36, д. 180, л. 3].

Надо сказать, что повышение налогов имело место быть по всей Российской империи, провоцируя различного рода недовольства среди местного населения. В конечном итоге об-

шее ухудшение социально-экономического положения при достаточной централизации управления приведет к социальному взрыву. В отношении калмыцкого народа этот взрыв вылился в исход части калмыков из России при Убуши-хане.

В конечном счете ограниченный в возможностях и учитывающий больше интересы русского населения Волги Татищев не смог решить эту проблему к удовлетворению калмыцкого наместника, который уже после отставки Татищева (есть версия, что причиной отставки стала долгая череда жалоб в Петербург от калмыцкого наместника и его владетелей) написал новому руководителю калмыцких дел от 1 ноября 1745 г.: «Известно мне, что с имеющихся при Волге владения моего скудных калмык с каждой лодки берут половных денег по три рубли, о чем я и в прошлом году писал. Однако по худым Татищева замыслам оное и поныне брать не запрещено» [14, ф. 36, д. 193, л. 20].

Таким образом, можно заметить, что к 1745 г. калмыцкий наместник Дондук-Даши совершенно разочаровался в Татищеве и даже обвинял его в «худых» замыслах. Причиной такого разрыва стало, видимо, своеобразное «перетягивание каната», когда калмыцкий наместник отстаивал позиции местной феодальной верхушки, в то время как губернатор радел за русских поселенцев на Волге, стремясь укрепить имперский контроль над этим краем.

Был еще один аспект, который, по мнению Татищева, оказывал существенно влияние на благополучие калмыков – религия. Ламаизм, тибетская версия буддизма, которая традиционно исповедовалась и исповедуется у калмыков, вызывала у астраханского губернатора некоторые вопросы. Связаны они, разумеется, были и с задачей распространения христианства в регионе, помощи православным миссионерам.

Так, разговаривая с калмыцким владельцем Бордоном, Татищев напрямую указал, что калмыки тратят огромное количество денег на содержание гелюнгов, в ответ на что получил возражение, что некогда калмыки платили и больше, включая богатые дары и подношения хурулам (храмам). Однако с учетом общего социально-экономического кризиса в калмыцких степях подобные траты стали невозможными, более того – теперь они разоряли народ. Татищев метко отметил, что во времена Аюки-хана калмыков было гораздо больше – около «семьдесят тысяч кибиток калмык, да более тридцети тысяч татар», сейчас их едва ли больше тридцати тысяч кибиток, обедневших и обескотинившихся [14, ф. 36, д. 177, л. 328, 329].

Более плотно, чем сам Татищев, с калмыцким народом работал его посланник и поверенный в степных делах Ф. Черкасов, который рапортовал о своих беседах с ламой Эби-гелюнгом и зайсангом Шонхолдоком, которые очень честно и просто объяснили ему свою позицию по вопросу обеднения калмыков. В частности, Эби-генлюнг объяснил, почему калмыки массово продают своих «ясырей» (пленников-батраков, захваченных в ходе набегов): из-за отсутствия скота нет нужды и в работниках, которые бы приглядывали за ним и изготовляли бы что-то из продуктов скотоводства. Зайсанг Шонхолдок пояснил, что обнищали калмыки в первую очередь потому, что владетели и зайсанги обложили их непомерными налогами и повинностями, которые те исполнить не в силах, а обращаться по этому вопросу к Дондук-Даши смысла не имеет, так как того не заботят мирские вопросы – все свое внимание он уделяет религии [14, ф. 36, д. 180, л. 209, 215, 213, 218].

В заключение мы можем сделать вывод, что В. Н. Татищев уделял внимание калмыцким делам и, в частности, инициировал ряд предложений по улучшению бедственного положения калмыков, которое приводило к тому, что продавался последний скот. Руководствовался он при этом логикой имперской администрации, считая, что без коней калмыки бесполезны для Отечества. В то же время в настоящей статье показано, что эта логика привела к тому, что предприятия Татищева на этом поприще не возымели успеха: калмыков он рассматривал как потенциально полезный, но все же инородный этнический элемент. Непростой регион требовал от губернатора маневрирования между различными и противоречивыми группами интересов, отчего многие препятствия, которые чинились калмыцкому рыбному промыслу, не были устранены. В то же время к другим причинам неудачи можно отнести сопротивление со стороны калмыцких владетелей и зайсангов, крепостнический гнет которых во многом и способствовал обеднению народа.

Список литературы

1. Азбелев С. Н. В защиту труда Василия Никитича Татищева // Сборник Русского исторического общества / Институт российской истории РАН. М. : Русская панорама, 2011. С. 316–324.
2. Батмаев М. М. Исторические судьбы России в научном наследии В. Н. Татищева : мат-лы Международной научной конференции. Астрахань, 2004.

3. Болтин И. Н. Критические примечания генерал-майора Болдина на второй том Истории князя Щербатова. СПб., 1794.
4. Болтин И. Н. Ответ генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории. СПб., 1789.
5. Гордин Я. А. Хроника одной судьбы: художественно-документальная повесть о В. Н. Татищеве. М.: Советская Россия, 1980. 208 с.
6. Дейч Г. М. В. В. Татищев: историк и гос. деятель. 1686–1750. Свердловск: Кн. изд-во, 1962. 76 с.
7. Интервью с губернатором Астраханской области А. П. Гужвином // Волга. Астрахань, 21 декабря 2001.
8. Иофа Л. Е. Современники Ломоносова И. К. Кирилов и В. Н. Татищев: географы первой половины XVIII в. М.: Географгиз, 1949. 96 с.
9. Исторические судьбы России в научном наследии В. Н. Татищева: мат-лы Международной научной конференции. Астрахань, 2004.
10. Качин Н. А. В. Н. Татищев – прообраз первого российского историка // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2018. № 1 (27). С. 98–102.
11. Колодкин Л. М. Василий Никитич Татищев – астраханский губернатор и региональный политик // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1999. № 1. С. 253–255.
12. Кузьмин А. Г. Татищев. М.: Молодая гвардия, 1987. 368 с.
13. Кусов В. С. О картографическом наследии В. Н. Татищева // Геодезия и картография. 1988. № 9. С. 38–41.
14. НАРК (Национальный архив Республики Калмыкия).
15. Носкова О. Л. В. Н. Татищев – государственный деятель, военный, ученый (к 325-летию со дня рождения) // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. Т. 13. № 5. С. 287–291.
16. Пальмов Н. Н. К астраханскому периоду жизни В. Н. Татищева // Изв. РАН. 1925. № 6/8.
17. Попов Н. В. Н. Татищев и его время. М., 1861.
18. РГАДА (Российский государственный архив древних актов).
19. Саракаев М. О. Социально-экономические воззрения В. Н. Татищева. М.: МИИ, 1997. 82 с.
20. Свердлов М. Б. Василий Никитич Татищев – автор и редактор «Истории Российской». СПб.: Европейский Дом, 2009. 341 с.
21. Сосенков Ф. С. Национальная политика и территориальная целостность государства во взглядах В. Н. Татищева // Власть. 2014. № 9. С. 183–186.
22. Сусеева Д. А. В. Н. Татищев как глава калмыцкой комиссии // Восточный архив. 2018. № 1. С. 4–7.
23. Торопицын И. В. Влияние внешнеполитических факторов на судьбу наместника Калмыцкого ханства Дондука Даши в 1740-х гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 3. С. 30–40.
24. Торопицын И. В. Противодействие тайного советника и губернатора В. Н. Татищева планам ханши Джан разыграть персидскую карту в русско-калмыцких отношениях в середине XVIII века // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. Т. 3. № 1. С. 52–56.
25. Щербатов М. М. Письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории, к одному его приятелю в оправдание на некоторые сокрытия и явные охуления, учиненные его Истории от господина генерал-майора Болтина, творца примечаний на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. М., 1789.
26. Щербатов М. М. Примечание на ответ господина генерал-майора Болтина на письмо Щербатова. М., 1792.

Some enterprises of the Astrakhan governor V. N. Tatishchev to improve the socio-economic situation of the Kalmyk steppe

M. M. Batmayev¹, P. M. Koltsov², S. M. Murgaev³, S. A. Umgae⁴

¹Doctor of Historical Sciences, professor, Kalmyk State University n. a. B. B. Gorodovikov. Russia, Elista. E-mail: history@kalmsu.ru

²Doctor of Historical Sciences, professor, Head of the Department of General History, Kalmyk State University n. a. B. B. Gorodovikov. Russia, Elista. E-mail: petr.koltsov52@mail.ru

³PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of General History, Kalmyk State University n. a. B. B. Gorodovikov. Russia, Elista. E-mail: murgaev_sm@mail.ru

⁴senior lecturer of the Department of General History, Kalmyk State University n. a. B. B. Gorodovikov. Russia, Elista. ORCID: 0000-0003-0778-1607. E-mail: sam_umg@yahoo.com

Abstract. The presented article is devoted to certain socio-economic aspects of V. N. Tatishchev's activity as Astrakhan governor (from 1741 to 1745) in relation to the Kalmyk steppes, which at that time were under his jurisdiction. At the same time, the Kalmyks had their own feudal-serf political structure headed by the governor (the Kalmyks themselves called him khan), which was gradually being crushed by the central imperial apparatus.

Due to a complex of internal and external political, economic and administrative reasons, the Kalmyks began to experience a number of significant socio-economic problems, which generally led to the impoverishment of the population. In general, this trend was all-Russian in nature, but it hit the Kalmyk Khanate especially hard, in fact, becoming a catalyst for the processes of liquidation of autonomy.

V. N. Tatishchev, as a practical administrator, saw a big problem in the mass impoverishment of the Kalmyk people, as a result of which more and more ordinary Kalmyks were left without livestock, in particular, without horses. And without a horse, Tatishchev decided, Kalmyk is useless for the Fatherland, since it is impossible to use it in military enterprises.

In this regard, the active Astrakhan governor tried to implement a number of ideas to improve the socio-economic situation, but met the resistance of the Kalmyk governor and feudal lords, which he could not overcome.

The article is based on archival materials and historiography, the historical-genetic method is used. In particular, an attempt is made to comprehensively consider the personality of Tatishchev, to understand his integral image both as a scientist and as an administrator.

Keywords: V. N. Tatishchev, Kalmyk steppe, Donduk-Dashi, Russian Empire, socio-economic policy.

References

1. Azbelev S. N. *V zashchitu truda Vasilija Nikiticha Tatishcheva* [In defense of the labor of Vasily Nikitich Tatishchev] // *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva* – Collection of the Russian Historical Society / Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. M. Russkaya panorama (Russian panorama). 2011. Pp. 316–324.
2. Batmaev M. M. *Istoricheskie sud'by Rossii v nauchnom nasledii V. N. Tatishcheva : mat-ly Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Historical destinies of Russia in the scientific heritage of V. N. Tatishchev : materials of the International Scientific Conference]. Astrakhan. 2004.
3. Boltin I. N. *Kriticheskie primechaniya general-majora Boldina na vtoroj tom Istorii knyazya Shcherbatova* [Critical notes of Major-General Boldin on the second volume of the History of Prince Shcherbatov]. SPb. 1794.
4. Boltin I. N. *Otvet general-majora Boltina na pis'mo knyazya Shcherbatova, sochinitelya Rossijskoj istorii* [Major-General Boltin's response to a letter from Prince Shcherbatov, the writer of Russian History]. SPb. 1789.
5. Gordin Ya. A. *Hronika odnoj sud'by: hudozhestvenno-dokumental'naya povest' o V. N. Tatishcheve* [Chronicle of one destinies: an artistic and documentary tale about V. N. Tatishchev]. M. Soviet Russia. 1980. 208 p.
6. Dejch G. M. V. B. *Tatishchev: istorik i gos. deyatel'. 1686–1750* [V. B. Tatishchev: historian and statesman. 1686–1750]. Sverdlovsk. Publishing House. 1962. 76 p.
7. *Interv'yu s gubernatorom Astrahanskoy oblasti A. P. Guzhvinom* – Interview with the governor of the Astrakhan region A. P. Guzhvin // *Volga* – Volga. Astrakhan. December 21, 2001.
8. Iofa L. E. *Sovremenniki Lomonosov I. K. Kirilov i V. N. Tatishchev: geografy pervoj poloviny XVIII v.* [Contemporaries of Lomonosov I. K. Kirilov and V. N. Tatishchev: geographers of the first half of the XVIII century]. M. Geografiz. 1949. 96 p.
9. *Istoricheskie sud'by Rossii v nauchnom nasledii V. N. Tatishcheva : mat-ly Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* – Historical destinies of Russia in the scientific heritage of V. N. Tatishchev : materials of the International Scientific Conference. Astrakhan. 2004.
10. Kachin N. A. *V. N. Tatishchev – proobraz pervogo rossijskogo istorika* [V. N. Tatishchev – the prototype of the first Russian historian] // *Vestn. Tom. gos. un-ta. Istorija* – Herald of Tomsk State University. History. 2018. No. 1 (27). Pp. 98–102.
11. Kolodkin L. M. *Vasilij Nikitich Tatishchev – astrahanskij gubernator i regional'nyj politik* [Vasily Nikitich Tatishchev – Astrakhan governor and regional politician] // *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie* – News of higher educational institutions. Jurisprudence. 1999. No. 1. Pp. 253–255.
12. Kuz'min A. G. *Tatishchev* [Tatishchev]. M. Molodaya gvardiya (Young guard). 1987. 368 p.
13. Kusov V. S. *O kartograficheskom nasledii V. N. Tatishcheva* [About V. N. Tatishchev's cartographic heritage] // *Geodeziya i kartografiya* – Geodesy and cartography. 1988. No. 9. Pp. 38–41.
14. NARK (National Archive of the Republic of Kalmykia).
15. Noskova O. L. *V. N. Tatishchev – gosudarstvennyj deyatel', voennyj, uchenyj (k 325-letiyu so dnya rozhdeniya)* [V. N. Tatishchev – statesman, military man, scientist (to the 325th anniversary of his birth)] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN* – News of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2011. Vol. 13. No. 5. Pp. 287–291.
16. Pal'mov N. N. *K astrahanskomu periodu zhizni V. N. Tatishcheva* [To the Astrakhan period of V. N. Tatishchev's life] // *Izv. RAN* – News of RAS. 1925. No. 6/8.
17. Popov N. V. *V. N. Tatishchev i ego vremya* [V. N. Tatishchev and his time]. M. 1861.
18. RSAAA (Russian State Archive of Ancient Acts).
19. Sarakaev M. O. *Social'no-ekonomicheskie vozzreniya V. N. Tatishcheva* [Socio-economic views of V. N. Tatishchev]. M. MII. 1997. 82 p.
20. Sverdlov M. B. *Vasilij Nikitich Tatishchev – avtor i redaktor "Istorii Rossijskoj"* [Vasily Nikitich Tatishchev – author and editor of "Russian History"]. SPb. Evropejskiy dom (European house). 2009. 341 p.

21. Sosenkov F. S. *Nacional'naya politika i territorial'naya celostnost' gosudarstva vo vzglyadah V. N. Tatishcheva* [National policy and territorial integrity of the state in the views of V. N. Tatishchev] // *Vlast' – Power*. 2014. No. 9. Pp. 183–186.

22. Suseeva D. A. *V. N. Tatishchev kak glava kalmyckoj komissii* [V. N. Tatishchev as the head of the Kalmyk commission] // *Vostochnyj arhiv – East archive*. 2018. No. 1. Pp. 4–7.

23. Toropicyn I. V. *Vliyanie vneshnepoliticheskikh faktorov na sud'bu namestnika Kalmyckogo hanstva Donduka Dashi v 1740-h gg.* [The influence of foreign policy factors on the fate of the governor of the Kalmyk Khanate Donduk Dashi in the 1740s.] // *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura – Caspian region: politics, economy, culture*. 2012. No. 3. Pp. 30–40.

24. Toropicyn I. V. *Protivodejstvie tajnogo sovetnika i gubernatora V. N. Tatishcheva planam hanshi Dzhanrazygrat' persidskuyu kartu v russko-kalmyckih otnosheniyah v seredine XVIII veka* [Opposition of Privy Councilor and Governor V. N. Tatishchev to the plans of Hansha Jan to play the Persian card in Russian-Kalmyk relations in the middle of the XVIII century] // *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN – Herald of Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2010. Vol. 3. No. 1. Pp. 52–56.

25. Shcherbatov M. M. *Pis'mo knyazya Shcherbatova, sochinitelya Rossijskoj istorii, k odnomu ego priyatelju v opravdanie na nekotorye sokrytiya i yavnye ohuleniya, uchinennye ego Istorii ot gospodina general-majora Boltina, tvorca primechanij na Istoriiyu drevniya i nyneshniya Rossii g. Leklerka* [A letter from Prince Shcherbatov, the writer of Russian history, to one of his friends in justification of some concealments and obvious blasphemies committed by his Story from Mr. Major General Boltin, the creator of notes on the History of ancient and present Russia G. Leclerc]. M. 1789.

26. Shcherbatov M. M. *Primechanie na otvet gospodina general-majora Boltina na pis'mo Shcherbatova* [A note on the answer of Mr. Major-General Boltin's letter to Shcherbatov]. M. 1792.

Микроистория в изучении истории духовных семинарий: эпизод из жизни Орловской духовной семинарии в воспоминаниях К. Никольского как исторический источник

О. Д. Попова

доктор исторических наук, Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина.

Россия, г. Рязань. ORCID: 0000-0001-5131-7970. E-mail: od-popova@mail.ru

Аннотация. В статье показаны возможности применения микроистории к исследованию истории духовно-учебных заведений в начале XX в. Микроистория, обращенная к факту и казусу, находит свое отражение в мемуарах воспитанников духовных семинарий. Автор статьи рассматривает мемуары К. Никольского – воспитанника Орловской духовной семинарии. Документ был обнаружен в фондах отдела рукописи Российской национальной библиотеки. В документе изложены события в духовной семинарии в октябре 1905 – январе 1906 гг. Анализ текста мемуаров показывает, что идеологическая система общества накладывает сильный отпечаток на репрезентацию событий со стороны автора текста. К. Никольский пытался показать события, происходившие в Орле, как часть революционного процесса, а сам себя позиционирует активным революционером. Однако обстоятельный анализ документа позволил преодолеть идеологическую призму изложения событий.

В статье показано, что применение сравнительного анализа к фактам из истории других учебных заведений на уровне микроанализа позволило установить, насколько события в отдельном учебном заведении отражают типичные или уникальные факты протестного движения семинаристов в начале XX в. В статье демонстрируется, что мемуары Никольского сосредоточили в себе все типичные процессы, происходившие в духовной школе в начале XX в. Особое внимание данный документ обращает к жизни отдельных людей в историческом процессе. Микроистория позволяет в судьбах людей увидеть перипетии исторического процесса, с одной стороны, и процесс влияния исторического процесса на жизненные траектории конкретных личностей, с другой стороны. Анализируемый документ интересен тем, что отражает различные жизненные траектории как учащихся, так и преподавателей. При этом обращение к личным судьбам позволяет показать индивидуальные грани исторического процесса. Особый интерес представляет личность автора документа – К. Никольского. В микромире одного человека отразился сложный процесс ломки мировоззренческих установок всего общества, смены идеологических установок.

Ключевые слова: микроистория, мемуары, духовные семинарии, протестное движение, идеология, история провинции, город Орел.

Введение. В поисках новых методологических подходов в современной исторической науке заметное место занимает микроистория. Следует отметить, что на сегодняшний день смысловое содержание данного подхода весьма разнообразно и различно. Так, например, итальянские историки К. Гинзбург и Э. Гренди предлагают обратиться к малым историческим объектам: к судьбе одного человека, к событию одного дня и так далее. Особое внимание уделяют эпизоду, казусу, который нередко оказывался более богатым по содержанию, чем обезличенный общесоциальный и общементальный фон эпохи [5, с. 4]. В свою очередь, немецкие историки предложили особое внимание уделять изучению действий и сознания «маленьких людей» и их роли в «большой истории» [5, с. 5]. Идти от судьбы человека к всему историческому процессу – важный механизм познания прошлого в системе микроистории. Как отмечают А. А. Лазарова и М. Л. Шуб, такой подход позволяет привлечь во внимание множество частных судеб. Исследователи подчеркивают: «В этом смысле микроистория есть своего рода реконструкция «жизни маленького», не менее важной исследователю прошлого, чем жизнь человека «замечательного». Во-вторых, значимость микроистории как подхода к реконструкции прошлого заключается в изучении несостоявшихся возможностей и причин, в том числе и случайных обстоятельств «состоявшейся истории», которые позволяют более полно и масштабно не просто описать, а именно понять прошлое» [22, с. 16]. Таким образом, микроистория – это маленький факт, маленький человек, история небольшого географического пространства. В отличие от локального краеведческого исследования, изолированного от всего

исторического процесса, микроистория пытается в единичных фактах и судьбах простых людей увидеть весь исторический процесс в его многообразном и сложном проявлении, позволить в единичном увидеть множество.

Основная часть. В современной исторической науке микроисторический подход имеет применение к анализу различных исторических социальных процессов и истории различных социальных институтов: военная история, история личности в войне, личность в политических процессах, город, поселок в историческом процессе. Свои перспективы имеет микроисторический подход к анализу документов, связанных с историей учебных заведений, в частности, истории системы духовных семинарий. Микроистория, обращенная к факту и казусу, находит свое отражение в мемуарах воспитанников духовно-учебных заведений. Среди достаточно большого пласта выявленных мемуарных документов по истории духовно-учебных заведений большинство обращено либо к описанию факта учебы в семинарии как одному из жизненных этапов, либо к воссозданию функционирования учебного заведения в определенный период. Серьезным поводом к написанию мемуаров стала проблема реформирования духовной школы в начале XX в. Однако некоторые тексты сведены к изложению небольших эпизодов из жизни отдельных учебных заведений. Таким текстом является небольшая тетрадка, обнаруженная в отделе рукописей Российской национальной библиотеки с воспоминаниями Константина Ивановича Никольского под заголовком: «1905 год. Губернский город Орел. Революционные волнения в средних учебных заведениях. Забастовка учащихся духовных семинарий» [1, л. 4–28]. Он – в прошлом воспитанник Орловской духовной семинарии. Как следует из небольшого вступления, воспоминания были написаны к сорокалетию Октябрьской революции 1917 г. Сам автор объясняет свой посыл взяться за перо так: про участие студенчества высших учебных заведений в революционной борьбе написано много, а вот про участие учащихся средних учебных заведений в революционной борьбе почти ничего не написано. Однако обращает внимание используемая автором риторика, пронизанная идеологическим содержанием советской эпохи: «репетиция революции 1917 года», «великий вождь Владимир Ильич Ленин», «революционные идеи», все это говорит, что автор пытался придать особое идеологическое содержание описываемым фактам. Автору очень хотелось показать свою причастность к революционным событиям.

Приложенная к тетрадке переписка с газетой «Правда» свидетельствует, что автор сочинил свои мемуары с расчетом на публикацию в данном издании, но, по всей видимости, они опубликованы не были [1, л. 1–3]. Центральное партийное издание страны не оценило важность данных мемуаров для оценки истории революционного движения, тем более что духовенство в партийной идеологии прочно рассматривалось как реакционный класс. Поэтому признание, что в духовных семинариях в 1905 г. имели брожения и волнения, не состыковывалось с идеологическими посылами советской пропаганды. Тетрадка с этими мемуарами перекечевала в отдел рукописей Российской национальной библиотеки и была долгое время не востребована.

В мемуарах изложены события, происходившие в семинарии в сентябре – октябре 1905 г. и события 23–27 января 1906 г. Сам автор стремится показать дни сентября – октября как часть общего революционного процесса, происходившего в стране, особо подчеркивает, что «юношество, учащиеся средней школы жили в то время общими идеями борьбы с самодержавием, принципы, которые излагались в социал-демократических брошюрах, лозунгах, листовках, выступлениях на общих собраниях, митингах» [1, л. 5 об.]. Он повествует о том, что семинаристы на занятия приходили, но отказывались отвечать уроки, поэтому преподаватели только объясняли новые темы или же иногда читали книги по теме урока. При этом автор очень старается показать, что забастовка семинаристов была поддержкой «политических, экономических, революционных устремлений и действий пролетариата». К. Никольский особое внимание уделяет именно революционной составляющей в поведении учеников – исполнение популярных революционных песен, связь всех учащихся через революционный комитет. Однако, когда автор пытается изложить конкретные действия, то становится видно, что кроме исполнения революционных песен, движение семинаристов касалось в первую очередь своих внутренних проблем духовно-учебных заведений и выразилось в подаче петиций. Учащиеся требовали проведения реформ духовных семинарий, предоставления прав поступления выпускникам в университет, изменение учебного курса. Отдельным пунктом было требование удалить из семинарии преподавателя – Владимира Никольского. При этом автор мемуаров отмечает, что петиция была подана на общем собрании семинаристов, на котором

присутствовали ректор, преподаватели семинарии. Ответ на петицию был получен 15 октября. Суть ответа состояла в том, что требования, изложенные семинаристами, будут учтены при общей реформе духовно-учебных заведений в будущем. Такой ответ не устроил учащихся, и они заявили о продолжении забастовки, после чего занятия были прекращены, в учебное заведение учащиеся вернулись только 27 января [1, л. 22].

Детальный анализ этого эпизода в Орловской духовной семинарии показывает, что он, скорее, демонстрирует общее протестное движение семинаристов начала XX в., нежели именно революционное движение, и мало связано с движением пролетариата.

Анализ документов Учебного комитета позволяет сделать вывод, что протестное движение семинаристов охватило все духовные семинарии, началось оно задолго до Первой русской революции. Между тем волнения в массовом порядке уже начались в первые годы XX в. В это время произошли волнения в Ярославской, Вологодской, Полтавской, Ставропольской, Пермской, Тобольской и других семинариях [19, с. 135]. Например, в Рязанской духовной семинарии в марте 1901 г. были весьма серьезные волнения. При этом расследование показало, что руководство семинарии скрыло еще один факт беспорядков, которые были в 1897 г., а причиной волнений были именно внутренние проблемы Рязанской духовной семинарии и отношение начальства к воспитанникам [8, 4 об.]. Весьма заметные брожения проходили в Орловской духовной семинарии в 1903 г., которые выразились в массовом нарушении дисциплины. Как отмечалось ревизором действительным статским советником Тихомировым: «Проявление массовых беспорядков со стороны учеников стало обнаруживаться еще 12–15 лет назад и в 1903 г.» [8, л. 14]. Он же тогда и высказывал предположение о наличии общего руководства семинарским движением: «Фактов, прямо подтверждающих это, пока не установлено, но на их существование указывает та дисциплина, которую обнаруживали воспитанники в произведении беспорядков. По всему видно было, что ими руководила какая-то твердая рука и давала опытные, изведенные на практике советы, как и что делать» [8, л. 14].

Непосредственно в годы Первой русской революции протестное движение охватило практически все духовно-учебные заведения и даже женские епархиальные училища. Обычной формой протеста была подача петиций с требованиями реформ духовно-учебных заведений. Требование реформирования сословного духа духовной школы, расширение прав выпускников, возможность поступать в университеты – это типичные пункты петиций, которые подавали семинаристы в революционные годы [17].

Весьма типичным для закрытых учебных заведений было недовольство учащихся преподавателями или руководством учебного заведения, эти требования также традиционно отражались в петициях. Орловские семинаристы требовали удаления преподавателя словесности и истории русской литературы Владимира Никольского. Как показывают материалы ревизии 1903 г., недовольство копилось давно, недостатки его преподавательской работы увидел и ревизор: «Преподаватель Никольский, однако, резок и не выдержан, своими неосторожными действиями иногда дает повод к недоразумениям» [13, л. 16]. Отношения между преподавателями и учащимися выстраивались порой непросто, в корпорации учащихся нередко были лица, которые считали возможным только карательные способы наставления учеников. В частности, в Пермской духовной семинарии особой нелюбовью среди учеников пользовался инспектор духовной семинарии Потоцкий [16].

В Рязанской духовной семинарии в ходе волнений 1901 г. воспитанники требовали увольнения ректора и инспектора. Жалуясь на воспитательную систему, они писали: «Каждый воспитанник жил под страхом увольнения из семинарии. Страх является единственным воспитательным средством. <...> Инспектор является автором многих мелочных правил, заповестей и постановлений» [9, л. 8]. К выражению недовольства своими наставниками присоединились даже девушки – воспитанницы Пермского женского епархиального училища. Причем претензии к начальнице этого училища Л. В. Первушиной имели не только дети, но и родители. 30 ноября 1905 г. этот вопрос обсуждался на епархиальном съезде родителей учащихся Пермского епархиального училища [11, л. 59, 59 об.]. Таким образом, проявления недовольства воспитанников Орловской духовной семинарии проходили в общем русле борьбы семинаристов за решение своих узко сословных вопросов. Безусловно, общее влияние революционной эпохи было велико и оказывало воздействие на ход этой борьбы. Поэтому периодически проявления присоединения семинаристов к партийной борьбе социал-демократических партий происходили. В Перми в шествиях под красным флагом по улицам города принимали участие даже воспитанницы женского епархиального училища [14, л. 74.]. В Орле, как

мы видим из текста воспоминаний Константина Никольского, в ходу у воспитанников было широкое знание революционных песен, хотя материалы ревизий этот факт не отмечают. Однако эти факты не позволяют говорить о проникновении в большом объеме революционных идей в головы семинаристов, хотя автор мемуаров пытается выделить именно этот революционный аспект.

Очень ярким является в мемуарах Никольского описание событий 27 января 1906 г., в этот день состоялись похороны умершего семинариста Евгения Монастырёва. По тексту мемуаров следует, что семинарист умер вследствие ранения, полученного в ходе вооруженной стычки полиции и революционной демонстрации Орловского пролетариата, проходившей в Орле на площади бывшего городского театра, близ Левашовской горы. В самих воспоминаниях автор делает главный упор на похоронную процессию, в ходе которой учащиеся исполняли революционные песни, а также речи, произнесенные у могилы своего товарища. При этом начальство разрешения на произнесение речей не давало, поскольку тексты речей не были предъявлены заранее. Особый акцент К. Никольский делает на то, что среди участников не санкционированной похоронной процессии был преподаватель духовной семинарии – Михаил Васильевич Вадковский. На кладбище он выступил с речью, где попытался запрет на траурную процессию представить как попрание свободы: «Опять произвол, опять насилие..» [1, л. 23], а также напрямую подначивал учащихся к исполнению революционных маршей.

Между тем привлечение документов Учебного комитета позволяет выявить ряд аспектов, которые показывают, что все было не так однозначно. Доклад инспектора классов педагогическому собранию указывает на другую причину смерти воспитанника – чахотка. Скончался мальчик в богоугодном заведении. Как следует из доклада инспектора классов – семинаристы изъявили желание совершить обряд отпевания в семинарском храме, что было на значительном отдалении от того богоугодного заведения и кладбища, на котором планировалось захоронение. Опасаясь перерастания похорон в политическую демонстрацию, начальство дало разрешение на перенос тела только рано утром с тем, чтобы сократить количество зрителей и возможных участников. Однако родственники умершего семинариста выразили желание совершить отпевание в храме недалеко от кладбища и богадельни, где умер воспитанник. Именно такое решение было и объявлено семинаристам, кроме того, начальство решило уйти на кладбище только небольшому количеству учащихся. Все это было воспринято семинаристами как очередное попрание свободы и нежелание слушать мнение учащихся. Поэтому в день похорон в семинарском храме было не более 50 воспитанников, остальные учащиеся отправились на кладбище [10, л. 3 об. – 4].

Одновременно, кроме отдельных фактов, микроистория особое внимание уделяет биографии отдельного человека. Как отмечает член-корреспондент Российской академии наук (РАН), доктор исторических наук Л. П. Репина: «Биографическая история, поставив во главу угла индивида, его сознание и самосознание, личный интерес и целеполагание, помогает, в конечном счете, ответить на вопрос, каким образом и в какой степени унаследованные культурные традиции, обычаи, представления определяли поведение людей со всеми их индивидуальными, социальными, гендерными характеристиками и в специфических исторических обстоятельствах, и какую роль играли в этих границах личный выбор и инициатива» [20, с. 13].

Анализируемый документ в том числе интересен и тем, что позволяет обратиться к биографии героев. Специфика состоит в том, что в данном документе представлены не полностью биографические сведения, а только некоторые эпизоды из жизни людей, но это очень говорящие эпизоды, которые отражают сложность жизненных перипетий в тех условиях. В этом документе большой интерес представляет фигура Михаила Васильевича Вадковского, который напрямую проявил себя как сторонник революционного движения. В тексте мемуаров указывается, что это был кандидат Петербургской духовной академии – племянник С.-Петербургского и Ладожского митрополита Антония (Вадковского), также то, что после этих событий М. В. Вадковский покинул город. Согласно адрес-календарю на 1907 г., должность преподавателя Св. Писания занимал уже другой преподаватель – П. Н. Аксеров [12, с. 91].

Узнать судьбу спешно покинувшего Орел преподавателя оказалось непросто. Удалось найти лишь небольшое упоминание в его воспоминаниях, которые были посвящены дяде – митрополиту Антонию. В них он пишет, что именно его дядя мечтал, что племянник пойдет по его стопам и закончит духовную академию. Как пишет он сам: «Чем больше я постигал семинарскую схоластику, тем противнее мне она становилась, ибо запутывала ум в противоречиях и, благодаря своей бесплодности, не могла удовлетворить запросам ума живого и любо-

знательного. Я чувствовал тяготение к университету (естественному факультету) и лишь по настоянию родных, скрепя сердце, соглашался, по мягкости своего характера, идти в духовную академию. Родным очень хотелось, чтобы я попал в Петербургскую духовную академию». Далее, как следует из воспоминаний, М. В. Вадковский учился в нескольких европейских университетах, слушал лекции в лучших европейских университетах, в октябре 1910 г. получил диплом доктора философии Йельского университета [2, с. 195–220]. В целом в этом небольшом эпизоде сосредоточен весь трагизм духовного сословия. Уйти от традиционного служения – было серьезным нарушением семейных традиций, порой требовалось немало мужества, чтобы пойти по своему собственному пути. Некоторые из них, оказавшись в нелюбимой для себе стезе, в качестве протеста оказывались поглощенными революционной стихией.

В воспоминаниях К. Никольского образ преподавательской корпорации показан очень скромно. Он отмечает, что многие преподаватели очень сдержанно реагировали на выступления семинаристов: приходили в класс немного позже звонка, на отказ семинаристов отвечать урок выставляли несколько двоек и затем переходили к объяснению нового материала. Более ярко вырисована в мемуарах Константина Никольского фигура Дмитрия Ивановича Покровского, который четко выражал несогласия с забастовкой учащихся. При этом это несогласие сводилось не к поддержке консервативных позиций, в том, что каждый обязан выполнять свой долг: ученики должны учиться, а учителя преподавать. Ученикам он говорил: «Вы бастуете, а желудки Ваши-наши не бастуют, нам надо каждый день есть и пить. Но для того, чтобы и пить, и есть – надо работать, трудиться, выполнять свой долг... Я не принимаю Вашего отказа отвечать урок и буду Вас спрашивать» [1, л. 24].

При этом автор воспоминаний совершенно не упоминает, что преподавательская корпорация в целом разделяла требования своих учеников и поддерживала идею реформирования духовной школы. Преподаватели Орловской семинарии по указанию Св. Синода представили свои пожелания об изменении строя духовных семинарий, в котором выступали за то, чтобы при сохранении «типа духовной школы и некоторой обособленности от светской школы» «сохранить связь богословского образования с общим» и расширить преподавание гражданской истории, математических, естественнонаучных дисциплин до уровня гимназического, в преподавание философии ввести представителей новейшей философии. В организации учебно-воспитательной работы преподаватели выступали за право семинарии самостоятельно формировать библиотеки, преподавателям проводить с учениками дополнительные занятия, лекции [19, с. 170–186]. Эти предложения были опубликованы на страницах Орловских епархиальных ведомостей. Обычно епархиальные ведомости были обязательным изданием, которое выписывало учебное заведение, и они были доступны ученикам. Поэтому можно предположить, что автор мемуаров мог прочитать о том, что преподаватели проявляют в целом солидарную позицию со своими учениками, но ничего об этом не написал в тексте своих воспоминаний. Это, собственно говоря, и понятно, такая солидарная политика не вписывалась в общий идеологический фон эпохи, когда автор писал свой текст. При этом идею реформирования системы духовно-учебных заведений поддерживало большинство преподавательских корпораций.

Случай с М. В. Вадковским не является исключительным. Анализ мемуаров показывает, что преподавательская среда духовных семинарий не была монолитной консервативной массой, как это представляла советская идеология. Ряд американских исследователей отмечают, что в советской историографии был создан миф, что Русская православная церковь однозначно поддерживала сторону реакции. Данный миф не соответствует фактам [23, р. 144]. Исследования отечественных историков последних лет также развеивают этот миф [9]. И среди преподавателей духовно-учебных заведений были лица, которые выражали явное несогласие с существующим строем духовно-учебных заведений. Только степень и формы этого несогласия были различными. В Перми, например, один из инспекторов классов Александр Павлович Миролубов, осознав несовершенство функционирования духовных семинарий и, возможно, разочаровавшись проведенной Учебным комитетом реформой, оставил службу в семинарии и перешел на службу в Министерство народного просвещения [14, л. 17]. В ходе своей работы он нередко встречался со своими воспитанниками, беседовал с ними о литературе, пытался воздействовать на них словом даже при самых бурных волнениях семинаристов. По словам одного из выпускников семинарии, он был для учащихся очень авторитетной личностью [6, с. 96]. Другие же преподаватели не скрывали свое расположение к оппозиционному движению и пытались на эту тему говорить со своими учениками. Были такие преподаватели даже

среди корпораций женских епархиальных училищ. Например, в Елабужском женском епархиальном училище среди учащей корпорации революционными идеями увлеклась воспитательница училища Мария Попова, в 1905–1906 учебном году занимавшая должность воспитательницы шестого класса. Она знакомила воспитанниц с литературой освободительного движения, часто собирала воспитанниц у себя на квартире или в библиотеке, вела с ними чтения и беседы. Сама Мария Попова посещала митинги, была знакома с членами левых партий и «увлекалась крайностями освободительного движения» [15, л. 74].

Таким образом, безусловно, эпизод с М. В. Вадковским отражает мозаичность позиций преподавательской корпорации в начале XX в.

Не менее интересна личность самого автора мемуаров – Константина Ивановича Никольского. Как не раз уже отмечалось, при изложении событий он позиционирует себя как активного участника революционного движения, участника похоронной процессии, которая провожала в последний путь своего товарища. Однако донесения, направленные в Учебный комитет, свидетельствуют, что правление семинарии постановило выслать учеников в дома родителей – тех, кто принял наиболее активное участие в похоронах. Среди прочих оказались и те, кто произносил на кладбище речи общетраурного содержания. К постановлениям правления духовной семинарии был приложен список участников этой демонстрации. В нем фамилия автора мемуаров Никольского Константина не упоминается, из чего следует вопрос: а был ли он активным участником беспорядков и их организатором? Скорее всего, автор узнал о событиях, произошедших на кладбище, со слов своих товарищей. Об этом говорит и тот факт, что сам Никольский закончил семинарию в 1908 г. с наградой за отличные успехи и отличное поведение со званием студента семинарии [3, с. 585]. Безусловно, можно предположить, что руководство Орловской семинарии при выставлении итоговых оценок проявило снисхождение к проступкам своих учеников и большинству учеников выставило отличную оценку по поведению, ибо другая оценка уже была свидетельством неблагонадежности и могла сильно помешать будущему молодежи людей.

Так, в Орловском женском епархиальном училище Совет училища, обсуждая поведение воспитанниц, в 1905–1906 учебном году снизил оценки по поведению только трем воспитанницам из 578 человек, однако отметив, что из остальных многие, преимущественно из окончивших училище, хоть и получили оценку «отлично», не достойны этого балла, но «ввиду исключительности года и не желая омрачать их будущее, им было оказано снисхождение и всем поставлен в аттестат балл 5» [4, л. 380]. В качестве наказания воспитанницы, принимавшие участие в беспорядках, были лишены наградных книг, которые ежегодно выдавались при окончании курса. Награда была выдана только четырем воспитанницам, которые явно не принимали участие в беспорядках. Однако такой вариант не подходит в случае с духовной семинарией: ее ученики Акимов, Зернов, Николаевский, Богословский, произносившие речи на кладбище, семинарию не закончили. Их нет в списках выпускников семинарии. Поэтому можно предположить, что автор воспоминаний всегда отражал веяния эпохи в русле идеологической системы: в дореволюционные годы был примерным учеником духовной семинарии, а в советский период верным партийцем. Данный документ очень ярко показывает, что личность автора мемуаров может быть очень изменчивой и текст мемуаров написан под влиянием определенной ситуации. Таким образом, в микромире одного человека отразился сложный процесс ломки мировоззренческих установок всего общества, смены идеологических установок.

Выводы. Итак, в этом небольшом документе нашли отражение все перипетии истории духовной школы начала XX в. и людей, в ней работавших. Комплексный анализ сюжетов, представленных в этом документе в аспектах развития всей системы духовно-учебных заведений, позволяет прийти к выводу о типичности процессов начала XX в. Здесь сфокусировались и проблемы духовной школы, и судьбы людей, в ней работавших. В мемуарах отразились типичные протестные движения воспитанников, также упоминание одного из героев этого повествования – М. В. Вадковского – тоже типичный сюжет внутренних исканий людей духовного сословия этого периода. Однако при всей типичности сюжета мы можем говорить об индивидуальных гранях этого процесса.

В то же время источниковедческий анализ данного документа очень ярко демонстрирует методические приемы анализа документа и проблемы отражения личности в переосмыслении исторической ситуации. В данном случае документ и его история отражает судьбу источника, рожденного в определенных идеологических установках, и личность его автора. Его содержание определялось именно преобладанием революционной идеологии, именно

существующие идеологические установки обеспечили бесперспективное попадание на хранение в фонды отдела рукописей Российской национальной библиотеки.

Список литературы

1. 1905 год. Губернский город Орел. Революционные волнения в средних учебных заведениях. Забастовка учащихся духовных семинарий // ОР РНБ (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки). Ф. 1000. Оп. 5. Д. 324.
2. Вадковский М. В. Мои воспоминания о митрополите Антонии [Александре Васильевиче Вадковском, 1846–1912] // Исторический вестник. 1916. Т. 143. № 1. С. 195–220.
3. Выпускной акт в Орловской духовной семинарии // Орловские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1908. № 24. С. 585.
4. Журнал педагогического собрания совета Орловского женского епархиального училища // ГАОО (Государственный архив Орловской области). Ф. 83. Оп. 1. Д. 61.
5. Земцов В. Н. Микроистория: итоги 15-летнего «пребывания» в России // Уральский исторический вестник. 2010. № 4 (29). С. 4–7.
6. Игнатьев В. А. Воспоминания о Пермской духовной семинарии начала XX века. Ч. 1. Пермь : Продюсерский центр «Траектория», 2017. 318 с.
7. Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М. : Новый хронограф, 2002. 253 с.
8. О бывших беспорядках в Орловской духовной семинарии // РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 802. Оп. 10 (1903). Д. 62.
9. О бывших беспорядках в Рязанской духовной семинарии // РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1901). Д. 29.
10. О бывших в Орловской духовной семинарии в январе месяце сего года беспорядках // РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1906). Д. 23.
11. О перемещении начальниц: Пермского епархиального училища Первушиной и Владимирского Языковой, одной на место другой // РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1906). Д. 55.
12. Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии на 1907 год. Орел, 1907.
13. По отчетам действительного статского советника Тихомирова о ревизии им в 1903–1904 году духовно-учебных заведений Орловской епархии // РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1904). Д. 57.
14. По отчету действительного статского советника Саввайтского о произведенной им в 1907–1908 году ревизии духовно-учебных заведений Пермской епархии // РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1908). Д. 224.
15. По отчету ключаря Елабужского кафедрального собора протоирея Израйлова о произведенной им в 1906–1907 учебном году ревизии Стахеевского епархиального училища // РГИА. Ф. 802. Оп. 10 (1906). Д. 100.
16. Попова О. Д. Протестное движение воспитанников Пермской семинарии // Уральский исторический вестник. 2019. № 1 (62). С. 87–95. DOI: 10.30759/1728-9718-2019-1(62)-87-95.
17. Попова О. Д., Попова А. Д. Бунтующая семинария: протестное движение в духовных учебных заведениях (вторая половина XIX – начало XX веков) // Новый исторический вестник. 2017. № 2 (52). С. 39–56.
18. Прахт Д. В. Протестное движение в Тобольской духовной семинарии в начале XX века // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2012. № 2. С. 133–138.
19. Предложения об изменении в строе духовных семинарий // Орловские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1906. № 6. С. 170–186.
20. Репина Л. П. Биография в контексте «глобальной микроистории» // Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева) : сб. трудов Всероссийской научной конференции с международным участием. Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова. 2019. С. 12–18.
21. Тарасова В. А. Высшая духовная школа в России в конце XIX – начале XX века. История императорских православных духовных академий. М. : Новый хронограф, 2005. 567 с.
22. Шуб М. Л., Лазарова А. А. Прошлое в масштабах микроистории. Основные подходы к изучению // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 1. С. 14–17.
23. Zernov N. M. The Russians and their Church. New York, 1945.

Microhistory in the study of the history of theological seminaries: an episode from the life of the Orel Theological Seminary in the Memoirs of K. Nikolsky as a historical source

O. D. Popova

Doctor of Historical Sciences, Ryazan State University n. a. S. A. Yesenin.
Russia, Ryazan. ORCID: 0000-0001-5131-7970. E-mail: od-popova@mail.ru

Abstract. The article shows the possibilities of applying microhistory to the study of the history of spiritual educational institutions in the early twentieth century. Microhistory, addressed to fact and incident, is reflected in the memoirs of students of theological seminaries. The author of the article examines the memoirs of K. Nikolsky, a pupil of the Orel Theological Seminary. The document was found in the collections of the manuscript department of the Russian National Library. The document describes the events at the seminary in October 1905 – January 1906. Analysis of the text of the memoirs shows that the ideological system of society leaves a strong imprint on the representation of events by the author of the text. K. Nikolsky tried to show the events that took place in Orel as part of the revolutionary process, and positions himself as an active revolutionary. However, a thorough analysis of the document made it possible to overcome the ideological prism of the presentation of events.

The article shows that the application of comparative analysis to facts from the history of other educational institutions at the level of microanalysis allowed us to establish how much events in a particular educational institution reflect typical or unique facts of the protest movement of seminarians in the early twentieth century. The article demonstrates that Nikolsky's memoirs concentrated in themselves all the typical processes that took place in the theological school at the beginning of the twentieth century. This document pays special attention to the lives of individuals in the historical process. Microhistory allows us to see the vicissitudes of the historical process in the destinies of people, on the one hand, and the process of the influence of the historical process on the life trajectories of specific individuals, on the other hand. The analyzed document is interesting because it reflects the different life trajectories of both students and teachers. At the same time, the appeal to personal destinies allows us to show individual facets of the historical process. Of particular interest is the identity of the author of the document – K. Nikolsky. The microcosm of one person reflected the complex process of breaking the worldview of the whole society, changing ideological attitudes.

Keywords: microhistory, memoirs, theological seminaries, protest movement, ideology, history of the province, the city of Orel.

References

1. 1905 god. Gubernskij gorod Orel. Revolyucionnye volneniya v srednih uchebnyh zavedeniyah. Zabastovka uchashchihsya duhovnyh seminarij – 1905. The provincial city of Orel. Revolutionary unrest in secondary educational institutions. Strike of students of theological seminaries // *OR RNB (Otdel rukopisej Rossijskoj nacional'noj biblioteki)* – OR RNB (Department of Manuscripts of the Russian National Library). F. 1000. Inv. 5. File 324.
2. Vadkovskij M. V. *Moi vospominaniya o mitropolite Antonii [Aleksandre Vasil'eviche Vadkovskom, 1846–1912]* [My memories of Metropolitan Anthony [Alexander Vasilyevich Vadkovsky, 1846–1912]] // *Istoricheskij vestnik* – Historical herald. 1916. Vol. 143. No. 1. Pp. 195–220.
3. *Vypusknij akt v Orlovskoj duhovnoj seminarii* – Graduation certificate in the Oryol Theological Seminary // *Orlovskie eparhial'nye vedomosti. Otdel neoficial'nyj* – Oryol diocesan Vedomosti. An unofficial department. 1908. No. 24. P. 585.
4. *Zhurnal pedagogicheskogo sobraniya soveta Orlovskogo zhenskogo eparhial'nogo uchilishcha* – Journal of the pedagogical meeting of the Council of the Oryol Women's Diocesan College // SAOR (State Archive of the Oryol region). F. 83. Inv. 1. File 61.
5. Zemcov V. N. *Mikroistoriya: itogi 15-letnego "prebyvaniya" v Rossii* [Microhistory: the results of a 15-year "stay" in Russia] // *Ural'skij istoricheskij vestnik* – Ural historical herald. 2010. No. 4 (29). Pp. 4–7.
6. Ignat'ev V. A. *Vospominaniya o Permskoj duhovnoj seminarii nachala XX veka. Ch. 1* [Memories of the Perm Theological Seminary of the beginning of the XX century. Part 1]. Perm. Production center "Traectoriya". 2017. 318 p.
7. Leont'eva T. G. *Vera i progress: pravoslavnoe sel'skoe duhovenstvo Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Faith and progress: the Orthodox rural clergy of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries]. M. Novy chronograph (New chronograph). 2002. 253 p.
8. *O byvsih besporyadkah v Orlovskoj duhovnoj seminarii* – About the former riots in the Orel Theological Seminary // RSHA (Russian State Historical Archive). F. 802. Inv. 10 (1903). File 62.
9. *O byvsih besporyadkah v Ryazanskoj duhovnoj seminarii* – About the former riots in the Ryazan Theological Seminary // RSHA. F. 802. Inv. 10 (1901). File 29.
10. *O byvsih v Orlovskoj duhovnoj seminarii v yanvare mesyace sego goda besporyadkah* – About the riots that were in the Orel Theological Seminary in January of this year // RSHA. F. 802. Inv. 10 (1906). File 23.

11. *O peremeshchenii nachal'nic: Permskogo eparhial'nogo uchilishcha Pervushinoj i Vladimirskogo Yazykovoj, odnoj na mesto drugoj* – About the relocation of the heads of the Perm Diocesan School of Pervushina and Vladimir Yazykovoy, one in place of the other // RSHA. F. 802. Inv. 10 (1906). File 55.
12. *Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar' Orlovskoj gubernii na 1907 god* – Commemorative book and address-calendar of the Orel province for 1907. Orel. 1907.
13. *Po otchetam dejstvitel'nogo statskogo sovetnika Tihomirova o revizii im v 1903–1904 godu duhovno-uchebnyh zavedenij Orlovskoj eparhii* – According to the reports of the actual state councilor Tikhomirov on his audit of the spiritual educational institutions of the Orel diocese in 1903–1904 // RSHA. F. 802. Inv. 10 (1904). File 57.
14. *Po otchetu dejstvitel'nogo statskogo sovetnika Savvait'skogo o proizvedennoj im v 1907–1908 godu revizii duhovno-uchebnyh zavedenij Permskoj eparhii* – According to the report of the actual State Councilor Savvait'sky on the audit of spiritual educational institutions carried out by him in 1907–1908 Perm diocese // RSHA. F. 802. Inv. 10 (1908). File 224.
15. *Po otchetu klyucharya Elabuzhskogo kafedral'nogo sobora protoireya Izrajlova o proizvedennoj im v 1906–1907 uchebnom godu revizii Staheevskogo eparhial'nogo uchilishcha* – According to the report of Archpriest Izrailov, the clerk of the Yelabuga Cathedral, on the revision of the Staheevsky diocesan school carried out by him in the 1906–1907 academic year // RSHA. F. 802. Inv. 10 (1906). File 100.
16. *Popova O. D. Protestnoe dvizhenie vospitannikov Permskoj seminarii* [Protest movement of pupils of the Perm Seminary] // *Ural'skij istoricheskij vestnik*. – Ural historical herald. 2019. No. 1 (62). Pp. 87–95. DOI: 10.30759/1728-9718-2019-1(62)-87-95.
17. *Popova O. D., Popova A. D. Buntuyushchaya seminariya: protestnoe dvizhenie v duhovnyh uchebnyh zavedeniyah (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vekov)* [Rebellious seminary: protest movement in theological educational institutions (the second half of the XIX – beginning of the XX centuries)] // *Novyj istoricheskij vestnik* – New historical herald. 2017. No. 2 (52). Pp. 39–56.
18. *Praht D. V. Protestnoe dvizhenie v Tobol'skoj duhovnoj seminarii v nachale XX veka* [Protest movement in the Tobolsk Theological Seminary at the beginning of the twentieth century] // *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates* – Herald of Tyumen State University. Humanitarian studies. Humanitates. 2012. No. 2. Pp. 133–138.
19. *Predlozheniya ob izmenenii v stroe duhovnyh seminarij* – Proposals for changes in the structure of theological seminaries // *Orlovskie eparhial'nye vedomosti. Chast' neoficial'naya* – Orel diocesan gazette. An unofficial part. 1906. No. 6. Pp. 170–186.
20. *Repina L. P. Biografiya v kontekste "global'noj mikroistorii"* [Biography in the context of "global microhistory"] // *Paradigmy Rossijskoj istorii skvoz' prizmu biografistiki (k 140-letiyu Alekseya Ivanovicha Yakovleva)* : sb. trudov Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. FGBOU VO "Chuvashskij gosudarstvennyj universitet im. I. N. Ul'yanova" – Paradigms of Russian history through the prism of biographistics (to the 140th anniversary of Alexei Ivanovich Yakovlev) : proceedings of the All-Russian Scientific Conference with international participation. Chuvash State University n. a. I. N. Ulyanov. 2019. Pp. 12–18.
21. *Tarasova V. A. Vysshaya duhovnaya shkola v Rossii v konce XIX – nachale XX veka. Istorija imperatorskih pravoslavnyh duhovnyh akademij* [Higher Spiritual school in Russia at the end of the XIX – beginning of the XX century. History of the Imperial Orthodox Theological Academies]. M. Novy chronograph (New chronograph). 2005. 567 p.
22. *Shub M. L., Lazarova A. A. Proshloe v masshtabah mikroistorii. Osnovnye podhody k izucheniyu* [The past on the scale of microhistory. Basic approaches to the study] // *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* – Herald of Kazan State University of Culture and Arts. 2012. No. 1. Pp. 14–17.
23. *Zernov N. M. The Russians and their Church*. New York. 1945.

УДК 94(47+57)"1920"+355.4

DOI: 10.25730/VSU.2070.22.003

Кавалерия в Крыму и Северной Таврии в 1920 г. Из воспоминаний пехотного офицера

Ю. С. Пыльцын

кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры церковно-исторических и гуманитарных дисциплин,
Екатеринбургская духовная семинария; методист по экскурсионной и лекционной работе,
мультимедийный исторический парк «Россия – Моя история»; научный сотрудник,
культурно-просветительский центр «Царский».
Россия, г. Екатеринбург. ORCID: 0000-0001-6561-2292. E-mail: ys1577@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть действия кавалерии на завершающем этапе Гражданской войны на Юге России. Актуальность работы объясняется не только 100-летним юбилеем окончания Гражданской войны (1920/22 – 2020/22 гг.), но и необходимостью вводить в научный оборот новые, еще не опубликованные воспоминания участников этого конфликта. Основным источником для исследования послужили воспоминания одного из рядовых участников событий в Крыму в 1920 г. – капитана П. М. Трофимова, начальника пулеметной команды Дроздовского стрелкового полка. Воспоминания «Из истории Дроздовцев. Боевые действия Дроздовской стрелковой дивизии в Крымский период Гражданской войны (март – октябрь 1920 г.)» хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и не публиковались до настоящего времени. В них автор предлагает свое видение действия кавалерии как Русской Армии П. Н. Врангеля, так и конницы Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). Интерес представляет то, что автор является пехотным офицером, из-за чего взгляд П. М. Трофимова на свою и вражескую конницу получается как бы «со стороны». Такая позиция помогает более объективно исследовать роли и образ действия кавалерии в Гражданской войне. Основные результаты исследования показывают, что при оценке действий кавалерии на завершающем этапе Гражданской войны важное место стало уделяться связке конницы с иными видами и родами войск: пехотой, авиацией, броневиками. Делается вывод, что воспоминания П. М. Трофимова имеют хороший информационный потенциал для изучения военного аспекта Гражданской войны на Юге России в целом и для изучения действия красной и белой кавалерии в частности. Области применения данного исследования могут лежать и в изучении военной истории Гражданской войны, и в источниковедческих работах по анализу еще не опубликованных мемуарных работ о Гражданской войне.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Дроздовская дивизия, кавалерия, Рабоче-крестьянская Красная армия, Русская армия.

Кавалерия является не только старейшим родом войск, но и, пожалуй, одним из самых аристократичных. «Твой прообраз – безупречный рыцарь» [2, с. 208], – неспроста писал участник Белого движения А. А. Загряжский. Восточные цари на колесницах, античные воины, где слова «всадник» и «аристократ» были в некоторых местностях синонимами (так, аристократы в Халкиде на Эвбее, согласно Плутарху, именовались гиппоботами («воспитывающими коней»), а в малоазийских Магнезии и Колофоне – гиппотрофами («выращивающими коней») [1, с. 40]), европейские рыцари, русские дружинники... [о кавалерии в целом см., напр.: 1; 3; 14; 23; 26].

«Лебединой песней» конницы как рода войск в отечественных вооруженных силах стала Гражданская война. Конечно, формально кавалерийские части были упразднены в середине 1950-х гг., однако именно в годы Гражданской войны конница еще оставалась тем «доводом», который мог склонить военное счастье на ту или иную сторону. «Гражданская война – не окопная война, а полевая. И только выход войны из тесных окопов на поля сражений дал возможность кавалерии вернуть назад ту большую роль, которую она когда-то играла в боевых операциях» [13, с. 45], – отмечал член РВС Южного фронта С. И. Гусев (Я. Д. Драбкин). Как отмечалось в позднейших советских работах, во время Гражданской войны роль кавалерии «при решении тактических и оперативных задач непрерывно возрастала. Этому способствовали маневренный характер действий войск, обширность театров военных действий, растянутость на широких фронтах слабых по численности армий» [15, с. 246–249].

Отсюда – важность изучения действий кавалерии как рода войск, опираясь на все доступные источники. Помимо военной документации нам могут помочь и источники личного

происхождения. Весьма ценными представляются воспоминания военнослужащих иных родов войск. Это взвешенный взгляд со стороны на действия кавалерии. В этом контексте мы и хотим проанализировать воспоминания офицера Дроздовской пехотной дивизии П. М. Трофимова.

Павел Михайлович Трофимов родился 2 сентября 1894 г. в городе Сенно Могилевской губернии. В 1913 г. по окончании Виленской классической гимназии Трофимов был зачислен в Санкт-Петербургский политехнический институт, на его экономическое отделение [28, с. 40]. Семья Трофимова была сугубо штатской, надо полагать, Павел Михайлович видел себя так же на гражданской службе, но в 1916 г. он бросает институт и поступает в военно-учебное заведение. В статье Н. Цурикова оно называется «Киевское Николаевское пехотное военное училище» [28, с. 40]. Однако в Киеве было одно военное училище, которое с 1915 г. именовалось: «1-е Киевское Великого Князя Константина Константиновича военное училище» [17, с. 1]. Скорее всего, имелась в виду одна из пяти школ прапорщиков, открытых в 1916 г. в Киеве, куда и принимали исключительно студентов [5, с. 112].

Окончив обучение в нем, Трофимов ненадолго остался в училище помощником курсового офицера. В июле 1917 г. в чине подпоручика он был переведен в состав 14-го стрелкового генерал-фельдмаршала И. В. Гурко полка. Полк воевал на Юго-Западном фронте в составе 4-й стрелковой дивизии. Год, когда Трофимов оказался на фронте, был катастрофическим для Русской армии. Неизвестно, удалось ли повоевать П. М. Трофимову с немцами или австрийцами, но точно известно, что молодой офицер боролся с украинизацией и большевизацией той части, в которой служил [28, с. 40].

В конце 1917 г. после того, как 14-й стрелковый полк был все же украинизирован, Трофимов, узнавший о формировании на Румынском фронте в Яссах добровольческих частей для борьбы с пришедшими к власти большевиками, принял решение присоединиться к ним. В составе группы офицеров, которую возглавил капитан Л. И. Андреевский, поручик Трофимов 2 (15) января 1918 г. отправился в Яссы. Уже 9 (22) января он записался в 1-ю бригаду русских добровольцев, формирование которой было начато полковником М. Г. Дроздовским. В составе Сводно-стрелкового полка отряда полковника Дроздовского Трофимов проделал в феврале – апреле 1918 г. знаменитый 1200-верстный поход Яссы – Дон. После соединения отряда Дроздовского с Добровольческой армией Трофимов в дальнейшем воевал в составе 2-го офицерского (с 1919 г. – Дроздовского) полка, а затем в рядах Дроздовской дивизии вплоть до эвакуации осенью 1920 г. Русской армии генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля из Крыма [7, с. 8, 9].

После эвакуации из Крыма Павел Михайлович вместе со своим полком проходит знаменитое «Галлиполийское сидение» 1-го Армейского корпуса и вместе с ним передислоцируется в Болгарию. В конце 1923 г. Трофимов переезжает в Прагу, там он поступает в русское высшее училище техников путей сообщения [28, с. 41]. Также в эмиграции Трофимов, чьи политические взгляды были далеки «и от правого мракобесия, и от лево-нигилистической радикальности» [28, с. 43], входил в боевую организацию генерала Кутепова. Участвуя в боевой вылазке на территорию СССР, Трофимов погиб в бою [28, с. 43, 44]. Обстоятельства гибели Трофимова на сегодняшний момент детально неизвестны.

В нашем исследовании мы опираемся на неопубликованные воспоминания капитана П. М. Трофимова, которые посвящены Крымскому периоду истории Белого движения: реорганизации Вооруженных сил Юга России в Русскую армию, боям в Северной Таврии, Заднепровской операции, отступлению в Крым осенью 1920 г.

Труд П. М. Трофимова – не только личные переживания и впечатления. Капитан-«дроздовец» старался по возможности подробно описать боевые действия своей воинской части в широком контексте операций на всем Юге России. Поэтому работу П. М. Трофимова можно поставить на границу между мемуарами и историческим трудом. Мы постараемся рассмотреть, как автор оценивал белую и красную конницу в боях 1920 г.

Стоит отметить, что определенное соперничество между кавалеристами и пехотинцами было в Императорской армии еще в конце XIX в.: «Пехота была царицей полей сражения (она таковой осталась по существу и сейчас), кавалерия была в пренебрежении – ни одного большого кавалерийского дела за всю войну *(имеется в виду Русско-турецкая война 1877–1878 гг. – Ю. П.)*! – «моншеры»!!» [19, с. 64], – вспоминает очевидец, сам в будущем ставший кавалерийским командиром.

Поэтому работа с воспоминаниями пехотных офицеров, которых никак нельзя обвинить в пристрастности, а впоследствии сравнение с воспоминаниями самих кавалеристов

(которые потенциально могут приукрасить или преувеличить действия своего рода войск) могут дать объективную картину действия конников на полях сражений Гражданской войны.

Прежде чем приступить к анализу произведения Трофимова, стоит вкратце охарактеризовать боеспособность Русской армии, как стали называть антибольшевистские вооруженные силы генерала П. Н. Врангеля с 11 мая 1920 г.

Сам Врангель отмечал, что «в Крым прибыли наиболее сильные духом» [6, с. 44]. Армия Врангеля была невелика, но составляла в боевом отношении отборный и закаленный в боях кулак, возглавляемый талантливыми полководцами, имевшими за плечами опыт и позиционной Первой мировой войны, и «эшелонной» Гражданской войны, и маневренной войны 1919 г.

Мемуарист полностью соглашался с такой оценкой Главкома: «Ее боевой дух, непримиримое отношение к противнику не вызывали сомнения. В Новороссийске отсортировался совершенно непримиримый элемент и у него не было никаких путей к примирению с коммунистами. Капитуляция была немыслима» [8, л. 13, 14].

Красные стратеги так же высоко оценивали потенциал своего противника.

Красный военный специалист, бывший генерал-майор В. А. Ольдерогге отмечал, что «особенности и свойства армии Врангеля делали ее чрезвычайно подвижной, легко управляемой и гибкой, что давало ему возможность путем постоянных перегруппировок и быстрого сосредоточения войск устанавливать соотношение сил, обеспечивавшее правильный ход каждой операции, а на поле сражения маневром достигать крупных успехов» [25, с. 18].

Командовавший осенью 1920 г. Южным фронтом Красной армии М. В. Фрунзе писал: «Врангелю удастся превратить разложившиеся, деморализованные, утратившие боеспособность банды в крепко сколоченные, хорошо снабженные и руководимые опытным комсоставом войсковые части. <...> Врангель как командующий в большинстве случаев проявил и выдающуюся энергию, и понимание обстановки. Что касается подчиненных ему войск, то и о них приходится дать безусловно положительный отзыв» [27, с. 18, 21].

На новом этапе Гражданской войны изменился характер действий кавалерии. Военспец, бывший полковник С. С. Каменев так оценивал реорганизацию конницы: «Врангель впервые применил широкое использование техники в совместной работе с конницей. Это использование техники в столкновении конных масс послужило основанием наименовать конницу противника «бронированной конницей»» [16, с. 141].

Упомянутый С. И. Гусев так же не скупился на похвалы: «...лучшая в мире конница из прирожденных кавалеристов-казаков, великолепно обмундированная и вооруженная, находившаяся под командой опытейших генералов-кавалеристов <...> По силе удара, по маневренной гибкости это было самое идеальное войско, какого мир еще не видал» [цит. по: 18, с. 159, 160].

Однако были у кавалерии Врангеля и серьезные проблемы. Прежде всего – недостаток лошадей. Большое количество лошадей было брошено в Новороссийске при отступлении ВСЮР: «Около гавани было приказано оставить наших лошадей. Это был тяжелый момент расставания человека с существом, с которым он как-то сроднился, с которым многое вместе пережил и которое было верным товарищем в трудные минуты. <...> В эту ночь по Новороссийску, как призраки, бродили табуны бездомных лошадей, ищущих своих хозяев» [24, с. 437]. Об этом же пишет и Трофимов: «Эвакуируемые с Кавказа части прибывали без артиллерии, лошадей, обозов и необходимого имущества, с одними только винтовками и пулеметами. Местные средства Крыма были недостаточны для снабжения войск лошадьми, – предвиделись продовольственные затруднения <...> Части, эвакуированные с Северного Кавказа, состояли из остатков Добровольческого и V конного корпусов с одной стороны и казаков Донских, Кубанских, Терских и Астраханских частей с другой. Все они прибывали без артиллерии, хозяйства, лошадей и обозов, а казачьи части в большинстве даже без оружия» [8, л. 18, 55]. Такие безлошадные части могли позволить себе лишь 50 конных разведчиков [20, с. 52]. Например, десантный отряд, который должен был высадиться в Хорлах, насчитывал на 1000 штыков всего 200 всадников и те были пешими [8, л. 21], коней, по всей видимости, они должны были добыть в бою. Конский состав в артиллерии был совершенно недостаточен и бывали случаи, когда даже в орудия частью запрягали обывательских лошадей [10, л. 45].

Но даже этого оказалось мало: общее число всадников не могло покрыть необходимость даже в конной разведке [10, л. 7]. Некоторые из конных разведчиков несли седла на себе! Только по этой детали можно было понять, что они конные. В итоге командование решилось

на крайнюю меру – было приказано брать лошадей в ближайших хуторах и зимовниках у обывателей [8, л. 34]. В этих условиях понятно, что такие трофеи, как «свыше десятка верховых лошадей» [8, л. 36], были действительно ценными. Вопрос доукомплектования кавалерийских частей стоял особенно остро, тем более что, по свидетельству того же Трофимова, «выяснилась очень слабая боеспособность казачьих частей в пешем строю» [9, л. 50]. Таким образом, без должного количества конницы казачество – наряду с офицерством один из главных элементов южнорусской контрреволюции – было лишено своего преимущества.

Даже на 1 июня 1920 г. 2-й Донской корпус был только отчасти посажен на коней [9, л. 77]. Но уже в июле ситуация изменилась. Описывая прибытие на фронт Кубанский дивизии, Трофимов замечает: «Сравнительно хорошие лошади и численный состав производят благоприятное впечатление» [10, л. 57]. Только в августе П. Н. Врангель получил возможность создать дивизионную конницу и приказал сформировать в пехотных дивизиях отдельные конные дивизионы [11, л. 76].

Непростым было положение казачества в целом, части которого пребывали «в очень разрозненном виде и нуждались в значительной работе по организации и восстановлению их духа» [8, л. 56]. Хотя, стоит отметить, что из всей белой кавалерии мемуарист особенно выделяет именно казачью часть – 2-ю Донскую отдельную бригаду под командованием полковника (впоследствии – генерал-майора) В. И. Морозова [8, л. 17]. Командующий Дроздовской дивизией генерал В. К. Витковский после июньских боев даже издал специальный приказ, в котором подчеркивал такое боевое товарищество, установившееся между дроздовцами и донцами [9, л. 116].

Мемуарист высоко оценивает казаков не только с точки зрения оперативного мастерства, но и дисциплины: «Население области, на которой протекали операции и которая продолжительное время являлась ближайшим тылом советских войск, действующих против нас, крайне радушно и даже с воодушевлением встречало донцов» [11, л. 132]. Это важное свидетельство, так как в мемуарах других участников Белого движения можно прочитать более сдержанные характеристики поведения казаков [4, с. 17, 19].

Конница применялась главным образом для развития успехов после прорыва [9, л. 15, 16; 10, л. 131; 11, л. 100], для обхода с флангов противника [9, л. 27, 28, 33; 11, л. 3, 18, 53 об., 104], обеспечения флангов своих войск [10, л. 21], связи [9, л. 15], рейда по тылам [9, л. 30] (причем, красные очень боялись обходов белой конницы [10, л. 31]), содействие наступающей пехоте [9, л. 40], преследованию противника [9, л. 69; 10, л. 16, 21; 11, л. 59, 62]. Однако были случаи, что кавалеристов (скорее всего, спешенных) использовали и в обычных боях против пехоты: «2-я конная дивизия занимала участок у д. Эристовка и выматывалась в ежедневных боях с красной пехотой» [9, л. 82]. Конные разведчики использовались не только по своему прямому назначению, но и для охраны флангов пехотных частей [9, л. 35]. Бывали случаи, когда в наступлении участвовали все три вида войск: пехота, конница, артиллерия: «Конница и артиллерия двинулись вперед на рысях. Батальоны 1-го стрелкового полка шли почти полубегом» [11, л. 96]. Как видим, здесь нет введения в наступление конных масс, с одновременным прикрытием этих масс артиллерией и «страховкой» пехоты, нет, – все роды оружия на острие атаки.

В боевой обстановке конница, как правило атаковала лавой (этот казачий боевой порядок с 1912 г. был принят и для регулярной кавалерии [21, с. 449]), а передвигалась колоннами [8, л. 36, 37; 9, л. 61; 10, л. 131; 11, л. 17]. Во время атаки лавой главная масса шла разомкнуто с интервалами в несколько шагов, оставляя для защиты флангов небольшие «уступы» и стараясь охватить строй противника; в случае неудачи все бросались назад врассыпную и собирались где-либо за прикрытием, в пункте, заранее указанном командиром, где опять формировались в лаву для новой атаки [22, с. 228]. Лава применялась очень широко: для расстройств сомкнутых частей противника; для завлечения противника на направление, выгодное для нашей атаки; для препятствования противнику производить разведку; как завеса для маневрирования своих войск для разведки расположения противника; замедления его наступления; преследования отступающего противника; прорыва охранения. Лава применялась как против конницы, так и против пехоты [21, с. 450].

У красных конную лаву часто поддерживали тачанки с пулеметами [см., напр.: 8, л. 37, 38] – яркий штрих конной тактики эпохи Гражданской войны. Тачанки, как свидетельствует мемуарист, причиняли белым немало хлопот даже без поддержки конницы [8, л. 39].

В коннице Русской армии также были тачанки [9, л. 96, 148; 11, л. 20, 126], но чаще всего П. М. Трофимов пишет о броневиках [9, л. 17, 30, 31, 45; 10, л. 13, 129]. Хотя и красные броневые автомобили, и бронепоезда успешно боролись с белой кавалерией [10, л. 52 об. – 53; 11, л. 111].

Имели случаи и военной хитрости. Так, разведчики Дроздовского полка, войдя в село, увидев стоящие по дворам и на улице обозы, спросили у проходящих мимо: «Какой части?». Получив ответ: «Жлобинцы», дозорные вернулись, не поднимая шум, к роте и доложили об увиденном. Дроздовцы внезапной атакой ворвались в колонию. В ближайших дворах роты застали спящих под стогами кавалеристов. Неожданная атака привела к невероятному сумбуру и паническому бегству красных [10, л. 114, 115].

Противодействие атакам конницы было стандартным – артиллерийские обстрелы конных колонн [8, л. 37, 43; 9, л. 44, 45, 84; 10, л. 58, 61; 11, л. 5], иногда огонь артиллерии координировался с пулеметным [9, л. 46; 10, л. 83] и ружейно-пулеметным [9, л. 63; 10, л. 83, 118, 119; 11, л. 45]. Иногда один из элементов этого «конструктора» заменялся [11, л. 120 об.]. Так, кубанские казаки были остановлены густыми цепями красной пехоты, огнем батареи и действиями автоброневика [10, л. 53].

Использовались и технические новинки. «Громадное моральное впечатление на красную конницу», – как пишет Трофимов, – производили аэропланы, сильно затруднявшие действия конницы противника [9, л. 115]. Из-за этого комкор Д. П. Жлоба отдал приказ своему корпусу совершать движения только ночью [9, л. 116]. Так в районе Камышеватки эскадрилья успешно бомбардировала красную конницу – потрясенный смелыми действиями летчиков, противник пришел в полное замешательство, рассеявшись группами в разные стороны [10, л. 75]. Причем этот налет аэропланов был не единичным [10, л. 92, 93].

Однако при проведении авианалетов был риск – попасть по своим. Трофимов упоминает о случае, когда по ошибке бомбы были сброшены на Донскую бригаду Русской армии, которая понесла тяжелые потери [11, л. 28], хотя в тылу ходили слухи, что потери были небольшими [4, с. 24].

В одном из самых ярких описаний конной атаки, в котором мы видим и атаки красной конной лавы, и противодействие пехоты, и последующий контрудар белой конницы: «Неожиданно пустые массы кавалеристов обнажили шашки, сверкнувшие в лучах восходящего солнца и, поднимая лошадей в галоп, устремились с холма в восточном направлении, а на их место из-за садов выдвинулись новые. Генерал Туркул приказал артиллерии немедленно открыть огонь, а 1[-му] батальону полк[овника] Петерса с пулеметной командой как можно скорее атаковать красных. 1[-я] батарея снялась с передков на огородах и метким огнем вызвала полное замешательство в рядах конницы. Она беспорядочно бросилась на север, оставив на бугре убитых и раненых лошадей. Вышедшая вперед на рысях, пулеметная тачанка полковой команды вела энергичное преследование. Справа появились лавы 1[-й] конной дивизии, принявшей на себя преследование» [10, л. 90].

В целом П. М. Трофимов считает, что дисциплинированная и обученная пехота способна успешно противостоять коннице: «2-я кав[алерийская] дивизия им. Блинова, столь успешно действовавшая против сводного корпуса, несмотря на всю свою энергию и настойчивость, терпит поражение. Она получает наглядный урок, что бой с хорошей пехотой не под силу коннице» [9, л. 66].

Трофимов подчеркивает, что красные части были серьезным противником: «Они располагались в богатой местности, были расквартированы в больших селах, получали хорошее довольствие. В моральном отношении – почти все были участниками зимней кампании, свидетелями быстрого отхода белых, вели нетрудную борьбу с Крымским корпусом, сопровождавшемуся целым рядом мелких успехов, имели достаточную веру в свое оружие. В полках велась успешная агитация; положение запертой в Крыму армии изображалось безвыходным и безнадежным. Сообщались о полном развале у белых». Но в численном отношении «полки были слабые и в среднем насчитывали по 300 штыков» [9, л. 7]. Большие массы красной кавалерии при поддержке тачанок причиняли неприятности даже закаленным в боях дроздовцам: «Только идущий в хвосте 5-й батальон 1-го стр[елкового] полка начал подниматься из низины, что восточнее скотного двора, как у последнего показались головы едущих на рысях нас преследовать красной конницы. Конница быстро развернулась в лаву и бросилась в атаку, но была отбита пулеметным и ружейным огнем. Красные отскочили несколько назад, продолжая буквально висеть над нашим арьергардом. Положение делалось все более угрожающим, так как к красным быстро подходили поддержки. Число пулеметных тачанок возросло и огонь все усиливался» [8, л. 45].

Это противоречит тому, что сами красные писали о своей кавалерии на Крымском фронте в 1920 г., характеризуя ее как малочисленную, обученную еще хуже пехоты, не вы-

шедшую еще из «пеленок партизанщины», недисциплинированную с «заведомо очень слабым командным составом» [13, с. 46]. Как видим, технический уровень и боевой опыт были сопоставимы. Отметим, что красных кавалеристов как «отборный коммунистический элемент» в плен не брали [10, л. 121].

Вот, как например, мемуарист описывает атаку красной кавалерии. В этом описании мы видим и типичное наступление (лавой), и обстрел конницы артиллерией и успешную оборону красной пехоты от донских казаков: «...разворачивается в лаву красная конница силою 300–400 коней и пытается осторожно продвигаться в нашу сторону. В это время в балке Ковалева появляются передовые эскадроны кавалерийской бригады. Часть из них переходит балку Янчекрак и начинает подниматься на бугры севернее, часть быстро продвигается на запад. Обнаружив столпотворение у трактира, конница устремляется сюда. Конная батарея снимается с передков и открывает огонь. Красная конница постепенно отходит на север. Пехота пытается сомкнуться, прийти в порядок и отбить атаку, но не успевает. Конница берет несколько сот пленных и сразу же развивает преследование. 1-й стрелковый полк в хуторе у трактира свернулся в колонну и продвинулся до скотного двора, где остановился по приказанию начальника дивизии. К югу за гребнем был слышен огонь у 2-го стрелкового полка. Полк на рассвете протягивался мимо Гохгейма по дороге на Волково. У него обнаруживается противник силою до батальона. Красные, не приняв боя, начали отходить. У 1-го полка уже шел бой. С бугров у хутора, в балке Лемеховой обнаружили несколько густых цепей. На буграх над балкой видны были окопы. По-видимому, красная пехота уже начала наступление в направлении Эристовки, как завязавшийся на фланге и в тылу бой заставил ее остановиться. Батареи 2-го артиллерийского дивизиона и 8-я гаубичная открыли огонь по массам скопившейся в балке пехоты и наносили им сильный ущерб. Красные начали отходить. Донская бригада дважды пыталась атаковать их, но пехота немедленно приходила в порядок и дружными залпами отбивали атаки донцов» [9, л. 112].

Подробно Трофимов останавливается на обстоятельствах разгрома конной группы Жлобы. Прежде всего, Трофимов отмечает дурно поставленную разведку и слабое взаимодействие частей: «Он [Жлоба. – Ю. П.] двигался всей массой своей конницы без достаточной разведки и обеспечение операции всецело рассчитывая на силу своей группы. Приданная ему пехота была оставлена далеко позади и не смогла принять никакого участия в день боя, что сыграло роковую роль. Вспомогательное наступление на Бердянском направлении частей 40-й стр[елковой] дивизии и запасной кав[алерийской] бригады Федорова проводилось крайне вяло и в день боя предоставило 2-й Донской дивизии полную свободу действий» [9, л. 119]. Во многом такая плохая постановка разведки была вызвана не только уверенностью самого комдива в победе, но и противодействием со стороны белых («Деятельность его разведывательных частей здесь сильно затруднялась сильными бронепоездами с привязным аэростатом на одном из них, с которого велось наблюдение» [9, л. 118, 119]), особенно из-за авиации: «Благодаря блестящим боевым действиям нашей авиации Жлоба принял решение двигаться по ночам, и день 18-го оказался потерянным» [9, л. 120]. Именно эта пауза дала «командованию возможность закончить сосредоточение и выбрать наиболее удобный момент для контрудара» [10, л. 3].

Трофимов высоко оценивает роль пехоты в разгроме Жлобы. Именно внезапный удар Корниловского ударного полка при поддержке броневиков и артиллерии привел к тому, что «массы Жлобинской конницы не имели ни места, ни времени что-либо предпринять и лишены были фактической возможности оказать сопротивление» [9, л. 128, 129].

Более того, даже у конных разведчиков «цветных» полков хватало сил, чтобы наносить чувствительные удары отступающим красным кавалеристам [9, л. 130, 131]. Мемуарист описывает еще один случай, уже после разгрома жлобинцев. 11-я рота была неожиданно атакована из лощины конницей, и часть стрелков попала в плен. Но командир полка с конными чинами штаба и ординарцами бросился в контратаку, отбил пленных и захватил один пулемет на тачанке [10, л. 75]. Здесь мы также видим, что пехота одерживает победу и без помощи значительных конных масс, только с помощью небольших групп конных разведчиков. Об успехах конных разведчиков при пехотных частях в борьбе с профессиональными кавалеристами Трофимов пишет и в других местах своих воспоминаний [10, л. 143].

«Неотвязное преследование пехотой по внутренним сокращенным линиям окончательно решило судьбу боя. Совершенно измотанная конница, потерявшая управление и почти всю материальную часть, вырвавшись, наконец, из-под ударов дивизии, сейчас же попала под

удары 2[-й] конной дивизии. Итак, грозная конная группа, лишенная возможности дать бой, была уничтожена», – подводит итог операции Трофимов [10, л. 5].

Возможно, именно успешным действием пехоты в разгроме конной группы Жлобы и объясняется то, что по прибытии на фронт 2-й конной армии РККА в июле 1920 г., белое командование планировало, в случае перехода конармии в наступление, противопоставить ей именно пехоту, заставить втянуть в бой резервы «и, после этого, бить свежей массой конницы» [10, л. 44]. В своем произведении Трофимов упоминает и о роли конницы на завершающем этапе Гражданской войны в Крыму – когда кавалерия прикрывала отступающие в Крым части [12, л. 165, 167].

Мы видим, что П. М. Трофимов в своем труде старается быть не столько очевидцем, сколько «летописцем» – тщательно скрывая свое «я» в описываемых событиях, Трофимов стремится дать широкую панораму борьбы за Крым в 1920 г. В этой панораме есть место и для кавалерии, о которой не раз упоминается. Частая связка кавалерии с пехотой не есть стремление как-то принизить конницу, это отображение данности последнего этапа Гражданской войны на Юге России – этапа, где кавалерия «к шашке, винтовке и артиллерии <...> присоединила пулемет, быстроходные броневики, вооруженные грузовики и бомбометные аэропланы» [13, с. 45].

В целом работа Трофимова может служить ценным источником при исследовании последних лет существования старой русской кавалерии.

Ты погибла в пламени России, –
Похоронным звоном был набат, –
И, пытаясь подражать, другие
Никогда тебя не повторяют [2, с. 209].

Список литературы

1. Алексинский Д. П., Жуков К. А., Бутягин А. М., Коровкин Д. С. Всадники войны. Кн. 1. Кавалерия Европы. СПб.: Полигон, 2005.
2. Белая лира: антология поэзии Белого движения / сост. В. В. Кудрявцев. Смоленск: Русич, 2006.
3. Брикс Р., Деннисон Дж. История конницы: в 2 кн. М.: АСТ, 2001.
4. Валентинов А. А. Крымская эпопея // Архив русской революции. М.: Терра: Политиздат, 1991. Т. 5. С. 5–101.
5. Волков С. В. Первая мировая война и русский офицерский корпус // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 1 (38). С. 111–117.
6. Врангель П. Н. Записки (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г). Т. 2. М.: Производственное торговое предприятие № 1 объединения «Менеджер», 1991.
7. Гагкуев Р. Г. Капитан Трофимов о генеральном сражении белых и красных на путях к Москве в 1919 году // Трофимов П. М. Дроздовская дивизия в генеральном сражении на путях к Москве осенью 1919 года. М.: Кучково поле, 2018. С. 5–12.
8. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-5895. Оп. 1. Д. 43.
9. ГАРФ. Ф. Р-5895. Оп. 1. Д. 44.
10. ГАРФ. Ф. Р-5895. Оп. 1. Д. 45.
11. ГАРФ. Ф. Р-5895. Оп. 1. Д. 46.
12. ГАРФ. Ф. Р-5895. Оп. 1. Д. 47.
13. Гусев С. И. Гражданская война и Красная армия: сб. военно-теоретических и военно-политических статей (1918–1924). М. – Л.: Государственное издательство, 1925.
14. Де Витт Л. В. Конница: Вооружение и владение оружием. М.: Либроком, 2011.
15. Кавалерия // Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия / гл. ред. С. С. Хромов. М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 246–249.
16. Каменев С. С. Очередные военные задачи. Лекции и статьи // С. С. Каменев. Записки о гражданской войне и военном строительстве. М.: Военное издательство министерства обороны СССР, 1963. С. 63–147.
17. Константиновское военное училище. Горная Джумая: Б. и., 1922.
18. Косогов И. Тактика крупных конных масс в эпоху гражданской войны // Гражданская война 1918–1921. Т. 2. Военное искусство Красной Армии. М.: Военный вестник, 1928. С. 159–182.
19. Краснов П. Н. «Павлоны». 1-е Военное Павловское Училище полвека тому назад // П. Н. Краснов. Воспоминания о Русской Императорской армии. М.: Айрис-пресс, 2006. С. 39–176.
20. Кушер Ю. Л. Русская Армия генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля // Военно-исторический журнал. 2005. № 11. С. 49–53.
21. Лава // Военная энциклопедия. Том 14. Круковский – Линта. СПб.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1914. С. 449–450.
22. Лава казачья // Энциклопедия казачества / сост. Г. В. Губарев, под ред. А. И. Скрыдлова. М.: Вече, 2007. С. 228.

23. Марков [М. И.] История конницы : в 3-х ч. Тверь : Типо-Литография Ф. С. Муравьева, 1886–1888.
24. Пылин Б. С Алексеевским полком // От Орла до Новороссийска / сост. С. В. Волков. М. : Центр-полиграф, 2004. С. 407–440.
25. Разгром Врангеля. Харьков : ПОЮЖа, 1920.
26. Тараторин Д. В. Конница на войне: история кавалерии с древнейших времен до эпохи Наполеоновских войн. Мн. : Харвест, 1999.
27. Фрунзе М. В. Врангель // Перекоп и Чонгар : сб. статей и материалов / под общ. ред. А. В. Голубева. М. : Государственное военное издательство, 1933. С. 16–22.
28. Цуриков Н. [А.] Памяти героя-дроздовца // Галлиполийский вестник. София, 1938. № 57. С. 40–45.

Cavalry in the Crimea and Northern Tavria in 1920 from the memoirs of an infantry officer

Yu. S. Pyltsyn

PhD in Historical Sciences, senior lecturer of the Department of Church History and Humanities,
Yekaterinburg Theological Seminary; methodologist for excursion and lecture work,
multimedia historical park "Russia – My History"; researcher, cultural and educational center "Tsarsky".
Russia, Yekaterinburg. ORCID: 0000-0001-6561-2292. E-mail: ys1577@mail.ru

Abstract. The article attempts to consider the actions of the cavalry at the final stage of the Civil War in the South of Russia. The relevance of the work is explained not only by the 100th anniversary of the end of the Civil War (1920/22 – 2020/22), but also by the need to introduce into scientific circulation new, not yet published memoirs of participants in this conflict. The main source for the study was the memoirs of one of the ordinary participants in the events in the Crimea in 1920 – Captain P. M. Trofimov, head of the machine-gun team of the Drozdovsky Rifle regiment. Memories "From the history of the Drozdovites. The military actions of the Drozdov Rifle Division during the Crimean period of the Civil War (March – October 1920)" are stored in the State Archive of the Russian Federation (GARF) and have not been published until now. In them, the author offers his vision of the action of the cavalry of both the Russian Army of P. N. Wrangel and the cavalry of the Workers' and Peasants' Red Army (Red Army). Of interest is the fact that the author is an infantry officer, which is why P. M. Trofimov's view of his own and enemy cavalry turns out to be "from the outside". This position helps to more objectively investigate the role and mode of action of cavalry in the Civil War. The main results of the study show that when assessing the actions of cavalry at the final stage of the Civil War, an important place was given to the combination of cavalry with other types and types of troops: infantry, aviation, armored cars. It is concluded that P. M. Trofimov's memoirs have a good informational potential for studying the military aspect of the Civil War in Southern Russia in general and for studying the actions of the red and white cavalry in particular. The fields of application of this research may lie in the study of the military history of the Civil War, and in source studies on the analysis of not yet published memoirs about the Civil War.

Keywords: Civil War in Russia, Drozdov Division, cavalry, Workers' and Peasants' Red Army, Russian Army.

References

1. Aleksinskij D. P., Zhukov K. A., Butyagin A. M., Korovkin D. S. *Vsadniki vojny. Kn. 1. Kavaleriya Evropy* [Horsemen of War. Book 1. Cavalry of Europe]. SPb. Polygon. 2005.
2. *Belaya lira : antologiya poezii Belogo dvizheniya* – The White Lyre: an anthology of the poetry of the White Movement / comp. V. V. Kudryavtsev. Smolensk. Rusich. 2006.
3. Briks R., Dennison Dzh. *Istoriya konnicy : v 2 kn.* [Cavalry History : in 2 books]. M. AST. 2001.
4. Valentinov A. A. *Krymskaya epopeya* [Crimean epic] // *Arhiv russkoj revolyucii* – Archive of the Russian Revolution. M. Terra : Politizdat. 1991. Vol. 5. Pp. 5–101.
5. Volkov S. V. *Pervaya mirovaya vojna i russkij oficerskij korpus* [The First World War and the Russian Officer Corps] // *Vestnik PSTGU. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi* – Herald of the PSTSU. Series 2: History. The History of the Russian Orthodox Church. 2011. Is. 1 (38). Pp. 111–117.
6. *Wrangel P. N. Zapiski (noyabr' 1916 g. – noyabr' 1920 g.). T. 2* [Notes (November 1916 – November 1920). Vol. 2]. M. Production trade enterprise No. 1 of the association "Manager". 1991.
7. Gagkuev R. G. *Kapitan Trofimov o general'nom srazhenii belyh i krasnyh na putyah k Moskve v 1919 godu* [Captain Trofimov on the general battle of the whites and reds on the way to Moscow in 1919] // *Trofimov P. M. Drozdovskaya diviziya v general'nom srazhenii na putyah k Moskve osen'yu 1919 goda* [Drozdovskaya division in the general battle on the way to Moscow in the autumn of 1919]. M. Kuchkovo field, 2018. Pp. 5–12.
8. SARF (State Archive of the Russian Federation). F. P-5895. Inv. 1. File 43.
9. SARF. F. P-5895. Inv. 1. File 44.
10. SARF. F. P-5895. Inv. 1. File 45.

11. SARF. F. P-5895. Inv. 1. File 46.
12. SARF. F. P-5895. Inv. 1. File 47.
13. Gusev S. I. *Grazhdanskaya vojna i Krasnaya armiya : sb. voenno-teoreticheskikh i voenno-politicheskikh statej (1918–1924)* [Civil War and the Red Army : collection of military-theoretical and military-political articles (1918–1924)]. M. – L. State Publishing House. 1925.
14. De Witt L. V. *Konnica: Boopyzhenie i vladenie oruzhiem* [Cavalry: Armament and possession]. M. Librocom. 2011.
15. *Kavaleriya – Cavalry* // *Grazhdanskaya vojna i voennaya intervenciya v SSSR : enciklopediya – Civil war and military intervention in the USSR : encyclopedia* / ch. ed. S. S. Khromov. M. Soviet Encyclopedia. 1987. Pp. 246–249.
16. Kamenev S. S. *Ocherednye voennye zadachi. Lekcii i stat'i* [The next military tasks. Lectures and articles] // S. S. Kamenev. *Zapiski o grazhdanskoj vojne i voennom stroitel'stve* [Notes on the Civil War and military construction]. M. Military Publishing House of the Ministry of Defense of the USSR. 1963. Pp. 63–147.
17. *Konstantinovskoe voennoe uchilishche – Konstantinovskiy Military School. Gornaya Dzhumaya. Without publ.* 1922.
18. Kosogov I. *Taktika krupnykh konnykh mass v epohu grazhdanskoj vojny* [Tactics of large equestrian masses in the era of the Civil War] // *Grazhdanskaya vojna 1918–1921. T. 2. Voennoe iskusstvo Krasnoj Armii – Civil War 1918–1921. Vol. 2. Military art of the Red Army*. M. Military Bulletin, 1928. Pp. 159–182.
19. Krasnov P. N. "Pavloniy". 1-e *Voennoe Pavlovskoe Uchilishche polveka tomu nazad* ["Pavloniy". 1st Military Pavlovsk School half a century ago] // P. N. Krasnov. *Vospominaniya o Russkoj Imperatorskoj armii* [Memoirs of the Russian Imperial Army]. M. Iris-press. 2006. Pp. 39–176.
20. Kusher Yu. L. *Russkaya Armiya general-lejtenanta P. N. Vrangelya* [Russian Army of Lieutenant General P. N. Wrangel] // *Voенно-istoricheskij zhurnal – Military History magazine*. 2005. No. 11. Pp. 49–53.
21. *Lava – Lava* // *Voennaya enciklopediya. Tom 14. Krukovskij – Linta – Military encyclopedia. Vol. 14. Krukovskiy – Linta*. SPb. I. D. Sytin partnership publ. 1914. Pp. 449–450.
22. *Lava kazach'ya – Cossack lava* // *Enciklopediya kazachestva – Encyclopedia of the Cossacks* / comp. G. V. Gubarev, ed. by A. I. Skrydlov. M. Veche. 2007. P. 228.
23. Markov [M. I.] *Istoriya konnicy : v 3-h ch.* [History of cavalry : in 3 hours]. Tver. Typo-Lithography of F. S. Muravyev. 1886–1888.
24. Pylin B. S. *Alekseevskim polkom* [With the Alekseevsky regiment] // *Ot Orla do Novorossiyska – From Orel to Novorossiysk* / comp. S. V. Volkov. M. Tsentrpoligraf. 2004. Pp. 407–440.
25. *Razgrom Vrangelya – The Defeat of Wrangel*. Kharkiv. Poyuzha. 1920.
26. Taratorin D. V. *Konnica na vojne: istoriya kavalerii s drevnejshih vremen do epohi Napoleonovskih vojn* [Cavalry at war: the history of cavalry from ancient times to the era of the Napoleonic Wars]. Mn. Harvest. 1999.
27. Frunze M. V. *Vrangel'* [Wrangel] // *Perekop i Chongar : sb. statej i materialov – Perekop and Chongar : collection of articles and materials* / under the gen. ed. of A. V. Golubev. M. State Military Publishing House. 1933. Pp. 16–22.
28. Curikov N. [A.] *Pamyati geroya-drozdovca* [In memory of the hero-drozdovets] // *Gallipolijskij vestnik – Gallipoli herald*. Sofia. 1938. No. 57. Pp. 40–45.

Дорожные ухабы: особенности зимних передвижений в России в XVIII – первой половине XX века

В. А. Коршунков

кандидат исторических наук, доцент, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. E-mail: vla_kor@mail.ru

Аннотация. Дорожная и транспортная проблематика чрезвычайно важна для понимания Российской империи – крупнейшей континентальной державы мира. «Культура дороги», «традиционная культура путешествия», «дорожная традиция» России, обстоятельства дорожных передвижений в Российской империи стали изучаться историками, антропологами, этнографами только с конца прошлого века. В историографии обычно не уделяется внимания угрозам жизни и здоровью у тех, кто в XVIII – первой половине XX в. пользовался гужевым транспортом. В этой статье рассматриваются неудобства, присущие зимним дорогам России в то время. Таким образом, в центре внимания находятся постоянные и повсеместные обстоятельства, которые делали почти каждое дорожное перемещение непредсказуемым и опасным. Главное из них – ухабы на зимних дорогах. Источниками для этой работы послужили многочисленные мемуарные тексты, а также архивные документы. Существенным дополнением являются и произведения художественной литературы. При этом важно, чтобы дорожная тематика в этих личных документах и нарративных источниках не являлась основной, сюжетообразующей.

Считается, что до появления железных дорог и качественных шоссе удобнее было ездить по России при минусовых температурах, а не в теплое время года. В целом это так: сухопутные дороги на протяжении многих веков находились в столь плохом состоянии, что по сравнению с этим поездка зимой на санях была проще и быстрее. Однако удобными зимние поездки были только в самом начале зимы, пока на дорогах не появлялись ухабы. Они доставляли немало хлопот: из-за них постоянно случались поломки и травмы. Во всяком случае, движение сильно замедлялось. Ухабы формировались, главным образом, из-за частого проезда множества нагруженных саней.

Парадокс в том, что именно зимой, когда происходили основные перемещения грузов, дороги от этого и повреждались. В тех краях, где зима была слишком долгой (например, на севере европейской части России и в Сибири), дороги могли настолько испортиться, что делались почти вовсе непроезжими. Для Российской империи особенно значимым был Большой Сибирский путь с гужевым движением по нему, и как раз там с середины зимы проезд оказывался чрезвычайно затрудненным.

Ключевые слова: дорожная традиция, зима, транспорт, дорожное движение, дорожные инциденты, мемуары, архивные документы.

Зимние пути. Для России, самой обширной страны в мире, обустройство сухопутных коммуникаций и средства передвижения имели значение жизненно важное, особенно до распространения современных способов транспортировки людей, грузов и сообщений. Однако природно-климатические условия жизни в северной Евразии зачастую не способствовали быстрым и удобным перемещениям на дальние расстояния.

Считается, что до появления железных дорог и качественных шоссе удобнее было ездить по России при минусовых температурах, а не в теплое время года. И. С. Никитин в поэме «Кулак» (1854–1857) писал о начале зимы: «Пошли с товарами обозы // По Руси вдоль и поперек. // Ползет, скрипит дубовый полз, // Река ли, степь ли – нет нужды: // Везде проложатся следы!» Когда мороз, то по воде ли, по степи – все одинаково и потому удобно. А. С. Пушкин в романе «Евгений Онегин» повествовал о поездке Лариных в Москву: «За то зимы порой холодной // Езда приятна и легка. // Как стих без мысли в песне модной, // Дорога зимняя гладка». Правда, судя по контексту, Пушкин иронизировал, да и выходит, что семейство добиралось до Москвы неделю. Делая примечания к этому месту романа, Пушкин ссылался на П. А. Вяземского – одного из самых непоседливых русских поэтов, по верному замечанию историка Н. С. Борисова [3, с. 175. См. также: 37]. Вяземский в 1829 г. опубликовал «отрывок из путешествия в стихах» под названием «Станция». Он там писал, что «свободна русская езда», когда «зима свершит, треща от гнева, // Опустошительный набег, // Путь окует чугуном льдистым, // И запорошит ранний снег // Следы ее песком пушистым». В стихотворении «Масленица на чужой стороне» (1853) Вяземский декламировал: «Нам не страшен снег суровый, // С снегом – батюшка-мороз, // Наш природный, наш дешевый // Пароход и паровоз».

Так что, если обобщать, то зимой катить в санях и вправду было удобно. Но это, если обобщать и не вдаваться в подробности. А подробности важны.

А. Н. Радищев в 1790 г. в своем «Путешествии» сравнивал Россию с Римской империей: «Римляне строили большие дороги... Дороги, каковые у римлян бывали, наши не будут никогда; препятствует тому наша долгая зима и сильные морозы...». В одной из книг публициста-историка В. Р. Мединского, в разделе о «русской лени», есть «Этюд о дорогах...». Автор задается тем же вопросом, что и Радищев: почему в Римской империи прокладывались качественные дороги, а в империи Российской – нет? Согласно Мединскому, «как раз наш суровый климат позволял обходиться вообще без дорогостоящих дорог. Наоборот, в том, чтобы их не строить, имелась экономическая целесообразность. Большую часть года, на несколько месяцев от осени до весны, когда замерзали реки, вся страна покрывалась сетью отличных гладких великолепных шоссе. К тому же абсолютно бесплатных». Мединский напоминает: у нас ездили зимой по льду [20, с. 515, 517]. По Радищеву, морозная погода не позволяет устраивать качественные трассы, а по Мединскому, так даже лучше – они и не были нужны.

Однако при внимательном изучении нарративных источников и документов становятся заметны специфические обстоятельства, присущие зимним передвижениям. Здесь будет рассмотрено одно из них – как представляется, ключевое. Оно значительно затрудняло поездки и перевозки.

Современники и знатоки русской старины иной раз указывали: препятствовали движению снежно-ледовые ухабы прямо на проезжих путях. Историк Н. И. Костомаров писал о допетровской эпохе: «Зимние дороги России славились своими удобствами. Но мы думаем, что это удобство удваивалось в глазах современников от сравнения с крайним неудобством летних путей: и в настоящее время зимние дороги у нас не совсем удобны по причине ухабов» [16, с. 302]. Костомаров пояснял, что прежде товары преимущественно перевозили либо зимой на санях, либо летом по воде. А сухопутными дорогами в теплое время года добраться на дальнее расстояние было почти невозможно: «Русские дороги представляли во все лето не только неудобства, но и опасность для жизни...» [15, с. 218, 219]; «Пути сообщения находились вообще в самом невыгодном состоянии и ужасали иностранцев, приезжавших в Россию»; «Правительство не заботилось об улучшении летних дорог... Мосты были редки, а те, которые существовали, по выражению иностранцев в XVI веке, не держались, а плавали» [15, с. 217, 301]. Кстати, о плавании... При таком положении дел часто использовали речной транспорт (зимой путь нередко прокладывали по замерзшим руслам больших рек). А если приходилось пользоваться конной тягой? Спустя век после Костомарова историк Э. Г. Истомина заметила: «Лучшим временем для перевозок гужевым транспортом была зима. Но и зимние дороги часто и во многих местах не спасали положения – глубокие снега, заносы, гололедица делали их непреодолимыми» [10, с. 23].

Зимние дорожные неудобства историками, этнографами, специалистами по отечественной культуре и бытовой повседневности всерьез не обсуждались. Так, Н. С. Борисов в своей книге со ссылкой на два текста 1840-х гг. лишь отмечает вкратце тяготы пути «от ухабов, раскатов и зажоров», а также от вынужденной езды по снежной целине [3, с. 74, 75].

Каковы же были условия зимних перевозок по России гужевым транспортом? Насколько значимыми оказывались затруднения из-за дорожных ухабов и скользких раскатов? Что и как писали об этом современники, люди XVIII – первой половины XX в.? Именно об этом историческом периоде, когда еще сохранялись традиционные пути-дороги и традиционные средства передвижения, у нас более всего разнообразных сведений – мемуаров и публицистики, архивных документов, этнографических описаний, а также тех художественных текстов, которые создавались в реалистической манере. При этом важно, чтобы дорожная тематика в таких личных документах и нарративных источниках не являлась основной, сюжетообразующей.

Эта тематика лежит в русле начавшихся в последние десятилетия исследований так называемой дорожной традиции России (иначе: дорожной повседневности, культуры дороги, традиционной культуры путешествия). Дорожной традицией можно назвать условия, обстоятельства, ситуации, которыми сопровождалась сухопутные перемещения на дальние расстояния [3; 4; 12; 14; 19; 35].

Задержки, поломки, травмы. П. А. Вяземский иронически воспел привычные дорожные препоны в стихотворении «Ухаб» (1818). Чацкий у Грибоедова попал «с корабля на бал», а герой Вяземского восклицал: «...С бала я попал в ухаб!» Это стихотворение сложилось у поэта, когда ему пришлось срочно выехать в дальний путь: «В ухабе сидя, как в берлоге, // Я на

досуге рассуждал // И в свете, как и на дороге, // Ухабов много насчитал». Важное его наблюдение: с большим грузом, свысока, падение в ухаб опаснее, притом что «яма та же // В смиренных розвальнях сносней!» (крестьянские санки-розвальни – низкие, и потому падение с них не слишком опасно). Помянуто и столкновение со встречными: «...Наедет случай – и с дороги // Как раз в ухаб тебя столкнет».

У Вяземского есть стихотворение, написанное спустя десять лет, с лаконичным названием «Ухабы. Обозы». Обозы вместе с ухабами – оттого, что вереницы тяжело нагруженных саней проделывали на зимнем пути огромные выбоины: «Покажется декабрь – и тысяча обозов // Из пристаней степных пойдут за барышом, // И путь, уравненный от снега и морозов, // Начнут коверкать непутем». Такие ухабы – это «стоячая качка», «волны без движенья». А обозы – наше «зимнее судоходство». «...Но в проезжающих болят от вас бока». Как бы подытоживая тему зимних передвижений, Вяземский в стихотворении «Кибитка» (написанном тогда же, в 1828 г.) отзывался о зимней езде как о злочищении: «Нет, нет, путь зимний не по мне: // Мороз, ухабы, вьюги, снега».

Наблюдения опытного путешественника, литератора Вяземского очень важны для того, чтобы представить, каковыми были ухабистые дороги в тогдашней России, по которым сутками напролет приходилось ездить миллионам людей.

В России XVII-го в. во время зимних поездок царя по окрестностям Москвы некоторые из его служителей назначались в «ухабничие» – для поддержания возка на ухабах. Как они действовали, видно на таком примере. В 1650-х гг. в Москве побывал патриарх Антиохийский Макарий III. Согласно описанию, патриарх со свитой отправился зимою в путь по центральной России с сопровождением: «Воевода и другой боярин, назначенный нам сопутствовать, встали сзади у углов саней, держась за них руками... <...> Оба драгомана и боярин сменялись у углов саней, как в знак почета, так и для того, чтобы сани не опрокидывались при подъемах и спусках. <...> Мы чувствовали большое утомление, потому что здешние дороги весьма затруднительны по причине подъемов и спусков; сани, словно корабли на Черном море, качались направо и налево. Поэтому драгомены с утра до вечера держались за сани (владыки), чтобы они не опрокинулись; наши же сани опрокидывались с нами неоднократно» [29, с. 201, 202]. Выделенная патриарху почетная стража исполняла обязанности «ухабничих».

Интересна фраза в мемуарах протоиерея Герасима Никитникова, вспоминавшего свое детство. Он с 1821 г. учился в Тульском духовном училище. Как-то раз зимой знакомый подвез его до села в Алексинском уезде, где тогда жило семейство Никитниковых. «Кадет Макаренко мимоездом довез меня до самого нашего села благополучно и покойно; зимний глухой возок, в коем мы ехали, один только раз и притом ночью повалился на бок, но никакого вреда нам не причинил» [34, ф. 170, оп. 1, д. 328, л. 30 об.]¹. Если возок опрокинулся за время переезда по губернии лишь единожды – значит, поездка спокойная и благополучная.

Т. П. Пассек, урожденная Кучина, в 1830-х гг. жила в Харькове, и они с мужем В. В. Пассеком много ездили (например, в Москву). Она в своих воспоминаниях приводила отрывок, написанный мужем. Там он отмечал: «Частые метели заносят путь, обозы выбивают такие глубокие, последовательно идущие ухабы, что поездка становится невыносима, медленна и утомительна до крайности».

Краевед И. И. Железнов в беллетризованном очерке вспоминал, как он в декабре 1852 г. выехал из Уральска к «башкирцам»: «...От этой поганой езды долго болели у меня бока. <...> ...Только и смотрел, как дряхлый возок мой, ныряя из ямы в яму, треснет и рушится».

Публицист И. С. Аксаков во время путешествия по Западной Европе в посланиях к домашним сравнивал тамошнюю погоду с той, какая должна быть в это же время в России. В феврале 1860 г. он обронил фразу: «Говорят, такие ухабы в Москве, что лошади останавливаются». Когда зимой 1860–1861 гг. он возвратился в Россию, то в письме в Вену, уже из Москвы, сообщал: их встретила «русская зима с 20 градусами мороза, с сугробами снега и с глубокими ухабами...». Было трудно: «Сестру Веру ухабы до такой степени расколотили и расстроили, что мы вынуждены были отдыхать по ночам на сквернейших станциях». (Обычно предпочитали по хорошей дороге ехать и ночью тоже, при этом пассажиры спокойно дремали. А ночевать на почтовых станциях зачастую было неудобно: шум, грязь, вонь, теснота, клопы да блохи, невозможность как следует поесть и отдохнуть.)

¹ О Никитникове и его воспоминаниях: [11, с. 116–119].

Общественный деятель и журналист Н. А. Чарушин (1851–1937) родился в г. Орлове Вятской губернии. В декабре 1866 г., когда он, подросток, учился в гимназии губернского центра, скоропостижно скончался его отец, уездный чиновник. Чарушин вспоминал: «...Выяснилось, что он, во время очередного объезда уезда вместе со своим письмоводителем Банниковым, в одном ухабе вывалился из повозки и был поднят уже без признаков жизни. Человек он был довольно грузный, и сердце от потрясения, вероятно, отказалось служить дальше».

Саратовский старожил В. А. Шомпулев в очерке «Провинциальные типы сороковых годов» (1898) повествовал о зимних забавах: «...Одним из самых любимых развлечений были загородные катанья. <...> В одно из таких катаний Фадеев с юным гусаром Новиковым, догоняя поезд (разумеется, санный. – В. К.), мчались с бедовою вдовушкой бальзаковского возраста, причем сани, застегнутые медвежьей полостью, опрокинулись в ухаб, кучер вылетел с козел, и седоков несли лошади до тех пор, пока доскакали до передней тройки. Результатом этого был перелом руки у вдовушки...».

Опрокидывания в сугробы и травмы на ухабистых дорогах – самое заурядное в те годы дело. И поломки экипажей тоже. Скажем, писатель Н. С. Лесков в молодые годы, во второй половине 1850-х гг., работал в торговой компании и много ездил по служебной надобности. В статье, опубликованной в 1864 г., он вспоминал: «Один раз, именно лет шесть или семь назад, я выехал из Москвы в Пензу с двумя попутчиками... Дело было зимой, так после Николе (6 декабря по старому стилю. – В. К.), а уж были ухабцы. Ехали мы в рогожном возке, купленном нами сообща в Москве. <...> А уж я говорю, местами были ухабцы, и таки раскатило становилось. В одном таком-то местечке возок наш со всего разбега бух в ухаб, а оттуда прямо в раскат да полозом о мерзлый гребень раската, – так двух копыльев как и не было. Неприятное дело! Дотащил нас ямщик до первой деревни и стой: чиниться нужно». Зима только началась – а уже «ухабцы».

Поэт А. А. Фет писал, как его, подростка, в начале 1835 г. повезли из поместья в Петербург. Поездка ему запомнилась: «К сожалению, мы попали в такие ухабы и развалы...». Известно, что Фет, став взрослым, не любил путешествовать.

Ребенок в придорожном сугробе. Профессор-медик З. Г. Френкель (1869–1970) вспоминал детские годы, когда он учился в Козелецком городском училище на Украине. Зимой с ним приключилась неприятность: «Ухабы от снежных заносов на дороге были глубокие, и однажды при переезде через такой ухаб я был выброшен из саней. Хлопец-возница этого не заметил».

Подобный случай произошел и с архитектором А. Г. Тинским (1920–2006). Это было еще опаснее, потому что ему тогда и одного года не было. В беседе с журналистом Тинский рассказывал, как его, восьмимесячного, везли в санях по неровному северному зимнику. На одном из ухабов так тряхнуло, что он выскользнул в сугроб [1, с. 191]. Тинский родился 25 февраля 1920 г. в г. Каргополе Архангельской губернии. А когда ему исполнилось девять месяцев, семейство решило перебраться в Петроград к родственникам [1, с. 7, 288]. Восемь месяцев от роду или девять – для пожилого рассказчика не слишком существенно. Переселение из Каргополя в Петроград происходило ранней зимой 1920 г., по установившемуся зимнему пути. Похоже, что тот случай относится ко времени переезда семьи Тинских из Архангельской губернии. Хоть и начало зимы, а уже ухабы...

О. Н. Мельникова, родившаяся в 1939 г. в белорусской деревне, в воспоминаниях о прошедшем на годы войны детстве писала, что сельские жители во время оккупации старались покидать свои жилища, если узнавали, что приближаются немцы. Они временно перебирались в ту деревню, где враг не квартировал. «Если поездка случалась зимой, нас, маленьких, закутывали в одеяла и укладывали на сани. Однажды меня вытряхнули из саней – я оказалась лежащей на снегу. Слава богу, следующие сани меня подобрали и довезли до Куковичей, где мы ночевали в тот день».

Впечатления иностранцев. От тягот долгих и ухабистых зимних путей по России особенно страдали непривычные к этому иностранцы. Немецкий ученый и путешественник Д. Г. Мессершмидт в декабре 1726 г. ехал по ямской дороге из Соликамска в Хлынов. Он вел дневник, аккуратно все фиксируя. Мессершмидт воспринимал дорожные напасти стоически. Постоянные, хотя и лаконичные, лишённые эмоций записи производят сильное впечатление. Сани плелись медленно, с задержками и поломками, зачастую со скоростью всего лишь три версты в час. На снежных ухабах они постоянно переворачивались. Со дня на день в дневнике – одно и то же: частые опрокидывания и задержки, измученные лошади; тяжелая дорога, обесси-

ленные лошади; очень разъезженная дорога, на которой сани изрядно переворачивались... 29 декабря волоклись до д. Карино около восьми часов по столь дурному пути, что сани опрокидывались, как подсчитал дотошный ученый, двадцать раз [23, с. 89, 92, 98, 99, 100, 101, 103].

Путешествовавшая в 1786 г. по России английская писательница Э. Кравен (Крейвен) мучилась вот как: «Несказанное множество саней, беспрестанно переезжающих по снежной дороге, делают по обеим ее сторонам ухабы или ямы, и если сани в них попадут или когда надобно будет из них выезжать, тогда повозка получает такие удары, которые, уверяю вас, могут проломить и самую крепкую голову. Меня вываливали два раза».

Приехавшая погостить в Россию из Великобритании Кэтрин Вильмот вечером 15 декабря 1805 г. писала из Москвы на родину, своей сестре Алисии: «Я должна идти в постель, так как все мои кости болят после дорог, состоящих из ледяных гор и ущелий!» Эдакие горы и ущелья делали путь невыносимым. Выразительное описание зимних дорожных страданий помещено в ее письме к Анне Четвуд от 21 марта 1806 г.: «Боже, сколь красноречивы должны быть выражения, повествующие об ужасах путешествия в России! Ровные торговые дороги внезапно становятся огромными холмами перепаханного замерзшего снега, через которые нужно продвигаться, с глухим стуком проваливаясь в ямы такого же размера. В этих ужасных ухабах иногда приходится сидеть минут по двадцать. Несчастные лошади падают от усилий, стараются вытянуть экипаж, вновь и вновь понукаемые десятками слуг, которые с обеих сторон подталкивают карету».

В январе 1886 г. американский журналист и путешественник Дж. Кеннан проезжал по Сибири. Он вспоминал: «Жестокие арктические метели и четыре или пять тысяч тяжело груженных саней объединенными усилиями образовывали из лежащего на этом отрезке дороги глубокого снега огромные поперечные валы, называемые в Сибири ухабами. Эти насыпи утрамбованного снега имеют от четырех до пяти футов от основания до вершины и пятнадцать-двадцать футов от одного гребня до другого, и, когда наша тяжелая повозка с грохотом взбиралась по склону такой насыпи, а затем, трясясь, устремлялась вниз, от этого начинали болеть все кости и появлялась раздражительность».

В 1905–1906 гг. венгерка Юлия Вихманн вместе со своим мужем, финским филологом и этнографом Юрьё Вихманном путешествовала по Казанской и Вятской губерниям. В феврале 1906 г. они проезжали по обеим сторонам Волги в районе г. Козьмодемьянска. Юлия записала в дневнике: «Сани, груженные тяжелыми бревнами, полностью испортили дорогу. Мы ехали по глубокой колее этой дороги. Много раз сани чуть было не опрокидывались, и наконец, мы упали, правда, удачно. В таких низких санях падение неопасно» [7, с. 131, 132].

Когда с ухабами и когда без. Чиновник Ф. Ф. Вигель (1786–1856) как-то раз следовал со своими знакомыми из Пензы в Москву. Отправились они 4 ноября. Впоследствии он вспоминал: «Перед самым нашим отъездом выпал снег, стали морозы и сделалось первопутье; оттого мы не ехали, а летели...». С. Т. Аксаков в «Детских годах Багрова-внука» (1857) писал: «...И мы отправлялись по *первозимью*, когда дорога бывает гладка как скатерть и можно еще ехать парами и тройками в ряд» (курсив автора. – В. К.).

Так что удобным движение могло быть именно в «первозимье», пока еще не намело сугробов и заносов. А значит, до появления больших ухабов. В начале зимы и ширина проезда бывала достаточной, чтобы «ехать парами и тройками в ряд». Тогда-то пушкинский крестьянин и торжествовал, «обновляя путь».

В противоположность тому иеромонах Никодим (Казанский) ехал в г. Вятку с запада в начале марта 1835 г., то есть под конец зимы. Дорога от переправы через Волгу возле Козьмодемьянска и до Царевосанчурска запомнилась ему «огромными ухабами», «страшными ухабами», после которых потребовалось чинить сани [9, 1913, вып. 1–2, отд. 3, с. 12, 13]. Сановник Д. А. Оболенский в 1854 г., и тоже под конец зимы, ездил по делам из Москвы в Новочеркасск и обратно. Вот каков был путь туда: «Дорога ухабистая, снегу пропасть, я измучился ехать день и ночь ровно пять суток». И назад: «Что я вытерпел дорогой из Харькова в Курск, того никаким пером нельзя описать и никакими словами сказать». Кроме прочего, дороги были изрыты тяжелыми военными колоннами: войска двигались в Крым, на помощь осажденному Севастополю: «Огромные военные фуры на колесах тянутся по всей дороге; шесть, а иногда семь лошадей насилу вытягивают ее из ухаба, иногда в сажень глубиною...» [8, с. 53, 56].

Земский статистик Н. Н. Романов указывал на трудности зимнего пути вятских возчиков, которые брались доставить грузы на север, в сторону Архангельска: «Дороги... бывают сносны только в начале зимы, а затем, с января месяца, они делаются никуда не годными. До-

роги эти не исправляются, а между тем по ним всю зиму происходит непрерывное движение, и не легких повозок, а тяжелых возов. Понятно, что на этих дорогах образуется огромное число ухабов и раскатов, в особенности когда побывают уже вьюги и оттепели. Лошадь выбивается из всех сил, вытаскивая возы на раскатах» [17, с. 35].

Ярославский чиновник В. И. Лествицын в марте 1869 г. отправился на Первый археологический съезд в Москву. Он выехал по дороге на Ростов Великий. Когда Лествицын был у первой ямской станции, за 19 верст от Ярославля, то к этому месту пути он приурочил такую запись: «Скажу два слова о дороге. Она невыносима». Далее он пояснил эти слова, жалуясь, прежде всего, на дорожные раскаты, которые бывают при ухабах: «Первая причина та, что она (дорога. – В. К.) шоссе, которая идет горбом над окрестностью, а так как обыкновенный экипаж русской – розвальни, раскатывающиеся по сторонам, то и образуется из дороги непрерывный ряд раскатов. Потом дорога оставалась на воле судьбы до ростовской ярмарки, а перед самой ярмаркой неровности ее сбиты, и этими сколками завалены ямы, но снега, который бы уравнивал дорогу, еще не было, а если и был, то из ям метель его выдула. Понятно, каково ехать по сколотому, неровному льду» [18, с. 19]. Упомянутая Лествицыным Ростовская ярмарка была значительной и проходила в начале Великого поста [13], то есть в конце зимы и начале весны. Доехав до Ростова, Лествицын заметил, что в эти дни ярмарка уже оканчивалась [18, с. 25]. Значит, ухабистый, с раскатами путь был неудобен всю зиму, даже при том, что ближе к весне его пытались хоть немного наладить.

Нырки, извалки, морская болезнь. Мотив опрокидывания на ухабе вошел в народную образцовую поэзию. Большинство свадеб на Руси игралось зимою. Именно тогда можно и нужно было мчаться в сани, но тогда же лихих поезжан подстерегали дорожные ухабы. Этнограф-любитель А. В. Фищев записал в 1926 г. старинный русский свадебный обряд Малмыжского уезда Вятской губернии. Перед отъездом к венчанию невеста исполняла «последний плач», упоминая «нырок» (то есть ухаб) как единственную надежду остаться в родительском доме [33, с. 28, 29].

Частный пристав в своем обращении в Вятскую городскую думу от 2 марта 1855 г. использовал то же местное слово «нырок», указывая на неустройство Хлебной площади в г. Вятке [34, ф. 630, оп. 8, д. 521, л. 5 об.]. Живший в Архангельске чиновник В. Е. Михайлов, характеризуя в 1858 г. дорогу из вятских пределов на север, употребил слово «нырок», выделив его курсивом. Нырки – это «глубокие котловины», «в которых лошади пробивают себе ступени, в виде лестницы» [21, с. 9]. В рассказе Н. Д. Телешова «На тройках» (1892) несколько москвичей зимним путем добирались из Казани к Перми. На почтовой станции местный житель, отвечая на вопрос, какова дальше дорога, произнес: «Нырковата, сударь. Ямщики вчера были, скажут, очень нырковата...». Статистик П. И. Наумов, описывая в 1902 г. одну из проселочных дорог в Яранском уезде Вятской губернии, отмечал, что она постоянно портится. «Чтобы избежать наиболее испорченных участков, проезжие в зимнее время делают объезды, вследствие чего многочисленные разветвления проселка образуют целую дельту между г. Царевосанчурском и с. Сметанинским, имеющую в ширину до 1 версты. Но и эти боковые объезды после одного только особенно оживленного базара приходят в самое невозможное состояние: каждый из них представляет непрерывную цепь ухабов, “нырков”, глубиной от 1 до 3 аршин» [24, с. 97]. В 1912 г. вятские дорожные статистики в тексте официального доклада использовали это слово в отношении летней дороги: «В сухое жаркое время на дороге образуется масса выбоин и нырков...» [28, с. 55]. В 1994 г. в г. Яранске Кировской области от старожилки П. Т. Волковой записана песня «Борковская деревня», в которой на фоне привычного бездорожья фигурируют местные реалии: «Вот тройка Лебедева скачет // Вдоль по дорожке столбовой. // Ямщик сидит и чуть не плачет: // «Опять нырок, родные, стой!» [25]. В воспоминаниях жившей в детстве на окраине г. Кирова А. С. Ситниковой (Кононовой, 1938 г. р.) при описании зимних забав также упомянут «нырок» – на заснеженной горке: «Я несколько не боялась спускаться с Демидихиной горы, несешься и только подпрыгиваешь на нырках-ухабах». Вятский учитель Н. М. Васнецов, составляя словарь местных говоров, даже общеупотребительное «ухаб» объяснял через хорошо понятный вятчанам диалектизм. Согласно его толкованию, ухаб – это «выбоина в дороге, нырок» [5, с. 330]. При этом в словаре Васнецова статьи «Нырок» нет вовсе. А у В. И. Даля термин народной речи «нырок» появляется внутри статьи «Ныра» и объяснен так: «Выбоина по зимнему пути, шибель, ухаб» – с примером: «На нырках поясницу изломало» [6, с. 561].

В романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы» (1883) слово «нырок» использовано для обозначения ухаба не на зимней, а на весенней проселочной дороге, когда

снег уже сошел. Еще в этом романе говорится о поездке зимним путем на Ирбитскую ярмарку. Она проводилась в г. Ирбит Пермской губернии в течение февраля. «Подъезжая еще к Ирбиту, Привалов уже чувствовал, что ярмарка висит в самом воздухе. Дорога была избита до того, что экипаж нырял из ухаба в ухаб, точно в сильнейшую морскую качку. Нервные люди получали от такой езды морскую болезнь».

В 1867 г. народоволец Л. Ф. Пантелеев вместе с женой ехал в ссылку из Красноярска на север Енисейской губернии. Наступила весна, но снег еще лежал. Дороги были плохими, размытыми. Этот путь запомнился им тем, что постоянно случались опрокидывания в снег. Жена вспоминала: «Лесной проселок был страшно выбит приисковыми обозами, наша кошевка часто опрокидывалась на раскатах и ухабах, и мы выпадали в снег». Когда зимой 1874 г. Пантелеев возвращался из Сибири, то, по его словам, «от долгой езды ощущалось иногда что-то вроде морской болезни».

О «морской болезни» на Большом Сибирском тракте упоминал А. П. Чехов, который в 1890 г. пересек всю Сибирь до Тихого океана. Правда, Чехов ехал колесным путем, но когда он писал в одной из своих газетных корреспонденций о том, как тракт чинят, то заканчивал словами: «Потом идет снег и покрывает дорогу ухабами, единственными в свете, укачивающими до морской болезни...».

Словом «нырок» верно определяется ощущение едущего по дурной зимней дороге человека, когда его укачивает и мутит. Впечатления от поездки по Москве в начале весны отразились в стихотворении О. Э. Мандельштама «На розвальнях, уложенных соломой» (1916), где есть точная строка с однокоренным «нырку» глаголом: «Ныряли сани в черные ухабы...». Да, под конец зимы и на городских улицах появлялись огромные ухабы. В романе Я. П. Полонского «Признания Сергея Чалыгина» (1867) рассказывалось от лица мальчика-подростка о зимней поездке по Петербургу в середине 1820-х гг.: «Петербургские улицы не без ухабов. Эти ухабы я теперь проклинаяю; но тогда, по милости этих ухабов, сильно раскачивался кузов кареты и Верочка хваталась за мою руку». В воспоминаниях о Москве середины XIX – начала XX в. они тоже упоминались непременно: «...К весне Москва бывала вся в ухабах...»; «...Зимой такие были ухабы, что лопались дуги и клещи у хомутов...»; глубокие ухабы, «они всегда были египетской казнью москвичей. На них часто происходили аварии, калечились лошади, ломались экипажи. Часто страдали и седоки, ломая себе руки и ноги»; «Зимою дороги покрывались глубокими ухабами, по которым ныряли сани, как по волнам, то проваливаясь в глубину, то взбираясь ввысь, чтобы снова нырнуть и опять подняться» [22, с. 43, 107, 210, 427]. В романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин», когда старушка Ларина с дочерью приезжает в Москву, их «возок несется чрез ухабы». В «Онегинской энциклопедии» (со ссылками на Ю. М. Лотмана и др.) указано: это происходило, очевидно, в конце января – начале февраля 1822 г., и проезжали они по одной из центральных улиц – Тверской, которая уже давно была вымощена булыжником. «Улицы же Москвы с бойким движением сильнее страдали от повреждения мостовой даже зимой». Несмотря на каменное покрытие улиц, «это не спасало их от повреждений, а ездовых – от неприятных ощущений» [26, с. 625]. Повреждения мостовой, если имеются в виду выбоины и просадки в каменном покрытии, не столь существенны: ухабы появляются не обязательно на этих самых местах, а просто в толще слежавшегося снега и льда. Но И. А. Колосова, автор статьи в энциклопедии, права: они образуются от «бойкого движения», которое свойственно городу. Добавим: ухабы бывают от многоснежья, особенно характерного для предвесенней поры, – так и в стихотворении Мандельштама, так и у Пушкина.

Диалектное существительное «нырок», распространенное преимущественно на Русском Севере, на Вятке, Урале и в Сибири, стало основой для бранного фразеологизма (записанного на Тамбовщине): «Нырки тебя исколоты» [31, с. 324]. Использовал это слово учитель из Перми Н. С. Попов, составивший в начале XIX в. описание своей губернии [27, с. 113]. На Вологодчине ухабы называют «нырками», «проломками», «кальями»: «Дорога-то вся в нырках»; «Нонечи дорога-то худая, вся в кальи розмята»; «Идешь, а дорога-то кальковатая <ухабистая>»; «Вон какие проломки-то на дорогах, дак всю растрясет» [2, с. 187].

На Вятке ухабистые места по зимнему пути могли выразительно называть «извалками». Н. М. Васнецов толковал это слово так: «Роскати с ухабами на зимней дороге» [5, с. 94]. Однокоренными терминами на Русском Севере, в Сибири, Поволжье и других местах обозначали ямы и небольшие пологие возвышенности – как правило, посреди пути [30, с. 100, 110, 111].

У русских жителей Советского района Кировской области записаны такие речения: «По этим ухабинам так екает, что того гляди и вылетишь из саней»; «Пока ехали по ухабам,

дак так наекало, что на ногах не могу стоять»; «Сани не катят – дорога боле шадровитая – одны комлоки» [32, с. 85, 189, 372–373].

Парадокс зимних передвижений. Ездить по дорогам зимою и вправду иной раз бывало проще и быстрее, чем летом (не говоря уж о весне или осени). Все же и тогда передвижение могло оказаться неудобным и опасным. Дорожные ухабы – это почти забытая ныне напасть. Вроде бы ухабы – не самое страшное из того, что встречал человек на своем пути. Однако они доставляли немало хлопот: из-за них постоянно случались поломки и травмы. Во всяком случае, движение сильно замедлялось.

Ухабы формировались, главным образом, из-за частого проезда тяжело нагруженных санных обозов. Наметет вьюга на дорогу снег, умнут его грузовые сани – тогда на дорогах вздыбливаются холмы, и чередование быстрого спуска с медленным подъемом становится тягостным и опасным. Когда на пути высились снежно-ледяные курганы, то при скатывании случались поломки и опрокидывания, а при подъеме нужно было выходить из саней, понукать и вытягивать лошадей наверх. Поездка по таким горкам могла довести путешественников до настоящей «морской болезни».

Парадокс в том, что зимой, когда шло много груженных обозов, они-то дороги и разбивали, создавая те снеговые возвышения и скользкие раскаты, которые сильно портили путь. В тех краях, где зима была слишком долгой, дороги ближе к весне могли настолько испортиться, что делались малопроезжими. Недаром в наших источниках столько нареканий на положение дел на Севере и в Сибири. Для Российской империи особенно значимым (до появления железнодорожного сообщения) был Большой Сибирский путь с гужевым движением по нему, и как раз там с середины зимы проезд оказывался затруднен.

Список литературы

1. А. Г. Тинский – ученый, инженер-строитель, архитектор / отв. ред. Н. П. Гурьянова. Киров : Автор, 2007. 304 с.
2. Андреева Е. П. Образ дороги в языковом сознании диалектоносителя: по страницам «Словаря вологодских говоров» // Беловский сборник : мат. конф. / под ред. Г. В. Судакова [и др.]. Вологда : ВолНЦ РАН, 2017. Вып. 3. С. 185–188.
3. Борисов Н. Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья. М. : Мол. гвардия, 2010. 440 с.
4. Васильев М. И. Факторы формирования облика русских дорог в X – начале XX в. // Этнографическое обозрение. 2013. № 3. С. 125–135.
5. Васнецов Н. М. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка : Губ. тип., 1907. 357 с.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956. Т. 2. 779 с.
7. Дневниковые записи Юлии Вихманн (7.10.1905–29.12.1906) / пер. Э. Лебедевой // Финно-угроведение. 1996. № 3. С. 117–153.
8. Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб. : Нестор-История, 2005. 504 с.
9. Из записок преосвященного Никодима Казанского // Тр. Вятской ученой архивной комиссии. 1912. Вып. 3. Отд. 3. С. 1–50; 1913. Вып. 1–2. Отд. 3. С. 51–98.
10. Истомина Э. Г. Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX века. М. : Наука, 1982. 276 с.
11. Коршунков В. А. Ветроум: странное, страшное, смешное в повседневной жизни русской провинции XVIII – начала XX века. М. : Редкая птица, 2021. 320 с.
12. Коршунков В. А. Дорожная традиция России: поверья, обычаи, обряды. М. : Форум, 2015. 240 с.
13. Коршунков В. А. Почему Масленица в Ростов ездила? // Русская речь. 1998. № 4. С. 97–102.
14. Коршунков В. А. Путь сквозь века и земли: дорожная традиция России. М. : Редкая птица, 2020. 624 с.
15. Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М. : Республика, 1992. 303 с.
16. Костомаров Н. И. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях // Н. И. Костомаров. История Руси Великой : в 12 т. М. : Мир книги, 2004. Т. 9. С. 209–430.
17. Краткие очерки уездов Вятской губернии / сост. Н. Романов. Вятка : Печатня А. А. Красовского, 1875. Вып. 1. 225 с.
18. Лествицын В. От Ярославля до Москвы: поездка на съезд археологов или древнелюбителей. Ярославль : В Губ. тип., 1869. 78 с.
19. Матвеев А. В. Традиционная культура путешествия населения Среднего Прииртышья: (XIX – первая треть XX в.). Омск : ОмГПУ : Наука, 2010. 230 с.

20. *Мединский В. Р.* О русском пьянстве, лени и жестокости. Изд. 2-е, испр. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. 560 с.
21. *Михайлов В. Е.* О главных торговых путях из Вятской губернии к г. Архангельску и торговым пристаням. СПб. : В тип. Департамента внешней торговли, 1858. 36 с.
22. *Московская старина: воспоминания москвичей прошлого столетия* / общ. ред. Ю. Н. Александрова. М. : Правда, 1989. 541 с.
23. *Напольских В. В.* Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта : дневниковые записи, декабрь 1726. Ижевск : Удмуртия, 2001. 224 с.
24. [Наумов П.]. Экономическое описание грунтовых дорог Вятской губернии. Вятка : Тип. и хромо-лит. М. М. Шкляевой, 1904. 107 с.
25. Необрядовые песни Яранского района // Наш край. Яранск, 2010. № 9. URL: http://olnd.ru/09/15_pesni.html (дата обращения: 10.03.2022).
26. *Онегинская энциклопедия* / под общ. ред. Н. И. Михайловой. М. : Русский путь, 2004. Т. 2. 806 с.
27. *Попов Н. С.* Хозяйственное описание Пермской губернии. СПб. : В Имп. тип., 1811. Ч. 1. 395 с.
28. Приложение к докладу об экономическом исследовании грунтовых дорог / [ред. И. Безруков]. Вятка : Тип. А. А. Сильвинского, 1912. 70 с.
29. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века // Чтения в Имп. О-ве истории и древностей российских при Московском ун-те. М., 1897. Кн. 4 (183). С. 1–202.
30. *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф. П. Филин. Л. : Наука, 1977. Вып. 12. 386 с.
31. *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф. П. Филин. Л. : Наука, 1986. Вып. 21. 360 с.
32. *Смирнов Г. С.* Словарь бабы Нюры: составлен на основе говора жителей деревни Мокруша Советского района Кировской области. Киров : Дом печати – Вятка, 2011. 384 с.
33. *Фищев А. В.* Вятская старина. Днепропетровск : Проминформ, 1997. 102 с.
34. Центральный государственный архив Кировской области.
35. *Щепанская Т. Б.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М. : Индрик, 2003. 528 с.
36. *Boele O.* The travel peccadilloes of my idling Muse: Petr Vjazemskij's travel verse reconsidered // Russian Literature. 2003. Vol. 53. Pp. 25–40.
37. *Randolph J. W.* The singing coachman or, The road and Russia's ethnographic invention in Early Modern Times // Journal of Early Modern History. 2007. Vol. 11. № 1–2. Pp. 33–61.

Road potholes: the peculiarities of winter travel in Russia in the 18th – first half of the 20th centuries

V. A. Korshunkov

PhD in History, associate professor, Vyatka State University.
Russia, Kirov. E-mail: vla_kor@mail.ru

Abstract. Road and traffic problems are very important for understanding Russian Empire as the largest continental state in the world. The "road culture", "traditional travel culture", "road tradition" of Russia, the circumstances of traffic in Russian Empire began to be studied by historians, anthropologists and ethnographers from the end of the last century only. However, the threats to life and health of those who used horse-drawn carriages in the 18th – first half of the 20th century are not given attention in the historiography. This paper deals with the inconveniences on winter roads in Russia. Thus, the focus of this paper is on the constant and ubiquitous circumstances that made almost every road movement unpredictable and dangerous. The main problem is potholes on winter roads. The sources are the memoir texts, as well as archival documents. Works of fiction are an essential addition too. At the same time, it is important that the road theme in personal documents and narrative texts would not be the main and plot-forming.

It is believed that before the railways and high-quality highways, it was more convenient to travel around Russia at sub-zero temperatures and not in the warm season. In general, this is true: land roads for many centuries were so bad that in comparison with this, a winter trip on sleighs was easier and faster. However, winter trips were convenient only at the very beginning of winter, until potholes appeared on the roads. Potholes caused a lot of trouble: breakdowns and injuries constantly occurred. In any case, traffic was slowing down. Potholes were formed mainly due to the frequent passage of many loaded sleighs.

The paradox is that in winter, when the main traffic of goods took place, roads deteriorated from this traffic. In the regions where the winter was too long (for example, in the North of the European part of Russia and in Siberia), the roads could deteriorate so much that they became almost completely impassable. For Russian Empire, the Great Siberian Route with horse-drawn traffic along it was especially significant, and it was there that from the middle of winter the traffic turned out to be extremely difficult.

Keywords: road tradition, winter, transport, traffic, road incidents, memoirs, archival documents.

References

1. A. G. Tinskij – uchenyj, inzhener-stroitel', arhitektor [A. G. Tinsky – a scientist, civil engineer, architect] / ed. by N. P. Gur'yanova. Kirov. Avtor. 2007. 304 p.
2. Andreeva E. P. *Obraz dorogi v yazykovom soznanii dialektonositelya: po stranicam "Slovyarya vologodskih govorov"* [The image of a road in the linguistic consciousness of a dialect carrier: through the pages of the Dictionary of Vologda dialects] // *Belovskij sbornik : mat. konf. – Belovsky collection : conference materials* / ed. by G. V. Sudakov [et al.]. Vologda. VolNC RAN. 2017. Is. 3. Pp. 185–188.
3. Borisov N. *Povsednevnyaya zhizn' russkogo puteshestvennika v epohu bezdorozh'ya* [The Russian traveler's daily life in the off-road era]. M. Mol. Gvardiya. 2010. 440 p.
4. Vasil'ev M. I. *Faktory formirovaniya oblika russkikh dorog v X – nachale XX v.* [The factors which were shaping the appearance of Russian roads in the 10th – early 20th century] // *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 2013. No. 3. Pp. 125–135.
5. Vasnecov N. M. *Materialy dlya ob'yasnitel'nogo oblastnogo slovyarya vyatskogo govora* [The materials for the explanatory regional dictionary of the Vyatka dialect]. Vyatka. Gub. tip. 1907. 357 p.
6. Dal' V. I. [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. M. State Publishing House of Foreign and National Dictionaries. 1956. Vol. 2. 779 p.
7. *Dnevnikovye zapisi Yulii Vihmann (7.10.1905 – 29.12.1906)* [Diary entries of Julia Wichmann (7.10.1905 – 29.12.1906)] / trans. by E. Lebedeva // *Finno-ugrovedenie – Finnish and Ugric Studies*. 1996. No. 3. Pp. 117–153.
8. *Zapiski knyazya Dmitriya Aleksandrovicha Obolenskogo* [The notes of Prince Dmitry Alexandrovich Obolensky]. SPb. Nestor-Istoriya. 2005. 504 p.
9. *Iz zapisok preosvyashchennogo Nikodima Kazanskogo* [From the notes of the Right Reverend Nikodim Kazansky] // *Tr. Vyatskoj uchenoj arhivnoj komissii – Proceedings of the Vyatka Scientific Archival Commission*. 1912. Is. 3. Dep. 3. Pp. 1–50; 1913. Is. 1–2. Dep. 3. Pp. 51–98.
10. Istomina E. G. *Vodnye puti Rossii vo vtoroj polovine XVIII – nachale XIX veka* [Waterways of Russia in the second half of the 18th – early 19th centuries]. M. Nauka. 1982. 276 p.
11. Korshunkov V. A. *Vetroum: strannoe, strashnoe, smeshnoe v povsednevnoj zhizni russkoj provincii XVIII – nachala XX veka* [Vertroum: the strange, scary, and funny in the daily life of the Russian province from the 18th to the early 20th century]. M. Redkaya ptica, 2021. 320 p.
12. Korshunkov V. A. *Dorozhnaya tradiciya Rossii: pover'ya, obychai, obryady* [Road tradition in Russia: rites, customs, and popular beliefs]. M. Forum. 2015. 240 p.
13. Korshunkov V. A. *Pochemu Maslenica v Rostov ezdila?* [Why did Maslenitsa make visits to Rostov?] // *Russkaya rech' – Russian Speech*. 1998. No. 4. Pp. 97–102.
14. Korshunkov V. A. *Put' skvoz' veka i zemli: dorozhnaya tradiciya Rossii* [Travel through time and space: the road tradition in Russia]. M. Redkaya ptica. 2020. 624 p.
15. Kostomarov N. I. *Domashnyaya zhizn' i nruvy velikorusskogo naroda v XVI i XVII stoletiyah* [Home life and customs of the Great Russian people in the 16th and 17th centuries]. M. Respublika. 1992. 303 p.
16. Kostomarov N. I. *Ocherk trgovli Moskovskogo gosudarstva v XVI i XVII stoletiyah* [Essay on the trade of Muscovite state in the 16th and 17th centuries] // Kostomarov N. I. *Istoriya Rusi Velikoj* [A history of Great Russia] : in 12 vols. M. Mir knigi. 2004. Vol. 9. Pp. 209–430.
17. *Kratkie ocherki uezdov Vyatskoj gubernii* [Brief essays on the districts of the Vyatka province] / comp. by N. Romanov. Vyatka. Pechatnya A. A. Krasovskogo. 1875. Is. 1. 225 p.
18. Lestvicyn V. *Ot Yaroslavlya do Moskvy: poezdka na s'ezd arheologov ili drevnelubitelej* [From Yaroslavl to Moscow: a trip to the congress of archaeologists or of the amateurs of antiquity]. Yaroslavl. V Gub. tip. 1869. 78 p.
19. Matveev A. V. *Tradicionnaya kul'tura puteshestviya naseleniya Srednego Priirtysh'ya: (XIX – pervaya tret' XX v.)* [Traditional travel culture of the population of the Middle Irtysh region: (19th – first third of 20th century)]. Omsk. Omsk State University : Nauka Publ. House, 2010. 230 p.
20. Medinskij V. R. *O russkom p'yanstve, leni i zhestokosti* [About Russian drunkenness, laziness and cruelty]. 2nd ed., corrected. M. OLMA Media Grupp. 2008. 560 p.
21. Mihajlov V. E. *O glavnykh trgovykh putyakh iz Vyatskoj gubernii k g. Arhangel'sku i trgovykh pristanyah* [On the main trade routes from the Vyatka province to the city of Arkhangelsk and trade piers]. SPb. Department of Foreign Trade Publ. House 1858. 36 p.
22. *Moskovskaya starina: vospominaniya moskvichej proshlogo stoletiya* [Moscow antiquity: memories of Muscovites of the last century] / ed. by Yu. N. Aleksandrov. M. Pravda. 1989. 541 p.
23. Napol'skih V. V. *Udmurtskie materialy D. G. Messerschmidta: dnevnikovye zapisi, dekabr' 1726* [The Udmurt materials of D. G. Messerschmidt: diary records, December 1726]. Izhevsk. Udmurtiya. 2001. 224 p.
24. [Naumov P.]. *Ekonomicheskoe opisanie gruntovykh dorog Vyatskoj gubernii* [Economic description of the dirt roads of the Vyatka province]. Vyatka. Tip. i hromolit. of M. M. Shklyayeva. 1904. 107 p.
25. *Neobryadovye pesni Yaranskogo rajona* [Non-ritual songs of the Yaransky district] // *Nash kraj – Our Land*. Yaransk. 2010. No. 9. URL: http://olnd.ru/09/15_pesni.html (date accessed: 10.03.2022).
26. *Oneginskaya enciklopediya* [Onegin encyclopedia] / ed. by N. I. Mihajlova. M. Russkij put'. 2004. Vol. 2. 806 p.
27. Popov N. S. *Hozyajstvennoe opisanie Permskoj gubernii* [Economic description of the Perm province]. SPb. V Imp. tip. 1811. Part 1. 395 p.

28. *Prilozhenie k dokladu ob ekonomicheskom issledovanii gruntovyh dorog* [Supplement to the report on the economic study of dirt roads] / [ed. by I. Bezrukov]. Vyatka. Tip. A. A. Sil'vinskogo. 1912. 70 p.
29. *Puteshestvie Antiohijskogo patriarha Makariya v Rossiju v polovine XVII veka* [Journey of Patriarch Macarius of Antiochia to Russia in the first half of the 17th century] // *Chteniya v Imp. O-ve istorii i drevnostej rossijskih pri Moskovskom un-te* – Readings in Imperial Society of Russian history and antiquities at Moscow University. M. 1897. Book 4 (183). Pp. 1–202.
30. *Slovar' russkih narodnyh govorov* [A dictionary of the Russian folk dialects] / ed. by F. P. Filin. L. Nauka. 1977. Is. 12. 386 p.
31. *Slovar' russkih narodnyh govorov* [A dictionary of the Russian folk dialects] / ed. by F. P. Filin. L. Nauka. 1986. Is. 21. 360 p.
32. *Smirnov G. S. Slovar' baby Nyury: sostavlen na osnove govora zhitelej derevni Mokrusha Sovetskogo rajona Kirovskoj oblasti* [Dictionary of Granny Nyura: compiled on the basis of the dialect of the inhabitants of the Mokrusha village in the Soviet district of the Kirov region]. Kirov. Printing House – Vyatka. 2011. 384 p.
33. *Fishchev A. V. Vyatskaya starina* [Vyatka antiquity]. Dnepropetrovsk. Prominform. 1997. 102 p.
34. Central state archive of the Kirov region.
35. *Shchepanskaya T. B. Kul'tura dorogi v russkoj miforitual'noj tradicii XIX–XX vv.* [The road culture in the Russian mythological tradition of the 19th – 20th centuries]. M. Indrik. 2003. 528 p.
36. *Boele O. "The travel peccadilloes of my idling Muse": Petr Vjazemskij's travel verse reconsidered* // *Russian Literature*. 2003. Vol. 53. Pp. 25–40.
37. *Randolph J. W. The singing coachman or, The road and Russia's ethnographic invention in Early Modern Times* // *Journal of Early Modern History*. 2007. Vol. 11. No. 1–2. Pp. 33–61.

УДК 94(47+57)"1953/1964"

DOI: 10.25730/VSU.2070.22.005

Аграрные реформы периода «оттепели» 1953–1964 гг. как инструмент политической борьбы за лидерство внутри советского руководства

Д. Н. Конышев

кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета
им. О. Е. Кутафина. Россия, г. Киров. E-mail: Denis-Konyshev@mail.ru

Аннотация. Данная публикация посвящена рассмотрению вопроса реформирования советского общества и его важнейшей части – аграрной сферы после смерти И. В. Сталина как способа и результата утверждения нового политического лидера.

Актуальность обусловлена непрекращающимся интересом к реформам как способу преобразования отечественного общества и анализом роли в этом процессе политического лидера. Важность реформ именно в аграрном секторе определялась тем, что при общем невысоком уровне жизни в СССР в рассматриваемый период и низких потребительских ожиданиях населения руководству страны было необходимо решить задачу обеспечения населения основными продуктами питания в достаточном количестве.

При написании статьи использовались разноплановые источники, в том числе воспоминания политических деятелей, архивные материалы центральных и местных архивов. Внимание было уделено партийным и советским документам, статистическим данным, была проанализирована историография.

Цель исследования – выявить взаимосвязь и взаимообусловленность становления политического лидера и выбора пути развития государства в условиях советской политической системы.

Характеризуются особенности советской политической системы в 1953 г., в том числе отсутствие возможности планомерного и открытого рекрутирования политической элиты путем всенародных выборов, в силу чего круг претендентов на политическое наследие Сталина изначально был ограничен узким кругом его ближайших соратников. Вследствие общей ситуации в СССР к весне 1953 г. реформы как способ изменения повседневной жизни большинства граждан были крайне ожидаемы и необходимы, что позволяло их использовать и как средство для укрепления положительного образа политического лидера. В наибольшей степени в этом преуспел Н. С. Хрущев, который и стал полноправным лидером после устранения конкурентов. Стремление реагировать на проблемы простого народа выразилось в реформировании различных сфер советского государства, изменении отношения в обществе к Сталину.

Выводы и результаты статьи позволяют осмыслить взаимосвязь политической системы, утверждения политического лидера и выбора путей преобразований, они могут быть интересны как историкам, политологам, так и преподавателям истории России и СССР в учебных заведениях.

Ключевые слова: «оттепель», аграрные реформы, политический лидер.

Период 1953–1964 гг. вошел в отечественную историю под названием «оттепели», подразумевавшим самим названием некоторое потепление в жизни общества по сравнению с предыдущим временем. Вектор развития СССР был во многом задан в предыдущие десятилетия, особенно в послевоенный период 1945–1953 гг.

После ухода Сталина на вершине власти образовался некий вакуум, который предстояло заполнить его наследникам. Р. В. Даниелс проводит параллель в вакууме власти после смерти Ленина и после смерти Сталина [11, с. 331]. Отметим сходство в том, что оба руководителя не только не провозгласили преемника, но сделали все возможное, чтобы такового не было. В отсутствии возможности легитимной и планомерной передачи власти от одного лидера к другому закономерной была политическая борьба, итог которой и должен был определить нового лидера.

Изначально круг претендентов на высшую власть может быть сопоставим с членами Президиума ЦК КПСС, в который 5 марта 1953 г. вошли Л. П. Берия, Н. С. Хрущев, Г. М. Маленков, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Н. А. Булганин, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, М. З. Сабуров, М. Г. Первухин. Далеко не все из них действительно претендовали на роль полноправного политического лидера, оставаясь просто в ряду первых лиц партии и государства. Как отмечает Е. Ю. Спицын, 9 марта 1953 г. слово для выступления на траурном митинге было дано

лишь трем членам нового «узкого руководства» страны: Г. М. Маленкову, Л. П. Берии, В. М. Молотову, придавая таким «мелочам» знаковое значение [39, с. 6]. Отметим, что председателем Правительственной комиссии по организации похорон Сталина был назначен Н. С. Хрущев.

По мнению М. Добсон, «Сталин считался источником абсолютного знания и истины, божеством, которому следует безропотно поклоняться...» [13, с. 30]. Смерть Сталина поставила вопрос о его преемнике на посту главы партии и государства, а поскольку, по меткому замечанию Ю. В. Аксютин, «харизма Сталина не могла быть передана по наследству его наследникам вместе с занимаемыми им постами» [2, с. 401], то вполне логично последовал период борьбы за эту самую власть. На заседании Президиума ЦК КПСС 10 марта 1953 г. Маленков заявил о необходимости прекратить политику культа личности и перейти к коллективному руководству [10, с. 137]. Власть в 1953 г. было мало получить, следовало еще у нее утвердиться, а это предполагало определенную активность политических деятелей.

Вариантов определения вектора развития страны во взаимосвязи с выдвижением политического лидера в марте 1953 г. было несколько. Первый – оставить все как есть, не подвергать критике Сталина, управлять посредством «коллективного руководства». В общем-то предпосылки для этого были: Победа в войне, представление об СССР внутри и вне его как о мощном государстве, в орбиту влияния которого были вовлечены многие страны. Несмотря на трудное положение экономики, были и определенные аргументы за ее сохранение в неизменном виде: выживание страны в годы военных испытаний, снижение цен в послевоенные годы, восстановление разрушенного войной народного хозяйства.

Вторым вариантом можно считать сохранение существующего положения при выдвижении нового лидера, утвердившегося как правопреемника ушедшего вождя. Третий вариант – инициировать проведение различных преобразований, демонстрируя преимущества нового лидера и утверждаясь у власти в противовес другим.

Слабым звеном первого варианта, на наш взгляд, были бедственное положение в стране (низкий уровень потребления основных товаров и услуг) и невозможность длительного сохранения коллективного руководства – его хватило на три месяца, после чего последовало устранение Л. П. Берии. Недостатком второго варианта можно признать отсутствие легитимного преемника, могущего стать новым Сталиным, что было заложено в последние годы жизни вождя и признавалось его соратниками. Выдвижение кого-то на первые роли вызывало опасения и ревность со стороны коллег, опасавшихся за свою судьбу – страна жила по сталинским канонам политической борьбы, что подтвердили методы устранения Берии. Субъективно, после 1953 г. в советском руководстве не оказалось и не могло оказаться фигуры, равной Сталину. Как заявлял в июле 1953 г. Г. М. Маленков относительно неизбежности коллективного руководства: «Никто один не смеет, не может, не должен и не хочет претендовать на роль преемника» [21, с. 353]. События стали развиваться по третьему варианту, предполагавшему преобразования и вынуждавшего в определенной степени отречься от сталинского наследия, а насколько глубоким могло быть это отречение – зависело от нового лидера и глубины реформ.

Положение СССР к марту 1953 г. и времени смерти И. В. Сталина было неоднозначным. С одной стороны, Советский Союз представлял экономически развитую державу, потенциала которой хватило для победы над гитлеровской Германией и ее союзниками, в совокупности представлявших передовые экономики Европы. Значительные успехи были и после войны, к которым можно отнести испытание атомной бомбы, отмену карточной системы, периодическое снижение цен на товары первой необходимости. С другой стороны, уровень жизни большинства советского общества оставлял желать лучшего, не хватало самого элементарного: продовольствия, одежды, большой нерешенной проблемой был жилищный вопрос. Например, до конца 1950-х гг. по регионам Нечерноземья крестьяне потребляли ниже физиологического минимума овощей, мяса, яиц, молока; рабочим – вместе с недостатком данных продуктов также не хватало картофеля и сала [7, л. 92, 93].

Возможно, смерть вождя совпала с исчерпанием возможностей оправдания проблем в СССР последствиями войны, в обществе появляется понимание необходимости появления определенных результатов послевоенного развития, начинает сказываться усталость от жизни в условиях чрезвычайных мер. С течением времени снова появляется необходимость утверждения преимуществ социалистического пути развития – требуется решение задач обустроенности повседневной жизни. Победа над Германией во многом определила основные направления развития послевоенного общества, сделала неизбежным выбор социалистиче-

ского пути развития, а вместе с ним основы политической системы, плановой экономики, колхозов как основных аграрных производителей. Это время, субъективно, совпало с преклонным возрастом И. В. Сталина, не собиравшегося что-либо кардинально менять в созданном им государстве.

Как показали дальнейшие события, наибольшие притязания на власть были у Н. С. Хрущева, Л. П. Берии, Г. М. Маленкова. Именно эти лица были наделены реальными полномочиями, имели инструменты для реализации своих замыслов. Шансы в борьбе за власть были у каждого, отсюда вполне логичны их подозрения друг к другу. Нахождение в высшем руководстве давало возможность представлять положение дел в стране.

Существуют различные мнения относительно того, когда сложились основные группы (если таковые были) среди соратников Сталина, и в какой момент определились основные политические фигуры в борьбе за власть. По справедливому замечанию Ю. Н. Жукова, смерть Сталина не приостановила борьбу за власть в советском руководстве, происходившую в 1945–1952 гг. [14, с. 39].

Вопросы политической борьбы в первые месяцы после смерти Сталина остаются в центре внимания историков. Личному фактору в борьбе за власть Н. С. Хрущева и Г. М. Маленкова посвящена статья Е. Ю. Зубковой [16]. Взгляды на проводившиеся в годы «оттепели» реформы и альтернатива им В. М. Молотова достаточно подробно изложены в его письмах в ЦК [29]. Зарубежная историография в лице Э. Модсли и С. Уайта рассматривает борьбу советской партийной элиты в годы «оттепели», давая характеристику взаимоотношениям внутри Президиума ЦК КПСС, по мнению которых «любая обобщенная оценка Хрущева требует уделить внимание изучению элиты ЦК, чтобы лучше понять, чем ограничивались его власть и достижения» [25]. Ю. В. Аксютин отмечает, что «чаяния перемен» после 1953 г. «почти целиком и полностью связывались с появлением лидера, способного сломить сопротивление консерваторов, вдохновить и сплотить новаторов, внушить надежду отчаявшимся, расшевелить безразличных» [3, с. 118]. Шаг за шагом путь к единоличной власти Хрущева рассмотрен в монографии Е. Ю. Спицына [39].

Отдельным вопросом в историографии «оттепели» можно считать так называемые «100 дней Лаврентия Берии» [12; 18; 26; 38], который был не чужд некоторым изменениям, выразившихся, в первую очередь, в реформе правоохранительных органов, в амнистии и реабилитации ряда осужденных.

Основная масса трудов так или иначе посвящена деятельности Н. С. Хрущева, до октября 1964 г. остававшегося победителем в политической борьбе. Это труды Ю. В. Аксютин [2; 3], А. В. Пыжикова [33], Е. Ю. Спицына [39], Р. Г. Пихои [30], И. Е. Зеленина [15], Е. Ю. Зубковой [16; 17], В. Н. Томилина [40; 41; 42], В. А. Шестакова [47], С. Н. Андреев [4].

Высказывалась мысль и о том, что «выяснение роли политического фактора не так важно для понимания состояния сельского хозяйства. Гораздо существеннее выявить динамику аграрного производства...» [46, с. 76]. Сложно отрицать объективные факторы развития сельского хозяйства (сезонность, погодные условия, достижения науки, повышение урожайности). В то же время выбор курса аграрной политики во многом зависел от личных качеств и взглядов руководителя страны. Заметим, что сложное положение в сельском хозяйстве не возникло одновременно со смертью Сталина, оно оставалось таковым все послевоенные годы.

Понимая необходимость перемен в стране, как отмечалось Ю. В. Аксютин, наследники Сталина могли действовать строго в рамках созданной им системы, поиск действенных экономических мер был весьма ограничен [3, с. 442]. Это подтвердил и сам Н. С. Хрущев после выхода на пенсию: «Шли на оттепел в руководстве... и шли сознательно, и сознательно побаивались этой оттепели, потому что как бы из этой оттепели не наступило половодье, которое бы захлестнуло и с которым было бы трудно справиться» [10, с. 137]. По мнению Э. Модсли и С. Уайта, все предпринимаемые попытки разрешения неотложных задач внутренней и внешней политики не выходили за рамки незначительных усовершенствований старой сталинской модели, ярким проявлением неизменности системы оставался состав высшего руководства страны, где, за исключением Сталина и Берии, все представители прежней элиты продолжали занимать свои посты [25, с. 139].

Первая попытка изменений в стране оказалась связанной с всесильным Берия. Он, занимавший пост главы МВД СССР, объединившего МГБ и МВД СССР, закономерно занимался улучшением той сферы, которой руководил. Логичным представляется и смягчение карательной политики, призванной продемонстрировать обществу новые методы управления

коллективного руководства. Видимо, Берия представлялся своим соратникам по коллективному руководству наиболее опасным конкурентом в борьбе за власть – тем скорее произошел «дворцовый переворот» по его смещению.

Устранение Берии не могло не ударить по позициям Г. М. Маленкова, который, являясь главой советского правительства, опирался на четырех первых заместителей, в том числе и Берия по вопросам внутренних дел. Отмечался и своеобразный тандем Маленкова с Берией. Поэтому устранение Берии можно рассматривать и как подготовку будущего смещения Маленкова.

По свидетельству Н. С. Хрущева, только с арестом Берии появилась возможность объективно и всесторонне рассматривать различные вопросы, в том числе и сельского хозяйства [27, с. 503]. В июле 1953 г. Хрущев так говорил о проблемах сельского хозяйства: «Товарищи, а вот когда мы не решаем вопросы сельского хозяйства, когда в стране нехватка мяса, нехватка молока, нехватка даже картошки, нехватка капусты, как это сила... Это, товарищи, позор. Ведь к нам придут и скажут: слушайте, дорогие товарищи, вы нас учите, как строить социализм, а вы у себя картошки выращивать не умеете, чтобы обеспечивать свой народ, капусты у вас в столице нет. А почему? Не можем решить, срывает провокатор». Обвинил Берия в проблемах сельского хозяйства также Л. М. Каганович: «Он вел провокационную работу торможения нашего коммунистического строительства ... тормозил принятие ряда решений по сельскому хозяйству, особенно по животноводству». Не остался в стороне и А. И. Микоян: «Т. Хрущев был совершенно прав, когда заявил, что Берия добивался срыва этих мероприятий по улучшению сельского хозяйства, чтобы подорвать авторитет руководства» [21, с. 99]. Заметим, что Берия к лету 1953 г. занимал посты заместителя Председателя ЦК КПСС и министра внутренних дел, курировал силовые ведомства и был мало связан с сельским хозяйством в силу должности. Произведенные по инициативе Лаврентия Павловича изменения марта – июня 1953 г. никак не были связаны с селом, поэтому вряд ли можно признать критику его в ухудшении аграрной сферы правомерной.

Летом – осенью 1953 г. прозвучали первые реформаторские инициативы, авторами которых были Г. М. Маленков и Н. С. Хрущев, обобщенно вошедшие в историю как «курс сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС». А. В. Пыжиков речь Маленкова на сессии Верховного Совета в августе 1953 г. и выступление Н. С. Хрущева на Пленуме в сентябре 1953 г. назвал «визитной карточкой «оттепели» [33, с. 18]. Аграрный вопрос был важнейшим в стране, в которой не хватало самого основного, хлеба. Такая нехватка, по мнению В. Н. Томилина, угрожала нарушить социально-экономическую и политическую стабильность в стране [42, с. 342]. По мнению Е. Н. Бикейкиной, именно сложность положения превратила аграрную политику в один из ключевых вопросов [5, с. 102]. От успеха решения задач сельского хозяйства зависел образ политического лидера.

Именно Г. М. Маленков при обсуждении проекта бюджета поставил задачу укрепления экономики колхозов и борьбу с запущенностью сельского хозяйства [22, с. 12–15]. Данная инициатива главы советского Правительства была развита в ходе сентябрьского Пленума ЦК КПСС, который многие историки называют не иначе как «историческим». А здесь уже в своем докладе «О мерах подъема развития сельского хозяйства СССР» внимание к проблемам села привлек Первый секретарь ЦК Н. С. Хрущев. По мнению историков, сентябрьский пленум стал для Н. С. Хрущева площадкой для самоутверждения, для накопления политического капитала [40, с. 95]. В итоге уже с осени 1953 г. Хрущев имел все основания воспринимать Маленкова как конкурента в создании образа радетеля за интересы крестьян.

Буквально через полгода после сентября 1953 г. на Пленуме ЦК в феврале 1954 г. обозначился новый поворот от подходов Маленкова в деревне. Е. Ю. Спицын начало отсчета аграрных реформ Н. С. Хрущева ведет с декабря 1953 г. и Постановления Совета Министров СССР, которым Н. С. Хрущев утверждался главой Бюро при Совете Министров СССР по сельскому хозяйству и заготовкам [39, с. 308]. Заметим, что полгода не могут быть признаны сроком, в течение которого можно объективно оценить правильность выбранного курса по отношению к сельскому хозяйству – на первый план выходили соображения политической целесообразности.

Инициативы в области сельского хозяйства вышли Георгию Максимилиановичу «боком». При смещении Маленкова с должности Председателя ЦК КПСС на январском 1955 г. Пленуме ЦК КПСС среди прочего в вину ему было поставлено «серьезное отставание сельского хозяйства» [1, с. 30–32]. В феврале 1955 г. на Пленуме ЦК КП Украины Хрущев привел оцен-

ку Сталина: «Тов. Сталин несколько раз и мне, и другим товарищам говорил, что Маленков не годится на пост Председателя Совета Министров. Он хорошо знал, что тов. Маленков не имеет абсолютно никакого опыта для того, чтобы занимать такой высокий пост» [27, с. 526].

По мнению А. В. Пыжикова, в устранении Берии и Маленкова были схожие механизмы, а именно обвинения в организации репрессий и, на данном этапе политической борьбы, недоступность для критики имени Сталина [33, с. 46].

Хрущев летом – осенью 1953 г. еще не обладал всей полнотой единоличной власти, составив тандем с Маленковым, закрепивший до поры взаимосвязь Совета Министров и ЦК КПСС. Усиление влияния этих двух деятелей привело к реализации их взглядов на преобразования в стране, перешедших к социально-экономическим изменениям. Оба лидера политическим чутьем осознавали, что изменения в пользу простых людей принесут им неплохие политические дивиденды, создадут образ радетелей за народ. Помимо направленности реформ важную роль в завоевании власти реформатором играла опора в обществе. Берия избрал для себя силовой аппарат, при помощи которого его и свергли. Маленков попытался опереться на государственные органы (правительство), видимо, не восприняв всерьез, что в условиях советской действительности они следуют в русле партийных установок. Самой удачной стала опора Хрущева, заявившего в пику критике Маленкова о важности партийного аппарата: «... аппарат – это наша опора» [6, с. 156].

Время с января 1955 г. и утраты Маленковым должности Председателя СМ СССР после пленума ЦК КПСС и до июня 1957 г. может рассматриваться как окончательное утверждение единоличной власти Хрущева, финальным аккордом которой прозвучал июньский 1957 г. Пленум ЦК и изгнание с властного олимпа оппонентов Первого секретаря в лице В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, Л. М. Кагановича и других, после чего от вопроса завоевания власти стало необходимо перейти к ее удержанию. По нашему мнению, Хрущев чувствовал себя полноправным лидером уже с 1955 г., что позволило ему не только выступить с известным докладом на XX съезде партии, но и наращивать темпы освоения целины, говорить о механизации сельского хозяйства и его интенсификации, реорганизовать колхозы, начать кукурузную эпопею.

Историки до сих пор спорят о целесообразности «целины» и методов ее освоения: по мнению одних, в период «целинной лихорадки» имеющиеся в стране ресурсы распылялись по огромной стране, не позволяя поднять агрокультуру на интенсивный уровень. Сельское хозяйство было ориентировано на экстенсивный путь развития» [41, с. 92]. И. Е. Зеленин, отмечая недостатки целины, говорит об освоении огромных площадей и получении десятков млрд пудов хлеба [15, с. 103].

В. Н. Томилин говорит о благоприятном для сельского хозяйства 1956 г., когда Хрущев чувствовал себя триумфатором [40, с. 169]. Это было важно для утверждения у власти, успех целины работал на создание образа кормильца народа. На Хрущева должна была работать и мясо-молочная кампания [44, с. 448].

Позиция оппозиционных лидеров по мясо-молочной кампании была им поставлена в вину: в Постановлении Пленума ЦК КПСС «Об антипартийной группе» от 29 июня 1957 г. отмечалось: «По вопросам сельского хозяйства участники этой группы обнаружили непонимание новых назревших задач... вели ничем не оправданную борьбу против активно поддержанного колхозами, областями, республиками призыва партии – догнать в ближайшие годы США по производству молока, масла и мяса на душу населения. Тем самым продемонстрировали барски пренебрежительное отношение к насущным жизненным интересам широких народных масс и свое неверие в огромные возможности, заложенные в социалистическом хозяйстве...» [24, с. 564].

Реакция населения по вопросам развития сельского хозяйства из регионов сначала полностью совпадала с позицией властей. На VII Калининградской областной партийной конференции в 1958 г. выступавшие говорили: «...наша партия и ее ЦК своевременно разоблачили и разгромили антипартийную фракционную группу ... которая вела борьбу против ленинской линии партии, против политического курса, принятого XX съездом КПСС, хотела затормозить развитие советской страны» [35, л. 1].

Единоличная власть на какое-то время делала проекты Первого секретаря единственно верными, предоставляла исключительный механизм их реализации. После того, как стало не нужно оглядываться на соратников в реализации собственных взглядов, начинаются наибольшие зигзаги хрущевских реформ. Задел сентябрьского Пленума 1953 г. к концу 1950-х гг. ока-

зался исчерпан, если он и проводился хоть сколько-нибудь в системе, отождествляемый крестьянами с именем поверженного Маленкова, что отразилось в народной присказке «Пришел Маленков – поели блинков». На рубеже 1950–1960-х гг. произошло полное раскрытие реформаторских инициатив Хрущева. В 1958 г. принимается решение о ликвидации МТС. До 1963 г. шло увеличение посевов кукурузы – по мнению И. Е. Зеленина реализация кукурузной сверхпрограммы может свидетельствовать об установлении личной диктатуры Хрущева после июня 1957 г. [15, с. 107]. И только в декабре 1963 г. Хрущев официально разрешил снизить объем посевов кукурузы [44, с. 292], но до конца жизни оставался ее приверженцем [23, с. 85]. К началу 1960-х гг. дали о себе знать и другие проекты Хрущева – деление обкомов партии на промышленные и сельскохозяйственные, мясо-молочная кампания.

Если можно так выразиться, «сталинизм» Хрущева, его приверженность созданным Сталиным взглядам и средствам отразился и в методах проведения реформ. Ты вождь – ты прав, во всяком случае, пока ты вождь. В 1951 г. Хрущев написал статью «Об агрогородах» [32], но после критики Сталина вынужден был взять свои слова обратно. Данная статья стала во многом программой аграрных реформ Хрущева.

Продолжилась реализация мясо-молочной кампании – в решении декабрьского Пленума ЦК в 1958 г. говорилось об увеличении поголовья КРС по стране на 24 %, увеличении в убойном весе мяса на 2,1 млн т, молока – на 21,3 млн т [19, с. 275, 281].

В феврале – марте 1958 г. была создана нормативная база по реформе машинно-тракторных станций, выразившаяся в их ликвидации [19, с. 229–235; 37, с. 544–547]. Данная реформа может свидетельствовать о взглядах Первого секретаря на колхоз как главный и единственный источник производства продовольствия. В русле этих же взглядов продолжалась политика ограничения личного подворья, укрупнения колхозов и перевод их в совхозы. Иными словами, после 1957 г. и до 1964 г. Хрущев получил полную свободу действий, смог реализовать собственные взгляды на реформирование сельского хозяйства.

К началу 1960-х гг. вопрос удержания у власти для Первого секретаря оставался актуальным, проблемы сельского хозяйства оставались первоочередной повесткой дня. Пленум ЦК КПСС в марте 1962 г. одной из главных задач строительства коммунизма поставил «мощный подъем сельского хозяйства ... чтобы в самый короткий срок обеспечить полное удовлетворение растущих потребностей страны в продуктах и дальнейшее повышение жизненного уровня трудящихся» [20, с. 224, 225]. Реорганизация управления сельским хозяйством привела и к изменению всей страной, что выразилось в делении партийных органов по производственному принципу на промышленные и сельскохозяйственные. Инициатива такого разделения исходила от Первого секретаря, который в сентябре 1962 г. отмечал: «В основу партийного руководства мы закладываем производственный принцип», что должно было способствовать специализации в управлении, повышению квалификации руководящих работников [34, л. 10, 14]. О. В. Хлевнюк данную реформу называет не иначе как «роковой» и «непонятной», спровоцировавшей административный хаос и массовое недовольство [43, с. 164].

В начале 1962 г. Хрущев задумался об изменении структуры органов по руководству сельскохозяйственным производством, чему была посвящена его записка членам Президиума ЦК: «...вопрос сельского хозяйства сейчас является таким вопросом, который не терпит того, что есть» [28, с. 631–633]. Постановлением Пленума ЦК КПСС от 9 марта 1962 г. создавались территориальные производственные колхозно-совхозные управления и комитеты по сельскому хозяйству во главе с первыми секретарями ЦК компартии, крайкома и обкома партии [20, с. 225]. Изменения в управлении на этом не закончились: в сентябре 1962 г. Н. С. Хрущев отмечал: «В основу партийного руководства мы закладываем производственный принцип» [34, л. 10]. И уже на Пленуме ЦК в ноябре 1962 г. официально утвердили данный принцип, разделив партийные организации на уровне краев и областей [20, с. 288–296].

В итоге на местах создавалась организационно-управленческая неразбериха: многие учреждения и предприятия, связанные с сельским хозяйством (например, связанные с вопросами строительства помещений для села), оставались в подчинении промышленного обкома, а сельские обкомы были вынуждены курировать работу, в том числе и предприятий перерабатывающей промышленности.

На данную реформу можно посмотреть с точки зрения стремления Хрущева поддержать свое влияние среди партаппарата, на который он изначально опирался. В ноябре 1962 г. прозвучала цель избрания новых руководящих партийных органов и сокращение расходов на содержание аппарата, что вряд ли могло порадовать руководителей всех уровней. Деление орга-

низаций неизбежно влекло удвоение числа первых лиц регионов, уменьшало влияние прежних первых секретарей обкомов, позволяло приблизить к управлению новые кадры, обязанные всецело проводимым реорганизациям, а соответственно, и Хрущеву. В конце концов, Хрущев повторил ошибку Маленкова, допустив ущемление интересов партийного аппарата.

По мнению зарубежных историков, неудачи реформ Хрущева отчасти могут быть объяснены стабильностью политической элиты [25, с. 238]. Мы бы в большей степени неудачи реформ связали с отсутствием не только проработанного плана преобразований, но и долгосрочного плана управления государством вообще.

Как это ни парадоксально на первый взгляд, но во многом период «оттепели» развивался вполне по сталинским канонам, как Сталину потребовалось время после смерти Ленина для утверждения своего единоличного и полновластного лидерства, так и Хрущеву потребовалось около четырех лет до 1957 г. для получения полной и безоговорочной власти, устранения конкурентов и утверждения собственного плана действий. Разница между ними – в отношении к своему предшественнику. Сталин возвел Ленина в кумиры и утвердил его многолетний незабываемый культ. Хрущев – критиковал Сталина при первой же возможности, закончив символически ритуальным выносом тела вождя из мавзолея, что должно было, видимо, сделать невозможным в глазах общественности его оставление на одном уровне с Лениным. Сталин утверждался у власти за счет собственного видения развития страны и формирования собственной единоличной и безоговорочной власти. Хрущев утверждался за счет критики Сталина, и в этом нам видится принципиальная разница в завоевании высшей власти и лидерства этими фигурами. В 1920-е гг. приходилось практически заново строить государство, создавать систему и определять ее основы; в 1950-е гг. изменения предполагались в рамках уже отстроенной и выверенной системы, ограничивались незабываемыми постулатами о социализме, плановой экономике, колхозно-совхозной системе, которые предстояло не менять в корне, а лишь немного отредактировать. Отсюда и разный масштаб государственных деятелей. Во многом запал реформаторства иссяк к 1964 г., когда сваливать все проблемы на Сталина в общественном сознании стало невозможно.

История не терпит сослагательного наклонения, но с достаточно большой долей уверенности можно предположить, что от утверждения того или иного лидера у власти зависела не только судьба реформ, но и выбор пути развития всей страны. Немаловажное значение имело и время завоевания власти – оказался Хрущев полноправным лидером раньше лета 1957 г., и его проекты в сельском хозяйстве стали бы набирать силу раньше, а предложений сентябрьского Пленума ЦК 1953 г. вообще могло не быть. Стал бы полноправным властителем В. М. Молотов, выступавший в большей степени за развитие традиционных районов сельского хозяйства, вряд ли бы целинный проект был продолжен в таких масштабах.

Место политического лидера в советской политической системе предполагало его непогрешимость, он был прав, пока был лидером. Заметим, что любой политический лидер так или иначе нуждается в легитимности своего статуса, в некоторых случаях это может быть победа на выборах, в других – наследование или правопреемство в соответствии с волей вождя. Советская действительность 1953 г. отвергала оба пути, требовалось что-то другое, чем и стали проводимые реформы. И как реформы были необходимы для демонстрации преимуществ лидера, так и полновластный лидер в условиях советской реальности был необходим для того, чтобы проводить реформы.

Проведение преобразований отвечало народным чаяниям, но прямой зависимости уровня «рейтинга» доверия лидера и политической элиты от принимаемых им мер не было. По сути, Хрущев получил высшую власть вследствие одобрения партийного аппарата, был им поддержан в июне 1957 г. и смещен в октябре 1964 г. Закономерен и такой вопрос: если лидер зависит от партаппарата, а не от народа, что тогда является стимулом проведения реформ? В 1953 г. это могло быть стремление сохранить власть, не допустить всенародного недовольства.

После октября 1964 г. из трех советских лидеров вне критики оставался только В. И. Ленин, в феврале 1956 г. и октябре 1961 г. заявили об ошибках И. В. Сталина, в октябре 1964 г. – Н. С. Хрущева. Логичным в обществе было появление вопроса – а если данных руководителей в лице аппарата утвердила политическая система, то является ли она совершенной, раз допускает ошибки? Иными словами, вследствие возможностей критики фактического главы государства ложилась тень на всю политическую систему.

Объективная необходимость реформ косвенно подтверждается тем, что далеко не один Хрущев мыслил о реформах. Вместе с тем продовольственная проблема в годы «оттепели» так и не была решена, если вообще можно признать ее решенной в годы советской власти.

Итогом аграрной политики к началу 1960-х гг. стали нехватка элементарного продовольствия, повышение цен на продукты, импорт зерна в 1963 г., продолжавшееся бегство крестьян из деревни. Проекты, обязанные воле Хрущева: целина, кукуруза, реорганизация хозяйств, мясо-молочная кампания и другие пришлось сворачивать, не получив от них должного эффекта.

Таким образом, важным стимулом реформ общества в годы «оттепели» можно признать отсутствие легитимного политического лидера, необходимость каждого из узкой группы «коллективного руководства» утверждаться у власти за счет тех или иных мер, а также стремление сохранить незыблемыми основы политической системы, приспособив ее к решению элементарных задач развития общества. Борьба за власть среди наследников Сталина вполне может быть признана фактором выбора пути преобразований советского общества, а конечная направленность и способы реформирования зависели от мнения победившего лидера.

Список литературы

1. «А товарищ Маленков говорит о «гибели цивилизации»! Стенограмма заседания партийной группы Верховного Совета СССР 8 февраля 1955 г. // Источник. 2003. № 6. С. 30–32.
2. Аксютин Ю. В. Реформаторские инициативы периода «оттепели» // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. : в 4 т. Т. 4. 1917–1991 гг. М. : Политическая энциклопедия, 2016. 671 с.
3. Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. 622 с.
4. Андреев С. Н. Либерально-реформаторское направление в аграрной политике Советского государства в середине 1950-х – начале 1960-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2021. Т. 28. № 4. С. 69–78.
5. Бикеев Е. Н. Аграрная модернизация и развитие сельского хозяйства Среднего Поволжья: 1953–1991 гг. (на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР) : дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2017. С. 102.
6. Бурлацкий Ф. М. После Сталина // Новый мир. 1988. № 10. С. 153–197.
7. ЦГАКО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. Р-2169. Оп. 28. Д. 1316. Л. 92, 93.
8. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. А-259. Оп. 7. Д. 5347. Л. 6, 45–47.
9. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 32 А. Д. 8212. Л. 7.
10. Грациози А. Советский Союз в 209 цитатах: 1914–1991. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. 207 с.
11. Даниелс Р. В. Взлет и падение коммунизма в России. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 510 с.
12. Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит. М., 2012. 747 с.
13. Добсон М. Холодное лето Хрущева. Возвращенцы из ГУЛАГа, преступность и трудная судьба реформ после Сталина. М. : Политическая энциклопедия, 2014. 295 с.
14. Жуков Ю. Н. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945–1952 гг. // Вопросы истории. 1995. С. 23–39.
15. Зеленев И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство. М. : Институт российской истории РАН, 2001. 304 с.
16. Зубкова Е. Ю. Маленков и Хрущев: личный фактор в политике послесталинского руководства // Отечественная история. 1995. № 4. С. 103–115.
17. Зубкова Е. Ю. Общество и реформы (1945–1964). М., 1993. 198 с.
18. Кобба Д. В. Берия: за что его не любят. М., 2013. 205 с.
19. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 9. 1956–1960. М. : Политиздат, 1986. 574 с.
20. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 10. 1961–1965. М., 1986. 493 с.
21. Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999. 512 с.
22. Маленков Г. М. Речь на V сессии Верховного Совета СССР в августе 1953 г. М., 1953. 39 с.
23. Мемуары Н. С. Хрущева // Вопросы истории. 1993. № 5. С. 85.
24. Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. акад. А. Н. Яковлева. М., 1998. 843 с.
25. Модсли Э., Уайт С. Советская элита от Ленина до Горбачева. Центральный комитет и его члены, 1917–1991. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 431 с.
26. Наумов В. П. Был ли заговор Берии? Новые документы о событиях 1953 г. // Новая и новейшая история. 1998. № 5. С. 17–39.

27. Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени : док-ты из личного фонда Н. С. Хрущева : в 2-х т. Т. 1. М. : МФД, 2009. 656 с.
28. Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени : док-ты из личного фонда Н. С. Хрущева : в 2-х т. Т. 2. М. : МФД, 2009. 880 с.
29. Письмо В. М. Молотова в ЦК КПСС (1964 г.) // Вопросы истории. 2011. № 1. С. 63–81; 2011. № 2. С. 65–89; 2011. № 3. С. 75–90; 2011. № 4. С. 33–49; 2011. № 5. С. 55–70; 2011. № 6; 2011. № 8. С. 64–85; 2011. № 9. С. 58–70; 2011. № 10. С. 65–79; 2011. № 11. С. 72–91; 2012. № 1. С. 67–89; 2012. № 3. С. 83–96.
30. Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. М., 2000. 734 с.
31. Пленум ЦК КПСС 22–25 декабря 1959 г. Стенограф. отчет. М., 1960. 243 с.
32. Правда. 4 марта 1951.
33. Пыжигов А. В. Хрущевская «оттепель». М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 511 с.
34. РГАН (Российский государственный архив новейшей истории). Ф. 2. Оп. 1. Д. 589. Л. 10, 14.
35. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 556. Оп. 14. Д. 105. Л. 1.
36. Русинов И. В. Аграрная политика КПСС в 50-е – первой половине 60-х годов: опыт и уроки // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9. С. 35–49.
37. Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода: 1917–1958 гг. М., 1966. 621 с.
38. Соколов Б. В. Берия: Судьба всемогущего наркома. М., 2008. 431 с.
39. Спицын Е. Ю. Хрущевская «слякоть». Советская держава в 1953–1964 гг. М., 2020. 592 с.
40. Томилин В. Н. Государство и колхозы: 1946–1964 гг. М. : АИРО-XXI, 2021. 448 с.
41. Томилин В. Н. Кампания по освоению целинных и залежных земель в 1954–1959 гг. // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 81–93.
42. Томилин В. Н. Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. М. : АИРО-XXI, 2009. 400 с.
43. Хлевнюк О. В. Роковая реформа Н. С. Хрущева: разделение партийного аппарата и его последствия. 1962–1964 годы // Российская история. 2012. № 4. С. 164–179.
44. Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства : в 5 т. Т. 1. М., 1962. 495 с.
45. Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1962. Т. 2. 534 с.
46. Чирков М. С. Проблемы социально-экономического развития отечественной деревни в 1945–1952 гг. (по материалам архивных источников) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2021. № 3 (59). С. 75–82.
47. Шестаков В. А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов. М. : Наука, 2006. 295 с.

Agrarian reforms of the "thaw" period of 1953–1964 as an instrument of political struggle for leadership within the Soviet leadership

D. N. Konyshchev

PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of State and Legal Disciplines,
Volga-Vyatka Institute (branch) Moscow State Law University n. a. O. E. Kutafin.
Russia, Kirov. E-mail: Denis-Konyshchev@mail.ru

Abstract. This publication is devoted to the issue of reforming Soviet society and its most important part – the agrarian sphere after the death of I. V. Stalin as a way and result of the approval of a new political leader.

The relevance is due to the continuing interest in reforms as a way of transforming domestic society and the analysis of the role of a political leader in this process. The importance of reforms in the agricultural sector was determined by the fact that, given the generally low standard of living in the USSR during the period under review and low consumer expectations of the population, the country's leadership needed to solve the problem of providing the population with basic foodstuffs in sufficient quantities.

When writing the article, diverse sources were used, including memoirs of political figures, archival materials of central and local archives. Attention was paid to party and Soviet documents, statistical data, historiography was analyzed.

The purpose of the study is to identify the relationship and interdependence of the formation of a political leader and the choice of the path of development of the state in the conditions of the Soviet political system.

The features of the Soviet political system in 1953 are characterized, including the lack of the possibility of systematic and open recruitment of the political elite through popular elections, which is why the circle of candidates for Stalin's political legacy was initially limited to a narrow circle of his closest associates. Due to the

general situation in the USSR, by the spring of 1953, reforms as a way to change the daily life of most citizens were extremely expected and necessary, which allowed them to be used as a means to strengthen the positive image of a political leader. To the greatest extent, N. S. Khrushchev succeeded in this, who became a full-fledged leader after the elimination of competitors. The desire to respond to the problems of the common people was expressed in reforming various spheres of the Soviet state, changing the attitude of society towards Stalin.

The conclusions and results of the article allow us to understand the relationship of the political system, the approval of a political leader and the choice of ways of transformation, they may be of interest to both historians, political scientists, and teachers of the history of Russia and the USSR in educational institutions.

Keywords: "thaw", agrarian reforms, political leader.

References

1. «A tovarishch Malenkov govorit o "gibeli civilizacii"! Stenogramma zasedaniya partijnoj gruppy Verhovnogo Soveta SSSR 8 fevralya 1955 g. – "And Comrade Malenkov is talking about the "death of civilization"! Transcript of the meeting of the party group of the Supreme Soviet of the USSR on February 8, 1955 // *Istochnik* – Source. 2003. No. 6. Pp. 30–32.
2. Aksyutin Yu. V. *Reformatskie iniciativy perioda "ottepeli"* [Reformatory initiatives of the "thaw" period] // *Reformy v Rossii s drevnejshih vremen do konca XX v. : v 4 t. T. 4* – Reforms in Russia from ancient times to the end of the twentieth century : in 4 vols. Vol. 4. 1917–1991. M. Political Encyclopedia. 2016. 671 p.
3. Aksyutin Yu. V. *Hrushchevskaya "ottepeli" i obshchestvennye nastroyeniya v SSSR v 1953–1964 gg.* [Khrushchev's "thaw" and public sentiment in the USSR in 1953–1964]. M. Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) : Foundation "Presidential Center of B. N. Yeltsin". 2010. 622 p.
4. Andreenkov S. N. *Liberal'no-reformatskoe napravlenie v agrarnoj politike Sovetskogo gosudarstva v sereдинe 1950-h – nachale 1960-h gg.* [Liberal-reformist direction in the agrarian policy of the Soviet state in the mid-1950s – early 1960s.] // *Gumanitarnye nauki v Sibiri* – Humanities in Siberia. 2021. Vol. 28. No. 4. Pp. 69–78.
5. Bikejkin E. N. *Agrarnaya modernizaciya i razvitie sel'skogo hozyajstva Srednego Povolzh'ya: 1953–1991 gg. (na materialah Marijskoj, Mordovskoj i Chuvashskoj ASSR) : dis. ... d-ra ist. nauk* [Agrarian modernization and development of agriculture in the Middle Volga region: 1953–1991. (based on the materials of the Mari, Mordovian and Chuvash ASSR) : dis. ... Dr of Historical Sciences]. Saransk. 2017. P. 102.
6. Burlackij F. M. *Posle Stalina* [After Stalin] // *Novy Mir* – New world. 1988. No. 10. Pp. 153–197.
7. CSAKR (Central State Archive of the Kirov region). F. P-2169. Inv. 28. File 1316. Sh. 92, 93.
8. SARF (State Archive of Russian Federation). F. A-259. Inv. 7. File 5347. Sh. 6, 45–47.
9. SARF. F. A-374. Inv. 32 A. File 8212. Sh. 7.
10. Graziosi A. *Sovetskij Soyuz v 209 citatah: 1914–1991* [The Soviet Union in 209 citations: 1914–1991]. M. Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) : Foundation "Presidential Center of B. N. Yeltsin". 2010. 207 p.
11. Daniels R. V. *Vzlet i padenie kommunizma v Rossii* [The rise and fall of communism in Russia]. M. Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) : Foundation "Presidential Center of B. N. Yeltsin". 2011. 510 p.
12. Delo Beriia. *Prigovor obzhalovaniyu ne подлежит* – The case of Beria. The verdict is not subject to appeal. M. 2012. 747 p.
13. Dobson M. *Holodnoe leto Hrushcheva. Vozvrashchency iz GULAGa, prestupnost' i trudnaya sud'ba reform posle Stalina* [Khrushchev's Cold Summer. Returnees from the Gulag, crime and the difficult fate of reforms after Stalin]. M. Political Encyclopedia. 2014. 295 p.
14. Zhukov Yu. N. *Bor'ba za vlast' v rukovodstve SSSR v 1945–1952 gg.* [The struggle for power in the leadership of the USSR in 1945–1952] // *Voprosy istorii* – Questions of history. 1995. Pp. 23–39.
15. Zelenin I. E. *Agrarnaya politika N. S. Hrushcheva i sel'skoe hozyajstvo* [N. S. Khrushchev's agrarian policy and agriculture]. M. Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 2001. 304 p.
16. Zubkova E. Yu. *Malenkov i Hrushchev: lichnyj faktor v politike poslestalinskogo rukovodstva* [Malenkov and Khrushchev: a personal factor in the policy of the post-Stalin leadership] // *Otechestvennaya istoriya* – Domestic history. 1995. No. 4. Pp. 103–115.
17. Zubkova E. Yu. *Obshchestvo i reformy (1945–1964)* [Society and reforms (1945–1964)]. M. 1993. 198 p.
18. Kobba D. V. *Beriya: za chto ego ne lyubyat* [Beria: why they don't like him]. M. 2013. 205 p.
19. *KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s'ezdov, konferencij i plenimov CK. T. 9. 1956–1960* – The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. Vol. 9. 1956–1960. M. Politizdat. 1986. 574 p.
20. *KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s'ezdov, konferencij i plenimov CK. T. 10. 1961–1965* – The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. Vol. 10. 1961–1965. M. 1986. 493 p.
21. Lavrentij Beriia. 1953. *Stenogramma iyul'skogo plenuma CK KPSS i drugie dokumenty* – Lavrenty Beria. 1953. Transcript of the July plenum of the Central Committee of the CPSU and other documents. M. 1999. 512 p.
22. *Malenkov G. M. Rech' na V sessii Verhovnogo Soveta SSSR v avguste 1953 g.* [Speech at the V session of the Supreme Soviet of the USSR in August 1953]. M. 1953. 39 p.
23. *Memuary N. S. Hrushcheva* – Memoirs of N. S. Khrushchev // *Voprosy istorii* – Questions of history. 1993. No. 5. P. 85.

24. Molotov, Malenkov, Kaganovich. 1957. *Stenogramma iyun'skogo plenuma CK KPSS i drugie dokumenty* – Molotov, Malenkov, Kaganovich. 1957. Transcript of the June plenum of the Central Committee of the CPSU and other documents / ed. by akad. A. N. Yakovlev. M. 1998. 843 p.
25. Maudsley E., White S. *Sovetskaya elita ot Lenina do Gorbacheva. Central'nyj komitet i ego chleny, 1917–1991* [The Soviet elite from Lenin to Gorbachev. The Central Committee and its members, 1917–1991]. M. Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) : Foundation "Presidential Center of B. N. Yeltsin". 2011. 431 p.
26. Naumov V. P. *Byl li zagovor Berii? Novye dokumenty o sobytiyah 1953 g.* [Was there a conspiracy of Beria? New documents about the events of 1953] // *Novaya i novejschaya istoriya* – New and modern history. 1998. No. 5. Pp. 17–39.
27. Nikita Sergeevich Hrushchev. *Dva cveta vremeni : dok-ty iz lichnogo fonda N. S. Hrushcheva : v 2-h t. T. 1* – Nikita Sergeevich Khrushchev. Two colors of time : documents from the personal fund of N. S. Khrushchev : in 2 vols. Vol. 1. M. MFD. 2009. 656 p.
28. Nikita Sergeevich Hrushchev. *Dva cveta vremeni : dok-ty iz lichnogo fonda N. S. Hrushcheva : v 2-h t. T. 2* – Nikita Sergeyevich Khrushchev. Two colors of time : documents from the personal fund of N. S. Khrushchev : in 2 vols. Vol. 2. M. MFD. 2009. 880 p.
29. Pis'mo V. M. Molotova v CK KPSS (1964 g.) – V. M. Molotov's letter to the Central Committee of the CPSU (1964) // *Voprosy istorii* – Questions of history. 2011. No. 1. Pp. 63–81; 2011. No. 2. Pp. 65–89; 2011. No. 3. Pp. 75–90; 2011. No. 4. Pp. 33–49; 2011. No. 5. Pp. 55–70; 2011. No. 6; 2011. No. 8. Pp. 64–85; 2011. No. 9. Pp. 58–70; 2011. No. 10. Pp. 65–79; 2011. No. 11. Pp. 72–91; 2012. No. 1. Pp. 67–89; 2012. No. 3. Pp. 83–96.
30. Pihoya R. G. *Sovetskij Soyuz: istoriya vlasti. 1945–1991* [The Soviet Union: the History of Power. 1945–1991]. M. 2000. 734 p.
31. *Plenum CK KPSS 22–25 dekabrya 1959 g. Stenograf. otchet* – Plenum of the Central Committee of the CPSU December 22–25, 1959 The stenographer report. M. 1960. 243 p.
32. *Pravda* – The truth. March 4, 1951.
33. Pyzhikov A. V. *Hrushchevskaya "otpepel"* [Khrushchev's "thaw"]. M. OLMA-PRESS. 2002. 511 p.
34. RSAMH (Russian State Archive of Modern History). F. 2. Inv. 1. File 589. Sh. 10, 14.
35. RSASPH (Russian State Archive of Socio-Political History). F. 556. Inv. 14. File 105. Sh. 1.
36. Rusinov I. V. *Agrarnaya politika KPSS v 50-e – pervoj polovine 60-h godov: opyt i uroki* [Agrarian policy of the CPSU in the 50s – the first half of the 60s: experience and lessons] // *Voprosy istorii KPSS* – Questions of the history of the CPSU. 1988. No. 9. Pp. 35–49.
37. *Sbornik dokumentov i materialov po istorii SSSR sovetskogo perioda: 1917–1958 gg.* – Collection of documents and materials on the history of the USSR of the Soviet period: 1917–1958. M. 1966. 621 p.
38. Sokolov B. V. *Beriya: Sud'ba vsesil'nogo narkoma* [Beria: The fate of the all-powerful People's Commissar]. M. 2008. 431 p.
39. Spicyn E. Yu. *Hrushchevskaya "slyakot"*. *Sovetskaya derzhava v 1953–1964 gg.* [Khrushchev's "slush". The Soviet Power in 1953–1964]. M. 2020. 592 p.
40. Tomilin V. N. *Gosudarstvo i kolhozy: 1946–1964 gg.* [State and collective farms: 1946–1964]. M. AIRO-XXI. 2021. 448 p.
41. Tomilin V. N. *Kampaniya po osvoeniyu celinnyh i zaleznyh zemel' v 1954–1959 gg.* [Campaign for the development of virgin and fallow lands in 1954–1959] // *Voprosy istorii* – Questions of history. 2009. No. 9. Pp. 81–93.
42. Tomilin V. N. *Nasha krepost'. Mashinno-traktornye stancii Chernozemnogo Centra Rossii v poslevoennyj period: 1946–1958 gg.* [Our fortress. Machine and tractor stations of the Chernozem Center of Russia in the post-war period: 1946–1958]. M. AIRO-XXI. 2009. 400 p.
43. Hlevnyuk O. V. *Rokovaya reforma N. S. Hrushcheva: razdelenie partijnogo apparata i ego posledstviya. 1962–1964 gody* [The fatal reform of N. S. Khrushchev: the division of the party apparatus and its consequences. 1962–1964 years] // *Rossiyskaya istoriya* – Russian history. 2012. No. 4. Pp. 164–179.
44. Hrushchev N. S. *Stroitel'stvo kommunizma v SSSR i razvitie sel'skogo hozyajstva* [The construction of communism in the USSR and the development of agriculture : in 5 vols. Vol. 1]. M. 1962. 495 p.
45. Hrushchev N. S. *Stroitel'stvo kommunizma v SSSR i razvitie sel'skogo hozyajstva* [The construction of communism in the USSR and the development of agriculture]. M. 1962. Vol. 2. 534 p.
46. Chirkov M. S. *Problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiya otechestvennoj derevni v 1945–1952 gg. (po materialam arhivnyh istochnikov)* [Problems of socio-economic development of the Russian village in 1945–1952 (based on archival sources)] // *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya* – Herald of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia. 2021. No. 3 (59). Pp. 75–82.
47. Shestakov V. A. *Social'no-ekonomicheskaya politika sovetskogo gosudarstva v 50-e – seredine 60-h godov* [Socio-economic policy of the Soviet state in the 50s – mid 60s]. M. Nauka (Science). 2006. 295 p.

«Наставление вятским миссионерам» – миссионерский проект по утверждению новокрещенных в христианской вере

М. А. Орлов

кандидат исторических наук, Петербургский лицей.

Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0003-4663-9443. E-mail: orlov.m.a.87@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время наблюдается повышенный интерес к церковной истории. Особое внимание уделяется истории распространения православия среди народов России. В статье выявляются особенности разработки проекта организации православной миссии в Вятской епархии. Проект создавался епархиальным руководством в начале 1830-х гг. и получил название «Наставление вятским миссионерам». Во второй трети XIX в. в различных регионах России появились миссии для утверждения и распространения христианства среди нерусских народов империи. После запрета в конце XVIII в. епархиальным проповедникам осуществлять миссионерскую деятельность обязанность распространения христианской веры и утверждения в ней новокрещенных была переложена на приходское духовенство. Массовые отпадения новокрещенных в язычество и мусульманство в ряде епархий, в том числе и Вятской, привели к учреждению штатных миссионеров. Стали появляться различные инструкции по удержанию новокрещенных в христианской вере. В этом контексте и появляется «Наставление вятским миссионерам». Его особенность заключалась в том, что он был нацелен больше на удержание новокрещенных в христианской вере, нежели на привлечение новых адептов. В статье предпринята попытка рассмотреть практическую реализацию проекта, а также сравнить пункты проекта с планами, разработанными в разное время в епархиях России.

Ключевые слова: миссия, Вятская епархия, Волго-Уральский регион.

История появления «Наставления вятским миссионерам» связана с возрождением интереса к миссионерскому делу, наблюдавшееся в епархиях Поволжья, Урала и Сибири во второй трети XIX в. В конце XVIII в. государство несколько дистанцировалось от миссионерской работы среди народов России. Епархиальным проповедникам¹ запрещено было посещать места проживания неправославных подданных. В 1789 г. был издан указ, согласно которому миссия прекращалась. Это было вызвано слухами, разнесшимися среди башкир о том, что их будут крестить силой [26, л. 1–3]. К тому моменту были еще живы воспоминания о пугачевском бунте, в котором приняли участие массы народов Поволжья и Урала. Это восстание имело не только социальный характер, в нем выразился протест против миссионерской деятельности православного духовенства.

В годы правления императоров Павла I и Александра I православная миссия не была возрождена. И тут возникают вопросы, ответы на которые могли бы содействовать выяснению отношений правительства к конфессиональной политике. Неужели в продолжение трех десятилетий настолько опасались волнений среди нерусского населения, что не решались возродить миссию, дело, которое нередко вызывало протестные движения среди «обращаемых»? Или же отсутствовали поводы к ее возрождению?

Можно указать на несколько фактов, которые позволяют ответить на поставленные вопросы. В годы правления Павла I в Чебоксарском уезде Казанской губернии крещеный из чувашей Иван Семенов «разсеивал по селениям и торжкам о приношении прежних по суеверию их иноверческих молитв». Это был бродячий проповедник анимистических верований. Казанский епископ Амвросий предложил Св. Синоду восстановить деятельность епархиальных проповедников «для наставления и утверждения новокрещенных». Св. Синод передал этот вопрос на рассмотрение в Сенат. А там рассудили, что делом утверждения новокрещенных в Христовой вере должны заниматься не особые миссионеры, а приходские священники [15, л. 1–7]. Другой пример. В 1803 г. министр внутренних дел Виктор Кочубей направил императору Александру I записку, в которой указывал на то, что крещеные татары Нижегородской губернии «обнаружили желание возвратиться в магометанство». В ответ на это император указал перевести на местные языки Символ веры, Десятословие и ряд важнейших молитв, начать

обучать будущих священников татарскому языку в духовных семинариях, а приходскому духовенству стараться «приводить сих непросвещенных к познанию истинной веры» [4, с. 13–14].

Из этого видно, что поводы для возрождения инородческой миссии были, но правительство предпочитало перекладывать ответственность за судьбы новокрещенского мира на приходское духовенство. К опыту организованного ведения миссионерской деятельности вновь обратились только при императоре Николае I. В Св. Синоде, рассматривая указы прежних правительств, касающиеся христианизации народов России, обратили внимание, что некогда существовали епархиальные проповедники [20, л. 1 об. – 2].

Поводов к изменению конфессиональной политики было достаточно. На «Высочайшее имя» стали поступать письма, в которых новокрещенные просили оставить православие и легально исповедовать язычество и ислам. Обнаруживались факты совершения новокрещеными религиозных обрядов язычества и мусульманства. В 1827 г. в Царевококшайской округе в д. Варангуши (Казанская губерния) земским исправником Микулиным было обнаружено «скопище» крещеных и некрещеных марийцев, «упражняющихся в противном Богу жертвоприношении» [19, л. 4 об. – 5]. Несколько позднее в Сернурском правлении (Уржумский уезд) было обнаружено собрание марийцев «противное гражданским и церковным законом». Во время совершения языческого жертвоприношения присутствовало около трех тыс. марийцев, между которыми были и новокрещенные [21, л. 1–2 об.]. Согласно данным, собранным в Казанской губернии, только за первую половину 1829 г. число «отпавших в язычество и магометанство» составило 233 тыс. человек [20, л. 16 об.]. Сложно установить достоверность данных показателей, однако нет оснований не доверять сообщениям о многочисленности «отпавших». Массовые отступления от официального вероучения являлись, по любопытному замечанию П. Верта, как «значительный откат назад», «значительное поражение» (significant setback) в конфессиональной политике государства [30, р. 2].

Св. Синод, рассматривая просьбы новокрещенных вернуться к прежнему вероисповеданию, напоминал правила Вселенских Соборов, «воспреещающие христианам отступать от правоверия к неверию» [9, с. 118]. Оставлять «отпавших» среди язычников и мусульман церковные власти не могли в силу канонических правил. Бездействие в такой ситуации, с точки зрения пастырских обязанностей хранить вверенную «паству», было бы моральным преступлением.

Ответом властей на процесс отступничества новокрещенных было решение учредить в разных регионах Российской империи особые миссии. В течение 1828–1829 гг. Св. Синод провел несколько заседаний, на которых обсуждался вопрос о способах удержания «отпавших». При этом члены Синода приводили в качестве примера существовавшие на тот момент миссии в Грузии, Архангельской, Иркутской епархиях, а также деятельность особых миссионеров, учрежденных «для возвращения в недра Церкви отпавших в жидовскую секту». Общие начертания проекта были подготовлены руководством Казанской епархии [20, л. 1 об. – 3 об.].

В Вятской епархии было учреждено две миссии – марийская («черемисская») и удмуртская («вотяцкая»). Марийская миссия была организована по указу обер-прокурора Св. Синода, а удмуртская – по просьбе священника Иосифа Стефанова [7, с. 38–39]. В сентябре 1829 г. вятский епископ Кирилл (Богословский-Платонов) доносил Св. Синоду, что И. Стефанов, обзревая Глазовский и Малмыжский округа, заметил среди новокрещенных «обычаи идолопоклоннические». Священник предложил учредить в этих местах «миссионерства и школы» [16, л. 1–2 об.].

Вятский архиерей направил рапорт с предложением о. Иосифа в Св. Синод. В ответ епископу было предписано утвердить новокрещенных в христианской вере, выбрав подходящих миссионеров и разработав для них инструкцию [16, л. 3–4 об.]. Поэтому можно предположить, что автором проекта был вятский епископ Кирилл, но с оговоркой, что некоторые идеи были подсказаны ему лицами, несомненно, более сведущими в вопросе о религиозном состоянии новокрещенных. Это подтверждается указанием в отчете вятского епископа Иоанникия (Образцова) Св. Синоду о результатах деятельности вятских миссионеров за 1834 г. Он писал, что меры утверждения новокрещенных в христианской вере были предложены священниками Иосифом Стефановым и Иоанном Анисимовым [17, л. 1].

«Наставление» вятским миссионерам начинается с установки на связь современной миссии с «великим делом Апостольским» [16, л. 11]. Напоминание о преемственности с миссией апостолов было традиционным для православной миссии. В XVIII в. казанский епископ Лука (Канашевич) писал миссионерам, что сие дело, на которое они призваны, «воистину апостольское» [11, с. 235]. Иркутский епископ Софроний (Кристалевский) требовал от священни-

ков «всемерно стараться по Апостольской заповеди обращать и просвещать святым крещением в Грекороссийскую Православную веру» [29, с. 36]. Святой Иннокентий, архиепископ Камчатский, Курильский и Алеутский, наставлял миссионера иеромонаха Феофила, что дело, на которое он отправляется, «есть дело, поистине, святое и равноапостольное» [10, с. 97]. Можно сказать так: редко можно было встретить инструкцию миссионеру, в которой бы не проводилась прямая связь с апостольской миссией. Отсутствие такого упоминания стоит расценивать как пренебрежение к древней церковной традиции связывать свою деятельность с апостолами. В Византийской империи некоторые императоры (например, Василий I Македонянин) смотрели на свою власть как на средство обращения язычников в прямой связи с апостольской миссией [3, с. 154].

Инструкция вятским миссионерам предписывала: прежде чем приступить к проповеди, миссионеры должны совершить литургию. К проповеди приступают только тогда, когда призывают «благодать Всесвятаго Духа» [16, л. 11]. Возможно, здесь указывалось на необходимость предварительного участия в евхаристии, после которой духовно обновленный миссионер приступал к своему делу. В инструкциях для православных миссионеров XVIII–XIX вв. редко можно встретить указание на литургию как исходный момент миссии. В синодальной инструкции, созданной в 1769 г. при обер-прокуроре П. П. Чебышеве, указывалось, что в день отправления проповедника архиерею предписывалось отслужить литургию и преподать ему краткое поучение [14, л. 5–6]. Но, как правило, в инструкциях такого упоминания не было.

В начале проповеди миссионер должен был напомнить новокрещеным, что они суть христиане и это есть единое «щастие», а «нещастие, что они не радят знать учение христианское» [16, л. 11]. Этот фрагмент показывает, что автор проекта рассматривал новокрещеных как настоящих христиан, хотя бы они и были далеки от церковных традиций и преданий. На наш взгляд, это важное замечание, показывающее, что, несмотря на всю отдаленность от высокой христианской жизни, крещеный рассматривался в существе своем как человек совершенно иной, чем язычник и мусульманин, хотя бы и жил по-язычески и по-мусульмански.

Если для православного миссионера конечной целью «крещеного инородца» было изменение своей жизни к чистым христианским началам, то сами новокрещеные, по крайней мере значительная их масса, полагала, что следование вере «отцов и дедов» не есть побочный и ненужный элемент, но составляет существо мирозерцания. Изучая массу документов по истории христианизации народов Волго-Уральского региона, П. Верт пришел к выводу, что даже в тех случаях, когда нерусские новокрещеные осознавали себя православными, они утверждали, что это не избавляет их от необходимости поклоняться местным духам (*venerate indigenous spirits*) [30, р. 3]. Действительно, данная мысль подтверждается уже первыми донесениями миссионеров, отправившихся с инструкцией в новокрещенские селения. Священник Иоанн Анисимов с ноября по декабрь 1830 г. вел беседы с «новокрещеными вотяками», которые «слушали с довольным вниманием и усердием», готовы были «возрастать и утверждаться в христианстве», однако отказались «отстать от языческих обычаев» [16, л. 39–40].

Миссионеры, согласно инструкции, должны были словом и личным примером довести новокрещеных до понимания истины христианства. Пример доброго пастыря мог отвести, как на то надеялось епархиальное руководство, новокрещеных от своих («ложных») представлений. После этого явится плод: «благия последствия», когда «они сами скоро познают слепоту свою, и тем скорее оставят заблуждения и суеверные обряды доселе содержимые, а затем охотно прилепятся к Церкви Христовой и возлюбят Единого Истинного Бога и Его же послал есть в мир Единородного Сына Своего Господа Иисуса» [16, л. 11].

Во время миссионерских выездов проповедники, совместно с церковнослужителями и утвержденными в христианстве удмуртами, должны были входить в дома новокрещеных, вступать с ними в «простые», отвлеченные от религии разговоры и тем возбуждать любопытство домохозяев. После этого они «неприметным образом делали переход к предмету своему» [16, л. 11 об. – 15], то есть собственно миссионерским беседам. Подобная идея встречалась в инструкции сибирским миссионерам 1769 г., где предписывалось, чтобы миссионер «с любопытством» узнавал о «вере и богослужении», а после доказывал «их неправость» [14, л. 14 об.].

Инструкция позволяла миссионерам «с благоразумною осторожностью» участвовать в некоторых праздничных собраниях новокрещеных. Под этими собраниями, по всей вероятности, стоит понимать анимистические обряды, регулярно совершавшиеся «крещеными инородцами». Автор проекта ссылаясь при этом на слова апостола Павла: «бых беззаконным, яко беззаконен, да приобрящу беззаконныя». Это означало, что миссионеры могли присутство-

вать на религиозных церемониях, но не как соучастники, а как наблюдатели, с тем, чтобы осторожно вести проповедь Христова учения [16, л. 12–13].

Насколько далеко могла простираться фантазия миссионера, сказать непросто. Где была граница «благоразумия», этого в документе не сказано. Практика показывала, что подобные акции могли обернуться для проповедника неблагоприятным исходом. П. Н. Луппов приводил пример безымянного проповедника, который летом 1836 г. посетил с. Шарканское, где собралось множество крещеных удмуртов для участия в языческом молении. Когда миссионер увидел, что удмурты под воздействием кумышки (спиртной удмуртский напиток) «выражали большое негодование и явное неудовольствие», то решил «в отвращение худых и неблагоприятных последствий» принять участие в их празднике и сам отведал кумышки. Это действие «послужило смягчением их сердец» и проповедь несколько удалась. Однако в Св. Синоде было отмечено, что подобные действия являлись «неосторожным поступком» [5, с. 1382].

Содержание учения, определенное в «наставлении вятским миссионерам», несколько отличалось от того учения, которое предлагалось в инструкциях предыдущего столетия. В XVIII в. правовые акты устанавливали довольно расширенное учение, включавшее не только нравственные стороны христианства, но и догматику. Так, указ от 11 сентября 1740 г. предписывал обучать новокрещеных о «едином Триипостасном Боге и о воплощении Сына Божия, о спасительном Его за нас страдании и живоносном Воскресении и преславном на небеса Вознесении» и прочее [13]. Такие же пункты содержались в инструкции, данной игумену Седмиозерской пустыни Патрикию (1754 г.) [11, с. 231]. Согласно типовой инструкции, разработанной в Вятской духовной консистории для священников новокрещенских приходов, проповедник должен был обучать новокрещеных, «что един есть Бог в Троице и тройствен во единстве, о воплощении Сына Божия и искуплении кровию Его от клятвы законныя и прочая». Миссионеру вменялось в обязанность донести до новокрещеных, что все истинные правила жизни заключены в Библии [24, л. 79–79 об.].

В рассматриваемом же нами проекте учение о Святой Троице отсутствует, есть лишь краткое упоминание о втором лице, Сыне Божием. Больше внимания уделялось нравственной стороне христианства, например, как необходимо себя вести, чтобы не нарушить чистоту христианской веры. Есть упоминание об Ангелах, которые суть «старшие братия наша» и скорбят о пороках человеческих [16, л. 14–15].

Сложность любого миссионерского проекта в том, что нужно решить задачу: какие составить для «младенцев» (так именовали новокрещеных в XVIII–XIX вв.) правила, чтобы как можно удобнее вкоренить в сердца основы православного вероучения. При этом в самой краткой форме, сохраняя минимум знаний, необходимый для осознания себя членом единой католической (православной) Церкви.

В «инструкции вятским миссионерам» есть упоминание об иконопочитании. Миссионеры должны были напомнить новокрещеным, что икона должна чествоваться, но не боготвориться. Такое требование встречалось в инструкциях и в XVIII в. Согласно Синодальной инструкции 1767 г., сибирские проповедники обязывались учить, что святые образа нужно не боготворить, а почитать [25, л. 4]. Для новокрещеных видимость и осязаемость иконы возвращала к прежним верованиям в «наглядных богов» – идолов. Показательным может служить беседа прапорщика Слободской инвалидной команды Василия Булдакова с новокрещеным из чувашей К. Михайловым. Придя в дом к новокрещеному, прапорщик Булдаков увидел образа и стал увещать, что «иконы должно почитать и поклоняться телом, а душою и духом восходить горе, а егда де кто буде называть и почитать их Богом, то де сами себя подвергают по соборному святых отец преданию проклятию» [25, л. 4–4 об.]. Обеспокоенность прапорщика очевидна: он стремился отвлечь новокрещеного от ложного понимания иконопочитания и направить его в русло ортодоксального учения.

В инструкции изложена и тема поста для новокрещеных. Согласно проекту миссионеры должны были учить новокрещеных, что пост состоит «в умеренности при употреблении пищи, и в воздержании от порочных склонностей и плотоугодия» [16, л. 14–14 об.]. Схожее мнение встречаем в инструкции сибирским проповедникам, где сказано, что проповедник мог увещевать, что пост необходим для душевного спасения, не принуждая к его соблюдению [14, л. 11].

В «инструкции вятским миссионерам» дано общее наставление, что пост для новокрещеных заключается «в умеренности при употреблении пищи», но не раскрывается конкретное содержание: понимать ли его как разрешение вкушения скоромной пищи (молока и мяса), но в умеренных количествах, или же строгое соблюдение церковного устава. Интересно

сравнить инструкцию епархиального руководства с предписанием Св. Синода о постных днях, которое было выражено в письме епископу Неофиту (Соснину). Св. Синод дал указание, чтобы епископ сделал по епархии распоряжение, дабы новокрещенные уважали постные дни. Более того, Св. Синод распорядился, чтобы архиерей сообщил в Вятскую палату Государственных имуществ о том, чтобы она помогала духовенству удерживать новокрещенных от нарушений постов [18, л. 15]. Следуя синодальному указу, епископ Неофит давал довольно конкретное наставление миссионеру Иосифу Стефанову, чтобы он убедил новокрещенное семейство с. Мултан воздерживаться от употребления скоромной пищи во время постов [18, л. 49].

В тех селениях, где были некрещенные, миссионерам вменялось в обязанность вести проповедь, убеждая их креститься [16, л. 14 об. – 15]. Можно сделать вывод, что инструкция разрабатывалась с целью не только утвердить новокрещенных в христианской вере, но и приумножить «Христово стадо».

Инструкция определяла также время года, в которое миссионеру нужно было выезжать на проповедь. Это могло быть только свободное от «поселянских (посевых – М. О.) работ» время. Предполагалось, что лучше проповедовать в октябре и ноябре, зимой – с декабря по февраль и в течение всей весны. Впрочем, оговаривалось, что миссионер мог проповедовать и в другие месяцы, когда наступит засуха или безветрие [16, л. 13–14 об.]. Выбранное время посещения неслучайно, так как летом наступает самый пик сельскохозяйственных работ. Беседы на духовные темы в такое время могли вовсе не восприниматься сельскими тружениками.

Миссионер во время объездов должен был вести дневник, в который мог записывать содержание поучений и свое мнение о ходе миссии. Эти дневники предполагалось отсылать епархиальному архиерею [16, л. 14 об. – 15]. В Синодальном архиве нам удалось найти такой дневник. Он был составлен в 1835 г. протоиереем Иосифом Стефановым. В нем описывается миссионерская поездка в Поломский приход (Глазовский уезд). О содержании поучений указано лишь то, что в нескольких селениях (Ураевское, Мало-Сырвайское и прочие) он поучал народ первому члену Символа веры (то есть о вере в Единого Бога Отца Вседержителя), а также «Таинству покаяния и причащения». По словам Стефанова, после этих бесед он сразу увидел «благоденствие Божие», которое проявилось в том, что не только новокрещенные, но и «зараженные расколом» стали чаще приходить в церковь, исповедоваться и причащаться. В свой дневник протоиерей Стефанов записал пожелание об устройстве школы для детей удмуртов и марийцев [17, л. 44–45].

Есть еще один пункт инструкции вятским миссионерам, который носит противоречивый характер. Инструкция предписывала, что переходить в другие селения миссионеры могут только тогда, когда убедятся, что новокрещенные «имеют твердое намерение оставить языческие обряды», а для удостоверения должны взять подписки с прихожан [16, л. 15 об.]. Формальное удостоверение в таком глубоко личностном вопросе, как выражение религиозных представлений, вряд ли можно считать подлинным мерилем внутреннего состояния подписавшегося. В истории русской православной миссии подобная практика впервые была введена в середине XVIII в. Синодальный указ определял подавать прошения всякому желающему креститься [8, с. 156]. Конечно, далеко не во всех случаях заверения на бумаге соответствовали внутреннему убеждению. В этом смысле можно привести пример епископа Камчатского и Алеутского Иннокентия (Вениаминова), который наставлял миссионеров, чтобы они требовали лишь устного отречения от прежней веры, без всякого письменного удостоверения [10].

Были случаи, когда новокрещенные вовсе отказывались давать какие-либо подписи. Крещенные марийцы с. Шаранги в ответ на увещания миссионера Иоанна Куртеева отвечали, что никакой подписки они дать не могут, так как, со слов миссионера, «им, якобы без таких мольбищ жить нельзя», ибо Бог не даст им ни хлеба, ни пчел [22, л. 12]. Встречались примеры, когда новокрещенные давали подписки вынужденно, против своего желания. В марийском селе Пектубаево жители утверждали, что «присягу они давали из под палки» [12, с. 285].

В последнем пункте инструкции миссионерам дозволялось привлекать новокрещенных к церковной жизни следующими способами: раздачей новокрещеным просфор, освященных хлебов, некоторых предметов с изображениями святых, а «внимательным» также и икон [16, л. 15 об.]. Такая практика наблюдалась и в других епархиях. В Пермской епархии миссионер Михаил Чемесов во время катехизических бесед с мусульманами и язычниками показывал картину рая и страшного суда. Можно сделать вывод, что это была весьма действенная мера, так как, по его отзывам, многие соглашались после этого креститься [2, л. 32 об.].

В заключении инструкция напоминает, что «в сем великом и многотрудном деле» миссионер может приспособляться под различные обстоятельства, исходя из «собственного

благоразумия» [16, л. 15 об.]. Таким образом, разработанная инструкция предполагала выбор действий, если для этого возникала необходимость.

Помимо инструкций в проекте есть пункт, в котором прописываются требования к миссионеру. Всегда и везде, при всех действиях, миссионеры должны быть «одушевлены усердием и ревностью неутомимою», иметь кротость, смирение и «терпение постоянное» [16, л. 9 об.]. Руководство епархии надеялось, что миссионеры будут действовать *ab imo pectore* («из самой глубины души», «от всего сердца», *лат.*). Подобные требования были распространены настолько, что стали едва ли обязательной нормой при разработке различных миссионерских проектов.

Обращает на себя внимание отсутствие в проекте вопроса о льготах для новокрещеных. Да и в целом роль и место государства в деле миссии не особо ясны. Однако при рассмотрении вопроса о православной миссии в Российской империи нельзя обойти молчанием «государственный фактор». Со времени Петра I, особенно же Елизаветы Петровны, православные миссионеры получали значительную поддержку со стороны государства. В некоторых случаях миссионер рассматривался ответственным не только за «словесное стадо», но и за благополучие государства. Достаточно ясно на это указывает синодальная инструкция сибирским проповедникам, где указано, что миссионер должен новокрещеных «привести их единомыслию и расположить к единому общей государственной пользы наклонению» [14, л. 9].

Сами миссионеры хорошо понимали, что указание в проповеди на власть «Его Императорского Величества» есть залог успеха. Духовенство с. Мултан отмечало, что «наши убеждения в сих некрещеных ни мало не действуют», а упоминание о высшей власти приводит к «повиновению» [6, л. 1205]. Насколько далеко могла распространяться государственная власть в деле распространения православия, на это инструкция не давала ясного ответа.

В инструкции нет указаний на роль приходского духовенства в процессе христианизации народов Вятского края. Главной персоной миссии становился миссионер, назначаемый на эту должность епархиальным начальством. Именно к миссионеру, а не к приходскому священнику обращена инструкция.

Должность миссионера в первую очередь предполагала деятельное участие в распространении христианства. После «обращения» должно было следовать утверждение новокрещеных в христианской вере. Именно это являлось повседневной работой приходских священников с «пасомыми», которые имели больше времени, чем миссионеры-проповедники. Миссионер бывал в новокрещенских селениях только несколько раз в год, а иные и вовсе не бывали, как миссионер Алексей Виноградов [17, л. 3 об.]. Правда, впоследствии некоторые миссионеры пытались восполнить этот пробел инструкции, указывая приходскому духовенству осуществлять «свой надзор и пастырския попечения о возвращении их (новокрещеных – М. О.) на путь истины» [18, л. 5].

Так в общих чертах выглядела инструкция, разработанная для миссионеров Вятской епархии. Принесла ли пользу данная инструкция, как и в целом учреждение миссии в конце 1820-х гг.? Очевидно, что ответ на данный вопрос нужно искать в документах более поздней эпохи. Важно при этом учитывать, что взгляд на духовно-нравственное состояние «крещеных инородцев» в церковной среде весьма разнился. Одни рассуждали так: если среди новокрещеных еще сохраняются «предания отцов и дедов» (то есть языческие обычаи), следовательно, миссия оказалась безрезультатна [28, л. 5–8]. Нам такой подход представляется несколько прямолинейным. И вот почему: из поля зрения упускается динамика вызревания плодов христианской жизни новокрещеных. Во второй половине XIX – начале XX в. были такие миссионеры и приходские священники, которые, несмотря на сохранение у новокрещеных «преданий старины», отмечали у них рост христианской жизни. Наблюдался, прежде всего, процесс вытеснения анимистических верований православными традициями.

Верно то, что к концу XIX в. у новокрещеных Вятской епархии было еще достаточно языческих пережитков. Многие «крещеные инородцы» даже открыто выступали против Христового учения и духовенства, хотели разорвать с православием и перейти либо в ислам, либо в язычество. Все это так и вряд ли это стоит опровергать. Но нельзя не заметить и противоположного процесса, который проявляется, когда обозрим историческую перспективу христианизации «вятских инородцев» в течение XVIII–XIX вв.

Полноценная миссионерская деятельность началась в XVIII в. Итогом этой деятельности стало то, что к концу столетия в православие была обращена масса «инородцев». Но к большинству новопросвещенных уместно было приложить русскую поговорку: крещеный, но

не спасенный. Масса новокрещеных была далека не только от сущности Христова учения, но и от православной обрядности.

Первые три десятилетия XIX в., по большому счету, ситуацию не изменили. Но что же видим к концу XIX в.? Миссионеры все чаще стали употреблять добрые эпитеты в адрес новокрещеных. И это были не канцелярские отписки, а результаты длительных наблюдений после продолжительных лет службы в «инородческих селах». Протоиерей Иосиф Стефанов в отчете за 1861 г. писал, что в Глазовском уезде удмурты все более забывают язычество, а «предметы веры христианской проявляются» [27, л. 2 об.]. Священник с. Починского (Яранский уезд) Семен Лобовиков доносил, что новокрещеные, особенно молодые, «от церкви Божией не удаляются, христианские обязанности соблюдают» [27, л. 22 об. – 23]. Сарапульское Вознесенское братство в отчете за 1903 г. указывало: «инородцы» Сарапульского викариатства веруют в Единого Бога «Троичного в лицах», в Иисуса Христа как Искупителя, чтут церковные Таинства [28, л. 36 об.].

О наличии подобных перемен в религиозной жизни новокрещеных писал также глазовский миссионер, протоиерей Михаил Фармаковский. Удмурты не были «совершенно свободны от поверий», но в «преобладающем большинстве инородцы являли добрые черты религиозного настроения», как то: почитание христианских святых и Божией Матери, регулярное приношение детей в воскресные дни для причащения. Создается впечатление, что о. Михаил смотрел на крещеных удмуртов как на малых милых детей, для которых языческие поверия не более как игрушка [23, с. 523–527]. Наконец, о том же писал крупный специалист в области удмуртской этнографии и религии Г. Е. Верещагин. Посетив множество удмуртских сел Глазовского уезда, он отметил, что крещеные удмурты достаточно полно усвоили христианскую веру. Так, они глубоко чтит преп. Трифона Вятского, были далеки от «суеверий» [1, с. 5–6].

Если в данное исследование включать весь объем аналогичных свидетельств, эта работа не была бы завершена. Приведенных фрагментов вполне достаточно для ответственного суждения: учрежденная миссия способствовала более глубокому проникновению христианских начал в религиозный мир новокрещеных. Конечно, были и другие факторы христианизации, такие как русификация (ассимиляция), создание школ, переводческая деятельность по системе Н. Ильминского. Но миссионеры 1830–1850-х гг. дали силу тому движению, которое впоследствии было развито системой Ильминского.

Список литературы

1. Верещагин Г. Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. СПб. : Тип. И. И. Скороходова, 1889. 197 с.
2. ГАПК (Государственный архив Пермского края). Ф. 199. Оп. 1. Д. 30.
3. Иванов С. А. Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? М. : Языки славянской культуры, 2003. 375 с.
4. Ильминский Н. И. Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия: Материалы для истории православного русского миссионерства. Казань : Тип. ун-та, 1883. 356 с.
5. Луппов П. Н. Взгляд Императора Николая I на меры к утверждению вотяков в христианстве // Вятские епархиальные ведомости. 1906. № 36. С. 1371–1383.
6. Луппов П. Н. Очерки по истории распространения и утверждения христианства у вотяков в XIX веке // Вятские епархиальные ведомости. 1904. № 21. С. 1204–1213.
7. Луппов П. Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX века. Вятка : Губ. тип., 1911. 568 с.
8. Малов Е. О новокрещенской конторе. Речь, произнесенная в торжественном годичном собрании Казанской духовной академии 1878 г. // Православный собеседник. 1878. Ч. III. С. 1–208.
9. Можаровский А. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 гг. М. : Общество истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1880. 261 с.
10. Наставление высокопреосвященнейшего Иннокентия, бывшего архиепископа Камчатского, Курильского и Алеутского, нушагагскому миссионеру иеромонаху Феофилу // Церковные ведомости. 1900. № 3. С. 97–107.
11. Никольский Н. В. Христианство среди чуваш среднего Поволжья в XVI–XVIII веках : исторический очерк. Казань : Типолит. Имп. ун-та, 1912. 416 с.
12. Одоев А. Страничка прошлого (исторические наброски) // Вятские епархиальные ведомости. 1901. № 7. С. 363–394.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XI. № 8236.
14. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 796. Оп. 50. Д. 5.
15. РГИА. Ф. 796. Оп. 79. Д. 119.

16. РГИА. Ф. 796. Оп. 110. Д. 793.
17. РГИА. Ф. 796. Оп. 116. Д. 657.
18. РГИА. Ф. 796. Оп. 121. Д. 285.
19. РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 12647.
20. РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 12652.
21. РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 12654.
22. РГИА. Ф. 797. Оп. 14. Д. 33778.
23. *Фармаковский М.*, прот. Из отчета Глазовского миссионера за 1878 г. // Вятские епархиальные ведомости. 1879. № 21. С. 524–527.
24. ЦГАКО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. 237. Оп. 2. Д. 7.
25. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 505.
26. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 893.
27. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 165. Д. 81.
28. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 222. Д. 334.
29. *Юрганова И. И.* Христианизация и исполнение православной обрядности на восточных окраинах Российской империи (вторая половина XVIII века) // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 6. С. 34–43.
30. *Werth, Paul W.* (Paul William) At the margins of orthodoxy: missions, governance, and confessional politics in Russia's Volga-Kama region, 1827–1905. Ithaca, London, 2002. 275 p.

"Instruction to Vyatka missionaries" is a missionary project for the approval of newly baptized in the Christian faith

M. A. Orlov

PhD in Historical Sciences, St. Petersburg Lyceum.
Russia, Kirov. ORCID: 0000-0003-4663-9443. E-mail: orlov.m.a.87@yandex.ru

Abstract. Currently, there is an increased interest in church history. Special attention is paid to the history of the spread of Orthodoxy among the peoples of Russia. The article reveals the peculiarities of the development of the project of the organization of the Orthodox mission in the Vyatka diocese. The project was created by the diocesan leadership in the early 1830s and was called "Instruction to Vyatka missionaries". In the second third of the XIX century, missions appeared in various regions of Russia to establish and spread Christianity among the non-Russian peoples of the empire. After the ban at the end of the XVIII century. For diocesan preachers to carry out missionary activities, the duty of spreading the Christian faith and affirming the newly baptized in it was transferred to the parish clergy. The mass apostasy of the newly baptized into paganism and Islam in a number of dioceses, including Vyatka, led to the establishment of full-time missionaries. Various instructions for keeping newly baptized in the Christian faith began to appear. In this context, the "Instruction to Vyatka missionaries" appears. Its peculiarity was that it was aimed more at retaining the newly baptized in the Christian faith than at attracting new adherents. The article attempts to consider the practical implementation of the project, as well as to compare the points of the project with the plans developed at different times in the dioceses of Russia.

Keywords: mission, Vyatka diocese, Volga-Ural region.

References

1. *Vereshchagin G. E. Votyaki Sarapul'skogo uezda Vyatskoj gubernii* [Votyaki of Sarapul'sky uyezd of Vyatka province]. SPb. Typ. of I. I. Skorokhodov. 1889. 197 p.
2. SAPK (State Archive of Perm Krai). F. 199. Inv. 1. File 30.
3. *Ivanov S. A. Vizantijskoe missionerstvo: Mozhno li sdelat' iz "varvara" hristianina?* [Byzantine missionary work: Is it possible to make a Christian out of a "barbarian"?] M. Languages of Slavic culture. 2003. 375 p.
4. *Il'minskij N. I. Opyty perelozheniya hristianskih verouchitel'nyh knig na tatarskij i drugie inorodcheskie yazyki v nachale tekushchego stoletiya: Materialy dlya istorii pravoslavnogo russkogo missionerstva* [Experiments of translating Christian doctrinal books into Tatar and other foreign languages at the beginning of this century: Materials for the history of Orthodox Russian missionary work]. Kazan. Typ. of University. 1883. 356 p.
5. *Luppov P. N. Vzgljad Imperatora Nikolaya I na mery k utverzhdeniyu votyakov v hristianstve* [The view of Emperor Nicholas I on measures for the approval of Votyaks in Christianity] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka diocesan news. 1906. No. 36. Pp. 1371–1383.
6. *Luppov P. N. Ocherki po istorii rasprostraneniya i utverzhdeniya hristianstva u votyakov v XIX veke* [Essays on the history of the spread and establishment of Christianity among the Votyaks in the XIX century] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka diocesan news. 1904. No. 21. Pp. 1204–1213.
7. *Luppov P. N. Hristianstvo u votyakov v pervoj polovine XIX veka* [Christianity among the Votyaks in the first half of the XIX century]. Vyatka. Gubernia typ. 1911. 568 p.

8. Malov E. *O novokreshchenskoj kontore. Rech', proiznesennaya v torzhestvennom godichnom sobranii Kazanskoj duhovnoj akademii 1878 g.* [About the Novokreschenskaya office. Speech delivered at the solemn annual meeting of the Kazan Theological Academy in 1878] // *Pravoslavnyj sobesednik* – Orthodox interlocutor. 1878. Part III. Pp. 1–208.
9. Mozharovskij A. *Izlozhenie hoda missionerskogo dela po prosveshcheniyu kazanskih inorodcev s 1552 po 1867 gg.* [Presentation of the course of missionary work on the enlightenment of Kazan foreigners from 1552 to 1867]. M. Society of Russian History and Antiquities at Moscow State University. 1880. 261 p.
10. *Nastavlenie vysokopreosvyashchennjshego Innokentiya, byvshego arhiepiskopa Kamchatskogo, Kuril'skogo i Aleut'skogo, nushagagskomu missioneru ieromonahu Feofilu* – Instruction of His Eminence Innokenty, former Archbishop of Kamchatka, Kuril and Aleut, to the Nushagag missionary Hieromonk Theophilus // *Cerkovnye vedomosti* – Church news. 1900. No. 3. Pp. 97–107.
11. Nikol'skij N. V. *Hristianstvo sredi chuvash srednego Povolzh'ya v XVI–XVIII vekah : istoricheskij ocherk* [Christianity among the Chuvash of the Middle Volga region in the XVI–XVIII centuries: a historical essay]. Kazan. Typolit. of Imperial university. 1912. 416 p.
12. Odoev A. *Stranichka proshlogo (istoricheskie nabroski)* [Page of the past (historical sketches)] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka diocesan news. 1901. No. 7. Pp. 363–394.
13. The complete Collection of laws of the Russian Empire. 1. SPb. 1830. Vol. XI. No. 8236. (in Russ.)
14. RSHA (Russian State Historical Archive). F. 796. Inv. 50. D. 5.
15. RSHA. F. 796. Inv. 79. File 119.
16. RSHA. F. 796. Inv. 110. File 793.
17. RSHA. F. 796. Inv. 116. File 657.
18. RSHA. F. 796. Inv. 121. File 285.
19. RSHA. F. 797. Inv. 3. File 12647.
20. RSHA. F. 797. Inv. 3. File 12652.
21. RSHA. F. 797. Inv. 3. File 12654.
22. RSHA. F. 797. Inv. 14. File 33778.
23. Farmakovskij M., *prot. Iz otcheta Glazovskogo missionera za 1878 g.* [From the report of the Glazovsky missionary for 1878] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka Diocesan news. 1879. No. 21. Pp. 524–527.
24. CSAKR (Central State Archive of the Kirov region). F. 237. Inv. 2. File 7.
25. CSAKR. F. 237. Inv. 74. File 505.
26. CSAKR. F. 237. Inv. 74. File 893.
27. CSAKR. F. 237. Inv. 165. File 81.
28. CSAKR. F. 237. Inv. 222. File 334.
29. Yurganova I. I. *Hristianizaciya i ispolnenie pravoslavnoj obryadnosti na vostochnyh okrainah Rossijskoj imperii (vtoraya polovina XVIII veka)* [Christianization and performance of Orthodox rites on the eastern outskirts of the Russian Empire (the second half of the XVIII century)] // *Gumanitarnyj vektor* – Humanitarian vector. 2020. Vol. 15. No. 6. Pp. 34–43.
30. Werth, Paul W. (Paul William) *At the margins of orthodoxy: missions, governance, and confessional politics in Russia's Volga-Kama region, 1827–1905.* Ithaca, London, 2002. 275 p.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ДОКУМЕНТАХ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

УДК 947(470.314).084.2:373.2

DOI: 10.25730/VSU.2070.22.007

Функционирование дошкольных учреждений в годы Великой Отечественной войны (на материалах Владимирской и Ивановской областей)

И. С. Тряхов¹, С. В. Тряхова²

¹кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,
Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Россия, г. Владимир.
ORCID: 0000-0001-6488-5205. Researcher ID: AAE-6529-2021. E-mail: ilja.tryahoff@yandex.ru

²воспитатель, Детский сад № 30.
Россия, г. Владимир. ORCID: 0000-0003-1638-3467. E-mail: svetlanatryahova@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается функционирование детских садов и детских яслей во Владимирской и Ивановской области в условиях Великой Отечественной войны. Источниками для исследования послужили фонды областных комитетов партии отдельных регионов, а также архивные материалы ряда городских комитетов ВКП(б). В годы войны регионы приняли немалое количество эвакуированных граждан вместе с семьями, что потребовало размещения прибывших, в том числе в детских садах и яслях. Анализ документов показывает, что количественный рост детских дошкольных учреждений был напрямую связан с необходимостью увеличить количество рабочей силы, которая дополнительно рекрутировалась из женщин, имевших малолетних детей. Расширение сети детских учреждений требовало изыскания для них помещений, различного инвентаря, мебели, а также ускоренную подготовку педагогического персонала. В ходе изучения вопроса было выявлено, что наибольшие сложности в годы военного лихолетья представляла продовольственная проблема. Помимо этого, немалые трудности были связаны с обеспечением помещений детских садов топливом. Организации, предназначенные для решения данного вопроса, слабо справлялись с ним, а потому решение топливной проблемы ложилось на персонал детских учреждений, а также родителей воспитанников. Автор обращает внимание, что ведомственные учреждения обычно находились в лучших условиях по сравнению с теми, которые подчинялись наркомату Просвещения, но и здесь были исключения. Анализ доступных источников показывает, что, несмотря на приоритет детских дошкольных учреждений в порядке снабжения согласно решениям центральной и региональной власти, в реальности местные снабженческие организации не всегда уделяли им должное внимание.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, детский сад, советский тыл, продовольственное снабжение, топливное снабжение, педагогическая работа.

Введение. В условиях Великой Отечественной войны сильные потрясения испытали большинство граждан СССР, но наиболее масштабной угрозе были подвержены маленькие дети. В связи с этим изучения заслуживает функционирование детских учреждений в этот период.

Детский сад стал первым звеном в системе народного образования уже в довоенные годы. 20 ноября 1917 г. коллегией Народного комиссариата по просвещению РСФСР была принята официальная «Декларация по дошкольному воспитанию». Этот документ гарантировал бесплатное образование и воспитание детей дошкольного возраста [5, л. 26, 27 об.]. В 1920–1930-е гг. в СССР в ходу был термин «детский очаг», или просто «очаг». Потребность в пребывании детей в саду была вызвана максимальным вовлечением женщин-матерей в социали-

стическое строительство. Начиная с 1937 г., при крупных заводах и предприятиях для детей их сотрудников начали организовываться ведомственные детские сады. В 1938 г. появляется форма раннего ухода за детьми – ясли, куда принимали младенцев с двухмесячного возраста, то есть по окончании декретного отпуска матери. Увеличение количества мест в первой половине 1940-х гг. было прямым следствием Великой Отечественной войны. К 1945 г. количество детских дошкольных учреждений возросло до 25 тысяч против 14,3 тысяч в 1941 г. [4]. Нагрузка на детские сады в ходе войны была так велика, что стала, по мнению Ю. А. Соколовой, одной из причин, по которой советское правительство приняло решение принимать в школы с семи лет, а не с восьми, как ранее [58, с. 420].

Проблема изучения военного детства интересует отечественных исследователей, причем внимание привлекают как тыловые регионы [50; 55], так и прифронтовые области [48; 52]. Интерес историков касается отдельных Республик СССР и РСФСР, имевших свою религиозную и этническую специфику [1; 2]. Е. Е. Красножёнова в ходе исследования социальной политики СССР в годы Великой Отечественной войны обращается к проблемам жизни детей в областях Нижнего Поволжья, причем часть из этих административных субъектов была охвачена боевыми действиями в ходе войны, другая часть оставалась тылом [53]. Томский историк Т. И. Дунбинская анализировала ситуацию с продовольствием в детских учреждениях в Западной Сибири [49], а З. Б. Лопсонова на основе материалов Республики Бурятия смогла показать развитие местной сети дошкольных учреждений и ее функционирование, обратив внимание на худшую обстановку в районных детсадах, нежели в городских [54, с. 29, 30]. В таких условиях особую роль играла различная помощь детским учреждениям со стороны предприятий, расквартированных в регионе воинских частей и так далее [57].

Крупные тыловые города, которые являлись важными промышленными центрами и куда переместили значительное количество предприятий, а вместе с ними сотрудников и членов их семей, заслужили специального рассмотрения [56; 59]. Среди эвакуированных детских учреждений основное внимание приковано к прибывшим из Ленинграда [51]. Но в этом направлении первостепенный интерес историков привлекают детские дома, что не является предметом данной статьи. При изучении детских учреждений внимание уделяется их санитарному и медицинскому состоянию в годы военного лихолетья [3].

Исходя из имеющейся научной литературы, следует отметить, что сложности и специфика работы дошкольных учреждений привлекают внимание ученых. В то же время история деятельности детских садов в годы Великой Отечественной войны по-прежнему имеет большое количество «белых» пятен.

Целью статьи является анализ функционирования детских дошкольных учреждений в условиях Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). В ходе исследования ставятся задачи выявить сложности, которые возникали в функционировании детских садов, и реакцию партийно-государственных инстанций на выявляемые в работе недостатки. Рассмотрение функционирования и связанных с ними трудностей детских домов, размещенных на территории исследуемого региона, заслуживает отдельного исследования. И здесь рассмотрение не получило отражения в первую очередь из-за своей организационной и структурной специфики.

Материалом для исследования послужили разнообразные партийные документы, отложившиеся в фондах Государственных архивов Владимирской и Ивановской областей. Сюда относятся как документы обкомов и горкомов, так и материалы первичных парторганизаций предприятий. В ходе административной реформы, прошедшей в августе 1944 г., преимущественно из состава Ивановской области была выделена Владимирская область, но и после разделения оба региона оставались тесно связаны.

Основная часть. На 1 января 1943 г. в Ивановской области насчитывалось 1115 детских садов, которые посещали 94 250 детей [40, л. 7]. Среди них функционировало 648 детских садов всех ведомств, которые посещали 60 333 ребенка. В течение года контингент по плану должны были увеличить на 1542 человека. Были открыты новые детские сады в Иваново, Кинешме, Кольчугино и Гороховце. Помимо обычных детсадов открывались специальные для детей, больных туберкулезом. В некоторых городах (Коврове, Родниках, Собинке) открытие таких заведений задерживалось [42, л. 13].

В 1944 г. контингент детей в детских садах Наркомпроса в РСФСР составлял более 485 тысяч человек, в том числе в Ивановской области более 17 тысяч ребят [44, л. 6 об.]. В условиях войны прослеживался рост контингента детей в силу все большей вовлеченности женщин в работу на производстве.

По данным на 1944 г., в городах Ивановской области насчитывалось следующее количество мест в детских яслях [45, л. 26]:

Таблица 1

Количество и распределение мест в яслях

Районы	Число мест
Итого по районам	14339
Итого по городам областного подчинения	12202
Итого по области	26541

Осенью 1941 г. в ходе неясной фронтовой обстановки на территории области велось строительство оборонительных сооружений, куда привлекали женщин. Многие из них имели малолетних детей, которые в силу разных обстоятельств не посещали детские сады. Не имея возможности оставить детей дома, с кем бы то ни было из родственников и знакомых, женщины вынуждены были писать жалобы в обком партии. 29 сентября 1941 г. обком и облисполком Ивановской области обязывали освобождать от мобилизации на трудовой фронт женщин с малолетними детьми, правда, с оговорками: «В тех местах, где работы будут производиться вблизи населенных пунктов, и матери будут жить со своими семьями, а отлучаться только во время работ – от мобилизации не освобождать» [6, л. 6].

По мнению региональных руководителей, некоторые женщины прикрывались наличием детей, дабы прогуливать работу на предприятии. Отмечалось наличие детских яслей и садов на всех фабриках и заводах, а также наличие площадок с круглосуточным пребыванием ребят [41, л. 4]. Среди работниц-текстильщиц региона, имеющих малолетних детей, фиксировалось наибольшее количество нарушений трудовой дисциплины. На предприятиях 1-го Главвхлорпрома к концу 1944 г. трудилась 801 работница, у которых 852 ребенка не посещали детский сад, что усложняло и без того тяжелый труд этих женщин [47, л. 97].

Катастрофические человеческие потери советской страны в ходе войны вызывали необходимость высвобождения дополнительной рабочей силы для промышленности и сельского хозяйства. В начале 1945 г. ставилась задача охватить всех детей дошкольного возраста детскими садами уже в течение ближайших двух лет. Так, в 1945 г. следовало увеличить контингент в детских садах до 68 700 человек против 60 109 в 1943 г. [47, л. 22].

Для открытия новых детских учреждений приспосабливали подходящие свободные здания. Вновь открываемые детские сады в 1944 и 1945 гг. предполагали четыре группы дошкольников и потому были небольшими. Для укомплектования открываемых детсадов только в 1944 г. педагогические училища подготовили 371 воспитателя и руководителя [47, л. 22].

Не всегда дети сотрудников того или иного предприятия посещали детские сады, подведомственные местам работы родителей. Это приводило к неразберихе и переполненности учреждений [39, л. 36].

На примере отдельных городов ситуация с динамикой посещаемости детских садов и яслей выглядела так. В городские детсады Александрова в 1941 г. было определено 658 человек, а в детские ясли 1066 человек [23, л. 18 об.]. К 1944 г. количество посетителей детских садов возросло до 902, а вот в яслях города был недобор из-за уменьшения количества детей ясельного возраста, что было следствием падения рождаемости [25, л. 33; 27, л. 35.]. К 1945 г. детские сады города были переполнены, а ясли по-прежнему оставались свободными [28, л. 125, 127]. В Коврове в 1943 г. в детских яслях было 1096 человек, а в детских садах 1982 человека [9, л. 54]. К 1945 г. государственные и ведомственные детсады города были переполнены детьми старших возрастов из-за наплыва эвакуированных [10, л. 21]. В Кольчугино в начале войны детские сады посещало 825 детей, а ясли около 300 [32, л. 8, 9]. К концу 1943 г. в детских садах было уже 990 ребят [33, л. 34]. В Муроме детей, посещающих детские сады Наркомпроса, в 1941 г. было больше плана на 130 человек, что приводило к значительной их переполненности. Эта проблема решалась открытием новых групп и увеличением средней наполняемости имеющихся. Естественным следствием этого стала повышенная нагрузка на персонал [30, л. 77 об.].

Особое значение имели ведомственные детские учреждения. В то же время не всегда администрация предприятий спешила расширять возможности своих детсадов и яслей. Муромский завод № 115 имел большой недостаток в рабочей силе и, по мнению горкома, не создал условий для закрепления рабочих. Детская площадка отсутствовала, но директор завода

Козлов прямо заявил: «Пусть строит детсад заведующий и профсоюз». На заводе № 253 около ста человек женщин-работниц не выходили на работу в силу отсутствия детского сада. «Это явное проявление бездушного отношения со стороны профсоюзных организаций и директоров завода», – констатировали на пленуме горкома [29, л. 117].

Несмотря на всю важность детских садов, имелись случаи, когда их располагали неудачно. В Александрове одно из учреждений находилось между железнодорожными путями в непригодном для этого помещении, вследствие чего несколько детей попали под поезд. Осенью 1941 г. завод № 729 был эвакуирован, и руководство железнодорожного узла договорилось с дирекцией предприятия о предоставлении одного из барakov под детский сад (тот находился в ведении железнодорожной станции). В новом помещении воспитывалось 135 детей, но в декабре 1942 г. завод был реэвакуирован обратно и потребовал назад помещение, угрожая выселением в административном порядке. За разрешением спора пришлось обратиться к первому секретарю обкома Пальцеву. Варианты нового размещения предлагались весьма разнообразные [24, л. 3].

Продовольственный вопрос в военный период стал самым сложным для жизнедеятельности детских дошкольных учреждений. Законодательное оформление особого обеспечения детских садов и яслей было организовано в регионе далеко не сразу. Только 1 декабря 1942 г. специальным постановлением Ивановского обкома предписывалось особое снабжение детских садов. Это было следствием неудовлетворительного обеспечения детских учреждений продовольствием. В первом квартале 1943 г. Наркомторг СССР недодал области 574 тонны мяса и рыбы, 247 тонн жиров, 457 тонн сахара. Облторготдел выдал детским учреждениям только 60 % от их потребности и наряду с Наркомторгом регулярно путался со снабжением хлебом детских учреждений [40, л. 7]. Детские сады испытывали в конце лета 1943 г. трудности в снабжении с питанием из-за отсутствия транспорта для его доставки [42, л. 23]. Наибольшие перебои и недодачи были связаны со снабжением жирами и крупами [30, л. 78].

Постановление СНК № 337 от 3 апреля 1944 г. предписывало, начиная с урожая 1944 г., картофель, овощи и молочные продукты, получаемые от подсобных хозяйств и децентрализованных заготовок предприятий и учреждений, а также организаций торговли и общественного питания, после выполнения обязательств перед государством и засыпки семенных фондов использовать в полном объеме для улучшения питания в столовых и буфетах, детских садах и яслях предприятий и учреждений сверх централизованных фондов. В норму отпуска по карточкам эти продукты приказывалось не засчитывать. Лечебным учреждениям, детским домам, яслям и домам инвалидов предоставлялось право использовать полностью продукцию подсобных хозяйств без зачета в централизованные фонды [44, л. 132].

Значительная часть детских садов являлись ведомственными, и обычно их снабжение было поставлено лучше, чем учреждений, подчиненных городским отделам народного образования. В то же время на заседании пленума Ковровского горкома отмечалось, что на заводе им. Киркиж не уделяется достаточного внимания детскому саду, руководство завода перепоручило распределение питания кладовщику. Тот, не соблюдая медицинских норм, выдавал продукты по собственному усмотрению [12, л. 3].

В условиях войны горторготдел Коврова ухудшил снабжение продуктами детских учреждений. Молоком не снабжали с ноября 1941 г. по апрель 1942 г. На одном из заседаний бюро Ковровского горкома отмечалось, что заведующий горторготделом Исаков и торгующие организации не снабжали детские учреждения молоком, сахаром и рисом, хотя другие организации и учреждения города получали эти продукты [14, л. 43]. Имелись случаи неполного использования бюджетных и родительских средств некоторыми руководителями детских садов и яслей, отпущенных на питание. Так, на фабрике имени Абельман за 1941 г. вместо утвержденных 2 р. 76 коп. на ребенка расходовали 2 р. 37 коп., из родительских 30 коп. расходовали только 16 коп. [13, л. 83].

Случаи неправильного расходования продуктов отмечались и среди заведующих детскими садами. На заводе им. Киркиж заведующая полученные три литра молока отдала пороссятам, а обед для детей был приготовлен на воде, «исключительно невкусным». За весь 1942 г. дети в этом учреждении по карточкам ничего кроме хлеба и сахара не получали [14, л. 42]. Для детских садов был характерен общий недостаток всей сферы продовольственного снабжения: плохой учет расходования продуктов питания. При этом необходимость родительского контроля игнорировалась [15, л. 54].

Случаи перебоев в снабжении детей до одного года манной крупой и рисом на ковровских заводах им. Киркиж и НКПС были вызваны использованием этих продуктов на общественное

питание взрослого контингента. По мнению проверяющих, это было вызвано отсутствием контроля над расходованием продуктов. Руководители детских яслей № 18 и «Октябренок» незаконно получали от родителей талоны на хлеб за детей до однолетнего возраста [8, л. 3]. Отдельные заведующие детскими садами не присутствовали при раздаче завтраков и обедов детям, в результате чего воспитанники не всегда получали положенное [11, л. 16 об., 17].

В Александрове проверяющие также обнаружили недостатки в питании: молоко и сливочное масло выдавалось не полностью. Хлеба выдавалось только 300 граммов [25, л. 18]. Торг отпускал продукты нерегулярно, запасов не было. За весь 1942 г. было отпущено только 28 % жиров от положенной нормы [26, л. 3].

Меню в детских садах Гусь-Хрустального состояло из супа без мяса и каши, приготовленной на воде. Молоко детские ясли не получали, как и в других городах региона, следствием этого было превышение нормы закладки продуктов [16, л. 58].

В Вязниках соски для детей делали из черного хлеба, что приводило к случаям, что ребенок мог подавиться ей [35, л. 4]. Со стороны горздравотдела и горторготдела города не было контроля над распределением продуктов. Яслям при фабрике «Карл Либкнехт» в первом квартале 1943 г. недодали 12,5 кг жиров, картофель заменили свеклой, а крупу – перебоем ржи [37, л. 63]. На пленуме горкома работница Скворцова обратила внимание, что директор и прочие руководители предприятий питались хорошо, против чего она не возражала, но отмечала, что детей забывать нельзя [38, л. 11]. В 1943 г. имевшаяся в городе свежая рыба до детей не доходила [38, л. 12]. Недостаточное и однообразное питание вело к повышению заболеваемости [19, л. 42 об.].

Иные ОРСы могли отоваривать нормы в полной мере, но заменителями. Например, вместо крупы давали горох. При этом такие заменители требовали двойной закладки, что влекло перерасход [19, л. 43]. Дефицит сахара в регионе привел в 1943 г. к его выдаче детским учреждениям лишь один раз в квартал [20, л. 13]. В фонде Гусь-Хрустального горкома отложились жалобы заведующих детскими садами и руководству ГорОНО местной власти, и первому секретарю Ивановской области Пальцеву на местный торг и Заготзерно на «неотоварение» рисом, что вело к недостаточному питанию детей [20, л. 14].

В детских садах, отдаленных от городов, условия работы персонала и содержания детей были хуже, чем в городах. На торфопредприятии рядом с Александровом в местном детском саду не было оборудованной площадки для игр, требовала ремонта уборная. Нехватка кухонной и столовой посуды вела к тому, что дети питались по очереди [21, л. 12 об.].

Неэффективная работа ОРСов проявлялась в командировании работников детских садов в областной центр Иваново и другие города за продуктами [20, л. 6]. Продовольственное снабжение детских садов и яслей в регионе функционировало с перебоями и не всегда соответствовало нормам. Приоритет детских учреждений в сфере снабжения продовольствием был таковым в большей степени на бумаге, чем в реальности.

Проверки инструкторами обкома детских садов региона фиксировали отдельные случаи небрежного хранения продуктов, приводившего к их загниванию [46, л. 3]. При этом руководителям многих детских садов к 1943 г. удалось создать собственные продовольственные базы. В Иваново в детском саду № 10 при фабрике им. Дзержинского с собственного свиарника было получено более 300 кг свинины, а с огорода удалось собрать восемь тонн картофеля, три тонны капусты, 1,5 тонны свеклы, 150 кг моркови, 300 кг помидор, 400 кг огурцов. Сотрудники детского учреждения даже смогли заготовить 150 кг ягод и 20 кг грибов. Аналогичные успехи были в детских садах при фабриках им. Балашова, «Красная Талка», Меланжевом комбинате. Там удалось заготовить не только овощи, но и мясо [46, л. 3]. В то же время не всем руководителям удавалось действовать столь же эффективно в данном направлении, что было обусловлено причинами разного характера. Практику перекалывания решения продовольственного вопроса на руководителей детских учреждений нельзя признать правильной, так как это было обязанностью городских торгов, либо предприятий, в ведении которых находились детские сады. Некоторые детские сады вместо готового хлеба получали муку и сами выпекали хлебобулочные изделия. Проверки показывали, что в этом случае выпечка «не дает 40 % припека и составляет 20–25 %». В результате дети недополучали хлеба. Некоторые учреждения вместо муки получали только печеный черный хлеб, полностью отказываясь от белого, что было недопустимым по правилам детского питания [46, л. 5].

Разнообразие рациона воспитанников детских садов зависело от наличия соответствующих продуктов и разнилось по различным районам, но в целом признавалось проверяющими

ми удовлетворительным. В справках партийных инструкторов приводилось меню в отдельных детских садах. И действительно завтраки, обеды и ужины не были одинаковыми изо дня в день, однако отследить ситуацию в большинстве детских учреждений не представлялось возможным [46, л. 4].

В докладных записках в областной отдел образования отмечалось слабое медицинское обслуживание детей, так как во многих детских садах работали либо «малоквалифицированные» медсестры [42, л. 23], либо их не было совсем [19, л. 44]. С началом войны усилились детские инфекционные заболевания. Среди болезней выделялись корь, скарлатина, дифтерия и дизентерия. Отмечались десятки случаев кори в месяц, что вело к повышенной смертности среди детей. В 1941 г. в Александрове умерло 22 % родившихся детей [22, л. 50]. К началу 1944 г. случаи скарлатины, дифтерии и кори среди детей также фиксировались [25, л. 49; 27, л. 35]. Более того, если в 1943 г. количество случаев кори снизилось до 13, то в 1944 г. произошел скачок вверх до 277 эпизодов. Смертности от нее почти не было. Детская смертность в 1944 г. составила 18 случаев, хотя еще в 1942 г. умер 101 ребенок в возрасте до одного года [28, л. 124].

К 1944 г. в Муроме заболеваемость среди детей также снизилась. Случаи болезни скарлатиной уменьшились в сравнении с 1940 г. в четыре раза, дифтерией в три раза, дизентерией в два раза. Сократилось и количество заболеваний кори. Детская смертность также снизилась на 6,5 % [31, л. 105].

Плохие санитарные условия привели к 19 смертельным случаям в 1942 г. в детских яслях им. Ленинского комсомола, находившихся в Коврове [7, л. 87]. Пыль в помещениях, непростиранное белье, нерегулярный медицинский осмотр детей отмечался в нескольких детских садах города [8, л. 2 об.]. К зиме 1942 г. в Коврове трое яслей были не готовы. Среди детей отмечалось большое количество ослабленных: гипотрофиков и рахитиков, отмечались случаи авитаминоза и большое количество кожных заболеваний [15, л. 54].

В Гусь-Хрустальном два детских сада фабрики «Красный Профинтерн» из-за большой скученности и отсутствия изолятора для больных детей не могли ликвидировать чесотку. В двух других не было уборных, и только в одном из семи заведений была прачечная. В остальных белье стиралось на кухне [19, л. 42]. В Вязниках зимой – весной 1942 г. была высокая детская смертность из-за кори, которая спустя несколько месяцев сменилась чесоткой. Для лечения не было необходимых мазей и мыла, отсутствие которого было хроническим [35, л. 6].

Сложности возникали с вакцинацией от различных инфекционных заболеваний. В 1942 г. план прививок по вакцинации от оспы, дифтерии и дизентерии был выполнен лишь на 25–60 %. Основными носителями инфекции являлись дети, не посещавшие детские учреждения [34, л. 56]. План прививок не в полной мере был выполнен и в 1943 г. [37, л. 63].

Детские учреждения слабо обеспечивались топливом, в результате чего снижалась их посещаемость, и увеличивались простудные заболевания [28, л. 20]. Заготовленные дрова просто было вывезти из-за отсутствия транспорта [42, л. 23]. Для осуществления топливных заготовок в Коврове было принято специальное решение ГК ВКП(б) «О борьбе с детской заболеваемостью и смертностью в Коврове», но руководителями горторготдела Исаковым, горздравотдела Сомовым и директором гортопа Комаровым оно выполнено в течение 1942 г. не было [14, л. 42]. Городскому прокурору даже поручили расследовать факты преступного отношения к детучреждениям [14, л. 43]. В Вязниках заведующие детских садов главных городских фабрик «Карл Либкнехт» и «Парижская коммуна» вынуждены были нередко возить дрова на себе [38, л. 11 об.]. Отсутствие топлива приводило к тому, что температура в комнатах могла опускаться до четырех градусов [14, л. 42]. В одном из детских садов Иваново осенью 1943 г. температура воздуха составляла 9–12 градусов, а запас топлива имелся лишь на четыре дня [46, л. 5].

По поводу заготовок дров дошкольные учреждения задавали вопросы напрямую первому секретарю обкома Г. Пальцеву. Воспитатели города Александрова вопрошали, можно ли отправлять их на заготовку дров, оставляя основную работу, в результате чего на одного воспитателя могло оставаться по три группы детей в количестве 90–100 человек [20, л. 6]. Нередко дрова заготавливались активом родителей, но даже в этих случаях могли происходить весьма неприятные казусы. В детсаде № 6 при Ивановской фабрике им. рабочего Ф. Зиновьева заготовленные для учреждения дрова были израсходованы дирекцией фабрики на другие цели [46, л. 5].

Многие детские сады испытывали недостаток в мебели, белье, канцелярских принадлежностях, игрушках для детей [21, л. 12 об.]. Это было вызвано как слабой материальной базой, так и масштабным расширением сети детских учреждений. Из-за нехватки работников были задержки с ремонтом [39, л. 148 об.]. В отдельных случаях, как например, в Вязниках в

здании одного из местных детсадов не работали водопровод и канализация, а печи пришли в негодность [34, л. 20]. В 1944 г. в детские сады Ивановской области предполагалось выделить 500 столов, 2500 стульев, 100 шкафов, 2500 раскладушек, а также изготовить на сумму в шесть тысяч рублей стеклянной посуды и на три тысячи рублей глиняной [44, л. 8]. Учитывая количество детских учреждений и число детей, находившихся в них, указанные цифры очень незначительны, но условия военного времени не позволяли рассчитывать на большее. Определенную помощь оказывали шефские организации. Но руководство фабрик и заводов приходилось подгонять, чтобы они вплотную занимались детскими садами, находящимися в их ведении. Именно их обязанностью было создание запаса топлива, ремонт и изготовление мебели, упорядочение питания и тому подобное [19, л. 43 об.]. Ликвидировать дефицит детской мебели и кухонной посуды некоторые детские сады предлагали решить за счет местной промышленности [20, л. 6]. Детям, посещающим сады, не хватало обуви для физкультурных занятий, и заведующие заведениями надеялись в этом вопросе на помощь областных властей [20, л. 14].

Положение персонала детских садов также было сложным, но на заседаниях горкомов этот вопрос никогда не стоял в повестке дня. Для повышения квалификации работников даже в годы войны организовывались трехмесячные курсы с планом приема в 150 человек и годовые курсы на 80 человек [44, л. 9 об.]. В годы войны несколько обновился состав работников дошкольных учреждений. Причем новые воспитатели представляли в основном молодежь, имевшую десятилетнее образование, технический же персонал был в основном пенсионного возраста. Несмотря на сложности военного времени, по-прежнему велись методические кружки [18, л. 18].

Случаи грубого обращения с воспитанниками были редкостью, по крайней мере, в источниках эпохи их почти нет. В детских яслях имени Крупской в Вязниках в 1942 г. один из ребят получил ожоги. Обстоятельства этого происшествия в источнике не конкретизированы. Летом того же года во время прогулки семь детей отравились грибами, но быстро принятые меры спасли им жизнь [38, л. 14]. Одна из воспитательниц получила выговор за оставление ребенка в лесу, у другой воспитательницы в Александрове дети на прогулке объелись травой [18, л. 18]. Но такие эпизоды были единичны и становились объектом специального рассмотрения. Ужесточение трудового законодательства, когда опоздания жестко карались, не обошло стороной и детские учреждения. Причины же нарушений не всегда становились объектом изучения.

В условиях советского государства одним из требований к воспитателям было повышение их идейно-политического уровня, но сотрудникам, занятым выживанием, явно было не до этого [36, л. 12].

Заключение. Детские учреждения испытывали в годы Великой Отечественной войны схожие трудности, с которыми сталкивались и другие предприятия и организации. Главной проблемой являлась нехватка продовольствия, но причина этого лежала не столько в дефиците продуктов, сколько в их неправильном распределении со стороны соответствующих структур. Местное партийное руководство неоднократно указывало на это городским торгам и фабрично-заводскому начальству, но реально исправить ситуацию могло лишь системное преследование нарушителей со стороны правоохранительных органов.

Дошкольные учреждения испытывали в годы войны острый недостаток мебели, кухонной утвари, посуды и игрушек. Устранить эти недостатки в этот исторический период было практически невозможно, несмотря на нередкие предписания горкомов, требовавших от местных предприятий оказывать шефскую помощь.

Сотрудники детских садов, несмотря на все сложности, продолжали выполнять свою работу, хотя и сами терпели трудности и лишения. Детские дошкольные учреждения были важным фактором, способствовавшим высвобождению женщин для работы на предприятиях. Этот процесс стал одним из элементов экономической победы советской страны в Великой Отечественной войне. В то же время цена, заплаченная за тяготы и лишения военных лет, была чрезвычайно высокой и наложила сильный отпечаток на послевоенное развитие страны.

Список литературы

1. Алексеева В. В. Организация дошкольного воспитания в годы Великой Отечественной войны // В мире научных открытий. 2015. № 9 (69). С. 48–55.
2. Алексеева В. В. Развитие дошкольного образования в Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны. Уфа : Мир печати, 2017. 191 с.
3. Альбицкий В. Ю., Баранов А. А., Шер С. А. Охрана здоровья детей в годы Великой Отечественной войны // Вопросы современной педиатрии. 2020. № 1. С. 12–19.

4. Баландина А. «Фабрика по шлифовке»: зачем России детские сады. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2018/09/25/11997355.shtml> (дата обращения: 01.11.2020).
5. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 319.
6. ГАВО (Государственный архив Владимирской области). Ф. П-116. Оп. 1. Д. 39.
7. ГАВО. Ф. П-116. Оп. 1. Д. 76.
8. ГАВО. Ф. П-116. Оп. 1. Д. 111.
9. ГАВО. Ф. П-116. Оп. 1. Д. 138.
10. ГАВО. Ф. П-116. Оп. 1. Д. 146.
11. ГАВО. Ф. П-116. Оп. 1. Д. 162.
12. ГАВО. Ф. П-116. Оп. 63. Д. 28.
13. ГАВО. Ф. П-116. Оп. 63. Д. 30.
14. ГАВО. Ф. П-116. Оп. 63. Д. 32.
15. ГАВО. Ф. П-116. Оп. 63. Д. 33.
16. ГАВО. Ф. П-118. Оп. 1. Д. 81.
17. ГАВО. Ф. П-118. Оп. 1. Д. 123.
18. ГАВО. Ф. П-118. Оп. 1. Д. 140.
19. ГАВО. Ф. П-118. Оп. 1. Д. 178.
20. ГАВО. Ф. П-118. Оп. 1. Д. 193.
21. ГАВО. Ф. П-118. Оп. 1. Д. 217.
22. ГАВО. Ф. П-119. Оп. 3. Д. 95.
23. ГАВО. Ф. П-119. Оп. 3. Д. 119.
24. ГАВО. Ф. П-119. Оп. 3. Д. 144.
25. ГАВО. Ф. П-119. Оп. 3. Д. 145а.
26. ГАВО. Ф. П-119. Оп. 3. Д. 151.
27. ГАВО. Ф. П-119. Оп. 3. Д. 170.
28. ГАВО. Ф. П-119. Оп. 3. Д. 189.
29. ГАВО. Ф. П-495. Оп. 1. Д. 146.
30. ГАВО. Ф. П-495. Оп. 5. Д. 67.
31. ГАВО. Ф. П-495. Оп. 5. Д. 139.
32. ГАВО. Ф. П-503. Оп. 4. Д. 18.
33. ГАВО. Ф. П-503. Оп. 78. Д. 25.
34. ГАВО. Ф. П-791. Оп. 63. Д. 11.
35. ГАВО. Ф. П-791. Оп. 63. Д. 20.
36. ГАВО. Ф. П-791. Оп. 63. Д. 22.
37. ГАВО. Ф. П-791. Оп. 63. Д. 23.
38. ГАВО. Ф. П-791. Оп. 63. Д. 26.
39. ГАВО. Ф. Р-1263. Оп. 1. Д. 76.
40. ГАИО (Государственный архив Ивановской области). Ф. П-327. Оп. 7. Д. 819.
41. ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 821.
42. ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 938.
43. ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 1006.
44. ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 1133.
45. ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 1170.
46. ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 1273.
47. ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 1455.
48. Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы) / М. А. Рыблова, Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлынина [и др.]; Южный научный центр Российской академии наук. Волгоград : Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 336 с.
49. Дунбинская Т. И. Проблема организации детского питания в Западно-Сибирском регионе в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 353. С. 70–73.
50. Дунбинская Т. И. Статистика эвакуированных и местных детских учреждений в годы Великой Отечественной войны (на материалах Западной Сибири) // Вестник ТГПУ. 2011. № 13 (115). С. 46–51.
51. Исаев В. В. Эвакуированные детские учреждения Ленинграда в Алтайском крае в годы Великой Отечественной войны // Город на Неве в истории Алтая: люди и судьбы : монография / отв. ред. И. Н. Никулина. Барнаул, 2020. С. 92–116.
52. Колесникова А. А. Детские сады Московской области в дни войны // Дошкольное воспитание. 2015. № 2. С. 14–24.
53. Красножёнова Е. Е. Государственная политика по охране материнства и детства в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Нижнего Поволжья) // Известия ВГПУ. 2012. № 3 (67). С. 36–39.

54. Лопсонова З. Б. Дошкольное образование в Республике Бурятия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 12. С. 27–32.
55. Мартыничук Т. А. Общественное дошкольное воспитание в Коми АССР: 1941–1945 гг. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2017. № 2 (42). С. 105–112.
56. Михеенко К. А., Выборнова М. А. Детские дошкольные учреждения г. Куйбышева в годы Великой Отечественной войны // Новое слово в науке: перспективы развития. 2015. № 4 (6). С. 32–33.
57. Ростов Н. Д. Помощь воинов-сибиряков детским образовательным учреждениям в годы Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (19). С. 160–163.
58. Соколова Ю. А. Государственное управление дошкольными учреждениями и детскими домами в РСФСР в годы Великой Отечественной войны // История российской государственности: доклады Междунар. науч. кон-ции. М.: Изд-во РГГУ, 2021. С. 419–425.
59. Филиппов Ю. В., Долматова А. А. Детские образовательные учреждения в тыловом городе Горьком (1941–1945 гг.) // Приволжский научный журнал. 2014. № 4. С. 288–292.

Functioning of preschool institutions during the Great Patriotic War (based on the materials of the Vladimir and Ivanovo regions)

I. S. Tryakhov¹, S. V. Tryakhova²

¹PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of Russian History,
Vladimir State University n. a. A. G. and N. G. Stoletov.

Russia, Vladimir. ORCID: 0000-0001-6488-5205. Researcher ID: AAE-6529-2021. E-mail: ilja.tryahoff@yandex.ru

²educator, kindergarten No. 30.

Russia, Vladimir. ORCID: 0000-0003-1638-3467. E-mail: svetlanatryakhova@gmail.com

Abstract. The article examines the functioning of kindergartens and nurseries in the Vladimir and Ivanovo regions in the conditions of the Great Patriotic War. The sources for the study were the funds of the regional party committees of individual regions, as well as archival materials of a number of city committees of the CPSU (b). During the war, the regions received a considerable number of evacuated citizens together with their families, which required the accommodation of those who arrived, including in kindergartens and nurseries. Analysis of the documents shows that the quantitative growth of preschool institutions was directly related to the need to increase the number of labor, which was additionally recruited from women who had young children. The expansion of the network of children's institutions required finding premises for them, various equipment, furniture, as well as accelerated training of teaching staff. During the study of the issue, it was revealed that the greatest difficulties during the years of the war were the food problem. In addition, considerable difficulties were associated with providing the premises of kindergartens with fuel. Organizations designed to solve this issue did not cope well with it, and therefore the solution of the fuel problem fell on the staff of children's institutions, as well as the parents of the pupils. The author draws attention to the fact that departmental institutions were usually in better conditions compared to those that were subordinate to the People's Commissariat of Education, but there were exceptions here. The analysis of available sources shows that, despite the priority of preschool institutions in the order of supply according to the decisions of the central and regional authorities, in reality local supply organizations did not always pay them due attention.

Keywords: the Great Patriotic War, kindergarten, Soviet rear, food supply, fuel supply, pedagogical work.

References

1. Alekseeva V. V. *Organizaciya doshkol'nogo vospitaniya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Organization of preschool education during the Great Patriotic War] // *V mire nauchnyh otkrytij* – In the world of scientific discoveries. 2015. No. 9 (69). Pp. 48–55.
2. Alekseeva V. V. *Razvitie doshkol'nogo obrazovaniya v Bashkirskoj ASSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Development of preschool education in the Bashkir ASSR during the Great Patriotic War]. Ufa. World of Printing. 2017. 191 p.
3. Al'bickij V. Yu., Baranov A. A., Sher S. A. *Ohrana zdorov'ya detej v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Protection of children's health during the Great Patriotic War] // *Voprosy sovremennoj pediatrii* – Issues of modern pediatrics. 2020. No. 1. Pp. 12–19.
4. Balandina A. *"Fabrika po shlifovke": zachem Rossii detskie sady* ["Grinding factory": why Russia needs kindergartens]. Available at: <https://www.gazeta.ru/social/2018/09/25/11997355.shtml> (date accessed: 01.11.2020).
5. SARF (State Archive of the Russian Federation). F. A-2306. Inv. 1. File 319.
6. SAVR (State Archive of the Vladimir region). F. П-116. Inv. 1. File 39.

7. SAVR. F. П-116. Inv. 1. File 76.
8. SAVR. F. П-116. Inv. 1. File 111.
9. SAVR. F. П-116. Inv. 1. File 138.
10. SAVR. F. П-116. Inv. 1. File 146.
11. SAVR. F. П-116. Inv. 1. File 162.
12. SAVR. F. П-116. Inv. 63. File 28.
13. SAVR. F. П-116. Inv. 63. File 30.
14. SAVR. F. П-116. Inv. 63. File 32.
15. SAVR. F. П-116. Inv. 63. File 33.
16. SAVR. F. П-118. Inv. 1. File 81.
17. SAVR. F. П-118. Inv. 1. File 123.
18. SAVR. F. П-118. Inv. 1. File 140.
19. SAVR. F. П-118. Inv. 1. File 178.
20. SAVR. F. П-118. Inv. 1. File 193.
21. SAVR. F. П-118. Inv. 1. File 217.
22. SAVR. F. П-119. Inv. 3. File 95.
23. SAVR. F. П-119. Inv. 3. File 119.
24. SAVR. F. П-119. Inv. 3. File 144.
25. SAVR. F. П-119. Inv. 3. File 145a.
26. SAVR. F. П-119. Inv. 3. File 151.
27. SAVR. F. П-119. Inv. 3. File 170.
28. SAVR. F. П-119. Inv. 3. File 189.
29. SAVR. F. П-495. Inv. 1. File 146.
30. SAVR. F. П-495. Inv. 5. File 67.
31. SAVR. F. П-495. Inv. 5. File 139.
32. SAVR. F. П-503. Inv. 4. File 18.
33. SAVR. F. П-503. Inv. 78. File 25.
34. SAVR. F. П-791. Inv. 63. File 11.
35. SAVR. F. П-791. Inv. 63. File 20.
36. SAVR. F. П-791. Inv. 63. File 22.
37. SAVR. F. П-791. Inv. 63. File 23.
38. SAVR. F. П-791. Inv. 63. File 26.
39. SAVR. F. П-1263. Inv. 1. File 7b.
40. SAIR (State Archive of the Ivanovo region). F. П-327. Inv. 7. File 819.
41. SAIR. F. П-327. Inv. 7. File 821.
42. SAIR. F. П-327. Inv. 7. File 938.
43. SAIR. F. П-327. Inv. 7. File 1006.
44. SAIR. F. П-327. Inv. 7. File 1133.
45. SAIR. F. П-327. Inv. 7. File 1170.
46. SAIR. F. П-327. Inv. 7. File 1273.
47. SAIR. F. П-327. Inv. 7. File 1455.
48. *Detstvo i vojna: kul'tura povsednevnosti, mekhanizmy adaptatsii i praktiki vyzhivaniya detej v usloviyah Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Stalingradskoj bitvy)* – Childhood and war: culture of everyday life, mechanisms of adaptation and survival practices of children in the conditions of the Great Patriotic War (based on the materials of the Battle of Stalingrad) / M. A. Ryblova, E. F. Krinko, T. P. Khlynina [et al.]; Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Volgograd. Publishing House of the Volgograd branch of the RANEP. 2015. 336 p.
49. *Dunbinskaya T. I. Problema organizatsii detskogo pitaniya v Zapadno-Sibirskom regione v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.)* [The problem of organizing baby food in the West Siberian region during the Great Patriotic War (1941–1945)] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Tomsk State University. 2011. No. 353. Pp. 70–73.
50. *Dunbinskaya T. I. Statistika evakuirovannyh i mestnyh detskih uchrezhdenij v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Zapadnoj Sibiri)* [Statistics of evacuated and local children's institutions during the Great Patriotic War (on the materials of Western Siberia)] // *Vestnik TGPU* – Herald of TSPU. 2011. No. 13 (115). Pp. 46–51.
51. *Isaev V. V. Evakuirovannye detskie uchrezhdeniya Leningrada v Altajskom krae v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Evacuated children's institutions of Leningrad in the Altai Territory during the Great Patriotic War] // *Gorod na Neve v istorii Altaya: lyudi i sud'by: monografiya* – The city on the Neva in the history of Altai: people and destinies : monograph / ed. by I. N. Nikulin. Barnaul. 2020. Pp. 92–116.
52. *Kolesnikova A. A. Detskie sady Moskovskoj oblasti v dni vojny* [Kindergartens of the Moscow region in the days of war] // *Doshkol'noe vospitanie* – Preschool education. 2015. No. 2. Pp. 14–24.
53. *Krasnozhyonova E. E. Gosudarstvennaya politika po ohrane materinstva i detstva v period Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. (na materialah Nizhnego Povolzh'ya)* [State policy for the protection of

motherhood and childhood during the Great Patriotic War of 1941–1945 (based on the materials of the Lower Volga region)] // *Izvestiya VGPU – News of VSPU*. 2012. No. 3 (67). Pp. 36–39.

54. Lopsonova Z. B. *Doshkol'noe obrazovanie v Respublike Buryatiya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.)* [Preschool education in the Republic of Buryatia during the Great Patriotic War (1941–1945)] // *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Buryat State University*. 2012. No. 12. Pp. 27–32.

55. Martynchuk T. A. *Obshchestvennoe doshkol'noe vospitanie v Komi ASSR: 1941–1945 gg.* [Public pre-school education in the Komi ASSR: 1941–1945] // *Vestnik NII gumanitarnyh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya – Herald of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia*. 2017. No. 2 (42). Pp. 105–112.

56. Miheenko K. A., Vybornova M. A. *Detskie doshkol'nye uchrezhdeniya g. Kujbysheva v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Preschool institutions of Kuibyshev during the Great Patriotic War] // *Novoe slovo v nauke: perspektivy razvitiya – New word in science: development prospects*. 2015. No. 4 (6). Pp. 32–33.

57. Rostov N. D. *Pomoshch' voenov-sibiryakov detskim obrazovatel'nyim uchrezhdeniyam v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Assistance of Siberian soldiers to children's educational institutions during the Great Patriotic War] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*. Tambov. Diploma. 2012. No. 5 (19). Pp. 160–163.

58. Sokolova Yu. A. *Gosudarstvennoe upravlenie doshkol'nyimi uchrezhdeniyami i detskimi domami v RSFSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [State management of preschool institutions and orphanages in the RSFSR during the Great Patriotic War] // *Istoriya Rossijskoj gosudarstvennosti : doklady Mezhdunar. nauch. kon-cii – The History of Russian statehood : reports of the International Scientific Conference*. M. Russian State University, 2021. Pp. 419–425.

59. Filippov Yu. V., Dolmatova A. A. *Detskie obrazovatel'nye uchrezhdeniya v tylovom gorode Gor'kom (1941–1945 gg.)* [Children's educational institutions in the rear city of Gorky (1941–1945)] // *Privolzhskij nauchnyj zhurnal – Volga Scientific Journal*. 2014. No. 4. Pp. 288–292.

Плен, побег, отряд, армия: военнослужащие из Удмуртии в составе советских партизанских соединений (1941–1944 гг.)

Д. В. Перевощиков

кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела исторических исследований,
Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского
центра Уральского отделения Российской академии наук. Россия, г. Ижевск. E-mail: dmitryzh76@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье на основе архивных документов, впервые вовлеченных в научный оборот, рассматривается вопрос о бойцах и командирах из Удмуртской АССР, которые после попадания в плен совершили удачные побеги из неволи и вступили в ряды советских партизанских отрядов, организовавших вооруженную борьбу на части территории Советского Союза, оккупированной войсками гитлеровской Германии и ее союзников. В ходе исследования рассмотрены и воспоминания таких военнослужащих. Некоторых из этих солдат и офицеров сначала считали погибшими в боях, затем в фашистских концлагерях. Несмотря на все испытания, они остались в живых, встретили Победу в Великой Отечественной войне и возвратились на Родину. Актуальность темы обусловлена недостаточной ее разработанностью в отечественной историографии, а также малой степенью изученности многих сторон судеб воинов из Республики, содержащихся в нацистских пунктах заключения, но затем воевавших в партизанских отрядах. В статье предпринята попытка обобщить и проанализировать известные и вновь выявленные факты. В исследовании представлены основные события фронтовых биографий солдат и офицеров из Удмуртии, которые смогли самостоятельно освободиться из плена и вступить в ряды партизан. При анализе архивных документов и воспоминаний вскрыты общие закономерности в судьбе таких воинов. Установлено, что некоторые из них до попадания в плен служили в рядах 98-й стрелковой дивизии 22-й армии. Работа проливает свет на одну из малоизученных страниц истории Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Удмуртия, Великая Отечественная война, советские военнопленные, партизанские отряды.

Одной из причин широкого распространения партизанского движения в западных районах СССР, оккупированных гитлеровцами, являлось наличие в нем значительного количества военнослужащих Красной Армии, которые перед включением в отряды оказались в окружении или осуществили удачные побеги из фашистских концлагерей. Они были обучены военному делу и, как правило, имели боевой опыт. Пребывание в окружении или в плену закалило характер таких солдат и офицеров. Присутствуя в отрядах, они в большинстве случаев способствовали укреплению армейской дисциплины и организованности в них, что повышало эффективность боевой работы.

Военнослужащие, освободившиеся из плена, пополняли партизанские соединения главным образом летом и осенью 1941 г., когда линия фронта отодвигалась на восток, и в ряде случаев было очень сложно пешим порядком через леса достичь ее. В 1942–1943 гг. бывшие узники вступали в отряды после побегов из концлагерей, располагавшихся на территории, главным образом, Белоруссии и Украины.

Среди военнослужащих Красной Армии, которые вырывались из-за колючей проволоки на волю и затем вливались в ряды партизан, находились солдаты и офицеры Советских вооруженных сил, призванные на передовую с территории Удмуртии. Указанный вопрос остается недостаточно разработанным в научной литературе, несмотря на то, что опубликовано немало работ, посвященных участию жителей Республики в Великой Отечественной войне [1; 2; 3; 6].

Значительную часть бывших военнопленных, вступивших после побегов в партизанские отряды, составляли военнослужащие 98-й стрелковой дивизии 22-й армии, бойцы и командиры которой уже в июне 1941 г. вступили в бой с врагом на территории Белорусской ССР. Указанное подразделение формировалось с января 1940 г. по 10 июня 1941 г. в Ижевске, Сарапуле, Воткинске, Глазове и Можге. В 98-ю стрелковую дивизию вошли 4-й, 166-й артиллерийский, 308-й стрелковый полки, 153-й легкий, 155-й гаубичный артполки, 157-й полк про-

тивотанковых орудий, 285-й зенитно-артиллерийский дивизион, 76-й отдельный разведбатальон, а также 108-й отдельный батальон связи, 84-й отдельный саперный батальон, 50-й медсанбат и другие воинские части. В указанном подразделении служили главным образом уроженцы Удмуртии или лица, призванные в Красную Армию с территории Республики. После ожесточенных июльских боев определенная часть военнослужащих 98-й стрелковой дивизии оказалась в немецких концлагерях. По словам ветерана этого подразделения, бывшего командира батареи 155-го гаубичного артиллерийского полка И. К. Капленко, «...в плен попадали наши бойцы и командиры только ранеными или находясь в безвыходном положении» [4, с. 22].

Одним из них был Иван Федорович Очеев. Он родился в 1915 г., в д. Нижнее Кечево ныне Малопургинского района Удмуртии. В вооруженных силах с 1936 г. Служил в г. Куйбышеве, в 5-м отдельном железнодорожном батальоне войск НКВД СССР. На фронте с лета 1941 г. Находясь в рядах 166-го артиллерийского полка 98-й стрелковой дивизии, оборонял г. Дисна, затем ст. Боровуха-I, располагавшуюся восточнее г. Полоцк. После попадания во вражеский плен И. Ф. Очеев некоторое время в документах РККА числился пропавшим без вести. Содержался в одном из концлагерей г. Витебска. Пребывание там было недолгим. Вместе с другими военнопленными узника в эшелоне отправили на запад. Но по пути следования поезда, в районе ст. Оболь, ему удалось на ходу выпрыгнуть из вагона и скрыться от преследования [5, с. 5–6]. В апреле 1942 г. в Сиротинском районе Витебской области И. Ф. Очеев организовал небольшой вооруженный отряд, состоявший из бывших военнопленных. В мае это подразделение вошло в партизанскую бригаду под командованием М. И. Дьячкова. И. Ф. Очеев участвовал в бою против полицейского гарнизона в д. Бескатово. Отделение партизан, которым он командовал, атаковало фланг противника и пулеметным огнем внесло замешательство в его ряды, чем способствовало выполнению задачи, поставленной партизанам. Позднее И. Ф. Очеев был назначен командиром взвода разведки. С апреля 1943 г. находился в должности командира отряда имени В. П. Чкалова.

В представлении И. Ф. Очеева к ордену Красного Знамени говорится о том, что этот партизан лично храбр и отважен. В апреле–мае 1944 г. в Ушачском районе Витебской области он вместе со своим отрядом оборонял от гитлеровцев рубеж протяженностью до 2 км по фронту. Несмотря на ежедневный массированный минометный огонь и удары немецкой авиации с воздуха, партизаны под командованием И. Ф. Очеева удерживали позиции шесть дней. Только по приказу они отошли на новый рубеж и также стойко и упорно оборонялись на нем. 22 апреля немцам удалось потеснить левый фланг партизан. Тогда И. Ф. Очеев с группой бойцов атаковал противника и восстановил положение. 24 апреля гитлеровцы окружили в дзоте группу партизан под руководством Шишкова. Узнав об этом, И. Ф. Очеев поднял свой отряд на штурм, в результате чего противник был отброшен, блокированное отделение освобождено. В начале мая 1944 г. партизаны прорывали оборону врага на одном из участков железной дороги Полоцк–Молодечно. Несмотря на сильный ружейно-пулеметный и артиллерийский огонь эсэсовского полка, И. Ф. Очеев поднял свой отряд на штурм и вместе со своими бойцами ворвался на позиции противника, в результате чего было убито 18 и ранен 21 немецкий солдат, взяты пленные.

В 1943 г. И. Ф. Очеев был удостоен медали «Партизану Отечественной войны II степени».

После освобождения Белоруссии от оккупации боевой партизан вновь вступил в ряды Красной Армии, где воевал так же храбро. В наградном листе от 9 октября 1945 г. говорится о том, что боец 73-й отдельной гвардейской разведроты 75-й гвардейской стрелковой дивизии 1-го Белорусского фронта И. Ф. Очеев: «...Действуя в составе передовой группы разведчиков в ночь на 17.04.45 года, несмотря на сильный артиллерийский огонь противника, в районе деревни Ной-Глитцен с группой разведчиков форсировал реку Одер и вступил на западный берег.

В последующих боевых действиях по расширению плацдарма тов. Очеев показывал исключительное мужество и отвагу, 23.04.45 года был легко ранен.

Достоин награждения правительственной наградой – медалью «За отвагу» [7]. Бывший партизан закончил войну в покоренной столице фашистского «рейха». Позднее И. Ф. Очеев получил медали «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1985 и 1986 гг. был награжден орденами Отечественной войны соответственно II и I степени.

Похож и не менее содержателен фронтовой путь Тимофея Макаровича Чуракова, уроженца д. Забегалово ныне Завьяловского района Удмуртии. В 1940 г. 20-летний призывник

надел военную форму. На фронте с лета 1941 г. Попал в плен после того, как медсанбат, где находился контуженный боец, оказался в тылу наступающих немецких дивизий. Гитлеровцы отправили Т. М. Чуракова в концлагерь, представлявший собой участок земли, огороженный колючей проволокой. В первую же ночь он попытался продраться через нее, но загремели подвешенные консервные банки, раздалась пулеметная очередь, чудом не задевшая беглеца. Когда все успокоилось, военнопленный вновь повторил попытку освободиться из неволи. На этот раз получилось. Однако через несколько часов гитлеровцы схватили вырвавшегося узника и отправили обратно за колючую проволоку. Позднее Т. М. Чураков предпринял еще четыре попытки побега, но всякий раз удача отворачивалась от него. Но это не поколебало его решимости освободиться из плена. Когда большую группу узников отправили на поезде на запад, Т. М. Чураков, выдрав половую доску в вагоне, сумел осуществить успешный побег. Освободившись из неволи, попал на Смоленщину, где скрывался от оккупантов, ночевал в банях, еду получал от местных жителей. В д. Репино его приютил дед Василий, у которого в Красной Армии воевали три сына. Вскоре бывший военнопленный вышел на связь с партизанами. Однако в отряд брали только тех, у кого были документы, вызывающие доверие. Попасть к партизанам помог случай. Т. М. Чураков встретил товарища, с которым вместе на Дальнем Востоке учились на шофера. Этот знакомый был разведчиком в отряде «Смерть фашизму» и отрекомендовал командованию своего друга с наилучшей стороны. В конце февраля 1942 г. бывший военнопленный вступил в ряды партизан, действовавших на территории оккупированной гитлеровцами Смоленской области, и оправдал их доверие.

Осенью 1942 г. боец был представлен к ордену Красного Знамени. В наградном листе от 16 ноября говорилось: «Тов. Чураков Т. М. – активный участник большинства боевых операций отряда. Особенно героически проявил себя при следующих операциях:

1. 9–10 марта 1942 г. д. Комарово Сафоновского района. Отряд в засаде. Чураков уничтожил 5 гитлеровцев, захватил 4 винтовки и 1 пулемет.

2. 7 июня 1942 г. д. Михеево Пречистенского р-на. Отряд наступал на гарнизон белорукавников¹. Чураков из пулемета уничтожил 2 пулеметные точки противника.

3. 30 июня 1942 г. д. Чуркино Пречистенского р-на. Отряд в засаде. Чураков из пулемета уничтожил 4-х гитлеровцев и 1 гитлеровца взял в плен.

4. В боях в Бельском районе с 10.8 по 13.9.42 г. Чураков уничтожил 8 гитлеровцев.

5. 4 октября 1942 г. д. Н. Петрово Батуринского р-на. Отряд наступал на гарнизон белорукавников. Чураков уничтожил 5 белорукавников.

6. 11 ноября 1942 г. д. Симановка Батуринского р-на. Отряд в засаде. Чураков уничтожил из пулемета 11 гитлеровцев, захватил 1 пулемет и 1 автомат...». В начале января 1943 г. наградной лист, подписанный командиром отряда «Смерть фашизму» лейтенантом В. И. Васильевым, был рассмотрен представителем Центрального штаба партизанского движения на Западном фронте Д. М. Поповым, который принял решение вручить Т. М. Чуракову орден Красной Звезды [8].

После освобождения Смоленской области от фашистской оккупации Т. М. Чураков воевал в рядах 64-й стрелковой дивизии. В 1944 г. получил медаль «За отвагу». В приказе по 451-му полку от 23 февраля 1944 г. упоминалось о том, что связной 1-й роты Чураков Тимофей Макарович: «...В боях с немецко-фашистскими захватчиками проявил себя стойким и отважным защитником Советской родины. В 1941–42 гг. в течение 15 месяцев служил в партизанских отрядах, где нещадно истреблял немецко-фашистских захватчиков. Служит примером храбрости и отваги среди бойцов.

Все задания, поручаемые старшими начальниками, выполняет четко и быстро» [9].

В 1945 г. старший сержант Т. М. Чураков служил в 207-й стрелковой дивизии 1-го Белорусского фронта, дошел до Берлина. После окончательного разгрома войск гитлеровской Германии и ее союзников был удостоен медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [10]. Демобилизовавшись, Т. М. Чураков вернулся в д. Забегалово, работал в совхозе «Камский». К 40-летию Победы получил орден Отечественной войны II степени.

Богат неожиданными поворотами и боевой путь Федора Пахомовича Кайшева. Он родился и вырос в поселке Сюгинского завода (ныне г. Можга). Работал кочегаром. В 1937 г.

¹ «Белорукавники» – вооруженные коллаборационисты с белыми повязками на руках, завербованные оккупантами из числа местного населения во вспомогательную полицию («полицаи») или в отряды «помощников» вермахта (Hilfswilliger (нем.) – «хиви»).

22-летний новобранец вступил в ряды Красной Армии. Принял участие в советско-финской войне. Служил в 308-м полку 98-й стрелковой дивизии. Вместе с ней с боями старшина Кайшев отходил из Белоруссии в Калининскую область РСФСР. Попал в плен под г. Невелем. Ф. П. Кайшев не стал дожидаться, когда его вместе с другими узниками отправят далеко на запад, поэтому предпринимал усилия для освобождения из-за колючей проволоки. Вторая попытка побега оказалась удачной, и бывший военнопленный присоединился к партизанам. В 1944 г. Ф. П. Кайшев вернулся в ряды РККА. Служил в экипаже самоходного орудия (СУ-76), в рядах 10-й гвардейской армии 2-го Прибалтийского фронта. В ноябре 1944 г. был представлен к ордену Красной Звезды. В наградном листе можно прочесть следующее: «В боях 31 октября 1944 г. при отражении контратак противника под высотой 42,0 заряжающий Кайшев действовал в составе расчета отважно и умело. В этом бою его расчет уничтожил: 1 самоходное орудие, 5 станковых пулеметов, отбил 2 контратаки, истребил до 45 солдат и офицеров противника».

Тов. Кайшев способствовал успеху выполнения боевой задачи.

Достоин награждения орденом «Красная Звезда» [11]. Однако это приятное событие омрачилось тяжелым ранением в грудь. 3 февраля после лечения в госпитале вернулся в ряды Действующей армии. Позднее Ф. П. Кайшев был представлен к награждению медалью «За отвагу». В декабре 1945 г. демобилизовался, вернулся в г. Можгу, работал на заводе «Свет».

В рядах 98-й стрелковой дивизии служил также Виктор Григорьевич Копанев. Он родился в д. Липовка Кизнерского района. На фронт был призван Пастуховским райвоенкоматом г. Ижевска. На передовой во время боя был ранен в голову. Когда попытался выйти из окружения, попал в плен. Гитлеровцы загнали группу обезоруженных бойцов сначала на огороженную колючей проволокой площадь, а затем в деревенскую церковь. На следующее утро военнопленных погрузили в вагон и отправили в близлежащий концлагерь. Ночью В. Г. Копанев совершил побег из движущегося поезда. На территории восточной Белоруссии он с товарищем установил связь с партизанами и вступил в отряд «Борьба». В 1943 г. В. Г. Копанев был включен в группу, которая переправляла на свободную от оккупации советскую территорию группу женщин, детей, раненых, а также молодых мужчин, согласных добровольцами вступить в Красную Армию. После лечения в госпитале уехал на Волховский фронт [21]. В 1943–1944 гг. был награжден медалями «Партизану Отечественной войны II степени», «За оборону Ленинграда», «За отвагу» [12]. В 1985 г. удостоен ордена Отечественной войны I степени.

Драматична фронтовая биография уроженца с. Кочур ныне Увинского района Петра Андреевича Дудырева. В 1940 г. в возрасте 27 лет он начал свою службу в РККА. Занимал должность фельдшера. Войну встретил в рядах 85-й стрелковой дивизии в звании военврача 2-го ранга. Попал в окружение. С 17 июля 1942 г. П. А. Дудырев находился в рядах партизанского отряда им. И. В. Сталина под командованием В. А. Тихомирова (впоследствии Героя Советского Союза). Это соединение до освобождения Белоруссии действовало в Минской области и других районах Республики. 15 сентября 1942 г. в ходе боя с гитлеровцами в районе д. Пуховичи П. А. Дудырев попал в плен [13]. Партизаны посчитали его погибшим [14]. Несмотря на все испытания, военный медик из Удмуртии выжил в плену и дождался освобождения [22].

Другой уроженец Удмуртии – Виталий Тимофеевич Кузнецов родился в 1915 г. в д. Мочаловка (ныне Алнашского района). Окончил 7 классов. Работал трактористом. На фронте с сентября 1941 г. В феврале 1942 г. В. Т. Кузнецов попал в плен. В августе 1943 г. бежал и вступил в состав 31-го партизанского отряда, действовавшего на территории Белоруссии. После освобождения Республики от оккупантов В. Т. Кузнецов служил в 110-й стрелковой дивизии 50-й армии 3-го Белорусского фронта. Уже после окончания войны был удостоен ордена Красной Звезды. В наградном листе от 21 мая 1945 г. говорится о том, что 2-го марта 1945 г. В. Т. Кузнецов принимал непосредственное участие в разведке, которая производилась в районе населенного пункта Бенкенвальде. Гитлеровцы заметили бойцов и открыли по ним огонь. Двое солдат были ранены. В. Т. Кузнецов, находясь под сильным обстрелом, вынес их с поля боя и оказал немедленную медицинскую помощь. Затем он принял участие в захвате трех немецких пленных («языков»), которые дали советскому командованию ценные сведения о противнике [15]. До этого подвига В. Т. Кузнецов уже был награжден двумя медалями «За отвагу». В 1985 г. удостоен ордена Отечественной войны II степени.

Необходимо обратить внимание также на фронтовую биографию Максима Романовича Метелева. Он родился в 1908 г. в г. Ижевске. Служил в 98-й стрелковой дивизии 22-й армии. На фронте с первых дней войны. В июле попал в плен. Содержался в немецком «шталаге»

№ 352, который находился под Минском, в районе д. Масюковщина [16]. Ему удалось бежать из плена и присоединиться к партизанской бригаде имени газеты «Правда». 22 апреля 1944 г. в ходе боя, который произошел в Червенском районе Минской области, М. Р. Метелев был сражен вражеской пулей [17].

Его однофамилец Кирилл Иванович Метелев родился в д. Сюрмошур (ныне Селтинского района). В 1939 г. 20-летний новобранец был призван ижевским райвоенкоматом. На фронте с первых месяцев войны. Попал в плен в августе 1941 г. В ноябре ему удалось бежать [18]. Позднее К. И. Метелев вступил в состав партизанской бригады «Железняк» [19]. После освобождения Белоруссии воевал в рядах 63-й стрелковой дивизии. В ноябре 1944 г. был удостоен ордена Отечественной войны I степени. В наградном листе написано о том, что 26 октября 1944 г. наводчик батареи 76-миллиметровых пушек 226-го стрелкового полка К. И. Метелев отразил атаку немцев. Он допустил их на расстояние 50–70 метров и, действуя один за весь расчет, в упор разбил станковый и ручной пулеметы противника, уничтожил около десятка вражеских пехотинцев [20]. После окончания войны К. И. Метелев вернулся в родные края.

На этом перечень бойцов и командиров, призванных на фронт в Удмуртской АССР, попавших в плен, а затем воевавших в партизанских отрядах, не исчерпывается. Автору удалось выявить еще девять воинов. Полный список фамилий таких солдат и офицеров представлен в таблице 1.

Таблица 1

**Военнослужащие из Удмуртии,
вступившие в партизанские отряды после освобождения из плена**

Фамилия, имя, отчество, год рождения партизана	Место рождения в Удмуртии (современное территориальное деление)	Партизанское формирование
Баталов Дмитрий Иванович 1920 г. р.	Можгинский р-н, с. Большая Кибья	6-я Ленинградская партизанская бри- гада (Ленинградская обл. РСФСР)
Бердышев Григорий Алексеевич 1910 г. р.	Воткинский р-н, д. Дремино	Партизанский отряд (Белорусская ССР)
Дудырев Петр Андреевич 1913 г. р.	Увинский р-н, д. Кочур	Партизанский отряд им. И. В. Сталина (Белорусская ССР)
Истомин Петр Николаевич 1914 г. р.	Селтинский р-н, д. Истомино	Партизанский отряд (Калининская обл. РСФСР)
Кайшев Федор Пахомович 1915 г. р.	г. Можга	Партизанский отряд (Калининская обл. РСФСР)
Копанев Виктор Григорьевич 1903 г. р.	Кизнерский р-н, д. Липовка	Партизанский отряд «Борьба» (Бело- русская ССР)
Кузнецов Виталий Тимофеевич 1915 г. р.	Алнашский р-н, д. Мочаловка	31-й партизанский отряд (Белорус- ская ССР)
Мельников Андрей Кузьмич 1916 г. р.	Воткинский р-н, с. Перевозное	105-й партизанский отряд (Белорус- ская ССР)
Мельников Герман Александрови- ч 1911 г. р.	г. Ижевск	Партизанский отряд «За Родину» (Брянская обл. РСФСР)
Метелев Кирилл Иванович 1919 г. р.	Селтинский р-н, д. Сюрмошур	Партизанская бригада «Железняк» (Белорусская ССР)
Метелев Максим Романович 1908 г. р.	г. Ижевск	Партизанская бригада им. газеты «Правда» (Белорусская ССР)
Мошкин Михаил Александрович 1924 г. р.	Завьяловский р-н, д. Чужьялово	Штаб партизанского движения 2-го Украинского фронта
Очеев Иван Федорович 1915 г. р.	Малопургинский р-н, д. Кечево	Партизанский отряд им. В. П. Чкалова (Белорусская ССР)
Новокрещенов Федор Дмитрие- вич 1919 г. р.	Камбарский р-н	Партизанский отряд под командовани- ем А. С. Володина бригады В. И. Марго (Калининская обл. РСФСР)
Трефилов Андрей Дмитриевич 1911 г. р.	Ярский р-н, д. Лековай	31-й партизанский отряд (Белорус- ская ССР)
Чураков Тимофей Макарович 1920 г. р.	Завьяловский р-н, д. Забегалово	Партизанский отряд «Смерть фашиз- му» (Смоленская обл. РСФСР)
Шастин Алексей Аверьянович 1921 г. р.	Вавожский р-н, д. Курчум	208-й партизанский полк им. И. В. Ста- лина (Белорусская ССР)

Выявленные в ходе исследования данные позволяют утверждать о том, что, как правило, ряды партизан пополняли военнослужащие, которые до их побегов из-за колючей проволоки находились в немецком плену незначительный промежуток времени. Нередко они содержались в пересыльных лагерях («дулагах»), когда их еще не успели отправить в страны Центральной и Западной Европы – глубокий тыл гитлеровской армии в 1941–1943 гг.

Побег из движущегося поезда – общая черта, объединяющая фронтовой путь некоторых вышеупомянутых военнослужащих. Именно таким образом поступили В. Г. Копанев, И. Ф. Очеев, Т. М. Чураков и другие. Эти факты показывают, что подобный способ освобождения из немецкого плена являлся в 1941 г. наиболее перспективным. В таких случаях зачастую гитлеровцы даже не успевали регистрировать обезоруженных советских солдат в своих документах.

Наибольшая часть бывших военнопленных, призванных на фронт из Удмуртии, вступала в партизанские отряды, действовавшие на территории оккупированной Белоруссии. Обращает на себя внимание также их участие в рядах партизан Калининской области. Этот факт объясняется тем, что 98-я стрелковая дивизия, сформированная перед войной в Удмуртской АССР, вела с врагом жестокие бои под г. Невелем и г. Великие Луки. Десятки бойцов и командиров этого подразделения попали в плен именно в районе указанных населенных пунктов, находившихся в 1941 г. на территории Калининской области. Достоверно установлено, что из числа военнослужащих, упомянутых в вышеприведенной таблице, солдатами и офицерами 98-й стрелковой дивизии являлись П. Н. Истомин, Г. А. Мельников, М. Р. Метелев, Ф. П. Кайшев, В. Г. Копанев, И. Ф. Очеев. Не исключено, что дальнейшее исследование подтвердит пребывание в штате этого подразделения и некоторых других лиц из данного списка.

Почти все вышеупомянутые воины, пройдя через фашистские концлагеря и партизанскую войну, в регулярную армию вступали уже закаленными солдатами и заслуженно получали боевые награды. Обращает на себя внимание и тот факт, что лишь один из них – М. Р. Метелев – был сражен вражеской пулей в бою, а остальные вернулись в родные места после разгрома гитлеровской армии и ее союзников. О некоторых лицах из вышеприведенного списка в официальных документах сообщалось как о погибших, но они вопреки этим данным возвратились домой (П. А. Дудырев, А. А. Шастин). Таким образом, все испытания, выпавшие на долю этих людей, не сломили их, а сделали только сильнее духом и телом, что помогло им выжить и победить.

Список литературы

1. Зубарев С. П. В боях за Родину. О ратных подвигах сыновей и дочерей Удмуртии. Ижевск : Удмуртия, 1990. 472 с.
2. Кулемин И. Г. Героев наших имена. Ижевск : Удмуртия, 1975. 212 с.
3. Куликов К. И. Грани победы : очерки. Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2005. 437 с.
4. Не щады жизни, презирая смерть... (Страницы истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в воспоминаниях ветеранов Удмуртии). Ижевск, 2005. 160 с.
5. Очеев И. Ф. Эхо над рельсами. Записки партизана. Ижевск : Удмуртия, 1979. 160 с.
6. Родионов Н. А. Удмуртская Республика. Путь к Победе 1945 года. Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2015. 320 с.
7. ЦАМО (Центральный архив Министерства обороны РФ). Ф. 33. Оп. 687572. Д. 1528. Л. 79.
8. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 116. Л. 614–614 об.
9. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 3017. Л. 210 об.
10. ЦАМО. Ф. 317. Оп. 4334. Д. 226. Л. 81.
11. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 6061. Л. 64, 95.
12. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 6024. Л. 40, 57–57 об.
13. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 1263. Л. 8.
14. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18002. Д. 63. Л. 198.
15. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 2030. Л. 70, 83.
16. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977532. Д. 10. Л. 327.
17. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 1209. Л. 128.
18. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18002. Д. 1593. Л. 115.
19. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 1209. Л. 113.
20. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 4304. Л. 2, 7.
21. ЦГА УР (Центральный государственный архив Удмуртской Республики). Ф. Р-1681. Оп. 1. Д. 27. Л. 33–57.
22. ЦГА УР. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 5178.

Captivity, escape, army detachment: military personnel from Udmurt as part of Soviet partisan formations (1941–1944)

D. V. Perevoshchikov

PhD in Historical Sciences, Department of Historical Research, researcher, Udmurt Institute of History,
Language and Literature of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences Russia, Izhevsk. E-mail: dmitryzh76@mail.ru

Abstract. In this article, based on archival documents assumed obligations in scientific circulation, the question was raised about the fighters and commanders of the Udmurt ASSR, who, after being detained in captivity, lost successful escapes from captivity and are pursued into the ranks of Soviet partisan detachments, organized by the armed forces into parts the territory of the Soviet Union, occupied by the troops of Nazi Germany and its allies. In the course of studying research and such perceptions. Some of the soldiers and officers from among those who died in battle, then in fascist concentration camps. Despite all the trials, they remained among the people, met the Victory in the Great Patriotic War and returned to their homeland. The relevance of the topic is due to its insufficient effectiveness in Russian historiography, as well as little interest in attracting the attention of many parties to the courts of soldiers from the Republic, kept in Nazi observation points, but who fought in partisan detachments. The article attempts to generalize and evaluate possible and newly revealed facts. During the observation, the main events of the front-line biographies of soldiers and officers from Udmurt took place, who unexpectedly left captivity and entered the ranks of the partisans. In the analysis of archival documents and memoirs about the autopsy of common cases in the court of such warriors. It was established that some of them were captured and served in the ranks of the 98th Infantry Division of the 22nd Army. The work sheds light on one of the little-studied pages of the history of the Great Patriotic War.

Keywords: Udmurtia, the Great Patriotic War, Soviet prisoners of war, partisan detachment.

References

1. Zubarev S. P. *V boyah za Rodinu. O ratnyh podvigah synovej i docherej Udmurtii* [In battles for Motherland. About the feats of arms of the sons and daughters of Udmurtia]. Izhevsk. Udmurtia. 1990. P. 472.
2. Kulemin I. G. *Geroev nashih imena* [Our heroes' names]. Izhevsk. Udmurtia. 1975. P. 212.
3. Kulikov K. I. *Grani pobedy : ocherki* [Victory facets : essays]. Izhevsk. ANS Institute of History, language I. and Literature of the Russian Academy of Sciences. 2005. P. 437.
4. *Ne shchadya zhizni, preziraya smert'...* (Stranicy istorii Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. v vospominaniyah veteranov Udmurtii) – I spare no life, despising death ... (the history of the Great Patriotic War of 1941–1945 in veterans' memoirs of Udmurtia). Izhevsk. 2005. P. 160.
5. Ocheev I. F. *Ekho nad rel'sami. Zapiski partizana* [Echo over the rails. Notes of a partisan]. Izhevsk. Udmurtia. 1979. P. 160.
6. Rodionov N. A. *Udmurtskaya Respublika. Put' k Pobede 1945 goda* [Udmurt Republic. The Path to Victory in 1945]. Izhevsk. Udmurtia Institute of the History, Language and Literature of Ural branch of RAS. 2015. P. 320.
7. CAMD (Central Archive of Ministry of Defense of Russian Federation). F. 33. Inv. 687572. File 1528. Sh. 79.
8. CAMD. F. 33. Inv. 682525. File 116. Sh. 614-614 turn.
9. CAMD. F. 33. Inv. 686044. File 3017. Sh. 210 turn.
10. CAMD. F. 317. Inv. 4334. File 226. Sh. 81.
11. CAMD. F. 33. Inv. 690155. File 6061. Sh. 64, 95.
12. CAMD. F. 33. Inv. 690155. File 6024. Sh. 40, 57–57 turn.
13. CAMD. F. 58. Inv. 18003. File 1263. Sh. 8.
14. CAMD. F. 58. Inv. 18002. File 63. Sh. 198.
15. CAMD. F. 33. Inv. 686196. File 2030. Sh. 70, 83.
16. CAMD. F. 58. Inv. 977532. File 10. Sh. 327.
17. CAMD. F. 58. Inv. 18003. File 1209. Sh. 128.
18. CAMD. F. 58. Inv. 18002. File 1593. Sh. 115.
19. CAMD. F. 58. Inv. 18003. File 1209. Sh. 113.
20. CAMD. F. 33. Inv. 690155. File 4304. Sh. 2, 7.
21. CSA UR (Central state archive of Udmurt Republic). F. P-1681. Inv. 1. File 27. Sh. 33–57.
22. CSA UR. F. P-461. Inv. 2. File. 5178.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 327.7"2000/20"

DOI: 10.25730/VSU.2070.22.009

Политика обеспечения энергетической безопасности в Европейском союзе с 2000 по 2020 гг.

А. Д. Надёжин¹, Р. В. Пеньковцев²

¹аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет.
Россия, г. Казань. E-mail: andrey695@list.ru

²кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет.
Россия, г. Казань. E-mail: prv1@mail.ru

Аннотация. В данной статье приводится исследование политики Европейского союза по обеспечению, проведению и регулированию энергетической безопасности на период с 2000 по 2020 гг. В работе рассмотрен комплекс политико-правовых механизмов Евросоюза, направленных на взаимодействие как между государствами-членами самого сообщества, так и со странами-партнерами в контексте энергетического сотрудничества. Целью проведенного исследования является выявление основных направлений деятельности ЕС и его органов по реализации политики энергетической безопасности, которая в свою очередь является составной частью экономической и международной безопасности. Важным является определение наиболее приоритетных, на рассматриваемый период, векторов энергетической политики Европейского союза и установление наиболее существенных каналов поставок энергоресурсов. Изучение исторических аспектов формирования политики энергетической безопасности в Европейском союзе в начале XXI в. позволит анализировать причины современных тенденций обеспечения безопасности в ЕС.

В результате проведенного исследования авторы обозначают то, что политика Европейского союза по обеспечению энергетической безопасности, в рамках рассматриваемого периода, направлена на диверсификацию своего энергетического баланса и источников энергии, совершенствование транспортной инфраструктуры и развитие новых технологий и основывается на идее бесперебойной доступности источников энергии по приемлемой стоимости. Во внешнеполитической деятельности данная политика Евросоюза реализуется в синергии с климатической и энергетической дипломатией ЕС, что позволяет обеспечивать потребности безопасности. Тесное международное сотрудничество с ведущими экспортерами нефтегазовых продуктов, в их числе с ключевым партнером Россией, позволяет утверждать о возможностях поддержания стабильности данного сектора экономики и экономической безопасности в Европе. Актуальность данной статьи подтверждается как с научной, так и с практической точки зрения, что указывает на широкую область применения результатов в исследовательской, аналитической и государственной деятельности, тема носит исключительно исторический характер.

Ключевые слова: международная безопасность, Европейский союз, энергетическая безопасность, Глобальная стратегия внешней политики и политики безопасности Европейского Союза, энергетическое партнерство, Европейская безопасность.

Введение. Европейский союз является одним из быстрорастущих и развивающихся рынков энергопотребления, который взаимодействует с большинством стран мира. Энергетическая дипломатия является стратегически важным аспектом международной политики как в рамках Евросоюза, так и внешней национальной политики государств-членов объединения. Сотрудничество в энергетической сфере тесно связано с общей региональной безопасностью, в частности энергетической, которая в своей основе сосредоточена на бесперебойном обеспечении энергией государств-членов Союза, в первую очередь ископаемым топливом, но также и ядерной энергетикой.

В 2020 г. Европейским союзом было импортировано порядка 80 % нефтепродуктов и 60 % имеющегося газа, что подтверждает его роль ведущего мирового импортера нефтегазо-

вых видов топлива [19]. Только более 3 % урана, используемого в европейских ядерных реакторах, было добыто в Европе. Россия, Канада, Австралия, Нигер и Казахстан являются пятью крупнейшими поставщиками ядерных материалов в ЕС, покрывая более 70 % общих потребностей в 2020 г. [9]. В январе 2014 г. ЕС согласился сократить выбросы на 30 % к 2030 г. по сравнению с уровнем 2000 г. и установить цель на 27 % – использование возобновляемых источников энергии, что, как ожидается, обеспечит более 70 тысяч рабочих мест с полной занятостью и сократит импорт ископаемого топлива на 33 млрд евро. Эта цель показывает существенные амбиции по сравнению с другими государствами с развитой экономикой, но недостаточна для ограничения потепления ниже 1,5°C, что является существенным для выполнения Парижского соглашения [16].

Энергетика является неотъемлемой частью экономики европейских государств и благополучного образа жизни. Поэтому надежные поставки энергоресурсов являются залогом обеспечения экономической и энергетической безопасности стран Европейского союза, которые основываются на бесперебойной доступности источников энергии по приемлемой стоимости.

Чрезвычайная волатильность мировых энергетических рынков с начала 2000-х гг. побудила Комиссию Европейского союза издать документ, регулирующий действия данной сферы, новую Зеленую книгу «Европейская стратегия устойчивой, конкурентоспособной и безопасной энергетики». Столь важный правовой акт был направлен на определение основных необходимых шагов членов ЕС для улучшения своих перспектив в области энергетики. В данном документе обозначилось понятие «энергетическая безопасность» и были определены области энергетического баланса Европы (затрагивались такие ресурсы, как нефть, природный газ, уголь, ядерная энергия и возобновляемые источники энергии).

Политика, экономическая и энергетическая, Европейского союза в начале XXI в. была направлена на укрепление энергетического партнерства в первую очередь с Россией, Каспийским регионом и Ближним Востоком. Между государствами-членами ЕС формировалось общее понимание того, что действия по обеспечению энергетической безопасности Евросоюза должны быть направлены на диверсификацию своего энергетического баланса и источников энергии, совершенствование транспортной инфраструктуры и развитие новых технологий. Стабильность и предсказуемость на энергетических рынках стали общими целями регионов-производителей и основных потребителей [12, с. 961].

Часть государств-членов ЕС испытали существенные последствия приостановки поставок энергоресурсов. Так, ценность стабильного энергообеспечения была продемонстрирована относительным сбоем поставок нефти, вызванным российско-белорусским энергетическим спором 2007 г., когда со стороны Российской Федерации косвенно сократился экспорт в несколько стран Европейского союза.

По сравнению с нефтью зависимость от импортируемого природного газа создает значительные краткосрочные факторы уязвимости. Ярким примером тому служат газовые конфликты между Украиной и Россией 2006 и 2009 гг. [17, с. 74]. Произошло немедленное сокращение поставок во многие европейские страны, когда импорт российского газа был прекращен во время российско-украинского газового спора в 2006 г.

«Газовые конфликты» на постсоветском пространстве повлияли на то, что с середины 2000-х гг. политика энергетической безопасности Евросоюза стала переориентироваться на ослабление энергетической зависимости ЕС от России, о чем свидетельствует принятие Третьего энергетического пакета в 2009 г. Комплекс реформ в области газоснабжения и электроэнергетики, в рамках официальной позиции Европейского союза, направлен на либерализацию рынка.

Третий пакет разделил бизнес по продаже и транспортировке газа, таким образом Еврокомиссия предприняла шаги для контроля энергетического рынка и перехода от контрактной схемы поставок ресурса к спотовой, но в первую очередь он направлен против российской компании ОАО «Газпром» как ведущего поставщика трубопроводного газа в Европу. Реформа принуждала «Газпром» обеспечить доступ тем третьим лицам к своим транспортировочным узлам, которые захотят снабжать газом государства-члены Европейского союза, что существенно повлияло бы на рентабельность российских энергетических проектов и снижение использования мощностей сухопутных газопроводов-отводов от морского газопровода «Северный поток».

Чтобы обеспечить бесперебойный импорт энергетических ресурсов, в течение нескольких лет европейская энергетическая (и климатическая) политика была направлена на созда-

ние и формирование основ безопасности поставок. Политика была введена для того, чтобы создать рынки электроэнергии и газа, увеличить конкуренцию, диверсифицировать источники и поставки, сократить потребление и выбросы. Данная политика влияет на снижение риска потери поставок и благодаря усилению конкуренции способствует удержанию цен под контролем. К тому же в энергетическую безопасность были включены аспекты поддержания устойчивости рынка наряду с безопасностью и доступностью энергии [18, с. 390].

Для обеспечения политики энергетической безопасности Европейским союзом внешнеполитическая деятельность реализуется в соответствии с Глобальной стратегией ЕС, направленной на усиление синергии между климатической и энергетической дипломатией ЕС при обеспечении потребностей безопасности.

Совместная работа ЕС и его государств-членов в области энергетической и климатической дипломатии ведется в соответствии с Глобальной стратегией внешней политики и политики безопасности Европейского Союза (EUGS) от 17 октября 2016 г., призывающей к осуществлению совместных действий в данных областях и подчеркивающей их стратегическую важность для всего Союза [15].

Несмотря на то, что проблема безопасности находится в национальном поле ведения государств-членов организации, Европейский союз регулирует всеобщую политику обеспечения энергетической безопасности и унифицирует ее при помощи регламентов и нормативно-правовых актов.

Европейский Союз принимает законы в области энергетической политики на протяжении многих лет, но концепция введения обязательной и всеобъемлющей энергетической политики Европейского Союза была одобрена только на заседании неформального Европейского Совета в октябре 2005 г. Лиссабонский договор ЕС 2007 г. юридически включил в себя солидарность в вопросах энергоснабжения и изменения энергетической политики в рамках ЕС. До Лиссабонского договора энергетическое законодательство ЕС основывалось на полномочиях ЕС в области общего рынка и окружающей среды. Однако на практике многие политические компетенции в отношении энергетики остаются на уровне национальных государств-членов, а прогресс в энергетической политике на европейском уровне требует добровольного сотрудничества государств-членов [14].

Для развития совместной политической линии государств-членов по энергетическим вопросам в 2015 г. была запущена Рамочная стратегия Энергетического союза в качестве одного из десяти приоритетов Европейской комиссии. Ее задачей является обеспечение своевременного регулирования общей политической линии энергетической деятельности в объединении. Например, когда отдельные страны ЕС заключают энергетические соглашения со странами, не входящими в ЕС, им необходимо обеспечить соответствие этих соглашений законодательству ЕС. Скоординированность действий помогает обеспечить бесперебойное функционирование внутреннего энергетического рынка Евросоюза.

В рамках осуществления политики обеспечения энергетической безопасности в Европейском союзе исполнительные органы сообщества, а также национальные профильные органы свою деятельность должны осуществлять в соответствии с нормативно-правовыми актами ЕС – директивами.

Так, либерализация рынка электроэнергии и безопасности поставок ЕС реализуется посредством Директивы 2019/944. Директива по газовой безопасности от 2004 г. предназначена для повышения надежности бесперебойных поставок в секторе природного газа.

В 2019 г. была принята обновленная редакция директивы Европейского союза, регулирующей деятельность стран на газовом рынке сообщества. Данный пакет обязывает государств-членов ЕС придерживаться целей данного правового акта, которые главным образом направлены на ограничение монопольных поставок газа и электроэнергии, которые контролируют пути поставки конечному потребителю (газопроводы, ЛЭП и так далее). В основном меры директивы ориентированы на ограничение полномочий российских энергетических компаний и, прикрываясь проблемами безопасности, преследуют задачи получения дополнительных денежных выгод за счет иностранного капитала [5].

Энергетическая безопасность Европейского союза тесно взаимосвязана с ключевыми направлениями, как борьба с изменением климата и поддержка климатически нейтрального и устойчивого будущего. Взаимодействие государств-членов ЕС в рамках обязательств по Парижскому соглашению об изменении климата, Рамочной стратегии Энергетического союза и Повестки ЕС в области устойчивого развития на период до 2030 г. формирует новый взгляд

на проблему энергетической безопасности, который включает в себя взаимодополняющие цели, такие как содействие глобальному переходу к регулированию выбросов углекислого газа и обеспечение условий устойчивости к изменению климата. Также одним из ориентиров обеспечения безопасности является создание конкурентоспособной и устойчивой экономики, что составляет неотъемлемую часть Глобальной стратегии внешней политики и политики безопасности Европейского Союза (EUGS) [14].

В июне 2007 г. на саммите в Хайлигендамме страны «Большой восьмерки» поддержали предложение Европейского союза о международной инициативе по энергоэффективности, которая включала скоординированные меры по обеспечению энергетической безопасности, и договорились совместно с Международным энергетическим агентством изучать наиболее эффективные средства продвижения эффективности энергетического сектора на международном уровне. Год спустя страны «Большой восьмерки», а также Китай, Индия, Южная Корея и Европейское сообщество приняли решение о создании Международного партнерства по сотрудничеству в области энергетической эффективности на встрече министров энергетики, организованной Японией в рамках председательства в «Группе восьми» в 2008 г. [3, с. 74].

За пределами Европейского Союза энергетическая политика ЕС направлена на переговоры со всеми участниками мирового сообщества и разработку более широких международных соглашений, таких как Договор к Энергетической хартии, Киотский протокол, Посткиотский режим и рамочные соглашения по энергоэффективности. В пределах своей политики ЕС направляет усилия на распространение нормативно-правовой базы и принципов ЕС в области энергетики на соседние страны (Энергетическое сообщество, Бакинская инициатива, энергетическое сотрудничество в рамках европейского Средиземноморья). Союзом для обеспечения энергетической стабильности реализовывались меры по разработке схем торговли квотами на выбросы для глобальных партнеров и осуществлялось содействие исследованиям и использованию возобновляемых источников энергии [10].

Энергетическое сотрудничество между ЕС и Россией основывается на всеобъемлющем рамочном соглашении в рамках Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС), заключенным в 2007 г. Энергетическое сотрудничество с другими третьими странами-производителями и транзитерами энергии осуществляется с помощью различных инструментов, как соглашения о партнерстве, действующие Меморандумы о взаимодействии по энергетическому сотрудничеству (как например: с Украиной, Азербайджаном, Казахстаном и Алжиром), Соглашения об ассоциации со странами Средиземноморья [2].

С 2000 по 2020 гг. торговля энергоносителями стала важным фактором в отношениях стран Евросоюза и России. Она затрагивала все направления данного сектора, такие как природный газ, нефть, уголь, ядерные ресурсы, а также электроэнергию.

Оставаясь ведущим поставщиком энергетических ресурсов в государства-члены ЕС, политика России в данной сфере направлена на развитие многосторонних отношений, а также на укрепление энергетической безопасности не только своего государства, но и стран-партнеров. Это выражается в поддержке ориентированности стран ЕС на диверсификацию поставок энергетических ресурсов путем создания новых маршрутов поставки энергии, в частности природного газа.

В связи с этим реализация таких проектов, как «Северный поток 2» и «Турецкий поток», способствует обеспечению потребностей европейских стран в импорте природного газа, а также развитию взаимодействия государств-членов в энергетической области и повышению энергобезопасности региона, что является стратегически важным для Евросоюза [4, с. 78].

«Турецкий поток» являлся лишь первой частью гораздо более крупного проекта. В 2016 г. было подписано соглашение о реализации трубопровода, по которому первая часть поставляет ресурс на турецкий рынок, вторая направлена на обеспечение южных и юго-восточных европейских стран российским газом.

В 2017 г. был запущен проект «Северный поток 2», направленный на экспорт газа из России в Европу, обходя транзитные страны, предоставляя Газпрому прямой доступ к европейским потребителям. Реализация проекта трубопровода обеспечила бы высокую надежность поставок ресурса в государства-члены Европейского союза, при этом решая проблему диверсификации источников и поставок, стоимости конечного потребления и обеспечения соблюдения экологических норм.

Европейский союз для обеспечения энергетической безопасности осуществляет политику диверсификации, которая выражается в сотрудничестве с передовыми государствами-

экспортерами для расширения маршрутов поставок энергоносителей. В частности, данное направление реализуется в соответствии с планом Европейской Инициативой Соседства и Партнерства. Одно из направлений сотрудничества реализуется в рамках диалога Бакинская инициатива с 2004 г., ориентированного на развитие энергетического и транспортного взаимодействия со странами постсоветского пространства и Турцией, при помощи программ INOGATE и ТРАСЕКА [13, с. 9].

В 2004 г. был представлен магистральный газовый проект Nabucco, по которому планировалась поставка энергоресурса из Ирана, через такие государства, как Туркмения и Азербайджан, в страны Евросоюза. Реализация проекта не удалась и вскоре он был заменен Трансанадолийским газопроводом (TANAP), поставляющим энергию далее по Трансдариатическому газопроводу (TAP) в страны Европейского союза через Грецию. Южный газовый коридор, соединяющий в Азербайджане гигантское газовое месторождение Шах-Дениз с Европой, используется сообществом для поддержания импорта энергоресурсов в страны ЕС и продвижения своего политического влияния на постсоветском пространстве [20].

В 2019 г. одним из проектов, направленных на диверсификацию поставок газа в Европейский союз, стал Восточно-средиземноморский трубопровод (EastMed), который планирует связать страны Энергетического треугольника (Греция, Кипр и Израиль) с югом Европы. Газопровод должен пройти через израильское месторождение «Левиафан» и кипрское «Афродита». Проект пользуется поддержкой Европейского союза, на детальные исследования ЕС выделил 34,5 млн евро. Однако их разработка осложняется техническими трудностями строительства инфраструктуры, так как подводный газопровод должен пролегать на больших глубинах в восточной части Средиземного моря. Осложняют реализацию проекта также политические конфликты и территориальные споры. В частности, не решена кипрская проблема, не определена граница шельфа и исключительной экономической зоны Греции и Кипра, в то же время имеются серьезные разногласия с Турцией.

Энергетический диалог развивается между Европейским союзом и Норвегией, поддерживая при этом двустороннее сотрудничество со странами Европы. Около 90 % норвежской нефти и газа продаются на европейском рынке при том, что на ЕС приходится около 80 % всего норвежского экспорта. Норвегия является вторым по объему поставщиком газа в Евросоюз. Поставка почти всего норвежского газа осуществляется в Европу по трубопроводам [11].

Африка и Европа – близкие соседи и стратегические партнеры, установившие прочные партнерские отношения более двадцати лет назад. Для сотрудничества с африканскими странами в 2007 г. главами африканских и европейских государств была инициирована программа «Энергетическое партнерство Африка-ЕС (АЕЕР)» для интеграции европейской политики в области энергетики и развития в регион. «Энергопартнерство Африки и Евросоюза» является ключевой политической платформой, через которую оба континента работают вместе в области энергетики. Общая цель АЕЕР заключается в содействии обеспечению всеобщего доступа к недорогим, устойчивым и современным энергетическим услугам в Африке. АЕЕР финансируется Европейской комиссией и Германией [6, с. 20].

Решая актуальную проблему обеспечения безопасности энергоснабжения, в краткосрочной перспективе, Европейский союз ориентирован на сотрудничество с США в рамках диверсификации и расширения маршрутов и источников импорта. США являются крупнейшим поставщиком сжиженного природного газа (СПГ) в страны Евросоюза. Помимо США, сотрудничество по поставкам СПГ осуществляется с Норвегией, Катаром, Азербайджаном и Алжиром. ЕС задействован в усиленной интеграции Пиренейского полуострова, который фактически является энергетическим островом в Европе, в европейский энергетический рынок в связи с тем, что он имеет большее количество мощностей по приему СПГ, чем другие европейские страны [7].

Евросоюз тесно сотрудничает с США в области технологий. В общей повестке дня важное место занимают энергоэффективность, возобновляемые источники энергии (например, энергия ветра) и водород. В 2020 г. была создана Группа взаимодействия на высшем уровне ЕС-США по борьбе с изменением климата. Данный Энергетический совет направлен на развитие Трансатлантического альянса зеленых технологий в области инноваций и быстрого масштабного развертывания ключевых экологически чистых энергетических технологий во всем мире, путем унификации сертификатов и нормативно-правовой базы [1].

Выводы. Исходя из вышесказанного, можно подвести итог, определяющий следующие положения:

- политика обеспечения энергетической безопасности в Европейском союзе имеет важнейшее значение как для обеспечения экономической безопасности ЕС, так и для всеобщей региональной европейской стабильности;

- к важнейшим направлениям энергобезопасности Евросоюза относятся диверсификация энергетического баланса и источников энергии в странах-членах сообщества, совершенствование транспортной инфраструктуры и развитие новых технологий;

- необходимо развивать сотрудничество с ведущими государствами-экспортерами энергетики, в частности с Российской Федерацией, для сохранения стабильности в европейском регионе, не только в пределах двусторонних контактов, но и в международном формате;

- стратегически важным является взаимодействие Европейского союза с партнерами по климатическим вопросам и поддержание международного энергетического дипломатического диалога с мировым сообществом.

Заключение. В настоящее время происходит процесс более качественного развития энергетического сотрудничества, которое является стратегически важным для большинства мировых государств. Обеспечение безопасности данной отрасли является приоритетным не только на национальном уровне, но и затрагивает межгосударственные объединения, в частности, рассмотрен вопрос о политике обеспечения энергобезопасности в Европейском союзе. Перспективы исследования данного вопроса видятся в более точечном и предметном изучении сотрудничества Евросоюза со стратегическими партнерами, в особенности с Российской Федерацией, а также взаимодействий по данному вопросу в рамках поддержания международного энергетического баланса.

Список литературы

1. Гудков И. Новая Энергетическая стратегия и Инфраструктурный пакет Европейского Союза // Вся Европа.RU. 2011. № 3. С. 53.
2. Кавешников Н. «Невозможная триада» энергобезопасности Европейского союза // Международные процессы. 2015. № 4. С. 74–85.
3. Надёжин А. Сотрудничество России и стран ЕС в сфере энергетики и политики обеспечения энергетической безопасности на современном этапе // Казанский вестник молодых ученых. 2019. С. 78.
4. Шмидт А. Обновленная Газовая директива ЕС. Что она значит для «Северного потока-2»? // Информационное агентство ТАСС. 16 апреля 2019. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6338679> (дата обращения: 04.03.2022).
5. Энергетическая безопасность Европы. Долгосрочные последствия событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке // Информационно-аналитическая справка. Институт энергетических исследований РАН. 2011. С. 20.
6. Энергетический бюллетень // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. 2021. С. 15.
7. Borrell J. Europe's Energy Security and EU-US Cooperation // European External Action Service. 2022. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/110574/europe%E2%80%99s-energy-security-and-eu-us-cooperation-%C2%A0_en (дата обращения: 03.03.2022).
8. Braun J. EU Energy Policy under the Treaty of Lisbon Rules: Between a New Policy and Business as Usual // Politics and Institutions. 2012. P. 14.
9. Electricity and Heat Statistics // Eurostat. 2017. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Electricity_and_heat_statistics (дата обращения: 22.02.2022).
10. External Energy Relations – From Principles to Action // Commission of the European Council. 2006. № 590.
11. External Energy Relations – From Principles to Action // Commission of the European Council. 2020. № 690.
12. Gawdat B. Europe's Energy Security: Challenges and Opportunities // International Affairs. 2006. Vol. 82. № 5. P. 961. URL: <https://www.jstor.org/stable/3874209> (дата обращения: 22.02.2022).
13. Gültekin-Punsmann B. Black Sea Regional Policy Approach: A Potential Contributor to European Energy Security // Policy Brief. 2008. № 6. P. 9.
14. Implementing the EU Global Strategy – Strengthening Synergies between EU Climate and Energy Diplomacies and Elements for Priorities for 2017 // Council of the European Union. 2017. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-6981-2017-INIT/pdf> (дата обращения: 22.02.2022).
15. Limiting Climate Change Could Have Huge Economic Benefits, Study Finds Stopping Global Warming at Two Degrees would Create Nearly Half a Million Jobs in Europe and Save over a Million Lives in China // Guardian. 2015. URL: <https://theguardian.com/environment/2015/mar/31/limiting-climate-change-economic-benefits-study-finds> (дата обращения: 02.03.2022).
16. Orttung R., Overland I. Explaining the Constraints on Russia's Foreign Energy Policy // Journal of Eurasian Studies. 2011. № 2. Pp. 74–85.

17. Price R. Energy Reform in Russia and the Implications for European Energy Security // *Demokrati-zatsiya*. 2007. № 15. Pp. 390–407.

18. Socor V. SCP, TANAP, TAP: Segments of the Southern Gas Corridor to Europe // *The Jamestown Foundation*. 2014. № 3. Pp. 82–89.

19. Quality Report on Balance of Payments (BOP), International Trade in Services (ITS) and Foreign Direct Investment (FDI) Statistics // Eurostat. 2018. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/7870049/8566866/KS-FT-17-009-EN-N.pdf/f6fc1365-6286-4faa-8123-14e36fd4ffee> (дата обращения: 22.02.2022).

Energy Security Policy in the European Union from 2000 to 2020

A. D. Nadezhin¹, R. V. Penkovtsev²

¹postgraduate student, Kazan (Volga Region) Federal University.
Russia, Kazan. E-mail: andrey695@list.ru

²PhD in Historical Sciences, associate professor, Kazan (Volga Region) Federal University.
Russia, Kazan. E-mail: prv1@mail.ru

Abstract. This article presents a study of the European Union's policy on ensuring, conducting and regulating energy security for the period from 2000 to 2020. The paper considers a set of political and legal mechanisms of the European Union aimed at interaction both between the member states of the community itself and with partner countries in the context of energy cooperation. The purpose of the study is to identify the main activities of the EU and its bodies for the implementation of energy security policy, which in turn is an integral part of economic and international security. It is important to determine the most priority vectors of the energy policy of the European Union for the period under review and to establish the most significant energy supply channels. Study of historical aspects of the formation of energy security policy in the European Union at the beginning of the XXI century. It will allow analyzing the causes of current security trends in the EU.

As a result of the study, the authors indicate that the policy of the European Union to ensure energy security, within the period under review, is aimed at diversifying its energy balance and energy sources, improving transport infrastructure and developing new technologies and is based on the idea of uninterrupted availability of energy sources at an affordable cost. In foreign policy, this EU policy is implemented in synergy with the EU's climate and energy diplomacy, which makes it possible to meet security needs. Close international cooperation with leading exporters of oil and gas products, including their key partner Russia, allows us to assert the possibilities of maintaining the stability of this sector of the economy and economic security in Europe. The relevance of this article is confirmed both from a scientific and practical point of view, which indicates a wide scope of application of the results in research, analytical and government activities, the topic is exclusively historical in nature.

Keywords: international security, European Union, energy security, Global Strategy of Foreign and Security Policy of the European Union, energy Partnership, European security.

References

1. Gudkov I. *Novaya Energeticheskaya strategiya i Infrastrukturnyj paket Evropejskogo Soyuza* [New Energy Strategy and Infrastructure Package of the European Union] // *Vsya Evropa.RU* – The Whole Europe.Ru. 2011. No. 3. P. 53.
2. Kaveshnikov N. "Nevozmozhnaya triada" energobezопасности Evropejskogo soyuza ["The Impossible triad" of the energy security of the European Union] // *Mezhdunarodnye processy* – International processes. 2015. No. 4. Pp. 74–85.
3. Nadyozhin A. *Sotrudnichestvo Rossii i stran ES v sfere energetiki i politiki obespecheniya energeticheskoy bezопасности na sovremennom etape* [Cooperation between Russia and the EU countries in the field of energy and energy security policy at the present stage] // *Kazanskij vestnik molodyh uchenyh* – Kazan herald of Young Scientists. 2019. P. 78.
4. Schmidt A. *Obnovlennaya Gazovaya direktiva ES. Chto ona znachit dlya "Severnogo potoka-2"?* [Updated EU Gas Directive. What does it mean for Nord Stream 2?] // *Informacionnoe agentstvo TASS* – TASS News Agency. April 16, 2019. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/6338679> (date accessed: 04.03.2022).
5. *Energeticheskaya bezопасnost' Evropy. Dolgosrochnye posledstviya sobytij v Severnoj Afrike i na Blizhnem Vostoke* – Energy security of Europe. Long-term consequences of events in North Africa and the Middle East // *Informacionno-analiticheskaya spravka. Institut energeticheskikh issledovanij RAN* – Information and analytical reference. Institute of Energy Research of the Russian Academy of Sciences. 2011. P. 20.
6. *Energeticheskij byulleten'* – Energy herald // *Analiticheskij centr pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii* – Analytical Center under the Government of the Russian Federation. 2021. P. 15.
7. Borrell J. *Europe's Energy Security and EU-US Cooperation* // European External Action Service. 2022. Available at: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/110574/europe%E2%80%99s-energy-security-and-eu-us-cooperation-%C2%A0_en (date accessed: 03.03.2022).

8. Braun J. EU Energy Policy under the Treaty of Lisbon Rules: Between a New Policy and Business as Usual // Politics and Institutions. 2012. P. 14.
9. Electricity and Heat Statistics // Eurostat. 2017. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Electricity_and_heat_statistics (date accessed: 22.02.2022).
10. External Energy Relations – From Principles to Action // Commission of the European Council. 2006. No. 590.
11. External Energy Relations – From Principles to Action // Commission of the European Council. 2020. No. 690.
12. Gawdat B. Europe's Energy Security: Challenges and Opportunities // International Affairs. 2006. Vol. 82. No. 5. P. 961. Available at: <https://www.jstor.org/stable/3874209> (date accessed: 22.02.2022).
13. Gültekin-Punsmann B. Black Sea Regional Policy Approach: A Potential Contributor to European Energy Security // Policy Brief. 2008. No. 6. P. 9.
14. Implementing the EU Global Strategy – Strengthening Synergies between EU Climate and Energy Diplomacies and Elements for Priorities for 2017 // Council of the European Union. 2017. Available at: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-6981-2017-INIT/pdf> (date accessed: 22.02.2022).
15. Limiting Climate Change Could Have Huge Economic Benefits, Study Finds Stopping Global Warming at Two Degrees would Create Nearly Half a Million Jobs in Europe and Save over a Million Lives in China // Guardian. 2015. Available at: <https://theguardian.com/environment/2015/mar/31/limiting-climate-change-economic-benefits-study-finds> (date accessed: 02.03.2022).
16. Orttung R., Overland I. Explaining the Constraints on Russia's Foreign Energy Policy // Journal of Eurasian Studies. 2011. No. 2. Pp. 74–85.
17. Price R. Energy Reform in Russia and the Implications for European Energy Security // Demokrati-zatsiya. 2007. No. 15. Pp. 390–407.
18. Socor V. SCP, TANAP, TAP: Segments of the Southern Gas Corridor to Europe // The Jamestown Foundation. 2014. No. 3. Pp. 82–89.
19. Quality Report on Balance of Payments (BOP), International Trade in Services (ITS) and Foreign Direct Investment (FDI) Statistics // Eurostat. 2018. Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/7870049/8566866/KS-FT-17-009-EN-N.pdf/f6fc1365-6286-4faa-8123-14e36fd4ffee> (date accessed: 22.02.2022).

Память о Первой мировой войне в Федеративной Республике Германии*

Н. Н. Баранов

доктор исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; заведующий кафедрой новой и новейшей истории департамента «Исторический факультет», Уральский гуманитарный институт. Россия, г. Екатеринбург. E-mail: baranov61@mail.ru

Аннотация. Проблематика исторической памяти и политики памяти, становления и эволюции мемориальной культуры приобрела актуальность в контексте «мнемонического поворота» в историографии, начавшегося в 1980-е гг. и продолжающегося по настоящее время. События Первой мировой войны и ее последствия занимали центральное место в сложном и конфликтном политическом дискурсе Веймарской республики, служили важным элементом исторической политики Третьего рейха. После 1945 г. память о Первой мировой войне была вытеснена на периферию общественного сознания, сохранялась в коммуникативных практиках и ритуалах малых групп. Ветераны той войны имели крайне незначительную поддержку со стороны государства. Однако по мере восстановления формально равноправных позиций Западной Германии в евроатлантическом сообществе обращение к опыту 1914–1918 гг. стало активно использоваться в публичной политике памяти для преодоления травмы «коричневого тринадцатилетия» в контексте единства и преемственности общей истории европейских стран и народов с их общими жертвами и трагедией. Закономерно, что наибольшей интенсивности такая практика достигла в 2014–2018 гг., когда отмечалось столетие Великой войны.

Ключевые слова: Германия, Первая мировая война, историческая память, мемориальная традиция, историческая политика.

После 1945 г. Первая мировая война, казалось, надолго должна была уйти «в тень» исторической памяти немцев. Ее героический нарратив активно использовался национал-социалистическим режимом для собственной легитимации, утверждения идеологии крайнего национализма и обоснования агрессивной внешней политики. Крах режима, неизбежное поражение в развязанной гитлеровцами Второй мировой войне, борьба за выживание после «часа ноль», временная утрата суверенитета, раскол государства в условиях начавшейся «холодной войны» привели к тому, что прежний величественный образ Первой мировой был дискредитирован и казался не заслуживающим доверия. Многие ветераны Первой мировой, ставшие видными военачальниками в годы Второй мировой войны, после 1945 г. были осуждены правосудием победителей как военные преступники. Символические места памяти либо были стерты с лица земли, как Танненбергский мемориал, либо получили принципиально новую идеологическую нагрузку, как «Нойе Вахе» в Восточном Берлине – столице ГДР. Отмечавшийся регулярно с 1926 г. по всей стране во второе воскресенье Великого поста Всенародный день скорби, переименованный нацистами в День памяти героев, в 1948 г. вновь обрел свое прежнее название, но был посвящен уже жертвам обеих мировых войн. Исследования по истории 1914–1918 гг. на некоторое время практически прекратились, а первый серьезный труд, посвященный причинам войны и агрессивным планам кайзеровского рейха – монография Ф. Фишера, вышедшая в 1961 г., спровоцировал острую общественную дискуссию на грани политического скандала [1].

В то же время память о Первой мировой войне пусть и была оттеснена на задний план, тем не менее никогда не подвергалась полному забвению. Более того, в период «консервативного господства» эры Аденауэра (1949–1963 гг.) она зачастую выступала в качестве по-

лезного элемента при конструировании новой официальной политической культуры Западной Германии. Во внешней политике Бонн стремился постоянно подчеркивать верность курсу евроатлантической солидарности. На этом пути формирование общей памяти-скорби о Великой войне могло способствовать сближению новых партнеров. Во внутренней политике преодоление травматичного опыта «коричневого тринадцатилетия» предполагало его скорейшее вытеснение из коллективной памяти. При этом стратегии коллективного замалчивания и забвения не могли быть достаточно эффективными, особенно в среде современников и участников недавних событий. Поэтому нацистская диктатура и связанные с ней преступления были объявлены «дьявольским наущением», трагическим иррациональным провалом в «нормальной» истории Германии. Отсюда закономерно вытекало стремление подчеркнуть преемственность традиционных политических и нравственных ценностей, присущих немцам «до» и «после» Гитлера. К ним относились, среди прочих, качества, которые были присущи вооруженным силам – патриотизм, верность долгу, воинская доблесть, готовность к самопожертвованию. Все они с точки зрения консервативных политиков в полной мере проявились в 1914–1918 гг. С учетом того, что вермахт и после 1945 г. был освобожден от стигмы преступной организации, армия оказалась единственной структурой, символизирующей историческую преемственность.

В этой связи символическая и социальная функции государства – регламентирование наград и забота о ветеранах – становились фактически составной частью официальной политики памяти. В 1957 г. бундестагом был принят закон о титулах, орденах и почетных знаках, который разрешал ношение наград периода кайзеровской империи и согласно § 11 предполагал выдачу регулярного денежного вознаграждения за них [14]. Вслед за этим федеральное правительство подтвердило, что берет на себя обязательства имперского правительства, и установило вознаграждение в размере 25 марок ежемесячно кавалерам 14 германских орденов и медалей и двух наград империи Габсбургов. В Пруссии это были учрежденный Фридрихом II в 1740 г. для офицеров высший орден Pour le Mérite («За заслуги»), Золотой крест за военные заслуги для рядовых и унтер-офицеров (1864 г.) и крест кавалеров ордена дома Гогенцоллернов с мечами (1851 г.); в Баварии – Военный орден Максимилиана Иосифа (1806 г.), военно-медицинский орден (1914 г.) и медаль за храбрость (1794 г.); в Саксонии – Военный орден Святого Генриха и золотая медаль к нему (1736 г.); в Вюртемберге – Орден «За военные заслуги» (1759 г.) и одноименная золотая медаль (1794 г.); в Бадене – Орден Военных заслуг Карла Фридриха и медаль к нему (1807 г.); в Австрии – Военный орден Марии Терезии (1757 г.) и медаль «За храбрость» [16, S. 172–175]. Отметим, что самая массовая награда периода Первой мировой войны – Железный крест, вручавшийся за личную храбрость без различия сословий, чинов и званий, в этот перечень не попала. Железный крест, в отличие от вышеперечисленных, сохранил статус высшего воинского знака отличия в Третьем рейхе и прочно ассоциировался с гитлеровским режимом. После войны его разрешалось носить при условии удаления свастики, но вознаграждение, что было прежде, уже не полагалось. Многие годы сумма выплат за награды не пересматривалась. Депутаты бундестага от фракции христианских демократов и федеральное министерство внутренних дел неоднократно ставили вопрос о необходимости ее увеличения с учетом инфляции. Однако эти инициативы натывались на сопротивление министерства финансов. Только с формированием социал-либерального правительства дело сдвинулось с мертвой точки. В январе 1974 г. министерство финансов объявило, что не будет возражать против увеличения суммы до 40 марок в месяц. 21–22 мая 1974 г. в Трире состоялась 46-я конференция земельных министров труда и социальных дел, где было принято решение «просить федерального министра труда и социальных отношений в сотрудничестве с действующим федеральным министром внутренних дел обеспечить в соответствии с разделом 11 Закона от 26 июля 1957 г. повышение вознаграждения, положенного обладателям высших наград за храбрость в годы Первой мировой войны, с 25 до 50 немецких марок» [5]. В пояснительной записке на имя министра внутренних дел от 10 июля 1974 г. сообщалось, что «в настоящее время все еще имеют право на вознаграждение приблизительно 1500 человек. Каждому из них не менее 74 лет» [5]. Здесь содержался прозрачный намек на то, что сумма выплат окажется не слишком обременительной для бюджета, да еще и с каждым годом будет уменьшаться. Так и случилось. Последним бенефициаром оказался Эрнст Юнгер, кавалер высшего ордена Пруссии «За заслуги», которым он был награжден 22 сентября 1918 г. Юнгер скончался в 1998 г. в возрасте 102 лет. После этого § 11 из закона о титулах, орденах и почетных знаках был исключен.

Положение ветеранских организаций в контексте политики памяти о мировых войнах в Боннской республике было весьма противоречивым. Оккупационная политика держав-победительниц в отношении побежденной Германии, выработанная на конференциях Большой тройки в Ялте и Потсдаме, предполагала процесс денацификации и демилитаризации. Верховная власть в стране передавалась союзному контрольному совету, который 25 февраля 1947 г. принял Закон № 46, ликвидировавший государство Пруссия как очаг германского милитаризма [2, с. 262]. Даже в условиях начавшейся холодной войны и раскола Германии союзная Высокая комиссия трех западных держав приняла 16 декабря 1949 г. Закон № 16 о недопущении милитаризма [13]. Статья 9 п. 2 Основного закона ФРГ, принятого 23 мая 1949 г. и действующего по сей день, гласит: «Запрещаются объединения, цели или деятельность которых противоречат уголовным законам или направлены против конституционного строя или против идеи взаимопонимания народов» [3, с. 69]. Однако эти запреты формально не распространялись на ветеранские объединения, продолжавшие традиции старых воинских формирований, которые участвовали в Первой мировой войне и продолжали существовать в составе «чистого» вермахта до самого конца Второй мировой войны. Сложнее дело обстояло с теми организациями, которые, несмотря на свои декларации о надпартийности, после Первой мировой занимали крайне консервативные политические позиции и способствовали установлению гитлеровского режима и сотрудничали с ним. В первую очередь это касалось организации «Стальной шлем», воссозданной в 1951 г. в Кельне. Вскоре ее президентом стал ветеран двух мировых войн генерал-фельдмаршал Альберт Кессельринг. В 1947 г. британский трибунал приговорил его за совершенные в Италии военные преступления к расстрелу, который был заменен на пожизненное заключение. Однако в 1952 г. Кессельринг был помилован. По его инициативе 12 июля 1953 г. было принято Гисенское воззвание «Стального шлема», где декларировалась верность конституции и законам государства, но в то же время звучал консервативно-идеалистический призыв: «Солдатская этика включает в себя мужество и храбрость, безусловную верность, лояльность, добросовестность и выполнение долга перед обществом, честность, порядочность и готовность помочь всем людям. Все это чуждо материалистам. Если мы хотим преодолеть наступившие ныне материалистические времена, мы должны еще раз принять старые, но вечные солдатские ценности, действительно фанатично бороться за них. С этими знаниями, которые становятся предупреждением и требованием, «Стальной шлем» обращается к своим товарищам и немецкой молодежи в память о гибели сотен тысяч жертв» [4].

Вскоре Баварское министерство внутренних дел, которое квалифицировало «Стальной шлем» как парамилитаристскую организацию, подпадающую под действие формально не отмененного закона № 16 союзной Высокой комиссии, издало распоряжение не регистрировать местные отделения организации, что означало фактический запрет их деятельности. Эта инициатива вызвала обширную межведомственную дискуссию, продолжавшуюся до конца 1950-х гг. В ней приняли участие федеральный министр внутренних дел Герхард Шредер, федеральный министр по особым поручениям Франц Йозеф Штраус, ведомство по охране конституции и ведомство федерального канцлера. В результате было высказано согласованное мнение, что пока не принято соответствующее судебное решение, нет оснований считать деятельность «Стального шлема» противоречащей законодательству. Члены организации могли свободно носить традиционные знаки цветов старого имперского флага – черно-бело-красного. 9 ноября 1955 г. Кессельринг обратился с письмом к федеральному канцлеру Аденауэру, в котором указал: «Федеральный министр внутренних дел по случаю «большого вопроса» Социал-демократической партии Германии в Бундестаге 30 сентября 1955 г. заявил, что, несмотря на тщательные наблюдения за деятельностью организации, не было никаких возражений против ее отношения к государству и конституции, а также о том, что политические условия в период с 1918 по 1932 гг. были совершенно иными по сравнению с нынешними, и не может быть и речи о том, чтобы подвергать опасности демократическое государство. В личной беседе я сам недвусмысленно заявил федеральному министру внутренних дел, что «Стальной шлем», пока я имею честь возглавлять его, не откажется от своего лояльного отношения к государству и конституции» [4]. В то же время левые политические силы ФРГ заняли по отношению к организации резко критическую позицию. Социал-демократическая Vorwärts писала: «При Кессельринге «Стальной шлем» несет тот же дух, что и в 1930-х – с фронтовым приветствием «хайль!» снова против левых» [19]. Однако А. Кессельринг, который безусловно имел лидерские качества и пользовался высоким авторитетом среди ветеранов, скончался в 1960 г., после чего «Стальной шлем» откатился на маргинальные позиции.

Своеобразным инструментом политики памяти властей и ветеранских организаций ФРГ стали знамена Танненберга – символы боевых частей, которые в конце августа 1914 г. остановили наступление русских войск и нанесли поражение армии генерала Самсонова в Восточной Пруссии. Они использовались не только для поддержания воинских традиций, обоснования исторической преемственности между армией германской империи и вновь созданным бундесвером, но и символизировали реваншистские тенденции.

По инициативе ветеранских организаций в одной из шести башен танненбергского мемориала были размещены точные копии 52 полковых знамен. Накануне запланированного подрыва мемориала в связи с приближением советских войск в январе 1945 г. знамена вместе с прахом Гинденбурга и его супруги были перенесены в церковь св. Елизаветы в Марбурге, а затем укрыты в соляной шахте в Тюрингии, где были захвачены американцами и позже переданы правительству земли Гессен. В основном это были знамена полков, традиционно комплектовавшихся из жителей Восточной Пруссии. К ним относились такие именитые части, как 1-й гренадерский полк кронпринца, 4-й гренадерский полк короля Фридриха Великого, 10-й драгунский полк короля Альберта Саксонского и другие. В августе 1961 г. знамена Танненберга были переданы в распоряжение министерства обороны. Для воспитания военнослужащих бундесвера в духе армейских традиций знамена были распределены между военно-учебными заведениями и другими учреждениями – академией бундесвера в Гамбурге, офицерской школой в Ганновере, школой внутреннего руководства в Кобленце, саперной и военно-строительной школой в Мюнхене, военно-историческим музеем в Раштатте и другими. В ходе церемонии вручения пяти знамен военному училищу в Хаммельбурге один из офицеров заявил: «Мы не хотим придавать политический акцент этим символам... но Танненберг навсегда останется высшей точкой немецкого солдатского духа, и мы имеем все основания гордиться солдатами Первой мировой войны» [17].

Практически одновременно старый университетский город Геттинген стал центром активности ветеранов – вынужденных переселенцев из Восточной Пруссии. В рамках празднования 1000-летнего юбилея города в 1953 г. они организовали памятное мероприятие в честь подразделений старой армии, которые формировались на территории Восточно-Прусского военного округа и уже тогда стремились отыскать знамена этих частей. В дальнейшем эта торжественная церемония с возложением множества венков к военному мемориалу и с участием подразделений бундесвера стала проводиться ежегодно в первое воскресенье сентября. С сентября 1961 г. военное ведомство стало предоставлять ряд флагов для церемонии в Геттингене в соответствии с запросами соответствующих полковых ветеранских объединений. Постоянным координатором их деятельности долгие годы был полковник в отставке, председатель союза ветеранов 1 гренадерского полка граф К. Е. Ойленбург. В сентябре 1969 г. после окончания церемонии произошел досадный случай – при транспортировке в кузове армейского грузовика оторвались две знаменные ленты, и только через два месяца после обширной переписки удалось установить, к каким знаменам они относились [11]. После этого казуса министерство обороны прекратило прежнюю практику. В 1983 г. организаторы торжеств в Геттингене проявили особую настойчивость с просьбой о предоставлении танненбергских знамен, мотивируя ее среди прочего тем, что 30-е юбилейное мероприятие примет международный характер с участием представителей ветеранских союзов Франции, Бельгии, Голландии и Великобритании. Но и тогда они получили отказ со ссылкой на то, что ветхость знамен требует особо бережного обращения, а их реставрация обходится весьма дорого. Письмо из ведомства парламентского госсекретаря министерства обороны от 27 мая 1983 г. извещало, что «часть знамен была отреставрирована в 1962 г. на сумму 2118 марок в ценах того времени. Сегодня реставрация одного знамени стоит от 3000 до 5000 марок, в то время как на все такие нужды ежегодно выделяется не более 10 тыс. марок» [11]. Косвенно это свидетельствовало о нежелании властей демонстрировать открытую поддержку вынужденным переселенцам из Восточной Пруссии после официального признания ФРГ нерушимости послевоенных границ.

Политика памяти в послевоенной Германии пережила непростую эволюцию от признания непреходящей ценности национальных воинских традиций к восприятию ценностей западной демократии. Наглядным подтверждением этому стала история, связанная с именованьем и переименованием структур бундесвера в честь тех выдающихся военных, кто прошел Первую мировую войну. Нами было выявлено 24 таких объекта. С начала 60-х гг. и по сей день носят имена «рыцарей неба» – летчиков-асов, погибших в Первую мировую войну, три под-

разделения военно-воздушных сил – 31-я эскадра им. Освальда Бельке, 51-я им. Макса Иммельмана и 71-я им. Манфреда фон Рихтгофена. Сохраняют свои названия казармы, что получили имена тех ветеранов Первой мировой, кто продолжил службу в вермахте, но участвовал в знаменитом заговоре против Гитлера 20 июля 1944 г. или сочувствовал ему. Это фельдмаршал Эрвин Роммель, генералы Людвиг Бек, Хеннинг фон Тресков и другие. 20 марта 1987 г. впервые в истории бундесвера в торжественной обстановке казармам санитарного батальона в Хильдесхайме было присвоено имя военного врача, начальника полевого госпиталя в годы Первой мировой войны Юлиуса Шепса. Тем самым руководство бундесвера отдавало должное всем фронтовикам еврейского происхождения [10]. В других случаях историческое значение некоторых персон подвергалось переоценке с соответствующими оргвыводами. Этот процесс начался в 90-е гг. XX в., когда из казарм в Гамбурге убрали имена непобедимого командующего в германской Восточной Африке Пауля фон Леттов-Форбека и активного участника боевых действий 1918–1919 гг. в Прибалтике генерала Рюдигера фон дер Гольца, а из казарм горных егерей в Фюссене – их бывшего командующего Эдуарда Дитля. Но особую интенсивность «чистка» официальной памяти в бундесвере приобрела, когда на должность министра обороны (2013–2019 гг.) впервые была назначена женщина – Урсула фон дер Ляйен. В 2013 г. из бундесвера убрали память о генерале Вернере фон Фриче. В трех случаях в Бонне, Фрайбурге и Хильдесхайме были закрыты казармы, ранее названные в честь выдающегося военачальника Первой мировой войны Макса фон Гальвица. А в Ахене 21 января 2014 г. казарма, ранее носившая его имя, была названа в честь Лео Левенштейна, выдающегося химика, основавшего в 1919 г. союз евреев-фронтовиков и пережившего заключение в концлагере. В 2015 г. с казарм в Карлсруэ было снято имя убежденного сторонника национал-социализма генерала Фридриха Фанерта, а в 2017 г. с казарм в городе Штадум – его коллеги Германа фон Лит-Томсена, одного из создателей гитлеровских люфтваффе. 28 марта 2018 г. казармы в Ганновере имени прусского генерала Отто фон Эммиха впервые получили имя военнослужащего бундесвера – Тобиаса Лагенштейна, погибшего в Афганистане. Таким образом руководство бундесвера продемонстрировало стремление к решительному разрыву не только с вермахтом, но и с более глубокими милитаристскими традициями периода Первой мировой войны.

Так же, как в Германии, во Франции, которая не без труда заняла свое место среди держав-победительниц после 1945 г., память о Первой мировой войне поначалу утратила свою прежнюю функцию, направленную на примирение политических, социальных и идеологических противоречий. Причины этого были очевидны – неожиданно быстрое поражение в 1940 г. и превращение героя Первой мировой войны «Верденского льва» маршала Петена в пособника Германии. В итоге Первая мировая война изначально отошла далеко на задний план в качестве историко-политического ориентира и в качестве темы исследований [18, р. 15]. Однако эта очевидно временная и неполная амнезия парадоксальным образом способствовала тому, что Первая мировая война стала центральной темой двусторонней общей политики памяти Германии и Франции в процессе их взаимного отказа от прошлой вражды, примирения, установления партнерских и союзнических отношений, превращения «оси Берлин-Париж» в стержень европейской интеграции.

22 января 1963 г. в Елисейском дворце президентом Шарлем Де Голлем и канцлером Конрадом Аденауэром был подписан исторический Договор о франко-германском сотрудничестве. А в 50-летнюю годовщину начала Первой мировой войны 2 сентября 1964 г. в эфир по обе стороны Рейна вышел первый совместный телефильм «La Grande Guerre/1914–1918/Der Erste Weltkrieg». Основу фильма составили кино- и фотодокументы из архивов двух стран, отобранные французскими и немецкими историками под началом Марка Ферро. Бывшим наследственным врагам впервые удалось создать общее видение событий войны и преодолеть старые стереотипы о противнике. Фильм получил хорошие отзывы, но позднее это знаковое бинациональное телевизионное событие было забыто. Вероятно, это было связано с еще незначительной тогда телевизионной аудиторией и отчасти компиляционным характером фильма. Однако он приобрел определенное культурно-историческое значение и стал первым примером плодотворного взаимодействия историков и телевизионщиков в международном масштабе.

Совместная «проработка прошлого», формирование новых коммеморативных практик в значительной степени зависели от характера взаимоотношений лидеров двух стран и позиций причастных к этому процессу государственных и общественных структур. В отличие от Аденауэра и де Голля контакты между канцлером социал-демократом Вилли Брандтом и пре-

зидентом голлистом Жоржем Помпиду оставались довольно прохладными. В результате не получили развития некоторые инициативы, исходившие от самих ветеранов.

Так, 25 января 1972 г. на имя министра обороны ФРГ Гельмута Шмидта поступило письмо полковника в отставке фон Доната с предложением участия в совместном мемориальном мероприятии следующего содержания: «Каждый год в первое воскресенье июля в Аргоннах проводится памятная церемония, посвященная погибшим в 1914–18 гг., на которую в течение нескольких лет также приглашаются немцы. 5-й и 6-й силезские егерские батальоны были развернуты в Аргоннах с сентября 1914 г., понесли там самые тяжелые потери и всегда были широко представлены делегациями. В прошлом году торжественное открытие памятного креста, возведенного немецкими саперами, стало особенно выразительным проявлением примирения и дружбы. Однако песня о хорошем товарище из горла 75–80-летних ветеранов звучала несколько глухо. Поэтому для усиления эффекта я предложил председателю оргкомитета церемонии дивизионному генералу Руайе направить запрос на участие делегации 5-й роты 12 мотопехотного батальона, дислоцированного в Остероде, наследника традиций 5-го и 6-го егерских батальонов. Делегация должна состоять из одного офицера, двух унтер-офицеров и двух или лучше четырех горнистов. Они должны будут исполнить песню «Хороший товарищ», сигнал «Халали» и сигнал «Охота окончена», который всегда звучал в честь погибших офицеров-егерей, а также, по просьбе генерала Руайе, сигнал *Aux Morts* в память о павших французах. Поскольку ряды немецких ветеранов постоянно редеют, мы были бы очень признательны, если бы вы, дорогой господин министр, поддержали старых немецких аргоннских бойцов, одобрив отправку делегации традиционной роты бундесвера» [8].

Видимо, проситель получил из военного ведомства формальный и отрицательный ответ, так как через месяц, 26 февраля, отправил очередное письмо с отчетливым выражением недовольства: «Пожалуйста, доложите министру Шмидту, что я не могу понять, почему бундесвер не может участвовать в памятном мероприятии в Аргоннах “по принципиальным соображениям и из-за необходимости бережного использования финансовых средств, которые должны расходоваться прежде всего на обучение войск”... В конце концов, в 1914–18 гг. в Аргоннах погибли 29 000 хороших немецких солдат. Как им благодарна родина, видно из вашего письма. Я не могу представить, чтобы немцев, потерявших близких в двух мировых войнах, устроила бережливость такого рода» [8]. 17 марта фон Донату сообщили, что о его просьбе был проинформирован германский военный атташе в Париже.

10 апреля 1972 г. известный французский политик, генерал в отставке Поль Штелин, в 1936–39 гг. военно-воздушный атташе в Берлине, направил Шмидту послание в поддержку инициативы фон Доната. В нем он, в частности, писал: «Я знаю, что вы не поддерживаете отправку такой делегации бундесвера. Я также далек от того, чтобы повлиять на вас каким-либо образом при принятии решения. Однако, как друг доброго полковника фон Доната, который примерно на 15 лет старше меня, и особенно ввиду дружеских и доверительных отношений между Вами и мной, я имею право выразить это общее желание немецких и французских ветеранов, сегодня объединенных взаимным уважением и дружбой. Я думаю, что тем самым выполнил свою миссию» [8]. В министерстве обороны это письмо получило статус высшего приоритета (шифр «красный крест»). Уже 14 апреля Штелину известили письмом, что «министр инициировал экспертизу, по результатам которой вы будете получать дальнейшие известия как можно скорее» [8]. И тем не менее 27 апреля министерством обороны было принято решение отказаться от отправки военнослужащих бундесвера для участия в церемонии и ограничиться присутствием на ней военного атташе в Париже [8]. Таким образом, инициатива частных лиц, пусть и пользующихся определенным авторитетом, не нашла поддержки в военном ведомстве.

Влиятельным общественным организациям, таким как Народный союз по уходу за военными захоронениями, все же удавалось добиться принятия своих предложений. В 1970 г. президентом союза впервые в его истории стал социал-демократ В. Тиле. При нем в деятельности союза проявился отчетливый курс на сохранение памяти о павших как средства примирения и согласия между народами. Союз среди прочего обратился к проблеме эксгумации, опознания и должного захоронения жертв трагедии, произошедшей 20 мая 1917 г. на возвышенности Мон-Корниле вблизи Реймса. В горе, сложенной из мягких пород, в основном известняка, немцы соорудили подземное укрытие из трех параллельных штолен, соединенных переходом. Там размещались солдаты 476 вюртембергского пехотного полка, некоторые другие подразделения и небольшое число раненых военнопленных французов. Французское ко-

мандование оценивало подземное сооружение как укрепленную позицию, которая позволяла немцам контролировать обширную территорию. 20 мая 1917 г. Мон-Корниле был подвергнут обстрелу тяжелой французской артиллерии. 900-килограммовые снаряды завалили выходы из штолен. Все, кто находился внутри, – около 600 человек – погибли – были завалены землей, отравлены пороховыми газами, скончались от удушья.

4 декабря 1973 г. Тиле обратился в министерство обороны с письмом, в котором указывал: «Во время Первой мировой войны, 2 мая¹ 1917 года, туннель в Мон-Корниле, около Реймса, был завален в результате атаки противника. Не только немецкая, но и французская общественность приняла участие в ужасной судьбе пострадавших немецких солдат. Поэтому Народный союз по уходу за военными захоронениями давно пытается открыть галерею с целью достойного места упокоения погибших.

Благодаря поддержке вооруженных сил Германии 17–23 сентября 1973 г. было проведено расследование на месте... Согласно отчетам, поиск погибших не потребует чрезмерных усилий.

Народный союз очень настроен на продолжение работ по вскрытию штолен. Однако он не может выполнить необходимую работу в одиночку. В частности, ему не хватает специалистов. Состоявшиеся недавние изыскания показали, что бундесвер смог внести ценный вклад в этом отношении. Поэтому я очень прошу оказать необходимую помощь... Официальная миссия в рамках франко-германского обмена войсками наилучшим образом будет соответствовать как немецким, так и французским идеям и ожиданиям в отношении работ в туннеле... Родственники погибших, которые еще живы, и их потомки получили бы утешение, если бы их близким после стольких лет наконец-то было предоставлено достойное место погребения» [7].

Ответ министерства, который последовал только 10 января 1974 г., был не слишком обнадеживающим: программа обмена войсками на 1974 г. уже сверстана и по этой линии нет возможности получить поддержку и финансирование; использование ближайшего французского полигона для размещения немецких солдат не запланировано; ответ на запрос о французской спонсорской помощи еще не получен. Единственное, что могло обещать министерство, – при решении прочих проблем предоставить 40 солдат на 4–6 недель в период с мая по июль 1974 г. [7].

Наконец все препятствия были преодолены и 29 мая 1974 г. Народный союз известил министерство, что:

«1. Государственный секретариат Франции по оказанию помощи военным могилам дал свое принципиальное согласие на работы на Мон-Корниле.

2. Народный союз принимает на себя расходы на персонал и топливо. Подробности были обсуждены сегодня с подполковником Кеберлем, заместителем командира учебного саперного полка.

3. На вышеупомянутом совещании было также определено, что рабочая группа полка должна быть размещена в палаточном лагере непосредственно на строительной площадке.

4. Буду очень признателен, если вы организуете возобновление разрешения на въезд. Предполагается, что миссия начнется 1 июля 1974 г. и первоначально запланирована на 4 недели. Однако в качестве меры предосторожности разрешение на въезд должно быть выдано до 9 августа 1974 г.» [7].

Работы начались 2 июля 1974 г. В них принимали участие 40 немецких саперов из учебного полка в Мюнхене при поддержке 10 французов из 33-го саперного полка, дислоцированного в Келе. Французская армия также предоставила транспортные средства и тяжелую технику. Раскопки посещали представители французских ветеранских организаций и военного музея Франции, они широко освещались телевидением и прессой. За несколько недель напряженной работы удалось поднять на поверхность останки более 220 немецких солдат. Позднее агентство Франс Пресс сообщило, что «в субботу 10 августа 1974 г. на Мон Корниле прошла простая церемония в память о солдатах, погибших здесь в мае 1917 г. Президент Народного союза, профессор, доктор Тиле поблагодарил немецких и французских саперов, участвовавших в спасательной кампании, за их образцовую работу. Народный союз расценивает эту совместную акцию как впечатляющее подтверждение своей работы в условиях мира и международного взаимопонимания, которая проводится уже более двух десятилетий под девизом «примирение на могилах» [7]. Работы были продолжены и завершены летом следу-

¹ Очевидная опечатка или ошибка – следует читать «20 мая».

ющего года. Военный атташе Германии в Париже 15 июля 1975 г. сообщал в Бонн: «Немецко-французская команда во главе с подполковником Кеберлем завершила спасательные работы 11 июля 1975 г. В этом году были извлечены 63 тела. К сожалению, в прошлом году никто из военнослужащих не был отмечен по достоинству. Можно сказать, что команда добилась выдающихся достижений и, несомненно, внесла особый вклад во франко-германское понимание. Многочисленные посетители и ветераны Первой мировой войны дали мероприятию положительные отзывы. Должна быть найдена возможность соответствующим образом отметить успехи солдат» [9]. Неизвестно, было ли реализовано предложение военного атташе. Все найденные останки были захоронены на ближайшем немецком военном кладбище Вармевиль (основанном в 1915 г.) среди других трех тысяч погибших. Кладбище, как и многие другие, до сих пор находится под патронажем Народного союза по уходу за военными захоронениями.

Традиция совместного поминовения павших на полях сражений Первой мировой войны главами двух государств сформировалась сравнительно недавно. Еще де Голль и Аденауэр – оба католики, вместе присутствовали на так называемой мессе мира 8 июля 1962 г. в кафедральном соборе Реймса – города, почти полностью разрушенного во время войны. Однако затем в течение более 20 лет подобные мемориальные встречи не проводились. Вновь стремление обратиться к общей памяти о Великой войне как символу примирения и согласия появилось только в начале 80-х гг. XX в., когда президентом Франции стал социалист Ф. Миттеран, а канцлером Германии христианский демократ Г. Коль. Очевидно, возвращение памяти о Первой мировой в символическую повестку встреч на высшем уровне было связано с деятельностью известного консервативного историка М. Штюрмера, который в 1980–1985 гг. занимал пост советника канцлера. Историко-политическая концепция Штюрмера сводилась к необходимости преодоления комплекса вины за «коричневое прошлое» и обоснования равноправного положения Германии среди прочих великих держав. В этом смысле обращение к более отдаленной и уже менее травматичной истории 1914–1918 гг. было важным.

Как канцлер Германии Гельмут Коль посещал Францию десятки раз, однако его самый известный визит к бывшему «наследственному врагу» имел не конкретное политическое или экономическое, а символическое значение. 22 сентября 1984 г. Коль и Миттеран встретились на бывшем поле битвы под Верденом – месте, наполненном исторической символикой, как никакое другое. Именно здесь в 843 г. состоялся раздел империи Карла Великого – событие, которое положило начало многовековому противостоянию между Германией и Францией. Здесь в 1916 г. произошла одна из самых беспощадных битв Первой мировой войны, в которой погибло около полумиллиона человек. Именно под Верденом, где стала очевидна бессмысленность убийственной войны, во время торжественной церемонии перед склепом Дуомон, в котором хранятся останки 130 тысяч неизвестных солдат, двое лидеров государств несколько минут подряд стояли, молча взявшись за руки. Фотография, запечатлевшая этот момент, обошла все мировые средства массовой информации.

Жест был впечатляющим, он означал общее желание изменить символическое значение Вердена от места вражды и трагедии к месту примирения и дружбы. В то же время событие встретило далеко неоднозначные отклики и в ряде случаев было оценено гораздо более критически и негативно, чем хотелось бы двум государственным деятелям. Особенно это было связано с подготовкой визита. Многие задавались вопросом о том, кто был инициатором этой встречи. Корреспондент французской газеты *Le Figaro* сообщил о том, что Коль стремился получить приглашение к участию в праздновании 40-й годовщины высадки союзников в Нормандии 6 июня 1984 г. Миттеран решительно воспротивился этому и в качестве замены предложил встречу в Вердене. Позже советник Миттерана Жак Аттали писал, что просьба о посещении Вердена исходила от Коля. Журнал *Spiegel* с долей сарказма отмечал, что жестом Коль обязан «чувству вины своего партнера в Париже и теперь получил высшую символическую компенсацию» [15]. Однако во всех официальных документах немецкой стороны, посвященных подготовке визита (например, письмо из ведомства федерального канцлера в министерство иностранных дел от 8 июня 1984 г.), указывается, что решение о встрече было принято на основе 43-х германо-французских консультаций в Рамбуйе 28–29 мая 1984 г. [5].

Отмечались также огрехи в планировании встречи. Германский МИД 23 июля 1984 г. с тревогой констатировал, что «французская сторона еще не сделала каких-либо разъяснений по срокам и протоколу вышеуказанного мероприятия» [5]. Французы поначалу предлагали, чтобы в мероприятии приняли участие по 3 тыс. ветеранов и 3 тыс. молодежи с каждой сто-

роны, всего 12 тыс. человек, что было практически нереально осуществить. Впоследствии число участников было сокращено до нескольких сотен. При обсуждении предполагаемого по ходу встречи обмена культурно-историческими ценностями были сделаны предложения, которые с неожиданной стороны показали тесную связь великих войн нового и новейшего времени. По информации ведомства федерального канцлера, «22 августа 1984 г. французский представитель г-н де ла Фортель сделал следующие неофициальные предложения в обмен на возвращение отлитой в XVI в. немецкой пушки Vogel Greiff в город Кобленц:

1. Берлина, которая была отобрана у Наполеона Блюхером в битве при Ватерлоо, а также ордена Наполеона.

2. Мебель императрицы Жозефины, которую Блюхер взял в качестве трофея после ареста императрицы в Мальмезоне.

3. Финансовый вклад в реставрацию памятника и надгробия французского генерала Гоша, расположенного в Вайсентурме на Рейне. Стоимость составляет 500 000 немецких марок. Согласно французскому предложению, федеральное правительство может взять на себя часть (предложение французского посла Моризе).

4. Обмен пушки на знамена не был прямо отклонен, но не рассматривался как равнозначный.

По пунктам 1 и 2 необходимо проверить, находятся ли эти объекты на территории Федеративной Республики Германия и могут ли они быть приобретены федеральным правительством» [5].

Дата 22 сентября 1984 г. не была связана ни с какой знаменательной годовщиной, тем не менее встреча проходила под знаком памяти о начале Первой мировой войны и грядущем через два года 70-летию Верденской битвы. Четырехчасовая программа визита была более чем напряженной. Первая короткая церемония с участием лидеров государств состоялась на немецком военном кладбище Консенвуа к северу от Вердена. Следующую остановку сделали на безымянной высоте 304, за которую в 1916 г. шли ожесточенные бои. Поблизости в Первую мировую воевал отец Миттерана, а в 1940 г. получил ранение сам Миттеран.

Центральным событием организованной встречи было совместное посещение огромного военного кладбища рядом с фортом Дуомон. На церемонии перед оссуарием строго соблюдался церемониал: немецкие и французские солдаты попеременно стояли бок о бок, военный оркестр Франции исполнил гимн Германии, духовой оркестр Германии – «Марсельезу». Единственным отклонением от протокола было рукопожатие политиков. До сих пор остается открытым вопрос, был ли это спонтанный жест, выражение дружбы или хладнокровно заранее рассчитанная политическая инсценировка. Ни Коль, ни Миттеран никогда не давали комментариев по этому поводу.

Так или иначе, первая реакция прессы была критичной. Парижская газета Le Monde указывала, что между немцами и французами было уже слишком много жестов примирения, чтобы Верден мог быть замечен как «поворотный момент в истории отношений... Повторения оставляют нас безразличными к символам» [15]. Возможно, Коль и Миттеран недооценили риск использования исторической символики в качестве политического пиар-хода, когда они пытались следовать примеру легендарного дуэта де Голля и Аденауэра. Однако в долгосрочной перспективе их расчет сработал: критика визита вскоре прекратилась, а послание о примирении и дружбе, выраженное рукопожатием, осталось.

В 1986 г. с 12 по 15 июня широко отмечалось 70-летие Верденской битвы, а 2 июля – 70-летие битвы на Сомме. В обоих случаях участие в торжествах с немецкой стороны приняли не только немногочисленные к тому времени ветераны, но и действующие военнослужащие – оркестр бундсвера и подразделение почетного караула. До этого регулярные памятные мероприятия, посвященные битве на Сомме, проходили без немецкого участия. Кроме того, на кладбище Консенвуа была торжественно открыта мемориальная доска о встрече Коля и Миттерана двумя годами ранее [6].

Фактически лидерами двух стран в 1984 г. была заложена новая коммеморативная традиция, которая в дальнейшем не только воспроизводилась, но и развивалась, прежде всего в стремлении увязать ее с традицией Дня перемирия. Однако и здесь не обходилось без проблем. В 1998 г. канцлер Германии Герхард Шредер отклонил приглашение принять участие в памятных мероприятиях в Париже и в Ипре, посвященных 80-й годовщине окончания Первой мировой войны. Официальное объяснение сводилось к тому, что канцлер занят другими неотложными делами, но выступая во время своего визита в Великобританию, Шредер заявлял:

«Мы должны помнить прошлое, чтобы плохие вещи не повторялись, но продолжать жить прошлым это также ошибка» [12]. Участие Германии было ограничено скромным мероприятием через четыре дня, 15 ноября, в День национальной памяти, когда посол Германии в Париже Питер Хартманн и французский министр по делам ветеранов Жан-Пьер Массаре возложили венки на немецком военном кладбище под Версалем.

С приходом к власти в ФРГ Ангелы Меркель интенсивность коммеморативного взаимодействия резко возросла. В 2009 г. 11 ноября в 11 часов утра Меркель и президент Франции Николя Саркози провели церемонию возложения венка и возжжения вечного огня на могиле Неизвестного солдата у Триумфальной арки в Париже. Меркель стала первой главой правительства Германии, принявшей участие в праздновании Дня перемирия во Франции. В 100-летнюю годовщину Верденской битвы 29 мая 2016 г. Меркель и президент Франции Франсуа Олланд возглавили торжественную памятную церемонию в Дуомоне. Они не ограничились рукопожатием, а заключили друг друга в объятия. В день столетия окончания Первой мировой войны для проведения торжеств было выбрано новое символическое место – Компьен. Впервые в послевоенной истории Меркель и Макрон посетили с возложением венков мемориал, который аккумулировал и для немцев, и для французов самые противоречивые чувства триумфа и трагедии, связанные с подписанием перемирия в 1918 г. и капитуляции в 1940 г.

Наряду с французскими президентами в юбилейных мероприятиях, посвященных Первой мировой войне, принимали активное участие их немецкие коллеги. Президент ФРГ хоть и не обладает реальной политической властью, как канцлер, тем не менее по Основному закону является официальным главой государства и пользуется значительным общественным влиянием. Президенты Йоахим Гаук и Франсуа Олланд 3 августа 2014 г. заложили камень в основание нового совместного музея в Эльзасе на горе Хартманнсвиллеркопф, в боях за которую с 1914 по 1918 гг. погибли около 30 тысяч немецких и французских солдат. Через три года 10 ноября 2017 г. в канун очередного Дня перемирия уже президенты Франк-Вальтер Штайнмайер и Эммануэль Макрон в присутствии многочисленной публики приняли участие в церемонии открытия этого музея.

«Германская катастрофа» 1945 г. привела к тому, что память о Первой мировой войне оказалась маргинализирована, ушла «в тень» общественного сознания. Однако интенсивная евроатлантическая интеграция Западной Германии способствовала инструментализации этой памяти в пространстве публичной политики на основе общих воспоминаний о трагедии и травме 1914–1918 гг., объединяющих народы и страны. Использование памяти о великой войне как средства исторического воспитания военнослужащих бундесвера отличается двойственным характером: с одной стороны, традиционная символика призвана подчеркнуть преемственность славных боевых традиций, с другой – наблюдается целенаправленное стремление к исключению образов и символов, противоречащих концепции вооруженных сил как части демократического государства.

Список литературы

1. Виноградов К. Б. Фриц Фишер и его труды // Новая и новейшая история. 1988. № 4. С. 175–179.
2. Закон № 46 о ликвидации Прусского государства // Ведомости Контрольного совета в Германии. 31 марта 1947 г. № 14.
3. Основной закон Федеративной республики Германии (23 мая 1949 г.) // Конституции зарубежных государств : учебное пособие / сост. В. В. Маклаков. М. : БЕК, 2002. С. 68–113.
4. Bundesarchiv Koblenz. B/106/15454.
5. Bundesarchiv Koblenz. B/136/30067.
6. Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg. BH/1/16031.
7. Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg. BW/1/73595.
8. Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg. BW/1/73700.
9. Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg. BW/1/102174.
10. Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg. BW/1/285340.
11. Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg. BW/2/32380.
12. Germany declines armistice day invite // BBC. 4 November 1998. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/special_report/1998/10/98/world_war_i/206760.stm (дата обращения: 17.05.2022).
13. Gesetz Nr. 16 der Alliierten Hohen Kommission über die Ausschaltung des Militarismus vom 16. Dezember 1949 // Amtsblatt der Alliierten Hohen Kommission. S. 72.
14. Gesetz über Titel, Orden und Ehrenzeichen vom 26. Juli 1957 // Bundesgesetzblatt. 1957. Teil 1. № 37. S. 844–846.

15. Gunkel Ch. Kohl und Mitterrand in Verdun. Geschichte zum Anfassen // Spiegel Geschichte. URL: <https://www.spiegel.de/geschichte/kohl-und-mitterrand-in-verdun-a-948491.html> (дата обращения: 17.05.2022).
16. Krantz H.-U. Orden und Ehrenzeichen der Bundesrepublik Deutschland. Köln : Maximilian-Verlag, 1958. 336 S.
17. Main-Post. 15. Februar 1962. № 39.
18. Prost A., Winter J. Penser la Grande Guerre. Un essai d'historiographie. Paris : Seuil, 2004. 352 P.
19. Vorwärts. 1958. 19. September.

Memory of the First World War in the Federal Republic of Germany

N. N. Baranov

Doctor of Historical Sciences, associate professor, Ural Federal University n. a. the First President of Russia B. N. Yeltsin; Head of the Department of Modern and Modern History of the Department "Faculty of History", Ural Humanitarian Institute. Russia, Yekaterinburg. E-mail: baranov61@mail.ru

Abstract. The problems of historical memory and the politics of memory, the formation and evolution of memorial culture have become relevant in the context of the "mnemonic turn" in historiography, which began in the 1980s and continues to the present. The events of the First World War and its consequences occupied a central place in the complex and conflicting political discourse of the Weimar Republic, served as an important element of the historical policy of the Third Reich. After 1945 the memory of the First World War was pushed to the periphery of public consciousness, preserved in the communicative practices and rituals of small groups. Veterans of that war had very little support from the state. However, as the formally equal positions of West Germany in the Euro-Atlantic community were restored, the appeal to the experience of 1914–1918 began to be actively used in the public policy of memory to overcome the trauma of the "brown thirteenth anniversary" in the context of unity and continuity of the common history of European countries and peoples with their common victims and tragedy. Naturally, this practice reached its greatest intensity in 2014–2018, when the centenary of the Great War was celebrated.

Keywords: Germany, World War I, historical memory, memorial tradition, historical politics.

References

1. Vinogradov K. B. *Fritz Fischer i ego trudy* [Fritz Fischer and his works] // *Novaya i novejshaya istoriya* – New and modern history. 1988. No. 4. Pp. 175–179.
2. *Zakon № 46 o likvidacii Prusskogo gosudarstva* – Law No. 46 on the liquidation of the Prussian State // *Vedomosti Kontrol'nogo soveta v Germanii* – Statements of the Control Council in Germany. March 31, 1947. No. 14.
3. *Osnovnoj zakon Federativnoj respubliki Germanii (23 maya 1949 g.)* – The Basic Law of the Federal Republic of Germany (May 23, 1949) // *Konstitucii zarubezhnyh gosudarstv : uchebnoe posobie* – Constitutions of foreign states : textbook / comp. V. V. Maklakov. M. BECK. 2002. Pp. 68–113.
4. Bundesarchiv Koblenz. B/106/15454.
5. Bundesarchiv Koblenz. B/136/30067.
6. Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg. BH/1/16031.
7. Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg. BW/1/73595.
8. Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg. BW/1/73700.
9. Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg. BW/1/102174.
10. Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg. BW/1/285340.
11. Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg. BW/2/32380.
12. Germany declines armistice day invite // BBC. 4 November 1998. Available at: http://news.bbc.co.uk/2/hi/special_report/1998/10/98/world_war_i/206760.stm (date accessed: 17.05.2022).
13. Gesetz Nr. 16 der Alliierten Hohen Kommission über die Ausschaltung des Militarismus vom 16. Dezember 1949 // *Amtsblatt der Alliierten Hohen Kommission*. S. 72.
14. Gesetz über Titel, Orden und Ehrenzeichen vom 26. Juli 1957 // *Bundesgesetzblatt*. 1957. Teil 1. № 37. S. 844–846.
15. Gunkel Ch. Kohl und Mitterrand in Verdun. Geschichte zum Anfassen // Spiegel Geschichte. Available at: <https://www.spiegel.de/geschichte/kohl-und-mitterrand-in-verdun-a-948491.html> (date accessed: 17.05.2022).
16. Krantz H.-U. Orden und Ehrenzeichen der Bundesrepublik Deutschland. Köln : Maximilian-Verlag, 1958. 336 S.
17. Main-Post. 15. Februar 1962. № 39.
18. Prost A., Winter J. Penser la Grande Guerre. Un essai d'historiographie. Paris : Seuil, 2004. 352 P.
19. Vorwärts. 1958. 19. September.

Природная среда как исходный фактор социогенеза древних цивилизаций: трактовка М. М. Хвостова

М. В. Новиков¹, Т. Б. Перфилова²

¹доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского.

Россия, г. Ярославль. ORCID: 0000-0002-2013-1919.

Researcher ID: AAD-2635-2019. E-mail: m.novikov@yspu.org

²доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник,

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского.

Россия, г. Ярославль. ORCID: 0000-0002-2498-8688. E-mail: m.novikov@yspu.org

Аннотация. Рассматривается проблема влияния природного территориального комплекса на историко-культурное развитие народов Древнего мира в трактовке М. М. Хвостова, с позиции географического детерминизма, изучавшего зависимость особенностей «общественной эволюции» древних цивилизаций от характера природной среды. Отделение географического подхода от исторического при трактовке исторического процесса Хвостов объяснял тем, что наукам об обществе важны прежде всего «результаты, которые получаются от воздействия природы на человеческие общества». Отмечается, что для оценки этих результатов ученый использовал исследования авторитетных европейских и российских экспертов. Став адептом антропогеографии, он применил идеи Ф. Ратцеля к интерпретации истории и культуры древних греков. Хвостову удалось доказать, что скорость, интенсивность, направленность и итоги протекания процессов внутреннего развития древних греков, в том числе и «типы культуры», возникшие в Элладе, детерминировались совокупностью таких природных показателей, как климат, орография, гидрография. Труды Л. И. Мечникова легли в основу рефлексий Хвостова об исходных условиях становления цивилизаций на Древнем Востоке. Прямая зависимость от географического фактора социально-экономического и политико-административного укладов жизни в крупных речных цивилизациях выражалась, по убеждению Хвостова, в формах социального поведения населения, направленных на адаптацию к среде обитания, и организационных усилиях древнеегипетских и месопотамских правителей по созданию и поддержанию в порядке ирригационных сооружений. Обращается внимание на то, что профессор преувеличивал роль благоприятного климата в процессах этно- и социогенеза у европейских и восточных народов древности. И хотя его собственные изыскания указывали на ошибочность заявления об «умеренном климате» как лучшей среде обитания, он не внес коррективов в учебные издания. Подчеркивается, что Хвостову не удалось связать разнообразие процессов развития народов древности с социокультурными факторами, но он смог определить направления изучения влияния природных факторов в историческом дискурсе.

Ключевые слова: факторный подход, природно-географический фактор, географический детерминизм, антропогеография, культура (цивилизация), среда обитания, исторический процесс, «национальный характер», раса, взаимозависимость природы и социума.

Введение. В 2022 г. исполняется 150 лет со дня рождения известного российского историка Михаила Михайловича Хвостова (1872–1920). Он блестяще окончил Императорский Московский университет, но вопреки ожиданиям пополнил ряды провинциальной интеллигенции, связав свою профессиональную и научную деятельность с Императорским Казанским университетом. Результаты конкретно-исторических трудов профессора высоко оценивались не только современниками. Исследователи античности советского периода считали капитальным его вклад в изучение экономической истории греко-римского Египта [3; 4; 10, с. 391, 392]. В то же время возражения и критику у них вызывали теоретико-методологические позиции и общественно-политические взгляды ученого, которые явно свидетельствовали о

принадлежности М. М. Хвостова к отряду «буржуазных» историков, в полной мере испытавших на себе кризис – «застой», «упадок» «буржуазной» историографии рубежа XIX–XX вв. [1; 10, с. 374, 375, 392, 393; 18, с. 24–28, 72–79, 81, 98, 102–105, 169, 170; 19, с. 45, 46, 48–50, 60, 62, 83, 104, 105].

Пересмотр вульгарно-социологических идеологизированных представлений о кризисе исторической науки переломной эпохи XIX–XX вв. актуализировал интерес к теоретическим рефлексиям М. М. Хвостова. Даже самый поверхностный обзор его трудов указывал на то, что ученый принадлежал ко второй генерации историков-позитивистов, или к «критическим позитивистам» [5, с. 90, 102, 105, 162, 201, 202, 217, 218, 225, 226, 241–244; 9, с. 8, 47, 56, 62, 75–80; 11]. Они, сохраняя верность теоретическим установкам и научной ориентации «положительной» науки, стремились усовершенствовать самое слабое звено позитивизма – историческую гносеологию. Новые теоретико-познавательные принципы черпались из лишенного крайностей неокантианства и социальной психологии. Важность объединения когнитивных стратегий номотетического и идиографического характера признавал и М. М. Хвостов, разрабатывая концепцию социологической истории [16, с. 821, 824].

Наши научные изыскания [6; 7; 8] показали, что М. М. Хвостов стремился изучать каждую древнюю культуру (цивилизацию) с «общеисторической точки зрения» [14, с. 33]: как сложную целостную систему, процесс исторического развития которой был обусловлен сочетанием не только «сил физических, химических, биологических, психологических», но и влиянием «иррационального элемента» [16, с. 819, 820]. Следовательно, методология познания, в его трактовке, должна была состоять как из строго научных методов исследования, так и из мало поддающихся верификации способов психологической интерпретации фактов, из синтеза рационально-логического приема объяснения и априорной процедуры «понимания» [16, с. 794, 795; 17, с. 36].

Центральные позиции в социологической истории М. М. Хвостова занимала факторная теория. Глубинными причинами, ответственными за ход исторического процесса, он называл природные, демографические, социально-экономические и социально-политические «движущие силы» [14, с. 21; 17, с. 101]. Особое место среди равноправных и взаимозависимых фактов «общественной эволюции» он отводил природным территориальным комплексам, которые детерминировали «запуск», скорость, характер историко-культурных процессов у народов Древнего мира.

Результаты исследования. Воздействие природы на человеческое общество М. М. Хвостов считал «первым могущественным фактором общественной эволюции» [14, с. 37]. С действием этого фактора, замечал он, «приходится считаться» даже в тех случаях, когда заходит речь не о «самых примитивных обществах», а о «самых культурных» народах. Они, вопреки «ложному утверждению» о господстве над природой, сохраняют свою зависимость от естественной среды обитания, «хотя и не столь непосредственно [как первобытные люди. – М. Н., Т. П.]. «Культурный человек, подобно первобытному, должен защищать себя от вредных сил природы и приспособлять для удовлетворения своих потребностей ее благотворные силы», – заключал профессор [14, с. 37]. Конечно, рассуждал он, «это *приспособление природы* возможно лишь в известных пределах»: в древности часто отмечались случаи, когда «и организм индивида, и общественная организация сами должны были *приспособляться к природе*» [17, с. 43, 44].

Следовательно, географическая среда, претерпевающая изменения под воздействием «общественной организации», сама может выступать в роли фактора, предопределявшего жизнь сообщества индивидуумов. А это значит, что, заселяя географическое пространство, люди в процессе их жизнедеятельности превращали территории обитания в историческое пространство. Для его изучения принятые в физической географии описательные и аналитические процедуры уже становились недостаточными.

«Обычно в сочинениях по физической географии географические факторы рассматриваются в таком порядке, – объяснял М. М. Хвостов свою мысль, – определяется положение данной страны на земном шаре, далее рассматриваются распределение моря и суши, географическое строение страны (почва) и форма поверхности, климат, орошение, флора и фауна». Такой порядок удобен для отделения основных географических «данных» от производных: к примеру, «климат есть результат взаимодействия... астрономических явлений... распределения суши и моря... той или иной формы поверхности» [14, с. 37].

Однако, «когда мы имеем в виду не объяснение природы страны, а тех результатов, которые получаются от воздействия природы на человеческие общества, более пригодной яв-

ляется несколько иная классификация географических факторов, – уточнял М. М. Хвостов исторический подход к данным физической географии. – Нужно сначала рассмотреть те факторы, которые ранее всего и более всего влияли на человека. Таковы: климат, геологическое строение страны (почва), флора и фауна, далее орография и речная система; гораздо позднее сказывается непосредственное влияние распределения моря и суши» [14, с. 38].

Из этих рассуждений профессора можно заключить, что его интересовал не просто сухой перечень географических показателей в местах появления первых цивилизаций. Ученого привлекала историческая интерпретация данных физической географии, дающая возможность объяснить влияние на «жизнь человеческих обществ» основных параметров среды их обитания. Причем, он видел результаты «воздействия природы» не только в организации хозяйственного уклада и даже не только в формах и темпах «экономической эволюции» [17, с. 44]. «Форма поверхности» территорий обитания народов древности, к примеру, обилие гор и равнин, равно как и «распределение воды на поверхности земли в виде морей, озер и рек», имели, по его убеждению, «громадное историческое значение»; «воздушные течения (ветра)» также «играли историческую роль», и даже туманы как разновидность атмосферных явлений могли «могущественно влиять на... общественный и государственный строй» (например, жителей Британских островов) [17, с. 45, 46].

Обнаруженная М. М. Хвостовым зависимость особенностей исторического развития народов Древнего мира от характера природной среды выдавала в нем сторонника антропогеографии и ключевой фигуры геоистории Ф. Ратцеля, о чем он с удовлетворением сообщает, когда, ссылаясь на доводы этого «лейпцигского профессора» о детерминированности характера истории каждого народа природными условиями, полностью их разделяет [17, с. 42, 43].

Руководствуясь также аналогичными убеждениями Г. Т. Бокля, Э. Реклю, К. Риттера, Л. И. Мечникова и других «видных» и «выдающихся исследователей в этой области», М. М. Хвостов был готов «наметить», а на деле, как это следует из учебной и теоретико-методологической литературы профессора, и обсудить «некоторые антропогеографические проблемы» [14, с. 31; 17, с. 42, 43], поставленные представителями географической школы в социологии.

К их числу он отнес следующие важные для понимания исторической эволюции направления изучения природного фактора: адаптация человеческих обществ к географическому детерминизму [17, с. 43, 46, 47]; зависимость государственного строя, политико-правовых институтов и политического сознания от географических показателей [17, с. 48]; влияние среды обитания на «национальный характер» [17, с. 49–51].

Одним из самых значительных природных факторов, предопределявших жизненный уклад человечества, М. М. Хвостов считал климат. «Климат... оказывает могущественное действие на жизнь человека на Земле», – писал он [17, с. 45], поэтому при структурировании материалов о взаимодействии обществ Древнего мира и окружающей среды климатическую интерпретацию истории излагал в первую очередь. «На начальных стадиях развития человеческое общество больше всего подчиняется влиянию климата... от климата зависят те или иные потребности человеческого организма; почвенные условия вместе с климатом создают животный и растительный мир, служащий для удовлетворения этих потребностей», – разъяснял он влияние режима погоды на социогенез в лекциях по «Истории Греции» [Хвостов, 1924, с. 39], четвертый раздел которых имел красноречивое название «Природа Греции и ее социально-историческое значение» [14, с. 37].

Хотя М. М. Хвостову было ясно, что интеллект человека позволял ему легче «других животных» приспосабливаться к любым климатическим условиям (жить при температурах и выше, и ниже 50 градусов [15, с. 69]), но все же наиболее пригодными для постоянного проживания были области «между изотермами плюс шестнадцать и плюс четыре: здесь и развилась история культурного человечества», – делал вывод профессор [17, с. 45].

Такие комфортные температурные условия, благоприятные для жизнедеятельности людей, сложились только на четвертой части суши, поэтому из 506 миллионов квадратных километров земной поверхности так называемая «экумена» составляла всего 135 миллионов квадратных километров [17, с. 44].

Мягким, умеренно теплым климатом отличалась природа Древней Греции [14, с. 39]. Еще «более теплым климатом» природа одарила «первые и ранние культуры... в долине Нила, в Месопотамии, а также в Индии и Китае», поэтому «развитие здесь могло идти менее прерывисто, борьба с природой была более посильной» [15, с. 13].

Не довольствуясь этими общими фразами, М. М. Хвостов детализировал изучение проблемы роли климата в историческом развитии народов древности на примере Греции и Егип-

та. Вытянутость территорий древнегреческой и древнеегипетской цивилизаций по оси север – юг «на многие сотни верст» позволяла продемонстрировать смену географических поясов, что, в свою очередь, давало возможность обозначить важнейшую идею антропогеографии о предопределенности характера истории каждого народа природно-экологической нишей и, прежде всего, «климатическими полосами» [17, с. 44].

Совокупность «климатических и почвенных условий» позволяет М. М. Хвостову отнести Грецию к стране с «умеренным климатом». Это заключение имело важное для последовавших за ним объяснений, так как, по мнению профессора, в умеренном климате создаются наиболее оптимальные условия для жизнедеятельности людей: чтобы «иметь постоянный стимул в борьбе с природой, но не быть угнетенными этой борьбой» [14, с. 40].

Адаптация к среде обитания в умеренном климате происходит быстрее и завершается впечатляющими результатами, делал вывод М. М. Хвостов: «Природа заставляла древнейшего обитателя Греции бороться с собою, но в то же время делала эту борьбу вполне посильной. Такое положение оказалось в высшей степени благотворным для развития греческой культуры. Грек должен был изоощрять свой ум и имел в то же время достаточный досуг, достаточный запас сил для этой работы, чего не было бы, если бы он жил в более суровом климате или, напротив, в тропической стране, где все ему давалось бы почти даром. Можно сказать, – подчеркивал он, – что в холодных странах природа для человека – злая мачеха, в тропическом – мать-баловница, а для грека природа была матерью-воспитательницей» [14, с. 41].

Среди природно-экологических факторов Древней Греции, оказавшихся в поле зрения ученого, наибольшим вниманием были удостоены орография, или рельеф Балканского полуострова, и гидрография – влияние морей акватории Средиземноморья. Они наложили «весьма значительный отпечаток на эволюцию общества» Эллады в древности и оказали существенное воздействие на их историю [14, с. 42–45].

Обилие гор на Балканском полуострове, создавших «геологические богатства этой страны» в виде металлических руд, строительного камня и корабельного леса «сыграло в истории Греции двоякую роль», констатировал он. Разумеется, естественные кладовые стимулировали развитие ремесел, способствовали появлению разнообразных профессий. Однако горные цепи, даже «удобно проходимые», затрудняли контакты между «поселками», поощряли «крайний сепаратизм» (или, по крайней мере, партикуляризм) между отдельными частями Греции, который проявился в образовании «своеобразного типа государства» – полиса [14, с. 42]. Каждый полис, будь то поселок или городская община, жил «обособленной самостоятельной политической жизнью», гордился своей независимостью и противился синойкизму. «Три стимула», которые обычно «ведут человеческие общества к образованию больших государственных соединений» – экономические потребности, борьба с внешним врагом и «насильственное соединение» под эгидой превосходившего «своими силами или культурой» завоевателя – в Греции долгое время отсутствовали. Даже когда эти «стимулы» появлялись, их роль сводилась на нет горным рельефом, мешавшим преодолеть изолированность полисов и вселявшим ложную надежду на вечную природную защищенность от всех, даже самых грозных опасностей [14, с. 44].

«Сепаратистские и партикуляристские тенденции до такой степени вкоренились в характер греков», что и преимущества среды обитания, связанные с наличием моря, жители Балканского полуострова осознали не сразу. Даже выйдя «из первоначального приниженого положения по отношению к природе», они направили свои энергию и предприимчивость не для установления дружественных отношений с ближайшими соседями, а на разбойные экспедиции к берегам тех стран, чьи «природные дары» и «культурные богатства» казались им наиболее привлекательными [14, с. 45, 46].

Постепенно греки осознали важность «торговых сношений», мирного диалога с окружающими их народами, тем более что отсутствие возможности к удовлетворению насущных нужд населения, с одной стороны, и появление потребности в роскоши со все возрастающим уровнем жизни знати – с другой, превращали развитие морских коммуникаций в дело первоочередной важности. Одними из первых приступили к созданию торгового флота афиняне, страдавшие от нехватки хлеба из-за низкого плодородия земель Аттики.

Детально проанализировав «совокупное действие» всех факторов физической географии, М. М. Хвостов пришел к выводу о том, что разнообразие особенностей среды обитания древних греков стало решающим фактором формирования «разных типов культуры», возникших в прибрежных и внутренних областях Северной, Средней и Южной Греции. «Мы ви-

дели, – заключал он, – что по климату Греция распадается на много областей; почвенные условия, речная система тоже весьма разнообразны; холодные зимы в северных горах и в Аркадии и благодатный климат приморских и островных стран, бездождные восточные области и хорошо орошенные западные; плодородная Беотия... и бесплодная Аттика – таковы... контрасты, встречающиеся в Греции на небольшом пространстве, совсем рядом... Естественно, – утверждал профессор, – при разнообразных географических условиях и типы культуры получились очень различные» [14, с. 47].

М. М. Хвостов отнес Афины к «промышленно-торговому государству с высокоразвитой духовной жизнью» [14, с. 47], не объясняя при этом, как своеобразие природной среды определяет духовный компонент культуры того или иного народа.

Спарта была причислена к культурному типу «земледельческих государств с солдатским мировоззрением, узкими духовными интересами граждан» [14, с. 47], что вновь заставляет нас недоумевать, каким образом природа могла сообщить подобное психоэмоциональное состояние жителям Лаконики и Мессении.

Другие «оттенки разнообразных культурных типов», основу которых заложили не менее примечательные, чем в Афинах и Спарте, «географические условия», М. М. Хвостов перечисляет без особого интереса: к местам с культурным своеобразием были отнесены «Коринф, во многом напоминающий Афины; Беотия со своим зажиточным крестьянством; малоразвитое крестьянство Этолии... полупастушеское горное население Аркадии; подвижное торговое население островов и малоазийских колоний» [14, с. 47].

Не углубляясь более в проблему «культурных типов», М. М. Хвостов делает более удачную попытку использования природно-географических сведений Древней Греции для анализа социально-экономического развития полисов Древней Греции и интенсивность происходивших в них общественно-политических изменений в свете вмешательства постоянного и практически неизменного фактора исторической эволюции – влияния природной среды.

Отталкиваясь от очевидного факта: асинхронного развития полисов – М. М. Хвостов вновь проводит мысль о влиянии географического детерминизма на скорость вызревания всех процессов, характеризующих «историю состояний». В то время как в Афинах, Коринфе, Мегарах, на острове Эвбея и ионическом побережье Малой Азии бурными темпами, начиная с VII в. до н. э., шла «экономическая эволюция» (появлялись «торгово-промышленные центры», заинтересованные в развитии морской торговли и выведении колоний), области на севере и западе Греции сохраняли черты «более примитивных отношений» [14, с. 128].

Длительное существование консервативных общественно-политических порядков в названных районах Греции и, напротив, бурные изменения в социальном строе и политическом быте экономически развитых полисов М. М. Хвостов был склонен объяснять отношением карликовых замкнутых общин Балканского полуострова к «экономическому перевороту» [14, с. 126], который, в свою очередь, был инициирован влиянием природно-географических условий. Они выполняли роль катализатора социально-экономических процессов как для обитателей малоплодородных засушливых местностей (наподобие Афин и Мегар), так и жителей, стесненных горами и морями территорий (вроде Коринфа), где природа возвела преграды естественному приросту населения и обеспечению его жизненно необходимыми средствами существования. Население, вынужденное искать для себя дополнительные источники пропитания, приобщалось к ремеслам и торговле в надежде на обретение дохода, позволявшего восполнить нехватку продуктов их приобретением на рынках Средиземноморья.

«Особенно успешно развивались промышленность и торговля, если данная местность была богата какими-либо ценными сырыми продуктами, – замечал М. М. Хвостов, – медью (около Халкиды на Эвбее), шерстью... овец, глиной (в Коринфе и Аттике), солью, мрамором (в Аттике)». Здесь в VII–VI вв. до н. э. сугубо земледельческие поселения начали превращаться в более или менее значительные «торгово-промышленные центры» [14, с. 39, 126].

Чем больше «местность была захвачена торговым обменом, тем более здесь росла буржуазия, становившаяся в оппозицию к старой знати. Эта буржуазная оппозиция колебала патриархальные отношения крестьянства к землевладельческой знати; авторитет старого аристократического режима был потрясен. Торжествовала в этой борьбе или новая буржуазия, устанавливая свое классовое господство (разные виды олигархии), или же в некоторых местностях (Афины) восторжествовали более широкие демократические круги. И в местностях, в меньшей степени захваченных хозяйственным переворотом... (Арголида, города Беотии), возникала демократическая оппозиция, но она долго не имела успеха: аристократия, делая некоторые

уступки, все же удерживалась у власти до V в. и позднее временно возвращает себе господство (особенно упорно боролась олигархия в беотийских городах)» [14, с. 129].

Так представлял себе М. М. Хвостов общественно-политическое развитие греческих полисов в свете концепции географического детерминизма.

Нетрудно заметить, что историческая эволюция мира греческих полисов и даже уникальность древнегреческой культуры были поставлены в прямую зависимость от естественных условий обитания эллинов. Акцентуация значимости природно-экологической обстановки в генезисе и развитии древнегреческой цивилизации была настолько навязчивой, что невольно возникали сомнения в наличии еще каких-нибудь факторов, которые с такой же силой, как природное окружение, могли бы предопределить ее историко-культурный маршрут.

Словно подбрасывая нам дополнительные поводы для возражений, ученый подытоживал: «Рассмотрение первого из основных факторов общественной эволюции в применении к греческим обществам – а именно природы – в значительной степени объясняет нам, почему маленький народец, совершенно теряющийся на карте земного шара, обнаружил такой быстрый и такой многообразный культурный рост» [14, с. 48].

Влияние «благоприятных климатических условий... посильных даже для малокультурного человека в его борьбе за существование» [14, с. 124], по убеждению М. М. Хвостова, прослеживается и на Древнем Востоке [15, с. 65]. Так, появление «первых и ранних культур» в долине Нила, Месопотамии, в Индии и Китае он объяснял тем, что эти культуры сложились в особом географическом пространстве – «теплой полосе», которая находилась между 40-й и 23-й параллелями, между изотермами с показателями 20 и 26 градусов тепла соответственно. Только в Древнем Китае температурный режим был менее мягким и напоминал климат в Древней Греции: в Поднебесной среднегодовые температуры колебались в пределах 15–20 градусов тепла [15, с. 13].

При конкретизации этой общей информации, в частности, при разборе погодных условий Древнего Египта, М. М. Хвостов был вынужден признать, что климат в стране фараонов был вовсе не теплый, а даже «очень сухой и жаркий»: «страшно сухой и горячий ветер», дующий с пустыни Хамсин с начала весны, раскалял воздух до 46–50 градусов [15, с. 69].

Подправляя опрометчивый вывод о теплом климате как идеальном факторе создания первых цивилизаций [14, с. 40, 48; 15, с. 13], М. М. Хвостов объяснял, что применительно к древневосточным культурам следует принимать во внимание не только благоприятный климатический фон [17, с. 47], но еще и «присутствие больших рек», которые во время половодий придавали «значительное плодородие» речным долинам. Возможность прокормиться на таких территориях и притягивала сюда людей со всех окрестных земель, начиная с самой далекой древности.

Научившись со временем приспосабливаться к разливам рек, человек взял под контроль разгул речной стихии, а «изошрив свой ум» в деле создания ирригационных сооружений, смог поднять плодородие на искусственно орошаемых круглый год полях. Таким образом, «присутствие больших рек было толчком, который заставлял человека перейти к более высокой культуре» [15, с. 14]. Делая такой вывод, М. М. Хвостов имел в виду не только достижение в ходе экономической эволюции более высокого уровня материальной культуры: совершенствование сельскохозяйственной техники, накопление астрономических или любых других полезных для земледельцев знаний. Гораздо важнее для него была констатация положительной динамики в сфере развития общественных отношений. По его рассуждениям, опиравшимся на сведения авторитетных специалистов, борьба за существование, вступление в компромисс с природой изменяли и сами земледельческие коллективы в сторону большей консолидации, сознательной интеграции. «Люди должны были селиться не поодиночке и не маленькими группами, а соединяться в значительные организации, – размышлял М. М. Хвостов, – потому что только такими соединениями возможно было бороться с данными природными условиями»: ежегодными разливами рек, которые без вмешательства в их календарные ритмы либо превращались в «чумные болота», либо выступали в роли убийц земледельцев и разрушителей их жилищ» [15, с. 14, 71].

Ссылаясь на работу Л. И. Мечникова «Цивилизации и великие исторические реки» [17, с. 43], М. М. Хвостов вновь проводил важную для его сознания мысль о влиянии географической среды на характер общественных отношений и даже форму государственного устройства в древности. Разливы рек, вынуждавшие местное население создавать ирригационные сооружения, вызывали к жизни «раннюю потребность в коллективной работе, раннее разви-

тие общественной солидарности, раннее появление государственной организации» [17, с. 47]. Причем, если в Китае разливы Хуанхэ в состоянии были регулировать «семейные и общинные союзы, сравнительно слабо связанные между собой», то в Египте подобные малочисленные объединения были неэффективными [17, с. 48].

Обращение Нильской долины в «культурную область» потребовало «необычайного напряжения сил... Естественные родовые соединения оказывались не в состоянии выполнить эту грандиозную задачу. Приходилось образовывать более значительные государственные соединения» [15, с. 71]. Путем «обоюдного согласия» или при помощи принуждения принималось решение о создании «мелких государственных соединений» – номов. Они, в свою очередь, объединялись в «более значительные организации в целях более равномерного пользования Нилом», в царства Верхнего и Нижнего Египта [15, с. 72, 77]. При фараоне I династии Менесе объединительный процесс был завершен, хотя он растянулся на тысячелетия, трудно усомниться в том, заверял М. М. Хвостов, что «объединительным стимулом» для создания единого государства в Египте явилась «борьба с Нилом, работы по урегулированию его течения» [15, с. 99, 100].

Следовательно, в отношении Древнеегипетского государства можно было с уверенностью говорить, что оно «создавалось, главным образом, под влиянием окружающих географических условий», а именно: Египет стал даром Нила [15, с. 68, 77].

При анализе природно-климатических показателей второй крупнейшей речной цивилизации Древнего Востока – Вавилонской [15, с. 228, 230] М. М. Хвостову вновь пришлось корректировать вывод о мягком климате как гаранте быстрого культурного развития первобытных народов.

Возникнув на аллювиальных почвах Тигра и Евфрата, «в южных частях Междуречья», Вавилония испытала на себе все тяготы малопригодного для жизни климата: температура в летние месяцы достигала здесь 50 и даже 60 градусов. «Выше этой температуры на земном шаре не наблюдается», – отмечал профессор. Невыносимый зной в сочетании с заболоченностью почв порождал «лихорадки и другие болезни» [15, с. 229].

Пытаясь разобраться, «почему культура развилась так рано именно в такой... неблагоприятной местности», он давал следующий ответ. Природа, сопротивляясь человеку и вызывая его на борьбу с собой, «заставляла население напрягать свои силы, чтобы улучшить условия своего существования. Борясь с природой, население постепенно выходило из первобытного состояния, совершенствовало свои умственные силы и улучшало средства для борьбы с неблагоприятными природными условиями. В то же время, – заключал М. М. Хвостов, руководствуясь уже известными нам социологическими обобщениями, – эти условия были не настолько непреодолимы, чтобы приостановить культурное развитие». К тому же природа еще и щедро награждала за потраченные первыми поселенцами усилия по адаптации к ее суровому нраву [15, с. 230].

Как и в Египте, «забота об ирригации» и «правильном распределении влаги» стала главной обязанностью «первых общественных соединений», схематично излагал М. М. Хвостов признававшуюся сообществом историков версию процесса эволюции социально-политических образований на Древнем Востоке. Эти «общественные соединения» рано «приняли... городскую форму» в виде надежных укреплений, необходимых главным образом для защиты населения «от соседних кочевников и горцев Элама». Таким образом, появление городов стало следствием природной незащищенности Месопотамии: в отличие от Египта, отгородившегося от врагов пустынями, территория Междуречья не имела «изолированности» от воинственных соседей и со всех сторон была доступна для их вторжения [15, с. 230].

Города вместе с прилегавшими к ним территориями образовывали небольшие государства, правители (патеси) которых противились интеграционным процессам. Аналогичная ситуация долгое время сохранялась и в Египте. Но если в стране фараонов номы подчинились верховной власти, позволив ей превратить единое государство в централизованную монархию, то в Месопотамии тенденция к сепаратизму была выражена значительно сильнее.

М. М. Хвостов объясняет эту специфику внутривосточного развития Месопотамии отсутствием потребности в создании единой ирригационной системы в масштабе всей страны. Две реки, «разветвлявшиеся на несколько рукавов и имевшие несколько притоков», не порождали стимул для объединения круга земель, во главе которых находились независимые местные патеси. Поэтому «раздробленность наблюдается здесь на протяжении большого периода времени. Объединение долго ограничивается образованием мелких городов-государств, кото-

рые борются между собой» [15, с. 234]. Только Саргону (середина III тысячелетия до н. э.) и Хаммурапи (начало II тысячелетия до н. э.) после продолжительной борьбы удалось на время преодолеть автономию местных «царьков» и создать «консолидированные государства» [15, с. 236, 237, 255].

Комментируя это объяснение особенностей государственного устройства Месопотамии, мы вновь, как и в случаях с Древней Грецией и Древним Египтом, можем лишь сказать, что М. М. Хвостов на своих лекционных занятиях последовательно претворял в жизнь идеи антропогеографии. Историческая судьба народа была предопределена его природным окружением.

Кроме того, в любом удобном случае профессор стремился подчеркнуть зависимость темпов «культурного развития» изучавшегося народа от «стеснительных» или, напротив, стимулирующих условий физической среды. К примеру, рассуждая о том, почему «горная страна Армения... никогда не достигала значительного развития культуры», он отмечал прежде всего неудачный для стремительного движения вперед выбор ее местоположения. Местность в верхнем течении Тигра и Евфрата, где создавалась культура Армении, была «в общем плодородная, но ввиду своего гористого характера, сравнительной удаленности от культурных центров и, наоборот, доступности... для диких народов Кавказа», не способствовала тому, чтобы Армянское царство «особенно высоко... стояло по уровню культуры» [15, с. 227, 228].

Невыносимые для жизни условия существования людей, сопровождавшиеся к тому же изоляцией от окружающего мира, являлись непреодолимыми причинами неразвитости как этой группы людей, так и создававшейся ими культуры. Это наблюдение было сделано М. М. Хвостовым применительно к аборигенам восточной части центральной Африки, заселившим верховья Нила. «Здесь обитают совершенно дикие племена, – утверждал он, – среди которых встречаются даже антропофаги. Культура этих туземцев ныне вряд ли много выше той, которая была у них в древнее время. Причина такого низкого уровня культуры, – объяснял профессор, – нездоровый климат местности»: его создавали болота – источник тропических болезней и тяжелых видов лихорадки. «Если бы Нил на всем своем протяжении имел такой же характер, – восклицал М. М. Хвостов, – то египетская культура, вероятно, не могла бы развиваться» [13, с. 13; 15, с. 65].

С ним, конечно, можно было бы согласиться, если не принимать во внимание описание характера природной среды в нижней Месопотамии. Автор почти в тех же выражениях охарактеризовал среду обитания в верховьях Нила и низовьях Тигра и Евфрата. Но если в первом случае он трактовал ее как тормоз для общественного развития, то во втором сумел найти подходящие, как ему казалось, аргументы для объяснения причин преодоления шумерийцами суровости природы и приспособления к ее свирепому нраву. Среди аргументов мы не найдем сведений из этнопсихологии, хотя, казалось бы, с позиций «национального характера» или «национального духа» [17, с. 49] можно было смело высказать предположения о том, почему в одних и тех же обстоятельствах ряд народов древности боролись за свое выживание, а другие безропотно подчинялись природному порядку, превращаясь в его безвольных рабов.

Как выясняется, М. М. Хвостов сознательно избегал этих ненаучных, в его понимании, абстракций, которые к тому же в тезаурусе обществознания начала XX в. выглядели рудиментами научной мысли [17, с. 49]. Он интуитивно ощущал, что путь к разгадке многих тайн истории лежит в плоскости расовой проблематики, так как расы появились в ходе приспособления человечества к условиям своего обитания. «Под расой следует разумеать основные типы человеческой породы, различающиеся физическими и, быть может, психическими признаками, – цитировал он работу «известного антрополога Топинара» «О расе в антропологии» [17, с. 49].

В то же время встречавшиеся в науке попытки расовой дискриминации, которые выражались в делении народов на «избранных» и «отверженных» [17, с. 72], наряду с пропагандой решающего воздействия расового фактора на историческое и культурное развитие народов Земли, заставили М. М. Хвостова решительно отказаться от изложения расовой теории в своем лекционном курсе по методологии и философии истории. Альтернативой использованию понятия «раса» и образованных от него словосочетаний: «чистая раса», «первичная раса», «первоначальная раса» – по мнению профессора, могло бы стать понятие «национальность». Его «конкретность» и несводимость к антропологическим измерениям и биологическим классификациям казались ему более приемлемыми при объяснении «сложного исторического процесса», поэтому «национальные особенности», а не «расу» и не «народный дух», он был готов рассматривать среди факторов общественной эволюции [17, с. 49–51].

Однако абсолютно избавиться от популярного в лексиконе обществоведов рубежа XIX–XX вв. термина «раса» М. М. Хвостов не смог, хотя и предпринимал попытки заменить его менее провокативными и дискуссионными [2, с. 192] словами из демографической сферы: племя, народ, народность, этнос, национальность, нация. В привычной релятивистской манере он подменяет один термин другим или использует их как синонимы для одного и того же историко-культурного контекста [13, с. 15; 17, с. 72]. О некорректности обнаружения в древних цивилизациях национальностей или наций у него не возникало и мысли, так как он руководствовался общепринятыми лишенными темпоральной определенности представлениями о национальности как о «более или менее значительной группе индивидов, объединенных совместной жизнью... и главным образом языком». Представителей одной национальности, образовавшейся при «смешении рас», также отличает общность физических и психических особенностей, которые сложились в ходе длительной исторической эволюции [17, с. 49–51].

Дистанцируясь от сторонников биологического подхода в социологии, М. М. Хвостов тем не менее указывал на культурную неоднородность человечества, но связывал эти «национальные» различия не с принадлежностью народов к определенному физическому типу (расе), а с исходными условиями генезиса культуры, своеобразие которой, по его соображениям, обуславливалось объективными различиями внешней среды ее формирования. К воздействию географического ландшафта позже могли подключаться разнообразные исторические факторы, прежде всего, преодоление народами своей первоначальной пространственной замкнутости (или изолированности) и установление постоянных взаимоотношений с соседними племенами. Хозяйственно-экономические и культурные контакты, в свою очередь, превращались в мощный стимул их развития, так как «чем дальше прогрессируют... культуры, тем более они влияют друг на друга, и это обстоятельство способствовало их [неуклонному. – М. Н., Т. П.] прогрессу» [15, с. 14, 15, 142, 171, 261].

Увлеченный изучением социально-экономических процессов в Древнем мире, М. М. Хвостов не стремился углубляться в вопросы малопонятные и малознакомые ему: психический склад населения, роль языка, традиций и обычаев, ценностей группового существования в ходе этно- и социогенеза – остались вне сферы его внимания. К ним он никогда не проявлял должного интереса.

Заключение. В ходе исследования мы выяснили, какое важное значение в историческом процессе М. М. Хвостов придавал географическому фактору. Природно-экологическая среда, по его представлениям, была исходным «элементом» генезиса культур Древнего мира, способным предопределить темпы, интенсивность, направленность, специфические особенности их последующего историко-культурного развития, в том числе и принадлежность к западному или восточному типу цивилизаций.

Став адептом идеи географического детерминизма исторического процесса, М. М. Хвостов нередко преувеличивал решающее влияние среды обитания на экономический уклад, характер общественных отношений и государственного устройства, результаты социокультурных изменений у народов Древнего мира. Однако его нельзя упрекнуть в том, что он недооценивал другие, не менее существенные «силы», ответственные за «общественную эволюцию». Среди них были разнообразные «потребности»: материальные, политико-правовые, интеллектуальные, религиозные, альтруистические [16, с. 101]. Новые потребности, возникавшие на каждом новом этапе исторического развития народов древности, сами становились мощными стимулами дальнейших преобразований и, прежде всего, в социально-экономических структурах и процессах, к которым было приковано самое пристальное внимание историка.

Изучая один из наиболее устойчивых и длительных факторов «общественной эволюции» – естественные условия обитания народов Древнего мира, М. М. Хвостов указал на необходимость осуществления исторического синтеза с комплексом социогуманитарных и естественнонаучных дисциплин: географией, демографией, социологией, социальной психологией. Плодотворность заимствования их эмпирических знаний и теоретического арсенала в виде идей, концепций, подходов к изучению древнейших и малоинформативных периодов истории человечества обогащала, по его мнению, историографию, давала новые направления историческим исследованиям, открывала дополнительные возможности для обстоятельных и объективных исторических реконструкций.

Ученый высоко оценивал и потенциал антропогеографии, позже дискредитированной марксизмом, привлекая теоретико-познавательные принципы Ф. Ратцеля для обоснования

историко-культурного своеобразия полисов Древней Греции. Ориентируясь на успехи европейской, главным образом немецкой, науки, изучавшей прошлое человечества, М. М. Хвостов не игнорировал достижения и своих соотечественников, в частности, Л. И. Мечникова при интерпретации скудных фактов о зарождении первых цивилизаций в бассейнах крупных рек Африки и Азии.

Сравнение работ Ф. Ратцеля и Л. И. Мечникова не могло не убедить профессора в том, что процессы историко-культурного развития в гористой Греции с умеренным климатом и в крупных речных цивилизациях Востока происходили по-разному. В Греции решающее значение имели климат, орография и гидрография, на Древнем Востоке с жарким погодным режимом и плоскими, не защищенными от врагов равнинами, главную роль играли формы социального поведения людей, позволившие им адаптироваться к суровым условиям жизни, и организационные усилия правителей, сумевших объединить и мобилизовать население на создание ирригационного земледелия в масштабе всего государства.

Это столь очевидное сравнение подсказывало ученому ошибочность его вывода о доминирующем влиянии благоприятного климата на генезис древних цивилизаций, но не заставило внести коррективы в тексты лекций, где продолжали жить своей жизнью и устаревшие представления, и контрастирующие с ними его новые научные взгляды.

М. М. Хвостов догадывался о том, что сложный процесс социогенеза и становления первых культурно-исторических общностей зависел не только от природного фактора, но и от других причин: расовой принадлежности народа, особенностей «национального характера» и других. Однако репрезентативных источников и надежных исследований на этот счет он не имел, поэтому ограничился изложением самой понятной и достоверной, на его взгляд, информации о процессах этно- и социогенеза.

От этой информации не следовало ждать ни новизны, ни каких-либо прорывных выводов, так как сведения, которые собрал, систематизировал и проанализировал М. М. Хвостов, были предназначены для студентов, а не для «ученого сословия». Сегодня материалы о природно-географическом факторе исторического развития в изложении казанского профессора представляют интерес, главным образом, в двух аспектах: как свидетельства уровня развития исторической науки в начале XX столетия и как источник изучения истории высшего образования, особенно в российской провинции накануне Октябрьского вооруженного переворота.

М. М. Хвостову вместе с тем удалось имплицировать мысль о необходимости дальнейших серьезных исследований в таких областях науки, как расоведение, этнопсихология, историческая география: без их помощи добиться крупных успехов в изучении проблемы взаимосвязи и взаимообусловленности историко-культурных процессов, проходивших в социуме и его природном окружении, не представлялось возможным.

Список литературы

1. Бессмертный Ю. Л., Хвостова К. В. М. М. Хвостов и его взгляды на историю западноевропейского крестьянства (по материалам неопубликованного курса лекций) // История и историки. Историографический ежегодник. 1977 / отв. ред. М. В. Нечкина. М. : Наука, 1980. С. 322–345.
2. Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории / пер. с фр. А. Серебряковой. СПб. : Склад изданий и книжный магазин для иногородних О. Н. Поповой, 1899. 275 с.
3. Матвеева И. Н. К вопросу о научной и педагогической деятельности М. М. Хвостова // Вопросы историографии всеобщей истории. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1968. Вып. 3. С. 145–153.
4. Матвеева И. Н. К вопросу об общей концепции эллинизма в трудах М. М. Хвостова в свете изучения эллинистической истории на рубеже XIX–XX веков // Вопросы историографии всеобщей истории. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1969. Вып. 4. С. 123–130.
5. Нечухрин А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. – 1917 г.). Гродно : ГрГУ, 2003. 349 с.
6. Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Концепты «общество» и «эволюция» в трактовке М. М. Хвостова // Вестник гуманитарного образования. 2021. № 1 (21). С. 7–16.
7. Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Особенности научного мировоззрения М. М. Хвостова // Вестник Московского университета. 2020. № 4. С. 56–74.
8. Новиков М. В., Перфилова Т. Б. «Это был человек труда»: памяти М. М. Хвостова // Вопросы истории. 2020. № 10. С. 166–173.
9. Рамазанов С. П. Кризис в российской историографии начала XX века : в 2 ч. Ч. 1. Постановка и попытка решения проблемы. Волгоград : Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 1999. 144 с.
10. Путный Э. К. Изучение истории Древней Греции // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 3 / под ред. М. В. Нечкиной и др. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 374–396.

11. Фролов Э. Д. Русская наука об античности. СПб. : Изд-во СПбУ, 1999. Гл. 7, 8. С. 175–396.
12. Хаминов Д. В. Историческая наука в Сибири и организация сибиреведческих исследований в период революции, гражданской войны и первых лет советской власти (1917 г. – середина 1920-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 352. С. 111–116.
13. Хвостов М. М. Исследования по истории обмена в эпоху эллинистических монархий и Римской империи. I. История восточной торговли греко-римского Египта (332 г. до Р. Х. – 284 г. по Р. Х.). Казань : Типолитография Императорского университета, 1907. 479 с.
14. Хвостов М. М. История Греции. Лекции, читанные в Казанском университете и на Казанских высших женских курсах / под ред. Г. Пригоровского. Изд. 2-е, доп. М. : Государственное изд-во, 1924. 262 с.
15. Хвостов М. М. История Древнего Востока / под ред. Г. Пригоровского. Изд. 2-е. Ленинград : Государственное изд-во, 1927. 275 с.
16. Хвостов М. М. К вопросу о задачах истории: сб. статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню 30-летия его профессорской деятельности в Московском университете (5 декабря 1879 – 5 декабря 1909 года). М. : Тов-во «Печатня С. П. Яковлева», 1909. С. 791–824.
17. Хвостов М. М. Лекции по методологии и философии истории. Изд. 2-е. М. : Книжный дом «Либроком», 2011. 104 с. (Академия фундаментальных исследований: история.)
18. Хмылёв Л. Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX в. Томск : Изд-во ТГУ, 1978. 172 с.
19. Шофман А. С. Михаил Михайлович Хвостов. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1979. 112 с.

The natural environment as an initial factor of the sociogenesis of ancient civilizations: interpretation by M. M. Hvostov

M. V. Novikov¹, T. B. Perfilova²

¹Doctor of Historical Sciences, professor, Head of the Department of Theory and Methodology
of Vocational Education, Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky.
Russia, Yaroslavl. ORCID: 0000-0002-2013-1919. Researcher ID: AAD-2635-2019. E-mail: m.novikov@yspu.org

²Doctor of Historical Sciences, professor, leading researcher,
Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky.
Russia, Yaroslavl. ORCID: 0000-0002-2498-8688. E-mail: m.novikov@yspu.org

Abstract. The problem of the influence of the natural territorial complex on the historical and cultural development of the peoples of the Ancient World is considered in the interpretation of M. M. Khvostov, from the position of geographical determinism, which studied the dependence of the features of the "social evolution" of ancient civilizations on the nature of the natural environment. The separation of the geographical approach from the historical one in the interpretation of the historical process was explained by Khvostov by the fact that the sciences of society are primarily important "the results that are obtained from the impact of nature on human societies." It is noted that to evaluate these results, the scientist used the research of reputable European and Russian experts. Becoming an adept of anthropogeography, he applied the ideas of F. Ratzel's interpretation of the history and culture of the ancient Greeks. Khvostov managed to prove that the speed, intensity, direction and results of the processes of internal development of the ancient Greeks, including the "types of culture" that arose in Hellas, were determined by a set of natural indicators such as climate, orography, hydrography. Works of L. I. Mechnikov formed the basis of Khvostov's reflections on the initial conditions of the formation of civilizations in the Ancient East. According to Khvostov, the direct dependence on the geographical factor of socio-economic and political-administrative ways of life in large river civilizations was expressed in the forms of social behavior of the population aimed at adapting to the habitat, and the organizational efforts of the ancient Egyptian and Mesopotamian rulers to create and maintain irrigation facilities in order. Attention is drawn to the fact that the professor exaggerated the role of a favorable climate in the processes of ethno- and sociogenesis among European and Eastern peoples of antiquity. And although his own research pointed to the fallacy of the statement about the "temperate climate" as the best habitat, he did not make adjustments to the educational publications. It is emphasized that Khvostov failed to link the diversity of the development processes of ancient peoples with socio-cultural factors, but he was able to determine the directions of studying the influence of natural factors in historical discourse.

Keywords: factor approach, natural-geographical factor, geographical determinism, anthropogeography, culture (civilization), habitat, historical process, "national character", race, interdependence of nature and society.

References

1. Bessmertnyj Yu. L., Hvostova K. V. M. *M. Hvostov i ego vzglyady na istoriyu zapadnoevropejskogo krest'yanstva (po materialam neopublikovannogo kursa lekcij)* [M. M. Khvostov and his views on the history of the Western European peasantry (based on the materials of an unpublished course of lectures)] // *Istoriya i istoriki. Istoriograficheskij ezhegodnik. 1977* – History and Historians. Historiographical yearbook. 1977 / ed. by M. V. Nechkin. M. Nauka (Science). 1980. Pp. 322–345.
2. *Langlua Sh.-V., Sen'obos Sh. Vvedenie v izuchenie istorii* [Introduction to the study of history] / transl. from Fr. by A. Serebryakova. SPb. A warehouse of publications and a bookstore for nonresidents of O. N. Popova. 1899. 275 p.
3. Matveeva I. N. *K voprosu o nauchnoj i pedagogicheskoj deyatel'nosti M. M. Hvostova* [On the question of scientific and pedagogical activity of M. M. Khvostov] // *Voprosy istoriografii vseobshchej istorii* – Questions of historiography of universal history. Kazan. Kazan University. 1968. Is. 3. Pp. 145–153.
4. Matveeva I. N. *K voprosu ob obshchej koncepcii ellinizma v trudah M. M. Hvostova v svete izucheniya ellinisticheskoy istorii na rubezhe XIX–XX vekov* [On the question of the general concept of Hellenism in the works of M. M. Khvostov in the light of the study of Hellenistic history at the turn of the XIX–XX centuries] // *Voprosy istoriografii vseobshchej istorii* – Questions of historiography of universal history. Kazan. Kazan University, 1969. Is. 4. Pp. 123–130.
5. Nechuhryn A. N. *Teoretiko-metodologicheskie osnovy rossijskoj pozitivistskoj istoriografii (80-e gg. XIX v. – 1917 g.)* [Theoretical and methodological foundations of Russian positivist historiography (the 80s of the XIX century – 1917)]. Grodno. GrSU. 2003. 349 p.
6. Novikov M. V., Perfilova T. B. *Koncepty "obshchestvo" i "evolyuciya" v traktovke M. M. Hvostova* [Concepts of "society" and "evolution" in the interpretation of M. M. Khvostov] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* – Herald of Humanitarian Education. 2021. No. 1 (21). Pp. 7–16.
7. Novikov M. V., Perfilova T. B. *Osobennosti nauchnogo mirovozzreniya M. M. Hvostova* [Features of M. M. Khvostov's scientific worldview] // *Vestnik Moskovskogo universiteta* – Herald of the Moscow University. 2020. No. 4. Pp. 56–74.
8. Novikov M. V., Perfilova T. B. *"Eto byl chelovek truda": pamyati M. M. Hvostova* ["It was a man of labor": in memory of M. M. Khvostov] // *Voprosy istorii* – Questions of history. 2020. No. 10. Pp. 166–173.
9. Ramazanov S. P. *Krizis v rossijskoj istoriografii nachala XX veka : v 2 ch. Ch. 1. Postanovka i popytka resheniya problemy* [The crisis in Russian historiography of the early twentieth century : in 2 parts. Part 1. Statement and attempt to solve the problem]. Volgograd. Volgograd State University. 1999. 144 p.
10. Putnyn' E. K. *Izuchenie istorii Drevnej Grecii* [Studying the history of Ancient Greece] // *Ocherki istorii istoricheskoy nauki v SSSR. T. 3* – Essays on the history of historical science in the USSR. Vol. 3 / ed. by M. V. Nechkina et al. M. Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 1963. Pp. 374–396.
11. Frolov E. D. *Russkaya nauka ob antichnosti* [Russian Science of Antiquity]. SPb. SPbU. 1999. Ch. 7, 8. Pp. 175–396.
12. Haminov D. V. *Istoricheskaya nauka v Sibiri i organizaciya sibirevedcheskih issledovanij v period revolyucii, grazhdanskoj vojny i pervyh let sovetskoj vlasti (1917 g. – seredina 1920-h gg.)* [Historical science in Siberia and the organization of Siberian studies during the revolution, the Civil War and the first years of Soviet power (1917 – mid 1920s)] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Tomsk State University. 2011. No. 352. Pp. 111–116.
13. Hvostov M. M. *Issledovaniya po istorii obmena v epohu ellinisticheskikh monarhij i Rimskoj imperii. I. Istoriya vostochnoj trgovli greko-rimskogo Egipta (332 g. do R. H. – 284 g. po R. H.)* [Studies on the history of exchange in the era of Hellenistic monarchies and the Roman Empire. I. History of Eastern trade of Greco-Roman Egypt (332 BC – 284 BC)]. Kazan. Typolithography of the Imperial University. 1907. 479 p.
14. Hvostov M. M. *Istoriya Grecii. Lekcii, chitannye v Kazanskom universitete i na Kazanskikh vysshih zhen-skich kursah* [History of Greece. Lectures delivered at Kazan University and at Kazan higher women's courses] / ed. by G. Prigorovsky. Ed. 2nd, add. M. State Publishing House. 1924. 262 p.
15. Hvostov M. M. *Istoriya Drevnego Vostoka* [The History of the Ancient East] / ed. by G. Prigorovsky. Ed. 2nd. Leningrad. State Publishing House. 1927. 275 p.
16. Hvostov M. M. *K voprosu o zadachah istorii: sb. statej, posvyashchennyh Vasiliyu Osipovichu Klyuchevskomu ego uchenikami, druž'yami i pochitatel'yami ko dnyu 30-letiya ego professorskoj deyatel'nosti v Moskovskom universitete (5 dekabrya 1879 – 5 dekabrya 1909 goda)* [On the question of the tasks of history: collection of articles dedicated to Vasily Osipovich Klyuchevsky by his students, friends and admirers on the day of the 30th anniversary of his professorial activity at Moscow University (December 5, 1879 – December 5, 1909)]. M. Comrade "Printing House of S. P. Yakovlev". 1909. Pp. 791–824.
17. Hvostov M. M. *Lekcii po metodologii i filosofii istorii. Izd. 2-e.* [Lectures on methodology and philosophy of history. Ed. 2nd]. M. Book House "Librocom", 2011. 104 p. (Academy of Fundamental Research: history.)
18. Hmylyov L. N. *Problemy metodologii istorii v russkoj burzhuaznoj istoriografii konca XIX – nachala XX v.* [Problems of methodology of history in Russian bourgeois historiography of the late XIX – early XX century]. Tomsk. TSU. 1978. 172 p.
19. Shofman A. S. *Mihail Mihajlovich Hvostov* [Mikhail Mikhailovich Khvostov]. Kazan. Kazan University. 1979. 112 p.

Научное измерение экономических истоков холодной войны

А. И. Сенников

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник кафедры истории и политических наук,
Вятский государственный университет.

Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0001-9329-2839. Researcher ID: I-4292-2018. E-mail: usr12154@vyatsu.ru

Аннотация. Поводом для подготовки данной статьи стал выход в свет монографии К. В. Минковой «Экономические истоки холодной войны: советско-американские отношения в 1943–1947 гг.», в которой представлены результаты многолетней работы, посвященной эволюции взаимодействия СССР и США в области двустороннего и международного экономического сотрудничества в годы Второй мировой войны и на начальном этапе холодной войны. Отмечается, что исследование основывается на широком круге отечественных и зарубежных архивных документов и материалов, источниках личного происхождения и материалах средств массовой информации. К. В. Минкова показывает, как экономические проблемы, зародившиеся в годы Второй мировой войны, стали одной из причин холодной войны. В книге рассмотрен ряд ключевых сюжетов: роль лидеров СССР и США в решении экономических вопросов; значение дипломатов и аналитиков ведущих государственных ведомств в выработке экономической политики; эволюция представлений советских и американских политиков о будущем устройстве мира; проблема ленд-лиза, включая дискуссии о способах и порядке компенсации и выплатах; отношение СССР к участию в институтах Бреттон-Вудской экономической системы; переговоры о предоставлении послевоенного кредита для восстановления советского народного хозяйства; план Маршалла и его последствия для советско-американских и международных отношений; роль, которую играло общественное мнение США в экономическом сотрудничестве двух государств. Исследователь показывает динамику «сплетения» экономических вопросов в комплексную проблему, предопределившую «взаимное отталкивание» США и СССР и начало холодной войны.

Ключевые слова: холодная война, советско-американские отношения, экономическое сотрудничество, И. В. Сталин, Ф. Рузвельт, Г. Трумэн.

В 2021 г. в Санкт-Петербурге в издательстве «Скифия-принт» вышла монография «Экономические истоки холодной войны: советско-американские отношения в 1943–1947 гг.», посвященная одной из ключевых проблем советско-американских отношений в годы Второй мировой войны и первых послевоенных лет – советско-американским экономическим отношениям. Автор этого труда Кристина Владимировна Минкова поставила перед собой цель «установить причины провала советско-американского экономического сотрудничества в двустороннем и многостороннем формате и определить значения этого провала в нарастании советско-американской конфронтации в первые послевоенные годы» [2, с. 10]. В книге представлен всесторонний анализ экономических взаимоотношений между США и СССР, призванный сбалансировать существующий в настоящий момент перекося в изучении холодной войны в сторону военно-политического противостояния двух полюсов послевоенной системы международных отношений.

С точки зрения современной историографии генезиса холодной войны работа Минковой является актуальной ввиду продолжающихся споров в историческом сообществе относительно истоков этого феномена. Сохраняется, как справедливо отмечает автор, необходимость «отстаивать историческую правду, как о решающей роли Советского Союза в борьбе с фашистской Германией, так и о его вкладе в создание послевоенного миропорядка» [2, с. 7].

Как известно, холодная война складывалась не одномоментно, и руководители стран победоносного антигитлеровского альянса приступили к подготовке планов послевоенного устройства мира задолго до Победы [3, с. 53]. Поэтому новый и свежий взгляд на сотрудничество СССР и США в годы Великой Отечественной войны и его постепенное затухание после окончания Второй мировой войны, а также на экономические причины начала конфронтации представляется важным и своевременным.

К. В. Минкова успешно проанализировала историографию изучаемой темы, использовала актуальные источники, многие из которых ранее не вводились в научный оборот. Изучены мно-

гочисленные сборники документов советских и российских органов власти, американских, британских, канадских и французских (на английском языке) издательств, электронные архивные коллекции. Широко представлены документы из Архива внешней политики Российской Федерации, Российского государственного архива экономики, Российского государственного архива социально-политической истории, архивов президентских библиотек США Ф. Рузвельта и Г. Трумэна, архивных фондов ряда американских университетов и библиотеки Конгресса США. Основательно проработаны документы личного происхождения (мемуары, дневниковые записи) советских и американских политиков, статьи из советских и американских газет и журналов.

Монография состоит из восьми глав, охватывающих события 1939–1947 гг. Предметом скрупулезного анализа становится широкий спектр проблем, от глобальных (сотрудничество в борьбе против гитлеровской агрессии, выработка сценариев послевоенного мироустройства, в том числе их экономической компоненты) до специфических двусторонних (расчеты по ленд-лизу, переговоры о предоставлении Соединенными Штатами кредита на послевоенное восстановление советской экономики, интересы американских фирм в СССР, роль общественного мнения в формировании экономической повестки двусторонних отношений). Представляется справедливым выбранная автором методология исследования: проблемно-хронологический подход с элементами кейс-стади, позволяющими рассмотреть каждую выбранную проблему в контексте эволюции двусторонних отношений [2, с. 11].

В первой главе представлен обзор политических отношений между СССР и США в 1939–1947 гг. Лаконично рассмотрены ключевые политические события в двусторонних отношениях, их влияние на сотрудничество в годы Второй мировой войны и последующий отход от кооперации. Автор выделяет основные этапы складывания советско-американского военного союза, отмечает причины и проявления изменений в отношениях между лидерами государств от недоверчивого нейтралитета к широким контактам при сохранении осторожности [2, с. 23–28]. Минкова оправданно характеризует политику Рузвельта в отношении СССР как «достаточно последовательную» и строившуюся «не только на личных устремлениях президента, но и на солидной аналитической базе – политических и военно-разведывательных прогнозах» [2, с. 44].

После капитуляции Германии 9 мая 1945 г. и завершения Второй мировой войны 2 сентября 1945 г.¹ последовали недоброжелательные действия Вашингтона в отношении Москвы (прекращение поставок по ленд-лизу, отказ от предоставления советской стороне кредита на восстановление экономики), связанные с попытками экономического давления и даже принуждения СССР принять американскую версию будущего политического и экономического устройства мира, невзирая на выработанные в Ялте и Потсдаме договоренности [2, с. 44–50]. К 1946 г. в руководстве США утвердилось негативное отношение к Советскому Союзу, что привело к окончательному сворачиванию экономической кооперации, политического сотрудничества и росту конфликтности в Восточной Европе и на Дальнем Востоке [2, с. 64, 65].

Во второй главе внимание концентрируется на работе внешнеполитических ведомств США и СССР в 1944–1947 гг.: госдепартамента и наркомата иностранных дел соответственно. В центре внимания оказываются доклады советских послов и дипломатов (В. М. Молотова, М. М. Литвинова, А. А. Громыко, И. М. Майского, Н. В. Новикова), в которых прослеживается эволюция в подходах от положительного настроя относительно послевоенного сотрудничества двух держав, не исключавшего при этом «некоторых трений» и «здоровой конкуренции» [2, с. 65–76], к осторожной констатации «взаимного отталкивания и политического напряжения между СССР и США» и окончательной уверенности в антисоветской направленности американской политики, разобранный в «длинной телеграмме» Новикова [2, с. 77, 78].

Параллельная советской американская дипломатическая и аналитическая переписка носила менее позитивный настрой в отношении перспектив послевоенного сотрудничества, что связано с оценками министра-советника американского посольства в Москве, эксперта по России Дж. Ф. Кеннана, большого значения которым, однако, в период администрации Рузвельта не придавали [2, с. 82–84]. К моменту окончания боевых действий в Европе аналитики госдепартамента, военных ведомств и разведки существенное внимание уделяли угрозам потенциальной конфронтации двух держав, рассматривали возможные способы избежать

¹ В соответствии с Федеральным законом от 24.04.2020 № 126-ФЗ «О внесении изменений в статьи 1 и 1-1 Федерального закона "О днях воинской славы и памятных датах России"» на государственном уровне день окончания Второй мировой войны перенесен на 3 сентября.

столкновения, в том числе посредством использования экономических рычагов [2, с. 85–98], однако постепенно эта работа стала сворачиваться.

С конца 1945 г. отношение к советской политике развивалось в негативном ключе, и эта тенденция была усилена «длинной телеграммой» Кеннана (февраль 1946 г.) [5, с. 117], в которой этот эксперт, принципиально не отрицая возможность вовлечения Советского Союза в международное сотрудничество, делал акцент на стремлении коммунистической державы к автаркии и подчеркивал, что «принципы общего экономического сотрудничества наций встретят лишь холодное официальное плечо (советской стороны. – А. С.)» [2, с. 100–102; 5, с. 124]. Как отмечает автор монографии, вследствие полученных весной – осенью 1946 г. экспертных оценок появилось одно из важнейших заблуждений администрации Г. Трумэна, согласно которому «подход к отношениям с СССР должен быть глобальным, не следует оценивать плюсы и минусы каждого конкретного вопроса» [2, с. 106].

Третья глава посвящена теме ленд-лиза в советско-американских экономических отношениях. В начале главы рассматриваются перипетии принятия решения о поставках в СССР военных грузов для борьбы с Германией [2, с. 114–121], причины задержки поставок американской стороной в конце 1941 – первой половине 1942 гг. [2, с. 122], вопросы координации программы ленд-лиза в США и в Советском Союзе [2, с. 123–127], проблемы освещения американской помощи в советской печати и деятельность американского посла У. Стэндли [2, с. 128–130]. Представлен также анализ политики ленд-лиза после коренного перелома в войне, отмечается, что с 1943 г. в американских государственных структурах начались споры относительно оправданности продолжения ленд-лиза в СССР после окончания действия III Протокола (в июне 1944 г.) [2, с. 130–132], отмечается рост оппозиционных настроений в американском обществе и политическом истеблишменте в отношении пролонгации программы по мере приближения окончания войны и резкое неприятие продолжения ленд-лиза в СССР после ее завершения [2, с. 132–135].

Минкова поднимает важные вопросы об использовании Рузвельтом и его ближайшими соратниками помощи по ленд-лизу как важного козыря в построении доверительных дружественных отношений с Москвой [2, с. 135, 136]; о продумывании планов предоставления Москве кредита (Соглашение 3с) как альтернативы завершающемуся ленд-лизу [2, с. 136–138]. Всесторонне рассмотрен вопрос о пересмотре программы поставок в СССР после капитуляции Германии [2, с. 140–157]. Отмечается, что принятое кулуарно решение о прекращении поставок «без предварительного уведомления или обсуждения вызвало серьезный шок и потрясение» у обеих сторон (советского руководства и части американского дипломатического и военного корпуса), и что «указ о прекращении поставок стал серьезным дипломатическим промахом администрации Трумэна» [2, с. 144, 145, 154]. Минкова также задается вопросом, было ли для советского руководства прекращение поставок по ленд-лизу сразу после окончания военных действий в Европе неожиданным, и подтверждает, что в Москве к такому повороту отчасти были готовы, но не ожидали столь резкой формы отказа [2, с. 158–162]. Завершающая часть главы посвящена расчетам по ленд-лизу между союзниками, влиявшими на ряд «комплексных вопросов» советско-американских экономических отношений после февраля 1946 г., и полностью не урегулированных до начала холодной войны [2, с. 168–171].

В четвертой главе рассмотрен вопрос так и нереализованного проекта Международной торговой организации (МТО) [2, с. 172]. Создание такой организации представлялось целесообразным и в Москве, и в Вашингтоне. Обе стороны были готовы сотрудничать по этому вопросу во время обсуждения послевоенного урегулирования и после окончания Второй мировой войны [2, с. 177]. Фактически же выработка новой экономической системы послевоенного мира началась с англо-американских переговоров, длившихся весь 1945 г., от которых советская сторона была изолирована [2, с. 180]. Такая практика продолжилась и в дальнейшем, несмотря на заинтересованность Москвы в обсуждении проекта МТО [2, с. 185]. В конце концов, вопросы МТО и участия в ней Советского Союза (прелиминарным условием обсуждения создания организации являлось вступление в Бреттон-Вудские финансовые институты, от которых советское руководство отказалось в декабре 1945 г.) также заняли место в ряду «комплексных вопросов» советско-американских экономических отношений, отсутствие решений по которым окончательно завело двусторонние экономические отношения в тупик [2, с. 190].

Пятая глава посвящена подробному разбору институционализации Бреттон-Вудских соглашений и причин неприятия Советским Союзом созданной в соответствии с ними международной финансовой системы [2, с. 195]. Подробный анализ переговоров стран-союзников

об учреждении международных финансовых институтов (Международного валютного фонда, Международного банка реконструкции и развития) служит обоснованием для выдвигаемого К. В. Минковой тезиса о том, что реакция Вашингтона на отказ Москвы от участия в системе Бреттон-Вудских институтов стала важным фактором генезиса холодной войны. Автор убедительно доказывает, что именно этот политический акт советского руководства стал поводом и для ноты госсекретаря Дж. Бирнса, и для «длинной телеграммы» Кеннана [5, с. 127], то есть привел к появлению того самого «комплекса вопросов» в советско-американских экономических отношениях, которые американская сторона требовала решать в совокупности, а не по отдельности [2, с. 247, 248].

Глава шестая посвящена рассмотрению советско-американских переговоров о кредите для восстановления советского народного хозяйства. Государственный кредит на нужды СССР мог стать в представлении администрации Рузвельта связующим звеном «тесного экономического сотрудничества с Россией» [2, с. 251, 264, 272, 273], но в конечном итоге стал камнем преткновения двусторонней экономической кооперации сверхдержав. Для Москвы именно вопрос кредита являлся главным и первоочередным, а все прочие вопросы экономического сотрудничества считались либо приложением к нему, либо подлежащими обсуждению после заключения кредитного соглашения. В данной главе автор проясняет, почему американская сторона, первоначально ратовавшая за предоставление кредита [2, с. 252–260, 286, 299, 300], в итоге сама и похоронила эту затею [2, с. 281, 282, 311]; показывает, как кредит использовался Вашингтоном в качестве инструмента политического давления на СССР [2, с. 282, 288, 289, 293, 294]; уточняет, на какие уступки Москва готова была пойти ради его получения [2, с. 279, 280, 292, 297, 303, 304], и что стало последней каплей для советского руководства в переговорах по этому вопросу [2, с. 305–311]. В конечном итоге, не придя к консенсусу, обе стороны утратили интерес к дальнейшему экономическому сотрудничеству. Можно сказать, что эта глава является центральной для понимания всего узла экономических противоречий между СССР и США после окончания Второй мировой войны, ставшего экономической первопричиной генезиса холодной войны.

Седьмая глава посвящена важному политико-экономическому акту США – плану Маршалла и его влиянию на политику СССР. Как справедливо отмечает Минкова, США «начали оказывать экономическую помощь странам Европы задолго до всемирно известного выступления госсекретаря США Джорджа Маршалла 5 июня 1947 г.» [2, с. 315]. План Маршалла по своей сути должен был экономически привязать страны Западной Европы к США [2, с. 332, 333] и по возможности пошатнуть советское влияние в Восточной Европе [2, с. 339]. Автор обстоятельно анализирует подходы американского руководства к дальнейшей помощи Европе, значение и смыслы Гарвардского выступления Дж. Маршалла, ставшего отправной точкой экономической программы, получившей его имя, мнений и опасений по поводу американской инициативы в советском руководстве [2, с. 316–342].

Рассматриваются и сам ход Парижской конференции, включая участие в ней советской делегации, причины ее постепенной изоляции и обстоятельства принятия решения прервать дальнейшее участие [2, с. 343–365]. Заслуживает поддержки тезис о том, что участие в обсуждении плана Маршалла было последней возможностью для Москвы встроиться в формирующуюся послевоенную международную финансовую и торгово-экономическую систему [2, с. 366]. Отмечается, что советская сторона для достижения задач восстановления экономики СССР и стран Восточного блока была готова пойти на определенные уступки [2, с. 367], однако условия, предложенные противной стороной, оказались неприемлемыми. США форсировали оформление международного экономического порядка под собственным руководством и желали в принципе исключить возможность восстановления советской экономики за собственный счет. План Маршалла предполагал восстановление экономического потенциала Германии, интеграцию Западной Европы и подрыв влияния коммунистов в своей сфере влияния [2, с. 368, 369]. Это делало невозможным участие СССР в дальнейших обсуждениях плана Маршалла и вело к исключению из этого процесса стран, входивших в сферу влияния Москвы.

Восьмая глава посвящена теме эволюции общественного мнения американских граждан в отношении СССР в связи с перспективами двустороннего экономического сотрудничества. Проведенный автором контент-анализ результатов опросов общественного мнения и материалов американских СМИ показывает, что американский народ практически не воспринимал Советский Союз в качестве надежного и долговременного торгового партнера [2, с. 371–381]. Это, как отмечает исследователь, не в последнюю очередь было вызвано недостаточной информированностью общества [2, с. 381].

Трудоемкий и основательный научный труд К. В. Минковой не лишен некоторых недостатков. В частности, изложение политических событий в первой главе предельно лапидарно, их анализ носит вторичный характер. При этом нельзя сказать, что автором использована вся актуальная литература. В конечном счете, здесь (в первой главе) автора занимают не столько политические, сколько торгово-экономические вопросы, более подробно рассмотренные в других главах.

Следует также отметить, что замечание Минковой о том, что «мало кто задумывается о том, что у холодной войны было и другое измерение – экономическое» [2, с. 8], не совсем справедливо. Приведенная автором историография, а также ряд иных работ, показывают, что экономическая составляющая генезиса биполярного противостояния была и остается в поле зрения отечественных и зарубежных исследователей [1, с. 111; 2, с. 12–14; 3, с. 55; 4, с. 227, 228]. Несомненной заслугой автора, кстати, можно считать то, что на фоне довольно обширной историографии ей удалось представить оригинальную концепцию экономических истоков холодной войны и подкрепить ее новыми источниками.

Монография Минковой представляет собой крупное, обстоятельное, базирующееся на широкой источниковой базе научное исследование, выполненное на высоком профессиональном уровне, которое вносит существенный вклад в представления об экономических и торговых отношениях США и СССР на заключительном этапе Второй мировой войны и начальном этапе холодной войны, освещает и анализирует ранее неизвестные детали двусторонних связей и актуализирует события второй половины 1940-х гг. в связи с событиями текущего исторического процесса. На наш взгляд, важно отметить тезис о том, что «единой даты начала холодной войны не существует... в СССР и в США холодная война началась в разное время, поскольку стороны в разное время пришли к осознанию конфронтации, которая происходила в разных сферах и в разное время проявлялась по-разному... для США холодная война началась в декабре 1945 – январе 1946 г., тогда как для СССР – намного позже, летом – осенью 1947 г.» [2, с. 67, 68, 383]. Кристина Владимировна Минкова убедительно показала, что началу глобального противостояния второй половины XX в. в значительной степени способствовала попытка американской стороны использовать экономическую помощь как рычаг политического давления на Москву.

Список литературы

1. Калинин А. А. Поиски альтернативной модели мирового экономического порядка в годы холодной войны: опыт Совета Экономической Взаимопомощи // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 2 (18). С. 110–114. DOI: 10.25730/VSU.2070.20.027.
2. Минкова К. В. Экономические истоки холодной войны: советско-американские отношения в 1943–1947 гг. СПб. : Скифия-принт, 2021. 504 с.
3. Юнгблуд В. Т. Мировой порядок 1945 г. – процесс с «открытым» продолжением // Вестник МГИМО-Университета. 2020. № 13 (4). С. 52–79. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-4-73-52-79.
4. Юнгблуд В. Т. Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений. М., 2012 // Новая и новейшая история. 2014. № 3. С. 226–229.
5. Юнгблуд В. Т. «Новая и очень нужная парадигма»: «длинная» телеграмма Дж. Ф. Кеннана как альтернатива принципам Ялты // Вехи американской истории: сб. статей, посвященный 70-летию доктора исторических наук, профессора Владимира Викторовича Согрина. М. : Институт всеобщей истории РАН, 2015. С. 117–138.

Scientific measurement of the economic origins of the Cold War

A. I. Sennikov

PhD in Historical Sciences, junior researcher of the Department of History and Political Sciences,
Vyatka State University, Russia, Kirov.

ORCID: 0000-0001-9329-2839. Researcher ID: I-4292-2018. E-mail: usr12154@vyatsu.ru

Abstract. The reason for the preparation of this article was the publication of K. V. Minkova's monograph "The Economic origins of the Cold War: Soviet-American relations in 1943–1947", which presents the results of many years of work devoted to the evolution of interaction between the USSR and the USA in the field of bilateral and international economic cooperation during the Second World War and at the initial stage of the Cold War. It is noted that the study is based on a wide range of domestic and foreign archival documents and materials, sources of personal origin and media materials. K. V. Minkova shows how economic problems that

originated during the Second World War became one of the causes of the Cold War. The book examines a number of key subjects: the role of the leaders of the USSR and the USA in solving economic issues; the importance of diplomats and analysts of leading government departments in the development of economic policy; the evolution of the ideas of Soviet and American politicians about the future structure of the world; the lend-lease problem, including discussions on the methods and procedure of compensation and payments; the attitude of the USSR to participation in the institutions of the Bretton Woods economic system; negotiations on the provision of a post-war loan for the restoration of the Soviet national economy; the Marshall Plan and its consequences for Soviet-American and international relations; the role played by US public opinion in the economic cooperation of the two states. The researcher shows the dynamics of the "interweaving" of economic issues into a complex problem that predetermined the "mutual repulsion" of the United States and the USSR and the beginning of the Cold War.

Keywords: cold War, Soviet-American relations, economic cooperation, I. V. Stalin, F. Roosevelt, G. Truman.

References

1. Kalinin A. A. *Poiski al'ternativnoj modeli mirovogo ekonomicheskogo poryadka v gody holodnoj vojny: opyt Soveta Ekonomicheskoy Vzaimopomoshchi* [The search for an alternative model of the world economic order during the Cold War: the experience of the Council of Mutual Economic Assistance] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* – Herald of Humanitarian Education. 2020. No. 2 (18). Pp. 110–114. DOI: 10.25730/VSU.2070.20.027.
2. Minkova K. V. *Ekonomicheskie istoki holodnoj vojny: sovetsko-amerikanskije otnosheniya v 1943–1947 gg.* [The economic origins of the Cold War: Soviet-American relations in 1943–1947]. SPb. Scythia-print. 2021. 504 p.
3. Yungblud V. T. *Mirovoj poryadok 1945 g. – process s "otkrytyy" prodolzheniem* [The World Order of 1945 – a process with an "open" continuation] // *Vestnik MGIMO-Universiteta* – Herald of MGIMO University. 2020. No. 13 (4). Pp. 52–79. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-4-73-52-79.
4. Yungblud V. T. *Mnogostoronnyaya diplomatiya v bipolyarnoj sisteme mezhdunarodnykh otnoshenij* [Multilateral diplomacy in the bipolar system of international relations. Moscow, 2012] // *Novaya i novejschaya istoriya* – New and recent History. 2014. No. 3. Pp. 226–229.
5. Yungblud V. T. *"Novaya i ochen' nuzhnaya paradigma": "dlinnaya" telegramma Dzh. F. Kennana kak al'ternativa principam Yalty* ["A new and very necessary paradigm": the "long" telegram of J. F. Kennan as an alternative to the principles of Yalta] // *Vekhi amerikanskoj istorii: sb. statej, posvyashchennyj 70-letiyu doktora istoricheskikh nauk, professora Vladimira Viktorovicha Sogrina* – Milestones of American History: collection of articles dedicated to the 70th anniversary of Doctor of Historical Sciences, Professor Vladimir Viktorovich Sogrin. M. Institute of General History of the Russian Academy of Sciences. 2015. Pp. 117–138.

История изучения погребального обряда средневекового населения Пермского Предуралья*

К. В. Моряхина

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.
Россия, г. Пермь. ORCID: 0000-0002-7879-6526. E-mail: kmoryaxina@mail.ru

Аннотация. История изучения средневековых могильников начиналась еще на рубеже XIX–XX вв., когда археологи попытались дать характеристику обряда на тех памятниках, где ими были проведены раскопки. Начиная с 1950-х гг., исследователи выделяли типичные черты обряда, присущие населению, оставивших памятники ломоватовской и родановской культуры, обращая внимание на преемственность культур. По мере накопления материала расширялись представления об обряде и уточнялись границы, были использованы математические методы исследования. Более полное описание дано в трудах В. А. Оборина, Р. Д. Голдиной, И. В. Бочарова, А. М. Белавина и Н. Б. Крыласовой. Неоднократно поднимались дискуссионные темы, связанные с хронологией ломоватовской и родановской культур, этническими процессами в Пермском Предуралье. В 1970-е гг. А. К. Амброзом была подвергнута критике периодизация ломоватовской культуры, предложенная Р. Д. Голдиной, и высказано предложение о миграции части неволинского населения в Верхнее Прикамье. Исследовательницей был дан аргументированный ответ в защиту своих взглядов. После защиты диссертации И. В. Бочарова разгорелась дискуссия о границе между ломоватовской и родановской культурами, об этническом составе населения ломоватовской культуры. А. М. Белавиным, Н. Б. Крыласовой, В. А. Ивановым были в ряде работ приведены аргументы, свидетельствующие о том, что изменения в погребальном обряде и материальной культуре заметны в конце XI в., что связано со сменой населения. В качестве их оппонентов выступали Р. Д. Голдина, А. Ф. Мельничук, Г. П. Головчанский. На данный момент дискуссия остается открытой.

Ключевые слова: погребальный обряд, средневековье, Пермское Предуралье, историография, хронология.

Целью данной статьи является рассмотрение истории изучения погребального обряда средневекового населения Пермского Предуралья, оставившего памятники ломоватовской и родановской культур. Стоит отметить, что автор статьи не ставит перед собой задачу раскрыть историю изучения (раскопок) могильников на данной территории. В рамках статьи проанализированы только обобщающие работы по данной теме, поскольку объем статьи не позволяет рассмотреть публикации, посвященные отдельным памятникам.

Первые публикации появились еще в дореволюционное время. А. Н. Шатровым и Н. Г. Первухиным представлены сведения о разведывательных раскопках в верховьях р. Камы, на основе чего отмечены особенности погребального обряда: положение костяков головой на север, наличие углей в засыпи (Горд-Кушетский, Сиятский, Грибятский м-ки), сосуществование обрядов труположения и трупосожжения (Носковский, Тиминский м-ки) [16, с. 80]. В Отчете археологической комиссии за 1900–1901 гг. были опубликованы сведения о раскопках В. Л. Борисова на Харинском и Агафоновском могильниках и А. А. Спицына на Деменковском, Шибановском, Селянинском могильниках [21, с. 87–89; 22, с. 113–116].

Впервые попытка охарактеризовать погребальный обряд средневекового населения Пермского Предуралья была предпринята А. П. Смирновым (1952 г.). Исследователь основное внимание сосредотачивал на описании материала, что касается самого погребального обряда,

то отмечал преемственность ломоватовской и родановской культур, которая прослеживается в обряде и в украшениях. Сравнивая с соседними территориями, исследователь отмечал, что на родановских могильниках погребения ориентированы на север, на чепецких – на запад, на родановских – трупоположение, на вычегодских – трупосожжение [23, с. 209–215].

Большой вклад в изучение погребального обряда, в особенности родановской культуры, внес В. А. Оборин. В своей кандидатской диссертации «Коми-пермяки IX–XV вв. (родановская культура)» археолог отдельное внимание уделил преемственности культур. Исследователь отмечал, что при преобладании обряда трупоположения на ломоватовских и родановских памятниках, в тех и других отмечен также обряд трупосожжения, что, по его мнению, является одним из свидетельств генетической связи культур. Анализируя памятники двух культур, В. А. Оборину удалось проследить изменения в погребальных конструкциях: для ломоватова характерны более глубокие захоронения с остатками гроба или колоды, для роданово – неглубокие ямы без гроба, умершего заворачивали в бересту или кору. Примечателен также тот факт, что, по мнению исследователя, раннеродановские погребения встречаются на ломоватовских могильниках (Каневский, Урьянский) [19, с. 93–97].

В. А. Оборин разделял родановскую культуру на два этапа: лаврятский и рождественский, для каждого из которых выделил особенности погребального обряда. Так, лаврятскому этапу (IX–XII вв.) присущи такие черты, как неглубокие ямы, отсутствие погребальных сооружений, захоронения рядами, наличие «некоторой имущественной дифференциации». Для рождественского этапа (XII–XV вв.) характерно нарушение рядов, большая часть погребений безынвентарная, богатые погребения находятся в стороне от основной части, сохраняется северная ориентировка с отклонением к западу. Эти изменения в обряде В. А. Оборин связывает с изменением родового погребального обряда и усилением роли индивидуальной семьи [19, с. 203, 298].

Более подробно погребальный обряд, с учетом нового материала, В. А. Оборин описал в статье «Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья» (1969 г.). Также исследователь провел сравнение с соседними территориями. В. А. Оборин отмечал, что на памятниках родановской культуры преобладает ориентировка на С, при этом на северных памятниках есть отклонение на З (Урьянский, Каневский, Редикарский), на южных – на В (Деменковский, Гуринский, Баяновский). Исследователь обращал внимание, что на северных памятниках родановской культуры (Урьянском, Плесинском, Мелехинском, Верх-Боровском могильниках) единично встречается обряд трупосожжения, что характерно для соседней вымской культуры, и отсутствует на чепецких памятниках. В родановских погребениях сохранились остатки деревянных долбленных колод-гробовищ, встречаются они и на чепецких памятниках. Также были обнаружены захоронения в лодке-долбенке, по мнению В. А. Оборина, – специфично именно для родановского обряда. На ряде памятников встречается береста и луб, в которую заворачивали тело умершего, на соседней территории на Веселовском могильнике обнаружены фрагменты луба. В сравнении с другими культурами есть и различия в расположении погребального инвентаря в яме, что, как считал В. А. Оборин, является важной деталью. В родановских погребениях украшения расположены в порядке ношения, орудия труда и оружие – вдоль тела или в ногах, зубы лошади и ракушки каури – между ногами. В женских погребениях в ногах помещали глиняные сосуды, в мужских – железные или медные. Для памятников сылвенской культуры характерно такое же расположение вещей, на чепецких памятниках – сосуды в изголовье, а под ними могут быть гребни, шилья, ракушки каури, в Ветлужско-Вятском междуречье – украшения и мелкие орудия труда в изголовье, в ногах сосуды, оружие, крупные орудия труда. В. А. Оборин выделял еще одну характерную черту родановских могильников – наличие жертвенных ям в межмогильном пространстве, в которых встречаются глиняные сосуды, угли, кости животных, иногда зерно и сельскохозяйственные орудия. По мнению исследователя, эта традиция идет от костниц гляденовского времени, поскольку жертвенные ямы встречаются и на ломоватовских могильниках [20, с. 5–8].

Последняя обобщающая статья В. А. Оборина под названием «Коми-пермяки» вышла в 1999 г. Особенности обряда им уже неоднократно были описаны, но тем не менее с учетом увеличения источниковой базы замечены новые детали. В. А. Оборин отмечал, что традиции домостроительства отразились в погребальном обряде – в заполнении ям есть остатки гробовищ и колод. В бересту или луб могли заворачивать не только умершего, но и ими оборачивали деревянные погребальные конструкции. В. А. Оборин указывал, что еще одной особенностью родановских памятников является наличие поминальных комплексов – остаток тризн

в виде глиняных сосудов и костей животных, которые укладывались над могилами. Такой обычай существовал наряду с жертвенными комплексами в межмогильном пространстве. Правда, последние, как подмечал ученый, больше характерны для ломоватовской культуры и на поздних могильниках встречаются редко [18, с. 267–270].

В 1964 г. была опубликована В. Ф. Генингом статья, посвященная изучению Деменковского могильника. Статья представляет интерес не только тем, что там приведены сведения о памятнике с предлагающимся описанием погребений, но и тем, что рассмотрена кратко история изучения ломоватовской культуры. Исследователь выделил на Деменковском могильнике раннюю часть – южные погребения (VI – первая половина VIII в.) и позднюю – северные (вторая половина VIII – первая половина IX в.). Для ранних погребений, как отмечено в статье, характерны ориентировка на С–Ю, большие размеры ям, керамика без примесей, само тесто рыхлое, черного цвета. На поздней части могильника меняется ориентировка – погребения ориентированы на СВ–ЮЗ, уменьшаются размеры ям (что, по мнению исследователя, связано с изменением погребальной конструкции), керамика с примесью толченой раковины. В жертвенных комплексах в ранней части обнаружены кости животных, в поздней – углистые пятна. Наличие в погребениях (три погребения) жертвенных масок исследователь связывал с тесными связями с зауральским населением (хантами и манси). В. Ф. Генинг предполагал, что различия между ранними и поздними погребениями отражают изменения в мировоззрении и хозяйстве (переход от скотоводства к земледелию как основе хозяйства). Таким образом, как отмечал исследователь, со второй половины VIII – XII вв. шел «интенсивный процесс формирования новых культурных признаков», что он замечал и по материалам других могильников. В целом, как писал В. Ф. Генинг, стратиграфический анализ и анализ вещевого материала показывают непрерывный переход от ломоватовской к родановской культуре, отсутствуют признаки смены населения или притока населения извне [9, с. 98–124].

Особый вклад в изучение ломоватовской культуры внесла Р. Д. Голдина. В 1970 г. была опубликована статья «Могильники VII–IX вв. на Верхней Каме», где впервые дана общая характеристика погребального обряда ломоватовской культуры и проработана периодизация памятников. В выборку были включены материалы десяти могильников (336 погребений). Для ломоватовских могильников, как отмечала Р. Д. Голдина, характерно наличие четких рядов погребений, ориентировка ям разнообразная. Существовало два обряда захоронений: трупосожжение и трупоположение. На ломоватовских могильниках отмечен культ огня (угли в заполнении ям), в некоторых погребениях кости животных. Еще одной особенностью погребального обряда Р. Д. Голдина считала наличие в межмогильном пространстве жертвенных ям, которые разделила на два типа: 1) угли (не всегда), кости животных, фрагменты керамики, стеклянные бусы, фрагменты вещей; 2) остатки кострищ (угли, зольные прослойки), фрагменты керамики, земледельческие орудия. Хронология ломоватовской культуры разработана Р. Д. Голдиной на основе взаимовстречаемости вещей в погребении с учетом их датировки (всего учтено 80 погребений). Исследовательницей были проработаны украшения костюма как наиболее информативный материал. В результате Р. Д. Голдина выделила четыре хронологические группы: 1 группа – вторая половина VI – первая половина VII в. (в эту группу попали всего два погребения Агафоновского могильника), 2 группа – вторая половина VII – первая половина VIII в., третья группа – вторая половина VIII – первая половина IX в. (исследовательница отмечала, что некоторые вещи встречаются в более позднее время в X–XI вв.), 4 группа – VII–IX вв. Разработанную хронологию Р. Д. Голдина перепроверила при помощи математических методов, что подтвердило достоверность выводов [12].

В 1973 г. А. К. Амброзом была опубликована рецензия на монографию И. Эрдели, Е. Ойтози, В. Ф. Генинга, посвященную Неволинскому могильнику. В этой рецензии исследователь обращает внимание и на статью Р. Д. Голдиной «Могильники VII–IX вв. на Верхней Каме». Как пишет А. К. Амброз, Р. Д. Голдиной «доказано существование особого типа памятников – агафоновского, с остатками трупосожжения в длинных ямах, с беспорядочно разбросанным инвентарем, особого типа поясными наборами... Но не доказано, что этот материал предшествует Деменкам и Неволино», так как нет случаев взаимоперекрывания могил; в той части, где расположен Агафоновский могильник, нет памятников типа Деменок и Неволино. Сам исследователь считал, что если подробно сопоставить типологические детали агафоновского и неволинского типа поясов, то можно прийти к выводу, что они синхронны. Далее А. К. Амброз ставил под сомнение отнесение Р. Д. Голдиной ряда погребений Каневского, Плесинского, Урьинского, Деменовского могильников к более раннему периоду. Исследователь также де-

лал предположение, что агафоновский этап является «прямым предшественником «переходного» этапа к родановской культуре», и соответственно необходимо учитывать влияние неволинского набора украшений на сложение «переходных» украшений. А. К. Амброз допускал вероятность того, что часть неволинского населения могла переселиться на верхокамскую территорию [1, с. 290, 291].

Р. Д. Голдина в статье «Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье» представила продолжение начатого ей исследования по хронологии ломоватовской культуры с учетом новых материалов раскопок, а также дала ответ на критику А. К. Амброза, отстаивая свою позицию, что агафоновская стадия предшествует деменковской, а не является синхронной ей. Р. Д. Голдина объясняла отсутствие перекрытий могильных ям на Агафоновском I могильнике тем, что погребения, отнесенные ей к разным стадиям, выделяются плановографически: погребения агафоновской стадии расположены в западной части могильника, деменковской – в южной или северо-восточной. Эти погребения отличаются и по вещевому материалу, в первую очередь по украшениям, как отмечала исследовательница. Наиболее важным в статье является то, что Р. Д. Голдина показала эволюцию погребального обряда на примере Агафоновского I могильника, который датирован VI–IX вв. Для агафоновской стадии присущи следующие черты: погребения ориентированы на В–З или ВСВ–ЗЮЗ, разрежены, нет случаев перекрытия, большие размеры ям, встречаются ямы овальной или неправильной формы с круглым или неправильным дном, в заполнении отмечены кости животных. Погребения деменковской стадии выделяются более плотным расположением ям, отмечаются случаи взаимонарушения (исследовательница делала пометку, что это могло быть связано с сокращением площадки памятника), преобладают ямы среднего размера прямоугольной формы с плоским дном, кости животных редко встречаются в заполнении ям. Р. Д. Голдина предполагала, что изменение формы ям связано с появлением погребальной конструкции типа гробовища. Также она отмечала, что поздние погребения имеют преимущественно ориентировку СВ–ЮЗ или СЗ–ЮВ, таким образом происходил постепенный переход от широтной к меридиональной ориентировке. К общим чертам агафоновской и деменковской стадии исследовательница отнесла наличие углистых пятен в верхней части заполнения ям [13, с. 83–88].

Дальнейшее развитие дискуссия не получила.

Наиболее полная характеристика погребального обряда памятников VI–IX вв. представлена в монографии Р. Д. Голдиной «Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье». Помимо выделенных уже ранее характерных черт Р. Д. Голдина обращала внимание на особенности размеров ям, погребальных сооружений. Новые выводы были получены вследствие проведения активных археологических работ в верховьях Камы в 1970–1980-х гг. Исследовательница отмечала, что, как правило, ломоватовские погребения неглубокие, ямы среднего размера, но на Агафоновском I могильнике отмечена большая ширина ям, на Шукинском – большая длина. Форма могильных ям преимущественно прямоугольная с плоским дном. На ряде могильников (Агафоновский I, Аверинский II, Шукинский) зафиксированы выступы-ниши. Исследовательницей были выделены несколько вариантов погребальных конструкций: долбленные колоды, дощатые настилы, перекрытие, береста [11, с. 26–30]. Стоит отметить, что Р. Д. Голдиной при анализе погребальных конструкций не были учтены материалы Деменковского и Плесинского могильников, хотя там были обнаружены фрагменты деревянных конструкций.

Если обратить внимание на источниковую базу исследования родановской культуры В. А. Обориным и ломоватовской культуры Р. Д. Голдиной, то можно заметить, что ими были рассмотрены одни и те же памятники. Так, к позднему (урьинскому) этапу ломоватовской культуры и к раннему (лаврятскому) этапу были отнесены Каневский, Урьинский, Важгортский, Баяновский, Редикарский могильники. В. А. Оборин писал, что на этих памятниках есть погребения ломоватовской и родановской культур, но ни он, ни Р. Д. Голдина не указали, какие конкретно погребения относятся к той или иной культуре. Детальное знакомство с монографией «Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье» дает понять, что ее автором были учтены материалы всех погребений перечисленных могильников. Этот факт не умаляет значение выводов, полученных Р. Д. Голдиной, но искажает представление о преемственности ломоватовской и родановской культур.

Отдельно исследованием погребального обряда памятников, расположенных в верховьях р. Камы, занимался В. А. Кананин. Исследование построено в первую очередь на материалах Аверинского II, Русиновского и Шукинского (ломоватовская культура), Аверинского I

(родановская культура) могильников. В. А. Кананин отмечал, что погребения на рассматриваемых могильниках вытянуты преимущественно в меридиональном направлении (94,1 %), выделяется Аверинский II могильник с широтной ориентировкой. Ямы, как правило, прямоугольной формы. Овальной, квадратной или неправильной формы ямы чаще встречаются на Аверинском II и Щукинском могильниках. На этих же памятниках зафиксированы ниши-выступы, на которых встречаются кальцинированные кости, фрагменты керамики, отдельные вещи. Особое внимание исследователь уделял способу погребения, поскольку для шести из 11 памятников характерна биобрядность. Как отмечал В. А. Кананин, на ломоватовских погребениях преобладала кремация, на раннеродановских в равной степени встречаются погребения с кремацией и ингумацией, на позднеродановских – только ингумация. На памятниках погребения с разным обрядом, как указано в статье, не выделяются ни планографически, ни конструктивными особенностями ямы, ни сопроводительным материалом. Различия отмечаются только в расположении вещей: при ингумации украшения лежат в порядке ношения, оружие, орудия труда, предметы быта – вдоль погребенного; при кремации – кости и вещи в беспорядочном положении или скопом на дне ямы. В. А. Кананин указывал на наличие культа огня (93,6 % погребений с углем). Интерес представляют находки органических остатков (фрагментов ткани, бересты, шкуры животных), которые, по мнению В. А. Кананина, играли определенную роль в обряде. Так, шкурой животного или берестой могли укрывать покойного, помещенного иногда на настил из досок. Также были зафиксированы случаи, когда вещи заворачивались в бересту или шкуру. Аналогии такому обряду В. А. Кананин нашел у марийцев. Анализируя вещевой материал, исследователь отмечал различия между ранними и поздними памятниками: в поздних погребениях не встречается конская упряжь и оружие, при этом чаще встречаются орудия труда и предметы быта. Стоит также отметить, что по наблюдениям В. А. Кананина, кости животных чаще встречаются в погребениях с кремацией. В конце статьи В. А. Кананин сделал вывод о том, что изучение памятников верховьев Камы показывает, с одной стороны, преемственность обряда между ранними и поздними памятниками, с другой стороны, их своеобразие, что, по мнению исследователя, позволяет выделять эти памятники в локальный вариант [16, с. 83–95].

На основе выводов, сделанных В. А. Кананиным, создается впечатление, что постепенно исчезает обряд кремации. Но выборка, которую использовал археолог для раннеродановских памятников, не репрезентативна. Он пришел к мнению об одинаковом соответствии кремации и ингумации на основании шести погребений: на Васеневском могильнике изучено одно погребение, на Тиминском – три, на Носковском – два.

В более поздней работе, опубликованной совместно с Р. Д. Голдиной, В. А. Кананин применил метод статистической обработки данных, предложенный В. Ф. Генингом и В. А. Борзуновым, для анализа погребального обряда памятников верховья Камы. В результате проведенного анализа на основании коэффициента сходства В. А. Кананин пришел к выводу, что все могильники имеют достаточно высокую степень близости – от 58,4 % до 83,6 %. По мнению исследователей, это свидетельствует о том, что население, оставившее эти памятники, принадлежало к одной этнической группе, и об устойчивости погребальных традиций с VI по XIV вв. В. А. Кананин отмечал, что близость памятников прослеживается по таким признакам, как размер ямы, погребальные конструкции, состав погребального инвентаря. Различия были выявлены в ориентации погребений, характере ритуальных остатков, останках погребенного [14, с. 28–42].

Наиболее полное исследование погребального обряда средневековых памятников Пермского Предуралья представлено в диссертации И. В. Бочарова. Им были изучены материалы ломоватовских и родановских памятников, расположенных от верховьев Камы до впадения в нее р. Чусовой. Источниковая база составила 13 могильников, 1643 погребения. Исследование И. В. Бочарова построено на применении статистических методов: 1) методика В. Ф. Генинга и В. А. Борзунова, 2) методика Г. А. Федорова-Давыдова и В. А. Иванова, направленная на выделение комплексов взаимовстречаемых признаков. Все признаки в ходе работы были поделены на всеобщие, локальные и частные. Диссертация состояла из четырех глав: в первой главе представлена историография вопроса, во второй дана характеристика погребального обряда, в третьей показана его эволюция, в четвертой памятники сгруппированы по степени близости [8, с. 3–24].

Давая характеристику погребальному обряду, И. В. Бочаров рассматривал топографические особенности памятников, погребальные сооружения, способ погребения, следы риту-

альных действий, погребальный инвентарь. Анализируя конструкции погребальных ям, исследователь делал предположение, что на ряде могильников (Деменковский, Плесинский, Рождественский языческий, Антыбарский) был особый обряд наземных захоронений, поскольку эти памятники выделяются неглубокими (до 40 см) ямами [8, с. 64]. Ритуальные действия представлены культом огня (угли в погребениях) и наличием костей животных в погребениях [8, с. 73–75].

И. В. Бочаров, пытаясь проследить эволюцию погребального обряда, разделил памятники на три хронологические группы (VII–IX вв. – позднеломоватовские, IX–XI вв. – раннеродановские, XII–XIV вв. – позднеродановские), то есть суммировал признаки для каждой группы. На основе полученных выводов И. В. Бочаров сделал заключение, что ломоватовские и раннеродановские памятники (первая и вторая группа) имеют больше общих черт, чем раннеродановские и позднеродановские. Отдельно стоит отметить, что исследователь указывал, что обряд кремации исчез в XII в. (на памятниках третьей группы нет кремации). При этом, по мнению И. В. Бочарова, для памятников первой группы была характерна именно биобрядность, а для второй – разделение на памятники с ингумацией и кремацией (Агафоновский II, Мелехинский могильники) [8, с. 88–97].

Проведя расчеты степени близости памятников, И. В. Бочаров разделил памятники на две группы: первая группа – Аверинский I, Аверинский II, Агафоновский II, Щукинский могильники; вторая группа – Деменковский, Каневский, Урынский, Телячий Брод, Антыбарский, Агафоновский I, Плесинский, Рождественский. Для каждой группы памятников исследователь выделил модели погребального обряда: для первой группы характерны могильные ямы подпрямоугольной формы глубиной 40–80 см, кремация, наличие фрагментов керамики, бусы, ножи, детали поясного набора и предметы вооружения; для второй группы – погребения располагаются рядами, имеют прямоугольную форму, глубина ям составляет 41–60 см, ориентированы ногами к реке, захоронения совершены по обряду ингумации, в засыпи ям встречаются угли, преобладают фрагменты керамики, ножи, бусы [8, с. 107–112].

Отдельное внимание И. В. Бочаров уделял этническим процессам в Пермском Предуралье в эпоху средневековья. По мнению исследователя, биобрядность свидетельствует о совместном проживании двух этнических групп. И. В. Бочаров считал, что в выделенной им первой группе преобладало финно-пермское население, во второй – угорское. К угорским этномаркирующим признакам он относил погребальные маски, кости лошади в заполнении ямы, детали конской сбруи и узды, шнуро-гребенчатую керамику, особую конструкцию ямы в виде ступенек и заплечиков [8, с. 55, 115, 116].

В заключении И. В. Бочаров сделал вывод о том, что на протяжении VII–XIV вв. погребальный обряд не претерпевал существенных изменений, лишь несколько видоизменялся. Как писал исследователь, «статистический анализ погребального обряда не выявляет принципиальной разницы между ломоватовской и родановской погребальной традициями, не позволяет провести границу между ними по IX в.». Прекращение функционирования ряда памятников в IX в. он связывал не со сменой культур, а с оттоком населения на Среднюю Каму. Далее И. В. Бочаров отмечает, что «деление эпохи средневековья для территории Верхнего Прикамья на самостоятельные ломоватовскую и родановскую культуры не обосновано и излишне... Если же выделение отдельных культур представляется необходимым, то рубежом ...<будет> конец XI – начало XII вв.» [8, с. 100–102].

И. В. Бочаровым была проделана большая работа по сбору материала и его обработке, но тем не менее она вызывает ряд вопросов и замечаний. На наш взгляд, изначальное разделение памятников на три хронологические группы, а также суммирование признаков по каждой группе привело к искажению полученных выводов. Например, И. В. Бочаров писал: «количество погребений, содержащих в засыпи угли, значительно во всех трех хронологических группах: 35,2 %; 40,7 %; 35,7 %» [8, с. 95], при этом он отмечал, что культ огня не характерен для Каневского, Деменковского, Урынского и Плесинского могильников [8, с. 75]. Аналогичную ситуацию можно наблюдать с наличием костей животных в засыпи ямы. И. В. Бочаров отмечал, что «на могильниках VII–IX и IX–XI вв. достаточно часто встречаются кости животных – 18,5 % и 17,1 %» [8, с. 97]. При этом он указывает, что есть памятники, на которых не более 5 % погребений с костями животных, – это Деменковский, Урынский (первая хронологическая группа), Плесинский, Агафоновский II (вторая хронологическая группа) [8, с. 73]. Как мы видим, в рамках одной хронологической группы на ряде памятников есть значительное количество погребений с углем и костями животных, на других наоборот. Можно заметить,

что Деменковский, Урьинский, Плесинский могильники выбивают как минимум по двум показателям из общей картины. Таким образом, изначальное разделение памятников в соответствии с устоявшимися представлениями о хронологических группах не дает возможности рассматривать вариант синхронного существования разных культурных традиций. Возникает вопрос, почему в исследуемой выборке среди языческих могильников И. В. Бочаров рассматривал и Рождественский мусульманский могильник, ведь очевидно, что по погребальному обряду он отличается от остальных памятников. При выделении моделей погребального обряда в соответствии со степенью близости памятников для второй группы были учтены дополнительные критерии [8, с. 109], что является нарушением методики исследования.

После защиты И. В. Бочаровым кандидатской диссертации другие исследователи при рассмотрении погребального обряда средневекового населения Пермского Предуралья стали уделять еще большее внимание этническим процессам, что привело к полемике и спорам среди исследователей.

В совместной статье А. М. Белавина, И. В. Бочарова, Н. Б. Крыласовой «К вопросу об этнической принадлежности средневекового населения Верхнего Прикамья» были еще раз отмечены угорские признаки. Исследователи также обращают внимание, что в XII–XIV вв. сократилось количество и характер оружия, уложенных в погребения, и связывали это «с изменением этнического стереотипа или является результатом перехода сюда населения, которое не опасалось соседей с северо-запада, имея с ними налаженные контакты задолго своего появления в Приуралье». Смена населения, как отмечали авторы статьи, приходится на XI–XII вв. [3, с. 135–137].

Позже А. М. Белавиным была опубликована статья «Погребальный обряд средневековых археологических культур Предуралья как этномаркер». Исследование построено на формально-типологическом анализе погребальных памятников Пермского Предуралья и сравнении их с зауральскими и западносибирскими могильниками. В результате проведенного исследования А. М. Белавин пришел к выводу, что памятники имеют схожие черты в обряде, что указывает на угорскую принадлежность населения ломоватовской культуры. К наиболее характерным угорским чертам погребального обряда исследователь отнес: 1) расположение могильников на возвышенном месте рядом с рекой, погребения ориентированы на реку; 2) неглубокие могильные ямы; 3) наличие угля в засыпи ямы; 4) оборачивание берестой; 5) наличие погребальных масок; 6) захоронение в полном костюмном комплексе; 7) снабжение умершего транспортным средством (преимущественно конем), пищей, орудиями труда, оружием. А. М. Белавин отмечает, что выделенные черты меняются/исчезают в XI–XII вв. В это же время ориентировка погребений стала не по отношению к реке, а в соответствии со сторонами света (преимущественно на С) [2, с. 9–11].

Более подробно результаты исследования представлены в коллективной монографии А. М. Белавина, В. А. Иванова, Н. Б. Крыласовой «Угры Предуралья в древности и средние века» (2009). В монографии детализированы сведения о памятниках, включенных в выборку, приведены сводные таблицы с признаками погребального обряда в процентном соотношении, что позволяет увидеть полную картину и верифицировать полученные выводы. Из 1224 погребений 589 относятся к ломоватовской культуре (Каневский, Редикарский, Баяновский, Плесинский, Рождественский, Запосельский, Огурдинский могильники) [5, с. 82–93]. К сожалению, авторы не объяснили, чем обусловлен выбор именно этих исследуемых памятников.

В качестве еще одного угорского маркера в погребальном обряде Н. Б. Крыласова выделила наличие речного песка в засыпи погребения (Баяновский, Огурдинский и Рождественский могильники). Исследовательница предполагала, что «присутствие речного песка в погребениях могло быть связано идеей о том, что путь в «нижний мир» лежит по реке» или же мог использоваться в качестве очистительного средства в дополнение к культу огня [17, с. 92–97].

В статье «Проблема периодизации средневековых археологических культур» А. М. Белавин и Н. Б. Крыласова, сравнивая керамику, украшения, погребальный обряд, жилище, тип хозяйства, привели аргументы о необходимости пересмотреть хронологию средневековых археологических культур Пермского Предуралья, на что они уже не раз обращали внимание в других своих работах. По мнению исследователей, рубеж между ломоватовской и родановской культурами приходится на конец XI в. А. М. Белавин и Н. Б. Крыласова представили четкую характеристику погребального обряда, опираясь в том числе на исследования предшественников. Характеристика погребального обряда ломоватовской культуры дана по Р. Д. Голдиной. Помимо выделенных ранее черт авторы статьи отметили, что на могильниках этого

времени присутствуют следы рам из досок в погребениях; у некоторых погребений вокруг фиксируются столбовые ямки от надмогильных сооружений; фиксируются столбовые ямки вокруг жертвенных ям; в жертвенных ямах и на выступах-нишах помимо прочего встречаются удила и украшения; для отдельных мужских погребений характерно наличие набора хозяйственных и ремесленных орудий, расположенных компактными скоплениями в ногах. А. М. Белавин и Н. Б. Крыласова обратили внимание, что эти признаки присутствуют и в более поздних памятниках. Изменения же в погребальном обряде, по мнению указанных исследователей, происходят в XI–XII вв., о чем, как отмечено в статье, ранее уже писал в своей диссертации И. В. Бочаров. Для поздних памятников А. М. Белавин и Н. Б. Крыласова указали следующие характеристики: 1) резко сокращается обряд кремации, а с XIII в. полностью исчезает; 2) практически исчезают из жертвенного погребального комплекса кости животных; 3) уменьшается количество погребений с фрагментами керамики; 4) сокращается количество и разнообразие украшений, исчезают многие типичные украшения; 5) резко сокращается содержание предметов вооружения и деталей конской сбруи; 6) появляются качественно новые орудия труда, свидетельствующие о переходе к пашенному земледелию [6, с. 32–35]. Стоит отметить, что в рассмотренной статье впервые предельно четко дана характеристика погребального обряда для разных хронологических периодов и показаны различия между ними.

В последующих статьях А. М. Белавиным, Н. Б. Крыласовой совместно с В. А. Ивановым, А. В. Даничем были выделены венгерские черты обряда на Баяновском и Рождественском могильниках, к которым они отнесли наличие в могильных ямах сумочек, погребальных масок, драгоценных поясов серебряных подвесок-всадников [4; 7].

Концепция А. М. Белавина, Н. Б. Крыласовой и других о доминировании угорского населения в VII–XI вв., о периодизации ломоватовской и родановской культур подверглась критике со стороны ряда ученых-археологов из Перми и Ижевска: Р. Д. Голдиной, Г. П. Головчанским и А. Ф. Мельничуком [10, с. 103–105; 15, с. 17–20].

Подводя итоги вышесказанному, можно отметить, что несмотря на многочисленность публикаций, посвященных погребальному обряду средневекового населения Пермского Предуралья, тема до сих пор является не до конца изученной, а дискуссия об этническом составе населения остается открытой. Во-первых, последняя обобщающая работа проведена в конце 1990-х гг. С этого времени источниковая база значительно увеличилась, появились новые сведения о погребальном обряде населения, оставившего памятники ломоватовской и родановской культур. Во-вторых, указанные обобщающие исследования имеют ряд недостатков, связанных как с неполнотой источниковой базы, так и методикой исследования. Применения таких математических методов исследования, как кластерный и дискриминантный анализ, могут дать более полную картину о близости памятников по погребальному обряду, поскольку позволяют учитывать особенности ритуала на каждом из памятников. В-третьих, в связи с дискуссиями вокруг этнических процессов необходимо расширить контекст изучения памятников Пермского Предуралья и сравнить их не только с предполагаемыми угорскими культурами, но памятниками Северного и Удмуртского Предуралья, Ветлужско-Вятского междуречья. В-четвертых, некоторые особенности обряда требуют отдельного изучения, например, погребальные сооружения, жертвенно-поминальные комплексы, комплексы орудий труда и тому подобное.

Список литературы

1. Амброз А. К. [Рец. на:] I. Erdélyi, E. Ojtozi, W. Gening Das Gräberfeld von Nevolino // Советская археология. 1973. № 2. С. 288–298.
2. Белавин А. М. Погребальный обряд средневековых археологических культур Предуралья как этномаркер // Труды КАЭЭ. 2009. Вып. VI. С. 7–16.
3. Белавин А. М., Бочаров И. В., Крыласова Н. Б. К вопросу об этнической принадлежности средневекового населения Верхнего Прикамья // Уфимский археологический вестник. 2007. Вып. 6, 7. С. 131–145.
4. Белавин А. М., Иванов В. А., Крыласова Н. Б. Археологические признаки культуры древних венгров на Урале: реальные и мнимые // Золотоордынское наследие. Казань, 2021. С. 35–42.
5. Белавин А. М., Иванов В. А., Крыласова Н. Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа : БГПУ, 2009. 278 с.
6. Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Проблема периодизации средневековых археологических культур Пермского Предуралья // Вестник Пермского университета. 2016. Вып. 1 (32). С. 28–41.
7. Белавин А. М., Крыласова Н. Б., Данич А. В. Венгерские (мадьярские) черты погребального обряда средневековых могильников Предуралья // Археология евразийских степей. 2018. № 6. С. 8–12.

8. Бочаров И. В. Средневековый погребальный обряд Верхнего Прикамья как источник реконструкции этнической истории региона: опыт статистического анализа : дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 2000. 235 с.
9. Генинг В. Ф. Деменковский могильник памятник ломоватовской культуры // Вопросы археологии Урала. 1964. Вып. 6. С. 94–162.
10. Голдина Р. Д. К итогам дискуссии «Угры в Предуралье» // Российская археология. 2016. № 2. С. 102–119.
11. Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск : Изд-во Иркутского университета, 1985. 280 с.
12. Голдина Р. Д. Могильники VII–IX вв. на Верхней Каме // Вопросы археологии Урала. 1970. Вып. 9. С. 57–112.
13. Голдина Р. Д. Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 79–91.
14. Голдина Р. Д., Кананин В. А. Средневековые памятники Верхней Камы. Екатеринбург : Уральский ун-т, 1989. 215 с.
15. Головчанский Г. П., Мельничук А. Ф. Проблема современного этнокультурного и хронологического восприятия средневековых древностей Верхнего Прикамья (конец I тыс. – первая половина II тыс. н. э.) // Этнокультурные процессы в странах и регионах : мат. Международной научно-практической очно-заочной конференции. Киров : Аверс, 2017. С. 13–26.
16. Кананин В. А. Погребальный обряд средневековых могильников верховьев р. Камы // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск, 1983. С. 80–95.
17. Крыласова Н. Б. Использование песка в погребальном обряде средневековых угров // Труды КАЭЭ. 2009. Вып. VI. С. 92–97.
18. Оборин В. А. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999. С. 255–298.
19. Оборин В. А. Коми-пермяки в IX–XV вв. (Родановская культура) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1957. 404 с.
20. Оборин В. А. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // Вопросы археологии Урала. 1969. Вып. 9. С. 20–21.
21. Отчет императорской археологической комиссии за 1900 год. СПб, 1902. 174 с.
22. Отчет императорской археологической комиссии за 1901 год. СПб, 1903. 199 с.
23. Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // Материалы и исследования по археологии СССР. 1952. № 28. 278 с.

The history of the study of the funeral rite of the medieval population of the Perm Urals

K. V. Moryakhina

PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of National and Universal History,
Archeology, Perm State Humanitarian Pedagogical University.
Russia, Perm. ORCID: 0000-0002-7879-6526. E-mail: kmoryaxina@mail.ru

Abstract. The history of the study of medieval burial grounds began at the turn of the XIX–XX centuries, when archaeologists tried to characterize the rite on those monuments where they conducted excavations. Since the 1950s, researchers have identified typical features of the rite inherent in the population who left monuments of Lomovaton and Rodanov culture, paying attention to the continuity of cultures. As the material accumulated, the ideas about the rite expanded and the boundaries were clarified, mathematical research methods were used. A more complete description is given in the works of V. A. Oborin, R. D. Goldina, I. V. Bucharova, A.M. Belavina and N. B. Krylasova. Discussion topics related to the chronology of the Lomovaton and Rodanov cultures, ethnic processes in the Permian Urals were repeatedly raised. In the 1970s, A. K. Ambrose criticized the periodization of the Lomovaton culture, proposed by R. D. Goldina, and proposed the migration of part of the non-Kalinin population to the Upper Kama region. The researcher gave a reasoned answer in defense of her views. After the defense of the dissertation I. V. A discussion broke out about the border between the Lomovaton and Rodanov cultures, about the ethnic composition of the population of the Lomovaton culture. A. M. Belavin, N. B. Krylasova, V. A. Ivanov presented arguments in a number of works indicating that changes in the funeral rite and material culture were noticeable at the end of the XI century, which is associated with a change in population. Their opponents were R. D. Goldina, A. F. Melnichuk, G. P. Golovchansky. At the moment, the discussion remains open.

Keywords: funeral rite, Middle Ages, Permian Urals, historiography, chronology.

References

1. Ambrose A. K. [Rev. on:] I. Erdélyi, E. Ojtozi, W. Gening Das Gräberfeld von Nevolino // *Sovetskaya arheologiya* – Soviet archeology. 1973. No. 2. Pp. 288–298.
2. Belavin A. M. Pogrebal'nyj obryad srednevekovyh arheologicheskikh kul'tur Predural'ya kak etnomarker [Funeral rite of medieval archaeological cultures of the Urals as an ethnomarker] // *Trudy KAEЕ* – Works of KAEЕ. 2009. Is. VI. Pp. 7–16.
3. Belavin A. M., Bocharov I. V., Krylasova N. B. K voprosu ob etnicheskoj prinadlezhnosti srednevekovogo naseleniya Verhnego Prikam'ya [On the question of the ethnicity of the medieval population of the Upper Kama region] // *Ufimskij arheologicheskij vestnik* – Ufa Archaeological herald. 2007. Is. 6, 7. Pp. 131–145.
4. Belavin A. M., Ivanov V. A., Krylasova N. B. Arheologicheskie priznaki kul'tury drevnih vengrov na Urale: real'nye i mnimye [Archaeological signs of the culture of ancient Hungarians in the Urals: real and imaginary] // *Zolotoordynskoe nasledie* – Golden Horde heritage. Kazan. 2021. Pp. 35–42.
5. Belavin A. M., Ivanov V. A., Krylasova N. B. Ugry Predural'ya v drevnosti i srednie veka [The Ugric Urals in antiquity and the Middle Ages]. Ufa. BSPU. 2009. 278 p.
6. Belavin A. M., Krylasova N. B. Problema periodizacii srednevekovyh arheologicheskikh kul'tur Permskogo Predural'ya [The problem of periodization of medieval archaeological cultures of the Permian Urals] // *Vestnik Permskogo universiteta* – Herald of Perm University. 2016. Is. 1 (32). Pp. 28–41.
7. Belavin A. M., Krylasova N. B., Danich A. V. Vengerskie (mad'yarskie) cherty pogrebal'nogo obryada srednevekovyh mogil'nikov Predural'ya [Hungarian (Magyar) features of the funeral rite of medieval burial grounds of the Urals] // *Arheologiya evrazijskikh stepej* – Archeology of the Eurasian steppes. 2018. No. 6. Pp. 8–12.
8. Bocharov I. V. Srednevekovyj pogrebal'nyj obryad Verhnego Prikam'ya kak istochnik rekonstrukcii etnicheskoj istorii regiona: opyt statisticheskogo analiza : diss. ... kand. ist. nauk [Medieval funeral rite of the Upper Kama region as a source of reconstruction of the ethnic history of the region: experience of statistical analysis : diss. ... PhD in Historical Sciences]. Ufa. 2000. 235 p.
9. Gening V. F. Demenkovskij mogil'nik pamyatnik lomovatovskoj kul'tury [Demenkovsky burial ground monument of Lomovatov culture] // *Voprosy arheologii Urala* – Questions of archeology of the Urals. 1964. Is. 6. Pp. 94–162.
10. Goldina R. D. K itogam diskussii "Ugry v Predural'e" [To the results of the discussion "Ugrians in the Urals"] // *Rossiyskaya arheologiya* – Russian Archeology. 2016. No. 2. Pp. 102–119.
11. Goldina R. D. Lomovatovskaya kul'tura v Verhnem Prikam'e [Lomovatov culture in the Upper Kama region]. Irkutsk. Publishing House of Irkutsk University. 1985. 280 p.
12. Goldina R. D. Mogil'niki VII–IX vv. na Verhnej Kame [Burial grounds of the VII–IX centuries on the Upper Kama] // *Voprosy arheologii Urala* – Questions of archeology of the Urals. 1970. Is. 9. Pp. 57–112.
13. Goldina R. D. Hronologiya pogrebal'nykh kompleksov rannego srednevekov'ya v Verhnem Prikam'e [Chronology of burial complexes of the early Middle Ages in the Upper Kama region] // *KSIA* – KSIA. 1979. Is. 158. Pp. 79–91.
14. Goldina R. D., Kananin V. A. Srednevekovye pamyatniki Verhnej Kamy [Medieval monuments of the Upper Kama]. Yekaterinburg. Ural University. 1989. 215 p.
15. Golovchanskij G. P., Mel'nichuk A. F. Problema sovremennogo etnokul'turnogo i hronologicheskogo vospriyatiya srednevekovyh drevnostej Verhnego Prikam'ya (koniec I tys. – pervaya polovina II tys. n. e.) [The problem of modern ethnocultural and chronological perception of medieval antiquities of the Upper Kama region (the end of the I millennium – the first half of the II millennium AD)] // *Etnokul'turnye processy v stranah i regionah : mat. Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy ochno-zaochnoj konferencii* – Ethnocultural processes in countries and regions : mat. of International scientific and practical full-time and correspondence conference. Kirov. Obverse, 2017. Pp. 13–26.
16. Kananin V. A. Pogrebal'nyj obryad srednevekovyh mogil'nikov verhov'ev r. Kamy [Funeral rite of medieval burial grounds of the upper reaches of the Kama River] // *Etnicheskie processy na Urale i v Sibiri v pervobytnuyu epokhu* – Ethnic processes in the Urals and Siberia in the primitive era. Izhevsk. 1983. Pp. 80–95.
17. Krylasova N. B. Ispol'zovanie peska v pogrebal'nom obryade srednevekovyh ugrov [The use of sand in the funeral rite of medieval Ugrians] // *Trudy KAEЕ* – Works of KAEЕ. 2009. Is. VI. Pp. 92–97.
18. Oborin V. A. Komi-permyaki [Komi-Permyaks] // *Finno-ugry Povolzh'ya i Priural'ya v srednie veka* – Finno-Ugrians of the Volga region and the Urals in the Middle Ages. Izhevsk. 1999. Pp. 255–298.
19. Oborin V. A. Komi-permyaki v IX–XV vv. (Rodanovskaya kul'tura) : dis. ... kand. ist. nauk [Komi-Permyaks in the IX–XV centuries. (Rodanov culture) : dis. ... PhD in Historical Sciences]. M. 1957. 404 p.
20. Oborin V. A. Etnicheskie osobennosti srednevekovyh pamyatnikov Verhnego Prikam'ya [Ethnic features of medieval monuments of the Upper Kama region] // *Voprosy arheologii Urala* – Questions of the archeology of the Urals. 1969. Is. 9. Pp. 20–21.
21. Otchet imperatorskoj arheologicheskoy komissii za 1900 god – Report of the Imperial Archaeological Commission for 1900. SPb. 1902. 174 p.
22. Otchet imperatorskoj arheologicheskoy komissii za 1901 god – Report of the Imperial Archaeological Commission for 1901. SPb. 1903. 199 p.
23. Smirnov A. P. Ocherki drevnej i srednevekovoj istorii narodov Srednego Povolzh'ya i Prikam'ya [Essays on the ancient and medieval history of the peoples of the Middle Volga region and the Kama region] // *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR* – Materials and research on the archeology of the USSR. 1952. No. 28. 278 p.

Концепт «чай» как часть семантического поля «еда» травелога И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”»

И. В. Бурдин

аспирант кафедры русской литературы,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
Россия, г. Пермь. ORCID: 0000-0003-4378-4338. E-mail: burdin@post.cz

Аннотация. В статье рассматриваются репрезентации лингвокультурного концепта «чай» в «очерках путешествия» И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”». Целью работы является анализ особенностей актуализации изучаемого концепта в травелоге, где содержится сопоставление зарубежных чайных церемоний с традициями русского «литературного чаепития».

В работе анализируются фрагменты текста травелога, в которых упоминается чай и смежные понятия – «чаепитие», «плантация», «отвар» и прочие. Репрезентации концепта «чай» включаются в более широкое семантическое поле «еда», которое является важной составляющей сюжета и идейной концепции произведения.

Выполненный в работе анализ, подкрепленный выводами ученых, позволил прийти к заключению, что в «Фрегате “Паллада”» И. А. Гончаров продолжал традиции Н. М. Карамзина не только в сюжетно-композиционном аспекте, но и в подходе к актуализации концепта «чай». В обоих произведениях чаепитие оказалось «полем» для сопоставления «своей» и «чужой» культуры, причем И. А. Гончаров продолжил и развил традиции предшественника. Концепт «чай», включенный в семантическое поле «еда», стал одним из центральных концептов, раскрывающих идейное содержание произведения.

Результаты исследования позволяют расширить и углубить выводы ученых о художественных функциях концепта «еда» в травелоге «Фрегат “Паллада”», раскрыть новые страницы истории употребления чая в России и показать специфику русского «литературного чаепития». Предложенные выводы позволяют показать роль национальных традиций чаепития в процессе межкультурной коммуникации, выявить особенности диалога культур в XIX в.

Ключевые слова: концептуальный анализ, очерк, диалог культур, литературное чаепитие, языковая картина мира, традиция.

Описание чаепития появляется во многих произведениях русской литературы XIX в. В середине столетия чай в России не только стал традиционным напитком [9, с. 376; 13, с. 11; 15, с. 53], но и элементом сюжета произведений литературы, способом характеристики их героев. Выделим два этапных произведения – «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина и «Фрегат “Паллада”» И. А. Гончарова. Их сближают жанровые и сюжетные особенности, внимание авторов к описанию традиций разных народов.

«Письма русского путешественника» стали одним из первых произведений русской литературы, в котором была описана культура чаепития: «репрезентации концепта “чай” в данном произведении могли служить основой как для формирования данного лингвокультурного концепта в концептосфере современного русского языка, так и для формирования художественного концепта «чай» в русской литературе последующего периода» [5, с. 176]. Особенности изображения чаепития у Карамзина уже становились предметом нашего исследования: автор описывал быт европейских стран, а употребление напитка оказывалось «зеркалом» традиций того или иного региона, то есть своеобразным проявлением диалога культур [там же].

Современные литературоведы отмечают, что И. А. Гончаров продуктивно развивал традиции Н. М. Карамзина, и эта преемственность выражалась в идейно-философской концепции «Фрегата “Паллада”»: «Отталкиваясь от «Писем русского путешественника» <...>, Гончаров интерпретирует прогресс в духе философско-просветительских идей восемнадцатого столе-

тия» [12, с. 400]. Эти произведения сближают и особенности художественной формы, способы художественной презентации описываемых явлений: «Гончаров продолжает традиции Н. М. Карамзина, используя прием сравнительной дескрипции, возникающий при сравнении хорошо известного, родного, и нового, экзотического» [3, с. 10].

В травелоге «Фрегат “Паллада”» концепт «чай» был включен в семантическое поле «еда». «В письмах Гончарова (как и в очерках «Фрегат Паллада») мотив еды <...> актуализируется в те моменты, когда автор сталкивается с чуждой ему культурой, чужими правилами питания (прежде всего, путешествия, жизнь за границей)» [8, с. 56]. На каждой стоянке фрегата именно обед становился основным событием: он был ярким проявлением особенностей местного быта и позволял узнать чужеземные традиции и культуру. Важнейшую роль в описании гастрономических традиций народов в произведении играл чай, который становился маркером «своего» и «чужого».

Чай упоминался на первых страницах «Фрегата “Паллада”». Размышляя о предстоящем путешествии, герой предвосхищает знакомство с чайной культурой других стран. В произведении отразились важнейшие содержательные компоненты концепта «чай»: чай представлен не только как напиток, но и как уникальное растение, а также как результат тяжелого рабочего труда, или как товар: «Я видел его [“поэтический образ”, сопровождающий путешественника] на песках Африки, следящего за работой негров, на плантациях Индии и Китая, среди тюков чая» [6, с. 15]. Приведенная цитата иллюстрирует новый для русской литературы, но традиционный, например, для китайской культуры подход к описанию чая как напитка, который оказывает благотворное воздействие на состояние тела и души человека, становясь в сознании автора «спутником» некоего «поэтического образа» – обобщенной фигуры носителя английского культурного кода, которого можно встретить как в Англии, так и в ее колониях: «И какой это образ! Не блистающий красотой, не с атрибутами силы, не с искрой демонского огня в глазах, не с мечом, не в короне, а просто в черном фраке, в круглой шляпе, в белом жилете, с зонтиком в руках» [там же]. Своим существованием образ свидетельствует об унификации традиций, уничтожающих уклад жизни «дикарей», о чем сожалеет автор. В контексте размышлений путешественника, разочарованного проникновением «английского духа», детали, указывающие на британскую экспансию, не могут быть названы поэтическими, однако он упоминает их с доброй иронией и теплотой, и поэтическую составляющую образа добавляет именно чай. Примечательно, что в произведении С. Стинга *Englishman in New York*, созданном в XX в. и не содержащем колониального подтекста, образ англичанина за пределами Великобритании также представляется автору поэтическим. При этом чай упоминается уже в первой строчке – как напиток, противопоставленный кофе: «I don't drink coffee, I take tea, my dear» [18].

Автор описывает чаепитие во время обеда на Мысе Доброй Надежды в центре Британской Капской колонии. Описанию обеда предшествует описание антропологических характеристик жителей Южной Африки и анализ традиций, языка и культуры местного населения. Лишь отдельные детали – преимущественно особенности ландшафта – напоминают путешественнику о том, что он находится далеко от европейской цивилизации, хотя знакомство с городом автор резюмирует словами «та же Англия» [6, с. 118]. Присутствие «английского духа» подчеркивают использованные в травелогe топонимы: *Tablemountain* («Столовая гора»), *Lion's head* («Львиная гора»), *Deavil's-pick* («Чертов пик»), названия учреждений (*Welch's hotel*, *Halfway*), а также диалоги с местными жителями, причем речь персонажей приводится на английском языке (с последующим переводом).

Подобная тенденция проявляется в описаниях блюд обеда, большинство из которых знакомы путешественнику по английской части вояжа: «О пирожном я не говорю: оно то же, что и в Англии, то есть яичница с вареньем, круглый пирог с вареньем и маленькие пирожки с вареньем да еще что-то вроде крема, без сахара, но, кажется... с вареньем» [6, с. 121]. Отдельно упоминаются экзотические фрукты, однако автор не описывает их подробно. «Потом стал расставлять перед каждым маленькие тарелки, <...> янтарного цвета виноград и к нему большую хрустальную чашку с водой, груши, гранаты, фиги и арбузы» [там же].

Множество эмоций и размышлений вызывает у путешественника финал трапезы, во время которого гостям предлагаются напитки: «Тут еще дали кому кофе, кому чаю и записали на каждого за все съеденное и выпитое, кроме вина, по четыре шиллинга: это за обед. Мне подали чаю; я попробовал и не знал, на что решиться, глотать или нет. Я стал припоминать, на что это похоже: помню, что в детстве вместе с ревенем, мятой, бузиной, ромашкой и дру-

гими снадобьями, которыми щедро угощают детей, давали какую-то траву вроде этого чая. В Англии он казался мне дурен, а здесь ни на что не похож. Говорят, это смесь черного и зеленого чаев; но это еще не причина, чтоб он был так дурен; прибавьте, что к чаю подали вместо сахара песок, сахарный конечно, но все-таки песок, от которого мутный чай стал еще мутнее»¹ [6, с. 122].

В главе, посвященной Капштату, автор делает акцент на принципах сервировки, подаваемых блюдах и особенностях «шведского стола»: гости платят за обед из множества блюд фиксированную сумму (четыре шиллинга). В дальнейшем внимание автора переключается на чай, изначально упоминаемый в числе прочих блюд. Смесь зеленого и черного чая оказывается единственным угощением, не знакомым автору, и этот напиток вызывает удивление и отвращение, описанное с обращенной на себя иронией.

Чай становится кульминацией «интернационального» обеда и заставляет героя сравнивать его не только с уже знакомыми зарубежными сортами, но и с растительными отварами, характерными для российских широт. Описывая чаепитие, Гончаров обращается к ключевой для произведения антиномии «свое-чужое» и ставит вопрос о роли путешествия в жизни человека, потому что оно позволяет лучше понять родную культуру. Герой воспринимает заморский напиток через «призму» чая, который пьют на родине: «Все были дома, сидели около круглого стола и пили микстуру с песком, то есть чай с сахаром. Это пародия на то, что мы пьем у себя под именем чая» [6, с. 155]. Ирония автора направлена на оба продукта – африканский и российский, – которые не являются в полной мере «настоящим». На первый взгляд, Гончаров дает отечественной заварке низкую оценку, однако слова «пародия» и «микстура» применяются к чаю, который герой пробует в Африке. Из этого может следовать вывод, что во время путешествия автор постигает новые принципы, но при этом остается приверженцем традиций. Текст не позволяет сделать однозначный вывод о том, что является «настоящим чаем», а что – «микстурой», однако эталоном представляется то, что герой воспринимает как «свое».

В главе, посвященной Сингапуру, автор вновь сравнивает чай с лекарствами: «Чай – микстура с сильным запахом и вкусом – точно лекарственной травы» [6, с. 214]. Такое восприятие не мешает относиться к сингапурскому чаепитию как к важной традиции: «Мы спросили в отеле содовой воды и чаю и уселись наверху, на балконе. Мои товарищи вздумали все-таки идти гулять; я было пошел с ними, но как надо было идти ощупью, то мне скоро надоело это, и я вернулся на балкон допивать чай. Тут приходило и уходило несколько, по-видимому, живущих в номерах трактира англичан и американцев. Они садились на кресла и обе ноги клали на стол (их манера сидеть), требовали себе чаю и молчали» [там же].

Сравнивая традиции разных стран, автор описывает чаепитие в Японии: «Вдруг из дверей явились, один за другим, двенадцать слуг, по числу гостей; каждый нес обеими руками чашку с чаем, но без блюдечка. Подойдя к гостю, слуга ловко падал на колени, кланялся, ставил чашку на пол, за неимением столов и никакой мебели в комнатах, вставал, кланялся и уходил. Ужасно неловко было тянуться со стула к полу в нашем платье. Я протягивал то одну, то другую руку и насилиу достал. Чай отличный, как желтый китайский. Он густ, крепок и ароматен, только без сахара» [6, с. 295]. Автор описывает чаепитие, отталкиваясь от знакомых традиций, – например, упоминает блюдца, являющиеся атрибутом чайного сервиза в России [1, с. 47].

Обретенный путешественником опыт позволяет путешественнику в конечной точке маршрута – Японии – сравнивать новые сорта напитка со знакомым «желтым» китайским чаем. При этом чаепитие оказывается не составной частью трапезы или атрибутом дружеской беседы, а самостоятельной *церемонией* – моментом торжественной встречи представителей двух государств. Завершая путешествие, автор резюмирует опыт знакомства с чайными культурами разных стран, показывая относительность человеческих пристрастий: «Замечу только, что некоторые любители в Китае действительно подбавляют себе в чай цветы или какие-нибудь душистые специи; в Японии кладут иногда гвоздику. Кажется, отец Иоаким² тоже говорит о подобной противозаконной подмеси, которую допускают китайцы, кладя в черный чай жасминные, а в желтый [–] розовые листки. Но это уж извращенный вкус самих китайцев <...> Англичане пьют свой черный чай и знать не хотят, что чай имеет свои белые цветы.

¹ Возможно, это была вовсе не «смесь зеленого и черного чая»: в Южной Африке путешественнику традиционно подают особый местный напиток – ройбуш [20].

² Архимандрит Иакинф [Бичурин] (1777–1853) – востоковед, автор «Статистического описания Китайской империи», изученного И. Гончаровым до путешествия.

У нас употребление чая составляет самостоятельную, необходимую потребность; у англичан, напротив, побочную, дополнение завтрака, почти как пищеварительную приправу <...> Американцы пьют один зеленый чай, без всякой примеси. Мы удивляемся этому варварскому вкусу, а англичане смеются, что мы пьем, под названием чая, какой-то приторный напиток. Китайцы сами, я видел, пьют простой, грубый чай, то есть простые китайцы, народ, а в Пекине, как мне сказывал отец Аввакум³, порядочные люди пьют только желтый чай, разумеется без сахара. Но я – русский человек и принадлежу к огромному числу потребителей, населяющих пространство от Кяхты⁴ до Финского залива, – я за пекое: будем пить не с цветами, а цветочный чай и подождем, пока англичане выработают свое чутье и вкус до способности наслаждаться чаем *reкое flower*, и притом заваривать, а не варить его, по своему обыкновению, как капусту» [6, с. 37].

Анализ чайных пристрастий становится способом проникновения в национальные традиции. Например, чай «пекое» кажется путешественнику наиболее близким, так как цветы в чае вызывают у него ассоциации с традиционной российской заваркой. Можно отметить, что И. А. Гончаров предвидел изменение пристрастий англичан: со временем в Великобритании чай с цветочными добавками стал цениться выше, чем «обычный» [20].

Восприятие чая автор формирует, основываясь на информации, которая ему стала известна во время путешествия. Необходимо отметить, что некоторые факты, связанные с русской традицией, противоречат другим литературным источникам. Принято считать, что в России чай пьют «между делом», запивают им «основные» блюда, на что указывают репрезентации концепта «чай» в русской литературе 1800–1855 гг.: «чай как элемент быта» (А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский), «чай как часть трапезы» (А. Н. Островский, В. Т. Нарезный), «чай как атрибут дружбы и общения» (И. И. Козлов, М. П. Погодин) [4, с. 86]. В произведении Гончарова чай и «чайная культура» становятся поводом для размышлений о жизни народов, иллюстрацией процесса формирования самобытных традиций. Познакомившись с чайной культурой разных стран, автор делает вывод о том, какие традиции ему ближе, что представляется странным и удивительным, а что – понятным и одобряемым.

Такой процесс представляется закономерным. Если Карамзин утверждал концепцию национальной самобытности как средства, демонстрирующего способы преодоления Россией «негативного историко-политического опыта Европы» и сохранения «самобытных черт собственного исторического развития» [2, с. 42], то Гончаров был исследователем источников культурологической информации (среди которых были традиции, связанные с приемом пищи). Ключевая репрезентация концепта «чай как средство выражения особенностей национальной культуры» служила авторской идее и способствовала раскрытию замысла произведения.

Репрезентации концепта «чай» в травелоге «Фрегат “Паллада”» были развиты в романе «Обломов», который некоторые исследователи (например, Б. Массон и Б. Энгельгардт) называли «продолжением “Обломова”» [10, с. 22; 16, с. 20]. В частности, Энгельгардт доказывал сходство образов героев обоих произведений, основываясь на информации о том, что «очерки путешествия» были задуманы писателем как вторая часть романа. К подобным выводам приходит и Г. В. Мосалева: «Россия-Обломовка, казалось бы, никак не связана с образом корабля. Тем не менее, эта связь есть, и осуществляется она, прежде всего, через главного героя этого романа Илью Ильича Обломова – путешественника-созерцателя» [11, с. 659].

В «Обломове» концепт «чай» актуализирован как «неотъемлемая часть светского приема», который противопоставлен «чаю» как «элементу быта». Обломов отвергает высшее общество (по крайней мере, часть его обычаев), а чаепитие оказывается единственной светской привычкой, которую он готов принять. Чайный стол становится «пограничной» зоной – единственным местом, где герой готов вести общение: так, Обломов отказывается смотреть балет, однако предлагает Волкову альтернативный вариант общения – встретиться после спектакля за чаем. Традиции такой трапезы не вызывают у героя восторга, и он игнорирует духовную составляющую чаепития: чай для него – это не экзотический, а *повседневный* напиток, который можно хранить вместе с мылом и пить, не соблюдая церемоний (лежа, запивать им булки).

Все это позволяет сделать вывод о близости героев Гончарова и Карамзина: они чтят традиции и исследуют чайную культуру других стран. Мысли, на которые наталкивает героя-

³ Архимандрит Авакум [Честной] (1801–1866) – востоковед, участник экспедиции фрегата.

⁴ Интересно отметить, что восточной точкой отсчета границ России оказывается не Тихий океан, а «чайная столица» России – Кяхта [7; 17].

путешественника описание чаепития, направлены на глобальное сопоставление «своего» и «чужого». Гипотетическое сходство Обломова с Путешественником на фрегате в контексте отношения к чаю интерпретируется как возможность духовного перерождения в ходе путешествия, мотив которого периодически возникает на страницах романа «Обломов»: для того, чтобы герой увидел в чае нечто большее, чем повседневный напиток, ему было необходимо отправиться в плавание и познакомиться с традициями разных стран.

Список литературы

1. Азарцева А. Н., Земсков П. А. Традиции чайной церемонии в Китае, Англии и России // Архонт. 2019. № 4 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsii-chaynoy-tseremonii-v-kitae-anglii-i-rossii> (дата обращения: 26.02.2022).
2. Алеврас Н. Н. М. Карамзин и феномен «карамзинского консерватизма» // Россия и мир: панорама исторического развития. Екатеринбург : Волот, 2008. С. 42–47. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/19550>.
3. Белова Н. А. Концепт «Северные народы» в травелогe И. А. Гончарова «Фрегат «Паллада» // Вестник угроведения. 2019. № 3 (18). С. 8–16. URL: https://vestnik-ugrovedenia.ru/sites/default/files/vu/n.a_belova_0.pdf.
4. Бурдин И. В. Концепт «чай» в повести «Записки из Мертвого дома» и романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Вып. 13. Т. 2. С. 81–88. DOI: 10.17072/2073-6681-2021-2-81-88.
5. Бурдина С. В., Бурдин И. В. Художественный концепт «чай» в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина // Филологический аспект. 2019. № 11 (55). С. 172–176. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/khudozhestvennyj-kontsept-chaj-v-pismakh-russkogo-puteshestvennika-nm-karamzina.html>.
6. Гончаров И. А. Фрегат «Паллада»: очерки путешествия : в 2 т. Волгоград : 1986. 608 с.
7. Го Юй-Чунь Чайная торговля между Китаем и Россией в XVIII–XIX вв. в Кяхте и создание российской культуры чая // Современная научная мысль. 2020. № 5. С. 38–44. URL: https://helri.com/dop_faily/SNM-2020-5-soderzhanie.pdf.
8. Колягина Т. Ю. Оппозиция «свое-чужое» в «гастрономическом» тексте И. А. Гончарова (на материале писем писателя) // Динамика систем, механизмов и машин. 2012. № 4. С. 56–59.
9. Мазурик В. П. Путь чая // Труды Объединенного научного центра проблем космического мышления. 2009. № 2. С. 385–392.
10. Массон Б. В. Путешествие как рефлексия о путешествии («Фрегат "Паллада"» И. А. Гончарова) // Филологические науки. 2016. № 2 (24). С. 22–28.
11. Мосалева Г. В. Храмово-корабельная образность в «Обломове» И. А. Гончарова // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2017. № 5. С. 658–664. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hramovo-korabelnaya-obraznost-v-oblomove-i-a-goncharova>.
12. Редькин В. А. Литературно-культурологическое путешествие Гончарова // Молодой ученый. 2010. № 4 (15). С. 398–402. URL: <https://moluch.ru/archive/15/1388/>.
13. Соколов И. А. Чайная торговля в Российской империи в XIX – начале XX веков : дисс. ... канд. наук. М. : МГПУ, 2010. 20 с.
14. Сокольский И. Н. Какая-то трава вместо чая // Наука и жизнь. 2020. № 10. С. 107.
15. Субботин А. П. Чай и чайная торговля в России и других государствах: производство, потребление и распределение чая. СПб. : Типография Северного телеграфного агентства, А. Г. Кузнецов, 1892. 706 с.
16. Энгельгардт Б. М. «Путешествие вокруг света И. Обломова»: главы из неизданной монографии // Литературное наследство. М. : ИМЛИ РАН, 2000. С. 15–73.
17. Фильшин Н. Г. Кяхта и северный маршрут великого чайного пути // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2017. № 2. С. 57–61.
18. Sting S. Englishman in New York, lyrics // Genius. URL: <https://genius.com/Sting-englishman-in-new-york-lyrics> (дата обращения: 01.12.2021).
19. Davis N. Coffee or tea? The answer might be in your genes // The Guardian. 2018. № 11. URL: <https://www.theguardian.com/science/2018/nov/15/coffee-tea-drink-choice-study-linked-genes-how-we-perceive-bitterness>.
20. Tyler Varro E. The new honest herbal: a sensible guide to the use of herbs and related remedies. 2nd edition. Philadelphia : G. F. Stickley Co., 1987. 254 p.

The concept of "tea" as part of the semantic field "food" in travelogue by I. A. Goncharov «Frigate "Pallada"»

I. V. Burdin

postgraduate student of the Department of Russian Literature, Perm State University.
Russia, Perm. ORCID: 0000-0003-4378-4338. E-mail: burdin@post.cz

Abstract. The article examines the representations of the linguistic and cultural concept of "tea" in I. A. Goncharov's "essays on travel" «Frigate "Pallada"». The purpose of the work is to analyze the features of the actualization of the concept under study in the travelogue, which contains a comparison of foreign tea ceremonies with the traditions of Russian "literary tea drinking".

The work analyzes fragments of the travelogue text, in which tea and related concepts are mentioned – "tea drinking", "plantation", "decoction" and others. Representations of the concept of "tea" are included in the broader semantic field of "food", which is an important component of the plot and the ideological concept of the work.

The analysis carried out in the work, supported by the conclusions of scientists, allowed us to conclude that in the «Frigate "Pallada"» I. A. Goncharov continued the traditions of N. M. Karamzin not only in the plot-compositional aspect, but also in the approach to the actualization of the concept of "tea". In both works, the tea party turned out to be a "field" for comparing "one's own" and "someone else's" culture, and I. A. Goncharov continued and developed the traditions of his predecessor. The concept of "tea", included in the semantic field of "food", has become one of the central concepts that reveal the ideological content of the work.

The results of the study allow us to expand and deepen the conclusions of scientists about the artistic functions of the concept of "food" in the travelogue «Frigate "Pallada"», to reveal new pages of the history of tea consumption in Russia and to show the specifics of the Russian "literary tea drinking". The proposed conclusions allow us to show the role of national traditions of tea drinking in the process of intercultural communication, to identify the features of the dialogue of cultures in the XIX century.

Keywords: conceptual analysis, essay, dialogue of cultures, literary tea drinking, linguistic picture of the world, tradition.

References

1. Azarceva A. N., Zemskov P. A. *Tradicii chajnoj ceremonii v Kitae, Anglii i Rossii* [Traditions of the tea ceremony in China, England and Russia] // *Arhont* – Archon. 2019. No. 4 (13). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsii-chajnoj-tseremonii-v-kitae-anglii-i-rossii> (date accessed: 26.02.2022).
2. Alevras N. N. N. M. Karamzin i fenomen "karamzinskogo konservatizma" [N. M. Karamzin and the phenomenon of "Karamzin conservatism"] // *Rossiya i mir: panorama istoricheskogo razvitiya* – Russia and the world: a panorama of historical development. Yekaterinburg. Volot, 2008. Pp. 42–47. Available at: <https://elar.ufr.ru/handle/10995/19550>.
3. Belova N. A. *Koncept "Severnnye narody" v traveloge I. A. Goncharova «Fregat "Pallada"»* [Concept "Northern peoples" in I. A. Goncharov's travelogue "Frigate Pallada"] // *Vestnik ugrovedeniya* – Herald of Ugrovedenie. 2019. No. 3 (18). Pp. 8–16. Available at: https://vestnik-ugrovedenia.ru/sites/default/files/vu/n.a_belova_0.pdf.
4. Burdin I. V. *Koncept "chaj" v povesti "Zapiski iz Mertvogo doma" i romane "Prestuplenie i nakazanie" F. M. Dostoevskogo* [The concept of "tea" in the story "Notes from the Dead House" and the novel "Crime and Punishment" by F. M. Dostoevsky] // *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya* – Herald of Perm University. Russian and foreign philology. 2021. Is. 13. Vol. 2. Pp. 81–88. DOI: 10.17072/2073-6681-2021-2-81-88.
5. Burdina S. V., Burdin I. V. *Hudozhestvennyj koncept "chaj" v "Pis'mah russkogo puteshestvennika" N. M. Karamzina* [The artistic concept of "tea" in the Letters of a Russian traveler by N. M. Karamzin] // *Filologicheskij aspekt* – Philological aspect. 2019. No. 11 (55). Pp. 172–176. Available at: <https://scipress.ru/philology/articles/khudozhestvennyj-kontsept-chaj-v-pismakh-russkogo-puteshestvennika-nm-karamzina.html>.
6. Goncharov I. A. *Fregat "Pallada": ocherki puteshestviya : v 2 t.* [Frigate "Pallada": essays on travel : in 2 vols]. Volgograd. 1986. 608 p.
7. Guo Yu-Chun. *Chajnaya trgovlya mezhdru Kitaem i Rossiej v XVIII–XIX vv. v Kyahte i sozdanie rossijskoj kul'tury chaya* [Tea trade between China and Russia in the XVIII–XIX centuries in Kyakhta and the creation of the Russian tea culture] // *Sovremennaya nauchnaya mysl'* – Modern scientific thought. 2020. No. 5. Pp. 38–44. Available at: https://helri.com/dop_faily/SNM-2020-5-soderjanie.pdf.
8. Kolyagina T. Yu. *Oppozitsiya "svoe-chuzhoe" v "gastronomicheskom" tekste I. A. Goncharova (na materiale pisem pisatelya)* [The opposition "one's own-another's" in the "gastronomic" text by I. A. Goncharov (based on the material of the writer's letters)] // *Dinamika sistem, mekhanizmov i mashin* – Dynamics of systems, mechanisms and machines. 2012. No. 4. Pp. 56–59.
9. Mazurik V. P. *Put' chaya* [The way of Tea] // *Trudy Ob'edinennogo nauchnogo centra problem kosmicheskogo myshleniya* – Proceedings of the Joint Scientific Center for Problems of Cosmic Thinking. 2009. No. 2. Pp. 385–392.

10. Masson B. V. *Puteshestvie kak refleksiya o puteshestvii («Fregat "Pallada"» I. A. Goncharova)* [Travel as a reflection on travel («Frigate "Pallada"» by I. A. Goncharov)] // *Filologicheskie nauki – Philological sciences*. 2016. No. 2 (24). Pp. 22–28.
11. Mosaleva G. V. *Hramovo-korabel'naya obraznost' v "Oblomove" I. A. Goncharova* [Temple-ship imagery in "Oblomov" by I. A. Goncharov] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istorija i filologiya – Herald of the Udmurt University. Series: History and Philology*. 2017. No. 5. Pp. 658–664. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/hramovo-korabelnaya-obraznost-v-oblomove-i-a-goncharova>.
12. Red'kin V. A. *Literaturno-kul'turologicheskoe puteshestvie Goncharova* [Literary and cultural journey of Goncharov] // *Molodoj uchenyj – Young scientist*. 2010. No. 4 (15). Pp. 398–402. Available at: <https://moluch.ru/archive/15/1388/>.
13. Sokolov I. A. *Chajnaya trgovlya v Rossijskoj imperii v XIX – nachale XX vekov : diss. ... kand. nauk* [Tea trade in the Russian Empire in the XIX – early XX centuries : diss. ... PhD]. M. MSPU. 2010. 20 p.
14. Sokol'skij I. N. *Kakaya-to trava vmesto chaya* [Some kind of herb instead of tea] // *Nauka i zhizn' – Science and life*. 2020. No. 10. P. 107.
15. Subbotin A. P. *Chaj i chajnaya trgovlya v Rossii i drugih gosudarstvah: proizvodstvo, potreblenie i raspredelenie chaya* [Tea and tea trade in Russia and other countries: production, consumption and distribution of tea]. SPb. Printing house of the Northern Telegraph Agency, A. G. Kuznetsov. 1892. 706 p.
16. Engel'gardt B. M. *"Puteshestvie vokrug sveta I. Oblomova": glavy iz neizdannoj monografii* ["I. Oblomov's Journey around the World": chapters from an unpublished monograph] // *Literaturnoe nasledstvo – Literary Heritage*. M. IMLI RAS. 2000. Pp. 15–73.
17. Fil'shin N. G. *Kyahta i severnyj marshrut velikogo chajnogo puti* [Kyakhta and the northern route of the Great Tea Way] // *Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta. Ekonomika i menedzhment – Herald of the Buryat State University. Economics and Management*. 2017. No. 2. Pp. 57–61.
18. Sting S. Englishman in New York, lyrics // Genius. Available at: <https://genius.com/Sting-englishman-in-new-york-lyrics> (date accessed: 01.12.2021).
19. Davis N. Coffee or tea? The answer might be in your genes // The Guardian. 2018. № 11. Available at: <https://www.theguardian.com/science/2018/nov/15/coffee-tea-drink-choice-study-linked-genes-how-we-perceive-bitterness>.
20. Tyler Varro E. *The new honest herbal: a sensible guide to the use of herbs and related remedies*. 2nd edition. Philadelphia : G. F. Stickley Co., 1987. 254 p.

Образ нижегородского ярмарочного театра в травелогах XIX в.

Е. И. Никанорова

аспирант, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина.
Россия, г. Нижний Новгород. E-mail: ek.nickanorova2018@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается изображение Макарьевского (впоследствии Нижегородского) ярмарочного театра русскими и зарубежными путешественниками XIX века – О. Реманом, И. Долгоруким, Д. Хвостовым, А. Островским, С. Максимовым, М. Семевским, П. Кропоткиным, Л. Кэрроллом, П. Крушеваном и Н. Гарин-Михайловским.

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к проблеме национальной идентичности и самобытности. Дается краткая характеристика развития театра в России в XIX столетии, прослеживаются истоки его зарождения в Нижнем Новгороде. Показано, что образ Макарьевского/Нижегородского ярмарочного театра в путевых очерках, заметках и письмах имеет свою характерную, провинциальную особенность, проявляющуюся и отражающуюся через призму восприятия столичных и иностранных гостей. Особое внимание путешественники уделяют описанию игры актеров, их костюмам и работе с публикой. В статье приводятся примеры названий пьес, артистов местных и приезжих, устройство самого театра. В настоящей работе тема ярмарочного театра в травелогах русских и иностранных путешественников рассматривается в рамках сравнительно-исторического и комплексного методов при соблюдении хронологического порядка исследования. Представлены результаты сопоставительного анализа произведений авторов, создавших свою интерпретацию и видение Нижегородского ярмарочного театра, ставшего своеобразным олицетворением намерения и попытки антрепренеров XIX столетия приблизить и превратить провинциальный и малоизвестный театр в место, являющееся центром притяжения людей разного сословия и чина. Новизна и уникальность исследования связана с тем, что образ ярмарочного театра XIX века представлен и рассмотрен с точки зрения его восприятия современниками, сложивших свое индивидуальное и во многих случаях неслестное мнение.

Ключевые слова: путевые записки/очерки, Нижний Новгород, травелог, путешествие.

В XIX в. развитие культурной жизни России было сопряжено с развитием театра. На протяжении всего столетия меняется картина театральной жизни. Быстро возрастает численность театральных трупп, расширяется состав артистов. Активно увеличивается сеть театральных компаний в провинции – не только в силу организации театров на муниципальные средства, но и за счет нарастающей личной инициативы. Именно провинция, по воззрению историографа А. С. Гациского, сосредотачивает в себе все средства и возможности, осуществленные впоследствии в столице. Это касается журналистики, литературы, театра и другого: «умейте только прислушиваться к провинции и понимать, что она говорит; не смотрите на нее так, как смотрит на сельской ярмарке фигляр с высоты своего балкона на галдящую у ног его толпу» [5, с. 23].

В губернских городах формируются театры на паевых началах, появляются антрепризы, значительное количество крепостных театров меняют свою ориентацию на коммерческие, действовавшие прежде в качестве домашних трупп помещиков-театралов. Большинство театров переезжают с места на место в поисках сборов, захватывая в своих скитаниях все более широкую территорию и круг зрителей [21].

Нижегородский театр принадлежал к числу старейших русских театров. В Нижнем, по словам одной настольной грамоты 1672 г., «преименитом и начальнейшем Низовския земли граде», переводили в последней четверти XVIII в., не считая повестей с австрийского, драмы Шекспира и Кальдерона с французских переводов; создавались и печатались уникальные сочинения. Из нижегородских переводчиков того времени необходимо назвать протоиерея Савву Сергиевского, а из сочинителей – Якова Васильевича Орлова, издававшего свои сочинения преимущественно в стихотворной форме [4, с. 167].

Рядом с такой переводной литературной деятельностью Нижнего шло образование в нем театра сначала «любительского», позже перешедшего в публичный. В это время формируется значительная труппа присяжных актеров – Харитонов, Козловский и Грымзалкин.

Учредителем этого публичного нижегородского театра был местный помещик князь Николай Григорьевич Шаховской (1754–1824). Первые сведения о данном театре появляются еще в конце XVIII в., когда князь лишь только начал «формировать» его в своем ардатовском имении в селе Юсупове и время от времени привозил актерскую труппу на показ столичным зрителям. С 1798 г., когда Шаховской бесспорно поселился и устроился в Нижнем Новгороде, его крепостная труппа уже стала предметом оживленных разговоров и сплетен. Николай Григорьевич был чрезвычайно категоричным цензором своего времени и вычеркивал из пьес не раздумывая все, что казалось двусмысленным. Немало смешило современников князя то обстоятельство, что в деревне партер его театра набивался подневольной публикой, то есть крепостными же крестьянами, которые сгонялись в театр по наряду и отбывали эту повинность «бездоимочно», если не считать водки, отпускавшейся иногда князем этим послушным зрителям [8, с. 85].

Репертуар сего необычного и исключительного театра создавался смело и неординарно. В частности, до постановки пьесы на сцену Шаховской не осведомлялся, собственно, что это за пьесы, а все решалось на одной из последних репетиций, когда он оглашал свое решение: «быть» или «не быть».

На сцене Нижегородского театра во время Шаховского давались те же комедии, трагедии и драмы, какие давались в Петербурге и Москве, из опер же – «Титово милосердие», «Волшебная флейта», «Калиф багдадский» и другие. Плата за отдельный спектакль составляла: за кресло – 2 рубля 50 копеек, партер – 50 копеек, парадиз – 25 копеек; партер располагался за оркестром, а кресла стояли за ним в конце зала.

Во время проведения Макарьевской ярмарки, проходившей до 1817 г. в Макарьеве, вся труппа отправлялась туда в июле и играла постановки в особо устроенном деревянном здании, где были кресла и ложи, всего на 1000 человек, также принадлежавшем Шаховскому. Спектакли шли каждый день, начиная с восьми часов вечера, между тем все без исключения места всегда были выкуплены заранее. Именно на Макарьевской ярмарке Николай Алексеевич Полевой (1796–1846) в первый раз знакомится с театром. «Театр Макарьевский, – пишет Н. Полевой в одном из писем к Ф. В. Булгарину, – сколько могу поверять тогдашние впечатления, был очень порядочный, если сообразить время и средства <...> Давались драмы, оперы, комедии. Я видел тогда «Гуситов под Наумбургом», «Эпиграмму» и «Деву Солнца» Коцебу и «Редкую вещь», да две-три маленькие пьески. Напрасно хотел бы я рассказать вам, что чувствовал я, сидя в креслах, в первый раз от роду, в театре, когда, весь превратившись в слух и внимание, я ловил каждое слово актеров <...> заливался слезами, и – право вышел из театра добрее, нежели вошел в него» [8, с. 88].

С переводом ярмарки в Нижний Новгород Шаховской построил новый театр здесь, отдельно от городского. Не считая неизменной труппы, на нижегородской сцене по приглашению князя являлись актеры из сторонних театров. В частности, в 1821 г. на сцене ярмарочного театра блистал артист императорских московских театров Канищев. Он за приезд на ярмарку получил бенефис, в котором дана была комедия «Чудесные встречи, или Суматоха в маскараде»; бенефициант исполнял в ней роль Разъездова и заслужил игрой своей «особую признательность публики, бросившей ему кошелек с значительной суммой» [15, с. 373, 374].

В период 1820–1830-х гг. на сцене Нижегородского театра играли во время ярмарки артисты императорских театров: Петербургского – Григорьев, Воротников; Московского – Щепкин, Мочалов, Сабуров, Лавров, Орлов, Живокини; артистки: Петербургского – Дюр, Московского – Львова-Синецкая, Орлова, Филис [25, с. 405].

Спектакли составлялись всякий раз из одной трехактной или же пятиактной драмы, комедии, трагедии, оперы или балета, также трехактного или пятиактного; после трагедии, драм, комедий постоянно давались одноактные комедии, оперы, водевили, балеты или дивертисменты; последние обыкновенно составлялись всегда из разных танцев и пения [25, с. 405]. Перед большими балетами давались одноактные и двухактные пьески, но перед большими операми – «Русалкой», «Невидимкой» и тому подобное – и после них уже не давалось ничего [25, с. 406].

Одним из первых, кто посетил Ярмарочный театр на Макарьевской ярмарке, стал генерал-штаб-доктор Осип Реман (1779–1831). обстоятельные записки Ремана, сделанные в 1805-м по пути в Китай, представляют собой ценность как одно из немногих живых непосредственных свидетельств о том, что представляло собой это крупнейшее в России торжище и сам театр в частности. К труппе Шаховского Реман относится больше со снисхождением, чем с похвалой,

подмечая: «Посредственная игра актеров не столько привлекала внимание, как различие и пестрота в одеждах и изумленные лица разных народов, помещавшихся на скамьях партера в живописных группах. Здесь обыкновенно представляют русские оригинальные комедии; некоторые из них очень хороши; также играют некоторые пьесы, переведенные с немецкого» [18, с. 232, 233]. О. Реман говорит о гостеприимстве князя, сочинившего по случаю приезда посольства балет и пожелавшего всякого успеха в путешествии.

Макарьев посещает поэт и мемуарист Иван Михайлович Долгорукий (1764–1823). «Журнал Путешествия из Москвы в Нижний 1813 года» – одна из подобных его книг, основу которой составляют наблюдения и непритязательные размышления о жизни провинции. Подобно Реману, Долгорукий высмеивает труппу князя, состоящую исключительно из его «холопов, от которых чего же можно ожидать». Князь крайне неліцеприятно отзывается об игре актеров: «Скажу только просто, что зрелища театральные весьма хороши в Нижнем для людей сего разряда, но, назвав их актерами, почти нельзя без отвращения смотреть на их телодвижения: они не играют, а, так сказать площадным словом, кривляются; но повторим, что для холопей и это больше, нежели чаять должно» [7, с. 29].

И. М. Долгорукий задумывается о прибыли и выгоде князя Шаховского, который «...всякий год ставит на скорую руку для театра дощатый сарай <...> и на весь июль привозит свою труппу» [7, с. 29]. Путешественника возмущает цена за вход, сравнимая разве что с московской, хотя декорации весьма посредственны, «одевание не всегда сообразно с характером пьесы», а освещение всего хуже, т. к. «везде горит сало и обоняние терпит» [17, с. 232, 233]. Однако несмотря на всю посредственность и провинциальность увиденного, князь искренне восхищается размером зала театра, способного вместить до 1000 человек зрителей и небольшой оркестр, состоявший также из холопов.

По странной иронии судьбы, именно на этих подмостках довелось князю Долгорукому увидеть, кроме комедий «Бобыль», «Чудаки», «Отец семейства», также и представление своей собственной оперы «Любовное волшебство». Вот как иронизирует почтенный создатель над воплощением собственного произведения усилиями и тщаниями крепостных: «К особенному моему счастью, или несчастью, попала опера в руки кн. Шаховского, он ее соизволил изуродовать вдосталь: отсек несколько явлений, сократил чудеса, выпустил иные арии, словом, скроил чужой кафтан по своей мерке и рассудил дать ее на Нижегородском театре» [8, с. 93].

На ярмарку приезжали и столичные гастролеры: так тот же князь Долгорукий рассказывает, с каким энтузиазмом московское купечество в 1813 г. устроило шумную овацию в театре двум артистам Московского вольного театра, а именно: Кондаков и Лисицын, приезжавшим на ярмарку поправить свои денежные обстоятельства после разорения во время нашествия французов.

Закончился период Макарьевской ярмарки 18 августа 1816 г.: страшный пожар уничтожил ярмарочные строения вместе с театром. Весной 1817 г. А. А. Бетанкур (1758–1824) с группой столичных инженеров прибыл в Нижний Новгород для рассмотрения вопроса о положении дальнейшего устройства переведенной сюда из-под стен Макарьев-Желтоводского монастыря ярмарки. Ими было осмотрено в Нижнем несколько возможных строительных площадок: терраска откоса высокого правого берега Волги между Солдатской слободой и Печерским монастырем, Печерское поле по сторонам древней Казанской дороги и Стрелица Оки и Волги. Окончательный выбор пал на последнее место, где могли приставать практически к самым торговым корпусам купеческие суда, шедшие как по Волге, так и по Оке [2, с. 181].

Новую ярмарку и театр увидел в 1821 г. граф Дмитрий Иванович Хвостов (1757–1835), изложивший свои впечатления в путевых записках, сочиненные им во время путешествия. Граф любит Нижний Новгород, дивится красоте панорамы, открывающейся перед ним с нагорной части, а сама ярмарка «кажется местом пира и торжества; все цветет, везде богатство и даже вкус» [24, с. 27]. Д. И. Хвостов, делясь своими наблюдениями о ярмарочном театре, излагает факты в крайне лаконичной и информационной форме, где: «В тот день, в который я был в театре, играли «Казака-стихотворца» и «Воздушные замки». Кресла по 250 к. с персоны, а прочие места по рублю. Играли не худо; сбор был на тот день до двух тысяч рублей... Театр сей имеет ложи, помещает до 500 зрителей и довольно обширную сцену с уборными по бокам» [24, с. 27, 28]. В конце граф дает свою оценку труппе Шаховского, подмечая, что она едва ли не лучшая между провинциальными.

Неліцеприятно и с нескрываемым сарказмом описывает ярмарочный театр русский драматург-классик Александр Николаевич Островский (1821–1886), посетивший Нижний

Новгород в августе 1848 г., куда приехал из Москвы. Островский сравнивает театр с балаганом, наспех сколоченный из досок, жалуется на неопрятность лож и холод в помещении. Писателя возмущает непунктуальность актеров, задержавших представление на полтора часа. Далее Островский делится горьким опытом: «Я ходил в кондитерскую, устроенную в театре, спросил чашку кофе; мне отвечали: «У нас кофе-с нет-с, некогда варить, да и не требуется». – А что же у вас есть? – «Есть водка, вины и больше ничего» [14, с. 9]. Дрожа от холода и долгого ожидания, Островский собирался «разругать театр, актеров, современное состояние драматического искусства на ярмарке, в России, во всем свете, раскритиковать публику, ярмарку, Россию...» [14, с. 10]. Русский драматург дает свою оценку великому сходбищу, подмечая, что ярмарка – место удивительное и волшебное, в случае если наблюдать издали, но лишь только начинаешь анализировать и вникать в тонкости и детали, поэзия места исчезает, и, не считая солидных масштабов и множества костюмов и лиц, ничего не видишь.

Во второй половине XIX столетия Нижегородская ярмарка получила дальнейшее развитие. В 1850-е гг. были проведены значимые градостроительные работы, также усовершенствована система дорог, спроектирована и выполнена упорядоченная застройка вдоль набережных обводного канала и Оки. Крупные изменения произошли в районе Театральной улицы, к этому времени она получила почти сплошную фасадную застройку и проходила вглубь территории ярмарки [26, с. 121]. Кварталы и улицы, прилегавшие к ярмарке, стали отличным увеселительным центром. До этого времени хотя здесь и были сосредоточены «комедии», качели, трактиры и катальные горки, но они строились случайно и не составляли единого комплекса [26, с. 117–119].

Очерк о Нижегородской ярмарке, которую посетил известный русский путешественник и ученый-этнограф Сергей Васильевич Максимов (1831–1901) в августе 1855 г., стал центральным в книге «Лесная глушь» (1871): именно сюда, на ярмарку сходится Россия – люди разных сословий, разных губерний, разных вероисповеданий, сюда свозится все лучшее, что можно увидеть в стране. Максиму блестяще удастся показать многоголосье посетителей ярмарки, но он не идеализирует ни саму ярмарку, ни Русь – здесь есть и пронырливые дельцы, и дармоеды, и недалекие «грамотеи», обладающие скверным вкусом. Очеркист оставляет свой отзыв и о ярмарочном театре, ставшим популярным местом для заезжих столичных артистов. Серое здание театра со всех сторон облеплено афишами с известными именами, среди которых мелькает имя русского актера-импровизатора Василия Игнатьевича Живокини (1805–1874). Путешественник подмечает, что, несмотря на большое количество афиш, расположенных не только на здании театра, но и на столбах, публики мало: «внутренность театра неудобна, освещена дурно какими-нибудь тремя десятками свечей, неудобно прилепленных к ломам; всюду сквозит ветер, музыканты играют хотя и старательно, но всегда фальшиво» [11, с. 277, 278]. Максимов с сожалением отмечает тот факт, что пьесы разыгрываются плохо и «со всегдашним враньем». Такой провал ярмарочного театра мог быть связан с новым антрепренером Ф. К. Смольковым, славившимся своей невероятной скупостью и алчностью.

Представляется важным проследить, какое впечатление складывается у двух важных и известных ученых и историков, побывавших в ярмарочном театре приблизительно в одно время (1860-е): Михаил Иванович Семевский (1837–1892) и Петр Алексеевич Кропоткин (1842–1921). Если для первого все кажется достаточно тривиальным и обыденным, где на афише объявлено: «волжский разбойник, драма, как все ярмарочные драмы, со всеми ужасами» [19, с. 131], то для второго – это событие связано с приездом знаменитого артиста Ковентгардена – Айра Ольдриджа, слух о котором разнесся по всему городу задолго до его приезда. Кропоткин отнесся к игре актера крайне придирчиво: «не мешало бы немного более игры физиономии, – она у него слишком неподвижна», «характер не так проводится». Ученый также подмечает посредственную игру оркестра, «однако играет вещи порядочные – «Увертюра Вильгельма Телля», «Il Vascio» и серьезные бетховенские увертюры, но фальшивят частенько» [9, с. 14]. Путешественник был удивлен правилами посещения театра в пальто, но «войти в театр без пальто холодно, двери на улицу настежь», и спектакль задержали почти на час, что вызвало негодование посетителей.

Стоит отметить, что вторая половина XIX в. характеризуется как период расширения и укрепления русско-зарубежных литературных связей. Бескрайняя и загадочная Россия с давних пор привлекала европейских путешественников и искателей приключений. Многие из них делились с соотечественниками увиденным, Герберштейн и Олеарий, Горсей и Манштейн – вот имена лишь немногих известных зарубежных мемуаристов, побывавших в России в XVI–

XVIII вв., и записки которых не раз издавались на их Родине. Немало иностранцев побывало в России в XIX в., многие их воспоминания, дневники, путевые заметки были опубликованы.

Одним из самых видных гостей Нижнего Новгорода был английский писатель Чарльз Латуидж Доджсон (1832–1898), более знакомый читателям под псевдонимом Льюис Кэрролл. Он приезжает в город в 1867 г. как раз в разгар ярмарки, проводившейся ежегодно официально с 15 июля по 25 августа. В дневнике Кэрролла можно найти и его отзыв о посещении театра. Примечательно, что, побывав в Москве в Малом театре, писатель отдает свое предпочтение Нижегородскому. Льюис Кэрролл под впечатлением от актерской игры двух, тогда еще малоизвестных, артистов театра Александра Павловича Ленского и Анны Петровны Сорокиной, путешественник отметил исключительность и блистательность их таланта. Особенно ему понравилась пьеса-бурлеск «Аладдин и волшебная лампа», автор подмечает, что пели и танцевали весьма прилично, а актеры очень внимательно следили за действием и своими партнерами и так мало смотрели в зал. Тем не менее зрителей пришло немного, зал был заполнен на одну десятую.

С начала 1890-х гг. меняется характер самого ярмарочного театра и отношение публики к нему: все больше приезжают артисты из столицы; ставятся иностранные пьесы, больше драмы и оперы; публика разношерстная, ярмарочная, «гуляющая». Дальнейшая судьба театра, кажется, предопределена, так как «душу российскую тянет туда, где есть вино и арфистки. Таким требованиям удовлетворяют трактиры» [6, с. 574].

В путевых записках «Что такое Россия?» (1900) писателя и общественного деятеля Павла Александровича Крушевана (1860–1909) описывается интересный случай, произошедший в 1890-х на Нижегородской ярмарке. Писатель недоумевает, почему ни местные извозчики, ни городской не знают, где театр, хотя сам разговор проходит «в двух шагах от ярко освещенного подъезда ярмарочного театра», где и была опера «Снегурочка». П. А. Крушеван с журналистской точностью дает лаконичное и четкое описание «неуклюжего огромного здания»: «Театр большой, но неуютный. Артисты московской оперы. И партер, и ложи битком набиты. В говоре преобладает оканье. Душная атмосфера пропитана винными парами. Хотя опера и московская, но ансамбль неважный; хоры хромают, в оркестре недочеты. Кассилов в роли бобыля Вакулы очень удачно копирует волжское оканье» [10, с. 86]. П. А. Крушеван обращает больше внимания на публику, чем на игру актеров. Для него зрители – это стихия, способная иногда и с ревом аплодировать, и выкрикивать; писатель сравнивает публику с вихрем безотчетного экстаза и «нутреннего» восприятия, чей угар отразился и на исполнителях.

Ярмарочный театр теряет свою значимость и известность в год проведения Всероссийской промышленной и художественной выставки (1896). В путевых очерках и заметках путешественников изредка упоминается ярмарочный театр, все больше речь идет о Николаевском Нижегородском драматическом театре (нынешний Нижегородский театр драмы им. М. Горького).

В год промышленной и художественной выставки в город приезжает русский инженер и писатель Николай Георгиевич Гарин-Михайловский (1852–1906). Он размышляет об увиденном как инженер-практик, пытаясь отметить для себя будущие пути развития России, поэтому Большой ярмарочный театр его мало занимает, лишь вскользь упоминает, что это «...тип провинциального театра для наживы с громкими именами для рекламы и со всей остальной балаганной обстановкой (урезанной оперой, плохим хором, невозможным оркестром, бедной труппой)». Путешественник дает обратное описание городскому театру, где «...каждая деталь отделана, масса нового в постановке опер, прекрасный хор, оркестр, красивый ансамбль исполнителей. Сцена живет, увлекает» [3, с. 667].

Подводя итог сказанному, стоит отметить, что во всем своем комплексе Нижегородская ярмарка представляла собой общероссийскую достопримечательность и потому собирала ежегодно сотни тысяч не только торгующих, но и путешествующих по России, которых привлекал колорит многоязычного торгового гулянья, где, как говорили современники, Европа сталкивалась с Азией. Впечатление от ярмарки той поры образно передал безымянный составитель путеводителя 1833 г.: «Толпы народа любят в лавках на многообразность и прелестное положение товаров. Звон колоколов, крики фигляров, барабаны комедиантов, пение слепых нищих, звонкий зов сидельцов, приговорки квасников, сбитенщиков и разных разнощиков, производя все то в одном месте и смешиваясь с гулом 200 000 человек, наводят какое-то изумление» [23, с. 128].

Образ ярмарочного театра стоит особняком в череде «увеселительных балаганов» ярмарки; ярмарочное искусство – продукт, подчиняющийся законам рынка, вследствие этого

вместе с классическим и привычным необычное и оригинальное играло большую роль в ярмарочных забавах и увеселениях. Для князя Шаховского театр был больше коммерческим; взамен монументальных опер с перевоплощениями, с помпезными декорациями и роскошными костюмами, с многообразными триумфальными маршами бесчисленных статистов и сценическими эффектами содержатель нижегородского театра отдавал предпочтение постановкам не колоритным. Идя в ногу с модой, Шаховской отдавал предпочтение водевилям, комедиям, драмам [22]. Представление о ярмарочном театре (или «Theatre de la Foire» Т. Готье) XIX в. складывается из путевых заметок и очерков известных писателей и путешественников того времени, где они делятся своими впечатлениями о спектаклях, актерах, зрителях. Театр данного типа создавался исключительно ради выгоды и имел в большей степени развлекательный характер; ни Н. Г. Шаховской, ни впоследствии Н. Н. Фигнер не ставили своей главной задачей привить художественный вкус, требовательность и сознательность зрителю, тем более что публика представляла собой смешение классов и титулов, поэтому для большинства посетителей театр – это место, где можно было скоротать время, чтобы потом отправиться в трактир, где были хоры арфисток, шансонетки, певички и всевозможные увеселители. С невыносимой и смутной грустью пишет в своих воспоминаниях артист малороссийской труппы К. И. Ванченко о том, что «ярмарка в то время представляла собой сплошную оргию разгула, разнузданности, безобразий и разврата, куда русское купечество, под предлогом торговых сделок, съезжалось со всех концов России. Такому субъекту не до театров и разумных развлечений...» [12, с. 154].

Список литературы

1. Адрианов Ю. А., Шамишурин В. А. Старый Нижний : историко-литературные очерки. Н. Новгород : СММ, 1994. 240 с.
2. Боголюбов А. Н., Павлов В. Е., Филатов Н. Ф. Августин Бетанкур (1758–1824). Ученый, инженер, архитектор, градостроитель. Н. Новгород : ННГУ, 2002. 219 с.
3. Гарин-Михайловский Н. Г. Собрание сочинений. М. : Гос. изд-во художественной литературы, 1958. Т. 5. С. 660–668.
4. Гациский А. С. Нижегородский летописец. Н. Новгород : Нижегородская ярмарка, 2001. 716 с.
5. Гациский А. С. Смерть провинции, или нет? : (Открытые письма Д. Л. Мордовцеву). Письмо 1 / [соч.] А. С. Гациского. Н. Новгород : Тип. Нижегород. губ. правл., 1876. - [4], 24 с.; 20.
6. Дедлов В. А. Вокруг России: Польша – Бессарабия – Крым – Урал – Финляндия – Нижний: портреты и пейзажи. СПб. : М. М. Ледерле и Ко, 1895. С. 506–520, 528–531, 540–587.
7. Долгорукий И. М. Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года князя И. М. Долгорукого. М. : Университетская типография (Катков и Ко), 1870. С. 14–17, 21–33, 36–38, 40–51, 82–92, 95, 98, 100–109.
8. Евреинов Н. Н. Крепостные актеры : популярный исторический очерк. Изд. 2-е, перераб. и доп. Ленинград : Изд-во Кубуч, 1925. 132 с.
9. Кропоткин П. А. Дневник П. А. Кропоткина. М. – Пг. : Гос. изд-во, 1923. С. 8–16.
10. Крушеван П. А. Что такое Россия? Путевые заметки. М. : Типолитография Высочайше утвержд. т-ва Кушнерев и Ко, 1896. С. 76–103.
11. Максимов С. В. Лесная глушь: картины народного быта из воспоминаний и путевых заметок : в 2 т. Т. 1: Извошки; Швецы; Сергач; Булыня; Маляр; Колдун; Сотской; Вотяки; Нижегородская ярмарка; После ярмарки / [соч.] С. Максимова. СПб. : [тип. К. Н. Плотникова], 1871. С. 266–301.
12. Мельников А. П. Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки: столетие Нижегородской ярмарки (1817–1917). Изд. 2-е. Н. Новгород : НКЦП, 1993. 300 с.
13. Милюков А. Летние поездки по России. Записки и путевые письма. СПб. : Типография Скарятинна, 1874. С. 137–168, 267, 274–275.
14. Островский А. Н. Дневники и письма. М. – Л. : Academia, 1937. С. 9–11.
15. Отечественные записки, издаваемые Павлом Свиныным. СПб. : В типографии В. Плавильщикова, 1821. [Ч. 7]. С. 243–398.
16. Проезжая через Нижний / сост. Н. В. Морохин, Д. Г. Павлов. Н. Новгород : Книги, 2012. 656 с.
17. Путешественники / сост. Н. В. Морохин, Д. Г. Павлов. Н. Новгород : Книги, 2009. 736 с.
18. Реман О. Северный архив, 1822, ч. 2, Макарьевская ярмонка. Выписка из неизданного путешествия по восточной России, Сибири и Китайской Мунгалии // Северный архив. 1822. Ч. 2. № 8, с. 138–156; № 9, с. 199–242.
19. Семевский М. И. Прогулка в Нижний Новгород // Русский вестник. М. : Тип. Каткова и Ко, 1860. Т. 28. С. 128–143.
20. Таланова А. Н. «Нижегородский театр, 1798–1867 гг.» А. С. Гациского в контексте эволюции института театральной критики в провинции. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nizhegorodskiy>

teatr-1798-1867-gg-a-s-gatsiskogo-v-kontekste-evolyutsii-instituta-teatralnoy-kritiki-v-provintsii/viewer (дата обращения: 25.02.2022).

21. Театр и театральность русского дворянства начала XIX века. URL: <https://diletant.media/articles/33492565/> (дата обращения: 25.02.2022).

22. Театральные представления на нижегородской ярмарке. URL: https://studexpo.ru/316275/kulturologiya/chast_istoriko_kulturnaya_osnova_nizhegorodskoy_yarmarki_sotsialnye_problemy_postanovki (дата обращения: 17.02.2022).

23. Филатов Н. В. Нижний Новгород пушкинской поры. 1833 год. Горький : Волго-Вятское кн. изд-во, 1983. 159 с.

24. Хвостов Д. И. Путевые записки графа Д. И. Хвостова, сочиненные им во время путешествия его из Санкт-Петербурга по Тихвинскому тракту в разные города Российской Империи и обратно в Санкт-Петербург; с приложением Истории Смоленского Кадетского корпуса, письма к Графу Коновницину, исторического описания Арзамаса и проч. и проч. М. : Университетская типография, 1824. С. 24–33.

25. Храмовский Н. И. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Н. Новгород : Изд-во «Нижегородская ярмарка», 1998. 608 с.

26. Шумилкин С. М. Нижегородская ярмарка. Н. Новгород : Понедельник : Волго-Вятское кн. изд-во, 1996. 224 с.

The image of the Nizhny Novgorod Fair Theater in the travelogues of the XIX century

E. I. Nikanorova

postgraduate student, Nizhny Novgorod State Pedagogical University n. a. K. Minin.
Russia, Nizhny Novgorod. E-mail: ek.nikanorova2018@yandex.ru

Abstract. The article examines the image of the Makaryev (later Nizhny Novgorod) Fair theater by Russian and foreign travelers of the XIX century – O. Reman, I. Dolgoruky, D. Khvostov, A. Ostrovsky, S. Maksimov, M. Semevsky, P. Kropotkin, L. Carroll, P. Krushevan and N. Garin-Mikhailovsky.

The relevance of the research is due to the growing interest in the problem of national identity and identity. A brief description of the development of the theater in Russia in the XIX century is given, the origins of its origin in Nizhny Novgorod are traced. It is shown that the image of the Makaryev/Nizhny Novgorod Fair Theater in travel essays, notes and letters has its own characteristic, provincial feature, manifested and reflected through the prism of perception of metropolitan and foreign guests. Travelers pay special attention to the description of the actors' performance, their costumes and work with the public. The article provides examples of the names of plays, local and visiting artists, the structure of the theater itself. In this paper, the theme of fair theater in travelogues of Russian and foreign travelers is considered within the framework of comparative historical and complex methods, while observing the chronological order of the study. The results of a comparative analysis of the works of authors who have created their own interpretation and vision of the Nizhny Novgorod Fair Theater, which has become a kind of personification of the intentions and attempts of entrepreneurs of the XIX century to bring and turn a provincial and little-known theater into a place that is the center of attraction for people of different classes and rank, are presented. The novelty and uniqueness of the study is due to the fact that the image of the fair theater of the XIX century is presented and considered from the point of view of its perception by contemporaries who have formed their own individual and in many cases unflattering opinion.

Keywords: travel notes/essays, Nizhny Novgorod, travelogue, travel.

References

1. Adrianov Yu. A., Shamshurin V. A. *Staryj Nizhnij : istoriko-literaturnye ocherki* [Old Nizhny : historical and literary essays]. N. Novgorod. SMM. 1994. 240 p.
2. Bogolyubov A. N., Pavlov V. E., Filatov N. F. *Avgustin Betankur (1758–1824). Uchenyj, inzhener, arhitekt, gradostroitel'* [Augustine Betancourt (1758–1824). Scientist, engineer, architect, urban planner]. N. Novgorod. NNSU. 2002. 219 p.
3. Garin-Mihajlovskij N. G. *Sobranie sochinenij* [Collected works]. M. State Publishing House of Fiction. 1958. Vol. 5. Pp. 660–668.
4. Gaciskij A. S. *Nizhegorodskij letopisec* [Nizhny Novgorod chronicler]. N. Novgorod. Nizhny Novgorod Fair. 2001. 716 p.
5. Gaciskij A. S. *Smert' provincii, ili net? : (Otkrytye pis'ma D. L. Mordovcevu). Pis'mo 1 / [soch.] A. S. Gaciskogo* [Death of the province, or not? : (Open letters to D. L. Mordovtsev). Letter 1] / [op.] by A. S. Gatzisky. N. Novgorod. Typ. of Nizhny Novgorod Gubernia govern. 1876. – [4]. 24 p. 20.
6. Dedlov V. A. *Vokrug Rossii: Pol'sha – Bessarabiya – Krym – Ural – Finlyandiya – Nizhnij: portrety i pejzazhi* [Around Russia: Poland – Bessarabia – Crimea – Ural – Finland – Nizhny Novgorod: portraits and landscapes]. SPb. M. M. Lederle and Co. 1895. Pp. 506–520, 528–531, 540–587.

7. Dolgorukij I. M. *Zhurnal puteshestviya iz Moskvy v Nizhnij 1813 goda knyazya I. M. Dolgorukogo* [Journal of the journey from Moscow to Nizhny Novgorod in 1813 by Prince I. M. Dolgoruky]. M. University Printing House [Katkov and Co.]. 1870. Pp. 14–17, 21–33, 36–38, 40–51, 82–92, 95, 98, 100–109.
8. Evreinov N. N. *Krepostnye aktery : populyarnyj istoricheskij ocherk. Izd. 2-e, pererab. i dop.* [Serf actors : a popular historical essay. 2nd ed., reprint. and add.] L. Kubuch Publishing House. 1925. 132 p.
9. Kropotkin P. A. *Dnevnik P. A. Kropotkina* [Diary of P. A. Kropotkin]. M. – Pg. State Publishing House. 1923. Pp. 8–16.
10. Krushevan P. A. *Chto takoe Rossiya? Putevye zametki* [What is Russia? Travel notes]. M. Typolithography of the Most highly approved partnership Kushnerev and Co. 1896. Pp. 76–103.
11. Maksimov S. V. *Lesnaya glush': kartiny narodnogo byta iz vospominanij i putevyh zametok : v 2 t. T. 1: Izvoshchiki; Shvecy; Sergach; Bulynya; Malyar; Koldun; Sotskoj; Votyaki; Nizhegorodskaya yarmarka; Posle yarmarki* [Forest wilderness: paintings of folk life from memories and travel notes : in 2 vols. Vol. 1: Izvoshchiki; Shvets; Sergach; Bulyn; Painter; Sorcerer; Sotskoj; Votyaki; Nizhny Novgorod Fair; After the fair] / [op.] S. Maksimova. SPb. [typ. of K. N. Plotnikov]. 1871. Pp. 266–301.
12. Mel'nikov A. P. *Ocherki bytovoj istorii Nizhegorodskoj yarmarki: stoletie Nizhegorodskoj yarmarki (1817–1917)* [Essays on the everyday history of the Nizhny Novgorod Fair: the centenary of the Nizhny Novgorod Fair (1817–1917). Ed. 2nd.] N. Novgorod. NCCP. 1993. 300 p.
13. Milyukov A. *Letnie poezdki po Rossii. Zapiski i putevye pis'ma* [Summer trips in Russia. Notes and travel letters]. SPb. Skaryatin Printing House. 1874. Pp. 137–168, 267, 274–275.
14. Ostrovskij A. N. *Dnevnik i pis'ma* [Diaries and letters]. M. – L. Academia. 1937. Pp. 9–11.
15. *Otechestvennye zapiski, izdavaemye Pavlom Svin'inym* – Domestic notes published by Pavel Svinin. SPb. Printing house of V. Plavilshchikov. 1821. [Part 7]. Pp. 243–398.
16. *Proezzhaya cherez Nizhnij* – Passing through Nizhny / comp. N. V. Morokhin, D. G. Pavlov. N. Novgorod. Books. 2012. 656 p.
17. *Puteshestvenniki* – Travelers / comp. N. V. Morokhin, D. G. Pavlov. N. Novgorod. Books. 2009. 736 p.
18. Reman O. *Severnyj arhiv, 1822, ch. 2, Makar'evskaya yarmonka. Vypiska iz neizdannogo puteshestviya po vostochnoj Rossii, Sibiri i Kitajskoj Mungalii* [Northern Archive, 1822, part 2, Makaryevskaya yarmonka. Extract from an unreleased journey through Eastern Russia, Siberia and Chinese Mungalia] // *Severnyj arhiv* – Northern Archive. 1822. Part 2. No. 8. Pp. 138–156; No. 9. Pp. 199–242.
19. Semevskij M. I. *Progulka v Nizhnij Novgorod* [Walk to Nizhny Novgorod] // *Russkij vestnik* – Russian herald. M. Type. Katkova and Co. Vol. 28. 1860. Pp. 128–143.
20. Talanova A. N. *"Nizhegorodskij teatr, 1798–1867 gg." A. S. Gaciskogo v kontekste evolyucii instituta teatral'noj kritiki v provincii* ["Nizhny Novgorod Theater, 1798–1867" by A. S. Gatzisky in the context of the evolution of the Institute of Theater Criticism in the province]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nizhegorodskiy-teatr-1798-1867-gg-a-s-gatsiskogo-v-kontekste-evolyutsii-instituta-teatralnoj-kritiki-v-provincii/viewer> (date accessed: 25.02.2022).
21. *Teatr i teatral'nost' russkogo dvoryanstva nachala XIX veka* – Theater and theatricality of the Russian nobility of the beginning of the XIX century. Available at: <https://diletant.media/articles/33492565> / (date accessed: 25.02.2022).
22. *Teatral'nye predstavleniya na nizhegorodskoj yarmarke* – Theatrical performances at the Nizhny Novgorod fair. Available at: https://studexpo.ru/316275/kulturologiya/chast_istoriko_kulturnaya_osnova_nizhegorodskoj_yarmarki_sotsialnye_problemy_postanovki (date accessed: 17.02.2022).
23. Filatov N. V. *Nizhnij Novgorod pushkinskoj pory. 1833 god* [Nizhny Novgorod of the Pushkin era. 1833]. Gorky. Volga-Vyatka Publishing House. 1983. 159 p.
24. Hvostov D. I. *Putevye zapiski grafa D. I. Hvostova, sochinennye im vo vremya puteshestviya ego iz Sankt-Peterburga po Tihvinskomu traktu v raznye goroda Rossijskoj Imperii i obratno v Sankt-Peterburg; s prilozheniem Istorii Smolenskogo Kadetskogo korpusa, pis'ma k Grafu Konovnicynu, istoricheskogo opisaniya Arzamasa i proch. i proch.* [Travel notes of Count D. I. Khvostov, composed by him during his journey from St. Petersburg along the Tikhvin Highway to various cities of the Russian Empire and back to St. Petersburg; with an appendix of the History of the Smolensk Cadet Corps, letters to Count Konovnitsyn, historical descriptions of Arzamas, etc.] M. University Printing House, 1824. Pp. 24–33.
25. Hramcovskij N. I. *Kratkij ocherk istorii i opisanie Nizhnego Novgoroda* [A brief outline of the history and description of Nizhny Novgorod]. N. Novgorod. Nizhny Novgorod Fair. 1998. 608 p.
26. Shumilkin S. M. *Nizhegorodskaya yarmarka* [Nizhny Novgorod Fair]. N. Novgorod. Monday : Volga-Vyatka publishing house. 1996. 224 p.

Стратегия национальной безопасности: многообразие аспектов и роль культурных факторов в ее обеспечении

И. Е. Мищенко

кандидат педагогических наук, Челябинский государственный институт культуры.
Россия, г. Челябинск. ORCID: 0000-0001-7483-3759. E-mail: chvaush@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, состоящей из множества взаимосвязанных аспектов. Актуальность исследования заключается в том, что уязвимость одного из них определяет уязвимость всей системы, а также недостаточное внимание в научных исследованиях уделено культурной безопасности, являющейся важным аспектом обеспечения национальной безопасности. Хотя в определенном смысле культура является проводящим полем и системой мотиваций, задающих цели и регулирующих остальные аспекты национальной безопасности. Целью данного исследования становится выявление во всей своей сложности связей культурной безопасности с иными аспектами национальной безопасности. Культура сама по себе не защищает от ядерных ракет или негативных действий конкурентов на валютном рынке, но она создает пространство, в котором растет и социализируется гражданин, систему ценностей, усваиваемых им. В результате исследования выявлено, что культура является одним из ключевых механизмов политической легитимации и задает как ориентир будущего развития. Сохранение культуры как целостности идей, норм и ценностей, практик и моделей поведения и способов восприятия мира будет являться стратегической целью по сохранению российской культуры. Областью применения полученных результатов может стать сфера культурной политики страны, положения статьи могут быть применены при разработке программ развития молодежной культурной политики и патриотического воспитания молодежи. Обеспечение национальной безопасности в сфере культуры является неотъемлемой частью реализации комплекса мероприятий по сохранению национальной идентичности, традиционных культурных ценностей страны.

Ключевые слова: национальная безопасность, культурная безопасность, коллективная безопасность, традиционные ценности, национальная идентичность.

Введение. Термин «национальная безопасность» впервые употреблен в научных дискуссиях и политической практике в начале XX в. в США. В середине этого же столетия начинается планомерный процесс практической институционализации международной безопасности [14]. Вплоть до 1986 г. использование концепта «национальная безопасность» ни в аспектах внутренней политики, ни международных отношений не носит систематический характер. Лишь после ежегодного послания Президента США Конгрессу, получившего цельное название «Стратегия национальной безопасности США» [3, с. 165], это понятие легитимизируется в общественных науках. Стоит отметить, что термин возник в политической практике достаточно поздно, но философское осмысление необходимости разработки цельной концепции и стратегического видения обеспечения безопасности государства произошло гораздо раньше. Свидетельствами этого выступают известные высказывания различных политиков и полководцев более ранних эпох. Например, российский император Александр III говорил о безопасности страны: «Во всем свете у нас только два верных союзника – армия и флот. Все остальные, при первой возможности, сами ополчатся на нас». Приписывается императору Франции Наполеону I высказывание: «Народ, не желающий кормить свою армию, вскоре будет кормить чужую». Возможно, первыми политическими трудами, в которых концептуально разрабатывалось понятие государственной безопасности, стали трактаты Н. Макиавелли «Государь» и «О военном искусстве» [10; 11]. Высказывание Наполеона в полной мере отно-

сится к эпохе, когда нации (по меньшей мере – французская) уже сформировались или находились в активном процессе формирования, на его завершающих стадиях. В то же время труды Н. Макиавелли относятся к эпохе, когда локальные феодальные идентичности переживали свой кризис и формирование новых крупных форм – национальных идентичностей – только начиналось, что и фиксируется итальянским политиком и мыслителем в сожалениях о несостоявшемся объединении Италии под властью Чезаре Борджо.

Труды Макиавелли интересны тем, что они историческим образом иллюстрируют мысль, представляющуюся трюизмом: *национальная безопасность – лишь частный случай групповой безопасности*. Ее высшим уровнем является система коллективной/международной безопасности, организованная в масштабах человеческой цивилизации лишь в середине XX в. – ООН и ее дочерние структуры. Низшим по масштабам, вероятно, является социальная группа семьи, сформировавшаяся на заре социальной истории человечества, одной из задач которой является обеспечение безопасности участников, связанных кровными узами и/или институтом брака.

Основная часть. Коллективная безопасность прошла длительный путь развития, связанный с изменением верхнеуровневых идентичностей – от первобытных племен и племенных союзов к цивилизациям XXI столетия. С исторически-ретроспективной точки зрения изменения в содержании представляются двумя наиболее важными процессами:

1) **Усложнение баланса интересов** от простой системы общественного договора, характерной для первых цивилизаций (народ подчиняется – власть обеспечивает безопасность до определенных, устанавливаемых правителем волюнтаристских пределов), к системе компромиссов и взаимных уступок и, наконец, к системе коллективного выигрыша. Последнее подразумевает выстраивание такой системы правил и/или договоренностей, в которой взаимодействие участников приносит всем некоторую выгоду.

2) **Рост понимания сложности аспектационного содержания национальной безопасности вплоть до ее комплексности** – невозможности обеспечить национальную безопасность вне обеспечения устойчивости всех частных аспектов социального бытия.

В рамках настоящего исследования автор остановился на втором пункте, поскольку представляется, что российская политика национальной безопасности будет иметь более устойчивое состояние в комплексном представлении.

Как уже упоминалось в начале статьи, концептуализация и внедрение в политическую практику и политологический дискурс «национальной безопасности» произошло в последней четверти XX в. При этом концептуальная доктрина национальной безопасности постсоветской России появляется существенно позднее. Первый документ такого рода разработан в 1996 г., через пять лет после распада СССР и становления суверенной российской государственности [6]. Следующий шаг [13; 15] происходит в 2009 г. с принятием Концепции национальной безопасности Российской Федерации и изменением ее приоритетов в сторону разработки суверенной международной политики [9]. «Стратегия национальной безопасности», утвержденная Президентом РФ В. В. Путиным в 2015 г. [1; 4; 5; 7; 17], – является пятым доктринальным документом высшего уровня [2, с. 10] и знаменует собой важный шаг в эволюции взглядов российского законодателя на эту проблему. Но с учетом все более возникающих внешних угроз, в том числе и информационного воздействия на граждан нашей страны, в 2021 г. издан Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [8; 18].

Приведем цитату, в которой дано определение ключевого понятия исследования: «национальная безопасность Российской Федерации – состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны» [18]. Несмотря на видимую ясность, автор видит комплексность данного определения, и если на его основе выстроить структуру национальной безопасности, то получается сложный многоуровневый результат:

1) **Социологический масштаб:** объектами обеспечения национальной безопасности являются граждане, государство и государственные институты.

2) **Вектор обеспечения:** безопасность изнутри и извне.

3) **Содержание:** нейтрализация угроз, обеспечение прав и свобод, достойного качества и уровня жизни, гражданского мира и согласия, государственного суверенитета, устойчивое социально-экономическое развитие.

Автор полагает, что исчерпывающим по содержанию будет следующая аспектация концепта национальной безопасности:

1) **адекватная существующим и перспективным вызовам военная обороноспособность**, заключающаяся в наличии у государства:

а) средств, обеспечивающих невозможность нанесения по российскому государству глобального удара оружием массового поражения, в том числе без гарантированных ответных действий, и создающих принципиально невыгодные условия перерастания в глобальный конфликт любого нападения при помощи обычного вооружения;

б) перспективных военно-технических разработок, пролонгирующих состояние пункта а) до среднесрочного прогнозного горизонта;

в) Вооруженных Сил, способных отразить любую агрессию обычным вооружением и сохранить неспособность проникновения через государственные границы любых криминальных или террористических субъектов (тем более – для страны со столь протяженной сухопутной границей, которой является Российская Федерация);

2) **внутриполитическая стабильность и суверенность**, недопущение политических волнений, государственного переворота, революции, гражданской войны, последствия которых являются критическими;

3) **внешнеполитический потенциал** и возможности реализации независимой внешней политики, обеспечивающей удовлетворение национальных интересов;

4) **экономическая устойчивость и независимость**, в том числе – торговая, финансово-банковской сферы, инфраструктурная, транспортно-логистическая, энергетическая и прочее;

5) **научно-технический и образовательный потенциал**, гарантирующий длительное обеспечение военно-технического превосходства и развитие перспективных вооружений, устойчивое экономическое развитие в мире, так как, например, число патентуемых изобретений является важным, среди прочих, показателем, определяющим инвестиционную привлекательность государства, а следовательно – возможности его экономического роста;

6) **информационная безопасность** – поддержание и устойчивое развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры, наличие в информационном пространстве страны влиятельных акторов, независимых от внешних интересов и влияний;

7) **демографический потенциал** – сохранение устойчивого воспроизводства населения;

8) **гуманитарный (человеческий) потенциал** – высокие уровень и качество жизни населения, креативность, индекс счастья, позитивные смысложизненные ориентиры и так далее;

9) **социокультурная самобытность и устойчивое развитие культуры**.

Пункты 6–9 чрезвычайно мало артикулированы в дискурсе национальной безопасности российской науки. Для проверки этого проанализированы свыше 50 наиболее цитируемых статей, индексируемых РИНЦ, но в рамках отдельной статьи привести исчерпывающий перечень работ, в которых *отсутствуют* обозначенные аспекты, невозможно и в целом не имеет смысла. Большое значение 7 и 9 пунктам придается в статье военного эксперта и политолога Е. Морозова «Геополитическая методология разработки стратегии национальной безопасности» [12].

Важно понимать, что эта система компонентов связана с понятием национальной безопасности через оператор «если ..., то». Это означает, что если государственная политика не обеспечивает хотя бы один аспект, то национальная безопасность не обеспечена в целом. Интуитивно некоторые из перечисленных пунктов представляются более важными, чем другие, но на практике это не иерархическая система, а система, в которой одни аспекты обладают практически мгновенным эффектом, а иные – пролонгированным, одни аспекты могут быть проанализированы на основе численных дискретных величин, а другие – нет. Наконец, многие из них связаны как положительными, так и отрицательными обратными связями. Например, судя по наблюдениям, сделанным после открытия демографами феномена «демографического перехода» примерно в середине XX в. [19; 20], рост уровня образования, необходимый для обеспечения научно-технического и образовательного аспекта национальной безопасности, ведет к серьезному снижению рождаемости, то есть имеет отрицательную обратную связь с ее демографическим аспектом. При этом резкий демографический прирост сказывается на обороноспособности государства, неочевидным образом – отражается на уровне человеческого потенциала, научно-техническом и образовательном аспектах.

Обеспечение культурной безопасности намеренно поставлено в конец списка. «Стратегия Национальной безопасности» относит укрепление традиционных российских духовно-

нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России к национальным интересам на современном этапе [18, ст. 25] и защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти к стратегическим национальным приоритетам [18, ст. 26]. Далее в документе приведены задачи, выполнение которых обеспечит защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти [18, ст. 93].

Как уже было сказано ранее, в российской науке достаточно низкая артикуляция значимости сохранения российской культуры в сфере обеспечения национальной безопасности. «Культура представляет собой *идейный* (здесь и далее выделено мной. – И. М.) и ценностно-нормативный фундамент любого общества. Она определяет *способ восприятия мира*, ценностные предпочтения и *поведенческие модели*, а также служит *главным механизмом социальной интеграции и легитимации социального и политического порядка*» [16]. Поэтому с авторской точки зрения культурная безопасность является важным аспектом обеспечения национальной безопасности, а недостаточное внимание, уделяемое ей со стороны научных исследований, является упущением, так как аспекты последней связаны оператором «если ..., то» («если обеспечены обороноспособность, внутривластная стабильность и суверенитет, внешнеполитический потенциал и другое, то обеспечена национальная безопасность») – уязвимость одного аспекта определяет уязвимость всей системы.

В определенном смысле культура является проводящим полем и системой мотиваций, задающих цели и регулирующих остальные аспекты национальной безопасности. Далее представлена вся сложность связей культурной безопасности с иными аспектами:

- например, негативное культурное изменение, приводящее к появлению в культурном пространстве националистических идей, превращает государство в агрессора и тем самым нарушает состояние национальной безопасности;

- иным вариантом является изменение системы ценностей общества, при котором ценность соучастия в обеспечении его безопасности – служба в армии – перестает быть таковой и воспринимается не как конституционная обязанность гражданина и человеческий долг воспитанника нации, а как риск для жизни, негативный жизненный опыт, потеря времени для образования и карьеры;

- кризис национальной идентичности, поддерживаемой всей системой культуры, приводит к внутривластной дестабилизации;

- наличие в культурном пространстве доминирующих индивидуалистических тенденций приводит к формированию эгоистических моделей поведения и жизненных стратегий, заключающихся в корыстном обогащении, демонстративном потреблении, что наносит вред экономическому аспекту безопасности или приводит к росту социальной напряженности и утрате внутривластной стабильности;

- любая открытая дегуманизация системы культурных ценностей нации делает воплощающее ее государство аутсайдером мировой политики, который не способен добиваться поддержки своих внешнеполитических решений и реализовывать свой экономический и иной потенциал;

- высокий уровень культуры, плюрализм мнений, свободные общественные дискуссии являются питательной средой творческой и научно-технической интеллигенции, сохранения и развития пользующихся традиционными академическими свободами университетов, по-прежнему являющихся в современном мире главными драйверами научно-технического прогресса.

Можно продолжать и дальше – культура участвует *многими способами* в демографическом, гуманитарном, информационном аспектах национальной безопасности. И перечисленные выше связи с оборонным, внутри- и внешнеполитическим, экономическим, научно-техническим и образовательным аспектами, конечно, являются далеко не полной картиной всех связей культуры с национальной безопасностью.

Заключение. Культура сама по себе не защищает от ядерных ракет или негативных действий конкурентов на валютном рынке, но она создает пространство, в котором растет и социализируется гражданин, систему ценностей, которую он усваивает. Культура является одним из ключевых механизмов политической легитимации и задает как ориентир будущего развития, так и идентичностную связь с прошлым, что позволяет нации осознать и сохранять свое единство перед лицом бурных (и часто – негативных) изменений, вызванных процессами глобализации. Необходимо признать, что именно сохранение культуры как целостности

идей, норм и ценностей, практик и моделей поведения и способов восприятия мира должно являться ключевым аспектом в сфере обеспечения национальной безопасности. Культура является серьезным фундаментом национальной идентичности, национальной системы ценностей, национальных смысловых ориентиров и долгосрочных целей, определяющих действительную эффективность всех материально-технических мер обеспечения национальной безопасности.

Список литературы

1. Бажуков В. И. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: новые тенденции и акценты // Глобальные процессы и новые форматы многостороннего сотрудничества : мат-лы научной конференции. М. : 2016. С. 36–41.
2. Белозёров В. К. От Стратегии национальной безопасности – к глобальному и перспективному стратегическому проектированию // Власть. 2016. № 7. С. 10–15.
3. Виноградов А. С. Стратегии национальной безопасности России и Великобритании: сравнительный анализ // Социология власти. 2010. № 2. С. 164–172.
4. Глушков Ф. Р., Андрейцо С. Ю. Сравнение стратегии национальной безопасности Российской Федерации и стратегии национальной безопасности США. 2015 // Безопасность личности, общества и государства: теоретико-правовые аспекты : Международная научно-техническая конференция. СПб. : 2017. С. 86–93.
5. Еремичев Ф. С. Некоторые вопросы стратегии национальной безопасности 2015 как правовой основы обеспечения национальной безопасности России // Государственный аудит. Право. Экономика. 2016. № 1. С. 130–139.
6. Коваленко М. П. Стратегия обеспечения национальной безопасности современной России: механизмы противодействия вызовам и угрозам : дисс. ... канд. соц. наук: 09.00.11. Ростов на/Д. 2008. 18 с.
7. Ковалёва А. В. Стратегия национальной безопасности как основа стабильности Российского государства // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. 2016. № 2. С. 94–100.
8. Ласария А. О. Вопросы обороны страны в стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Вестник военного права. 2021. № 4. С. 60–67.
9. Концепция национальной безопасности Российской Федерации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102063972> (дата обращения: 06.12.2021).
10. Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия: [пер. с итал.]. СПб. : Азбука, 2007. 270 с.
11. Макиавелли Н. О военном искусстве: [пер. с итал.]; [предисл. и примеч. Р. В. Светлова]. СПб. : Амфора, 1999. 252 с.
12. Морозов Е. Геополитическая методология разработки стратегии национальной безопасности // Государственная служба. 2009. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopoliticheskaya-metodologiya-razrabotki-strategii-natsionalnoy-bezopasnosti-1> (дата обращения: 02.11.2021).
13. Нигматьянов И. Г., Дондоков Ц. С. Личная и общественная безопасность гражданина в свете «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Актуальные проблемы государственно-правового развития России : Всероссийская научно-практическая конференция. Чита, 2017. С. 108–113.
14. Носов М. П. Безопасность как институциональная концепция современной науки // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2014. № 33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezopasnost-kak-institucionalizatsionnaya-kontseptsiya-sovremennoy-nauki> (дата обращения: 02.01.2022).
15. Пономарев Н. Н. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года как важнейшее направление обеспечения национальной безопасности // Вестник КПУ МВД России. 2016. № 1 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-rossiyskoj-federatsii-do-2020-goda-kak-vazhneyshee-napravlenie-obespecheniya-natsionalnoy> (дата обращения: 06.12.2021).
16. Самыгин С. И., Верещагина А. В., Рачина А. В. Государственная культурная политика в контексте эскалации рисков и угроз национальной безопасности России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 1, 2. С. 53–57.
17. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения: 06.12.2021).
18. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=389271&dst=100001#3t8sHySkVwyWhyeS1> (дата обращения: 06.12.2021).
19. Landry A. Adolphe Landry on the Demographic transition Revolution // Population and Development Review. 1987. № 13. Pp. 731–740.

20. Woods R. The Demography of Victorian England and Wales. Cambridge University Press. P. 18. URL: https://books.google.ru/books?id=75DZmQTybMwC&pg=PA18&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 01.11.2021).

The national security strategy: the diversity of aspects and the role of cultural factors in its provision

I. E. Mishchenko

PhD in Pedagogical Sciences, Chelyabinsk State Institute of Culture.
Russia, Chelyabinsk. ORCID: 0000-0001-7483-3759. E-mail: chvaush@mail.ru

Abstract. The article deals with the issue of ensuring the national security of the Russian Federation, consisting of many interrelated aspects. The relevance of the study lies in the fact that the vulnerability of one of them determines the vulnerability of the entire system, as well as insufficient attention in scientific research is paid to cultural security, which is an important aspect of ensuring national security. Although, in a certain sense, culture is a conducting field and a system of motivations that set goals and regulate other aspects of national security. The purpose of this study is to identify in all its complexity the links of cultural security with other aspects of national security. Culture by itself does not protect against nuclear missiles or negative actions of competitors in the foreign exchange market, but it creates a space in which a citizen grows and socializes, a system of values assimilated by him. The study revealed that culture is one of the key mechanisms of political legitimization and sets as a benchmark for future development. The preservation of culture as an integrity of ideas, norms and values, practices and behaviors and ways of perceiving the world will be a strategic goal for the preservation of Russian culture. The scope of application of the results obtained can be the sphere of cultural policy of the country, the provisions of the article can be applied in the development of programs for the development of youth cultural policy and patriotic education of youth. Ensuring national security in the field of culture is an integral part of the implementation of a set of measures to preserve national identity, traditional cultural values of the country.

Keywords: national security, cultural security, collective security, traditional values, national identity.

References

1. Bazhukov V. I. *Strategiya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: novye tendencii i akcenty* [National security strategy of the Russian Federation: new trends and accents] // *Global'nye processy i novye formaty mnogostoronnego sotrudnichestva : mat-ly nauchnoj konferencii* – Global processes and new formats of multilateral cooperation : materials of the scientific conference. M. 2016. Pp. 36–41.
2. Belozyorov V. K. *Ot Strategii nacional'noj bezopasnosti – k global'nomu i perspektivnomu strategicheskomu proektirovaniyu* [From National security strategy – to global and perspective strategic design] // *Vlast'* – Power. 2016. No. 7. Pp. 10–15.
3. Vinogradov A. S. *Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossii i Velikobritanii: sravnitel'nyj analiz* [National security strategies of Russia and Great Britain: comparative analysis] // *Sociologiya vlasti* – Sociology of Power. 2010. No. 2. Pp. 164–172.
4. Glushkov F. R., Andrejco S. Yu. *Sravnenie strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii i strategii nacional'noj bezopasnosti SShA. 2015* [Comparison of the national security strategy of the Russian Federation and the national security strategy of the USA. 2015] // *Bezopasnost' lichnosti, obshchestva i gosudarstva: teoretiko-pravovye aspekty : Mezhdunarodnaya nauchno-tehnicheskaya konferenciya* – Security of the individual, society and the state: theoretical and legal aspects : International Scientific and Technical Conference. SPb. 2017. Pp. 86–93.
5. Eremichev F. S. *Nekotorye voprosy strategii nacional'noj bezopasnosti 2015 kak pravovoj osnovy obespecheniya nacional'noj bezopasnosti Rossii* [Some issues of the national security strategy 2015 as a legal basis for ensuring the national security of Russia] // *Gosudarstvennyj audit. Pravo. Ekonomika* – State Audit. Right. Economy. 2016. No. 1. Pp. 130–139.
6. Kovalenko M. P. *Strategiya obespecheniya nacional'noj bezopasnosti sovremennoj Rossii: mekhanizmy protivodejstviya vyzovam i ugrozam : diss. ... kand. soc. nauk: 09.00.11* [Strategy of ensuring national security of modern Russia: mechanisms for countering challenges and threats : diss. ... PhD in Social Sciences: 09.00.11] / M. P. Kovalenko. Rostov-on-Don. 2008. 18 p.
7. Kovalyova A. V. *Strategiya nacional'noj bezopasnosti kak osnova stabil'nosti Rossijskogo gosudarstva* [National security strategy as the basis for the stability of the Russian state] // *Elektronnyj vestnik Rostovskogo social'no-ekonomicheskogo instituta* – Electronic bulletin of the Rostov Socio-Economic Institute. 2016. No. 2. Pp. 94–100.
8. Lasariya A. O. *Voprosy oborony strany v strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii* [Issues of national defense in the national security strategy of the Russian Federation] // *Vestnik voennogo prava* – Herald of Military Law. 2021. No. 4. Pp. 60–67.

9. *Koncepciya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii* – The concept of national security of the Russian Federation. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102063972> (date accessed: 06.12.2021).
10. *Machiavelli N. Gosudar'. Rassuzhdeniya o pervoj deкаде Tita Liviya: [per. s ital.]* [Sovereign. Reflections on the first decade of Titus Livy: [transl. with ital.]]. SPb. Azbuka. 2007. 270 p.
11. *Machiavelli N. O voennom iskusstve: [per. s ital.]* [About the art of war: [transl. with ital.]]; [preface and note by R. V. Svetlov]. SPb. Amphora. 1999. 252 p.
12. *Morozov E. Geopoliticheskaya metodologiya razrabotki strategii nacional'noj bezopasnosti* [The geopolitical methodology of developing a national security strategy] // *Gosudarstvennaya sluzhba* – Public service. 2009. No. 5. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopoliticheskaya-metodologiya-razrabotki-strategii-natsionalnoy-bezopasnosti-1> (date accessed: 02.11.2021).
13. *Nigmat'yanov I. G., Dondokov C. S. Lichnaya i obshchestvennaya bezopasnost' grazhdanina v svete "Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii"* [Personal and public security of a citizen in the light of the "National Security Strategy of the Russian Federation"] // *Aktual'nye problemy gosudarstvenno-pravovogo razvitiya Rossii: Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya* – Actual problems of state and legal development of Russia: All-Russian Scientific and Practical Conference. Chita, 2017. Pp. 108–113.
14. *Nosov M. P. Bezopasnost' kak institucionalizatsionnaya koncepciya sovremennoj nauki* [Security as an institutionalization concept of modern science] // *Aktual'nye voprosy obshchestvennykh nauk: sociologiya, politologiya, filosofiya, istoriya* – Topical issues of social sciences: sociology, political science, philosophy, history. 2014. No. 33. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezopasnost-kak-institucionalizatsionnaya-kontseptsiya-sovremennoy-nauki> (date accessed: 02.01.2022).
15. *Ponomarev N. N. Strategiya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii do 2020 goda kak vazhneyshee napravlenie obespecheniya nacional'noj bezopasnosti* [The strategy of national security of the Russian Federation until 2020 as the most important direction of ensuring national security] // *Vestnik KRU MVD Rossii* – Herald of the KRU of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 1 (31). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii-do-2020-goda-kak-vazhneyshee-napravlenie-obespecheniya-natsionalnoy> (date accessed: 06.12.2021).
16. *Samygin S. I., Vereshchagina A. V., Rachipa A. V. Gosudarstvennaya kul'turnaya politika v kontekste eskalatsii riskov i ugroz nacional'noj bezopasnosti Rossii* [State cultural policy in the context of escalation of risks and threats to national security of Russia] // *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* – Humanities, socio-economic and social sciences. 2016. No. 1, 2. Pp. 53–57.
17. Decree of the President of the Russian Federation No. 683 dated 31.12.2015 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". Available at: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (date accessed: 06.12.2021) (in Russ.).
18. Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated 02.07.2021 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=389271&dst=100001#3t8sHySkVwyWhyeS1> (date accessed: 06.12.2021) (in Russ.).
19. *Landry A. Adolphe Landry on the Demographic transition Revolution* // *Population and Development Review*. 1987. № 13. Pp. 731–740.
20. *Woods R. The Demography of Victorian England and Wales*. Cambridge University Press. P. 18. Available at: https://books.google.ru/books?id=75DZmQtybMwC&pg=PA18&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (date accessed: 01.11.2021).

Графическая символика фамильных тамга-знаков кабардинцев и балкарцев

Н. В. Галимова

кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии, Северо-Кавказский государственный институт искусств. Россия, г. Нальчик. E-mail: hudshkolanal@mail.ru

Аннотация. В данной статье анализируются визуальные особенности наследственных социально-кодовых знаков «тамга», в дискурсе традиций этнокультурного знакообразования кабардинцев и балкарцев. Автор предлагает обобщенную типологическую характеристику основных тамгообразных комплексов, через репрезентацию стилистического своеобразия религиозно-магических символов. Актуальность статьи предопределена значимостью для современной науки изучения проблем национальной идентичности народов, их социально-культурного своеобразия, символического миропонимания. Целью настоящей работы является анализ традиционной системы социокультурных феноменов, расшифровка особенностей тамгообразных знаков кабардинцев и балкарцев.

Автором исследования уделено особое внимание истории развития этнических знаковых систем; определению сущности тамгообразных знаков, видов и символика-графических особенностей; проведению сравнительного семиотического анализа наследственных тамгов кабардинцев и балкарцев; раскрытию специфики межкультурного взаимодействия коммуникационных символика-знаковых кодов.

В ходе исследования применяется общенаучный метод систематизации и классификации традиционных символика-графических систем. Работа носит междисциплинарный характер и является предметом культурологических и искусствоведческих научных знаний.

Научная новизна работы заключается в раскрытии социальной значимости владельческих тамга-знаков кабардинцев и балкарцев; установлении основных видов тамгов кабардинцев и балкарцев, особенностей их символической визуализации; определении места знаковых систем в традиционных культурах этносов. Проведенное исследование позволило выявить закономерности межкультурного взаимодействия графических основ тамга-знаков, в результате которого образуются новые, родственные символика-графические знакообразования. Статья может представлять интерес для исследователей в области историко-культурных проблем, искусствоведения, этнографии. Материалы работы могут быть полезны как в научной, так и в учебной деятельности.

Ключевые слова: графические символы, тамгообразные знаки, социокультурная практика, кабардинцы и балкарцы, культурный код, коммуникационная культура.

Актуальность темы исследования. Человечество с древних времен существует в образно-эмоциональной среде определенных социокультурных взаимодействий, наполненных различными формами кодовых аллегорий: графических образов, знаков, символов, абстрактных представлений. Современная социокультурная обстановка способствует более глубокому исследованию традиционного фонда культуры и вопросов, связанных с практикой и развитием традиционных образно-символических систем. В этой ситуации особую значимость приобретают исследования малоизученных этнических практик, требующих поиска новых культурологических представлений и в особенности посвященных символика-графическим коммуникационным структурам.

Актуальной задачей исследования выступает типологический анализ феномена традиционной социокультурной практики кабардинцев и балкарцев, знаков владельческого оповещения – «тамга». Изучение кодовых систем этнических тамгообразных знаков, в культурологическом аспекте, содействует осмыслению социокультурных и цивилизационных традиций этносов, выявлению специфики коммуникативного знакообразования.

Теоретико-методологической базой исследования послужили работы авторов, изучавших специфику этнических знаковых систем: Л. И. Лаврова, В. С. Драчука, М. Ч. Кудиева, Г. Х. Мамбетова, Х. Х. Яхтанигова и других. Проблемам символической выразительности и иным вопросам духовно-философского знания посвящены работы ученых: П. С. Палласа, А. Ф. Лосева, А. П. Грамотина, Р. Н. Костянец, Н. А. Соболевой и других.

Объектом исследования является символика-графический образ наследственных тамга-знаков кабардинцев и балкарцев. Предмет исследования – специфика символика-графической стилистики тамга-знаков кабардинцев и балкарцев.

Целью исследования является анализ и осмысление традиционной системы символическо-культурных феноменов, владельческих тамгообразных знаков кабардинцев и балкарцев.

Для достижения этой цели мы ставим перед собой следующие задачи:

- уточнить понятийное представление и социальную значимость владельческих тамга-знаков кабардинцев и балкарцев;
- выявить основные виды тамга-знаков кабардинцев и балкарцев, специфику их символическо-графической структуры;
- провести сравнительный семиотический анализ фамильных тамгов кабардинцев и балкарцев, в контексте их взаимодействия;
- установить роль символических образов в традиционной народной культуре.

На сегодняшний день существует много работ, посвященных проблемам этнического знакообразования и традиционных семиотических систем в культуре разных народов. Однако в данном исследовании мы решили раскрыть аспекты социокультурной значимости традиционных знаковых систем, с точки зрения этнического понимания кабардинцев и балкарцев, как социокультурного феномена. Символизация образа в традиционной культуре этносов строится на сохранении коммуникационно-кодовых основ, транслируемых историей через графические знаки. Таким образом, символическо-графический феномен владельческого оповещения, создаваемый посредством наделения, определенным значением тамгообразных знаков, позволяет установить историческую и художественную значимость структур этнических кодов, их взаимодействия в цивилизационном культурном пространстве.

Методологическая основа исследования базируется на фундаментальных трудах исторических, культурологических, искусствоведческих знаний.

Традиционная культура северокавказских народов характеризуется сочетанием сложных социокультурных процессов, основой которых является взаимодействие и сосуществование соседствующих и дальних цивилизаций. Тысячелетиями складывались формы межкультурного взаимовлияния самобытных художественных образов народного творчества, включающих в себя значительную часть этнических обычаев и традиций. Одной из самых значимых культурных традиций, существующих на Северном Кавказе, было использование в быту наследственных фамильных знаков «тамга». Эти знаки, существуя в культурах разных народов и по настоящий период, означают – клеймо, печать или родовой герб.

Анализ опубликованных в научной литературе материалов по теме исследования (В. П. Пожидаев, И. И. Мещанинов, Х. Х. Яхтанигов, В. С. Ольховский) представил существенный разброс суждений и точек зрения в отношении образно-эмоциональной функциональности и семиотической значимости традиционных символическо-графических систем, а также «отсутствие корректной и общеупотребительной методики» для исследования этих знаков [16, с. 75].

В частности, В. П. Пожидаев считал, что северокавказские и сарматские знаковые системы «положили начало глаголическому алфавиту древних славян» [18, с. 3]. Свое несогласие с концепцией В. П. Пожидаева заявил И. И. Мещанинов, который отвергал достоверность кавказского происхождения сарматских тамгообразных систем, сопоставляя их с графической основой «тотемических ячеек» [там же, с. 3]. По суждению же В. С. Ольховского, прототипами тамгообразных знаков стали «простейшие геометрические фигуры», имеющие в своей основе форму круга, квадрата, треугольника, ромба. Эти символические знакообразования, вероятнее всего, имели сословно-иерархическое содержание или исполняли роль религиозно-магических культурных кодов. Потому пиктограммы простых геометрических знаков могли одновременно применяться в территориально разрозненных этнокультурах, не связанных между собой. Анализ имеющихся печатных трудов дает основание предполагать социокультурную полифункциональность тамгообразных знаков, которые существовали не только как наследственные знаки, обозначающие родовую и сословную принадлежность, но и использовались как символы территориального присутствия, удостоверения личности, покровительства. В частности, в золотоордынский период тамгообразные знаки в качестве охранного документа или символа преданности власти получили распространение у разных народов, в том числе и на территории Северного Кавказа. В своих семиотических исследованиях об эволюции тамгообразных систем Л. И. Лавров утверждает, что «в большинстве случаев мы находим полное или частичное графическое совпадение тамгов и знаков у разных народов» [13, с. 103].

Скорее всего, в северокавказский регион знаковую систему тамгов привнесли сарматские племена в процессе миграции с территории Средней Азии, где традиция применения тамга-знаков существовала уже много веков. Для подтверждения этой гипотезы целесооб-

разно опираться на исследование Э. И. Соломоник «Сарматские знаки Северного Причерноморья», в котором допускается происхождение «кабардинских тамг от сарматских» [17, с. 45].

Версию о происхождении балкарских тамг излагает турецкий исследователь Уфук Тавкул, опубликовавший в своей работе «Жизнь кавказских горцев и их культура» 40 тамгов основных карачаево-балкарских фамилий. Проведя сравнительный анализ происхождения и сходства разных владельческих знаков, Уфук Тавкул обосновывает визуальное сходство балкарских тамгов с крымско-татарскими [9].

По утверждению немецкого культуролога Д. Бахманн-Медик, архетипические знаковые формы, раскрывающие характерные черты социокультурных традиций, редко возникают автономно, не взаимодействуя с другими культурами. Автор считает, что культуры «развиваются, скорее, в культурно-смешанных зонах», и особо выделяет сложную конфигурацию вопросов, связанных со спецификой социокультурных коммуникаций этносов [1, с. 43]. В силу подобных этнокультурных связей возникает частичное, а в ряде случаев полное совпадение отдельных знаковых символов и отдельных комплексов, что указывает о древности культурных взаимоотношений кабардинцев и балкарцев с сопредельными народами. Таким образом, эволюция тамгообразных знаков отображает традиционную практику орнаментально-художественной выразительности разных народов, находящихся не только в тесном общении, но и проживающих в отдаленных территориальных районах. Этой точки зрения придерживается С. В. Иванов, который утверждает: «Племена и группы племен <...> нередко расходятся и теряют связь между собой, но орнамент, продолжая хранить древние традиции, свидетельствует о древней общности этих групп» [7, с. 19].

Практическая деятельность кабардинцев и балкарцев, сочетающаяся с семантическими представлениями и эстетическими нормами этнокультур, демонстрирует символическое своеобразие тамга-знаков, наполненных принципами композиционных закономерностей, идей, расчетов. В этой связи необходимо упомянуть об идентичности отдельных символических комплексов тамга-знаков кабардинцев и балкарцев, позволяющих раскрыть родственные связи и степень межкультурного взаимодействия.

Национальные изобразительные традиции кабардинцев и балкарцев сформировали собственную кодовую систему социальных графических знаков, среди которых наибольшей степенью популярности считался круг и его производные. Тамгообразные знаки в виде круга с завитушкой, аналогичные букве Ю, окружность с двузубцем и трезубцем и так далее заключали в себе вполне конкретное содержание, предполагая прямую связь с почитанием солнца. Аналогичные символы бытовали в Золотой Орде, а впоследствии возникли у северокавказских народов. Рассматривая многочисленные изображения кабардино-черкесских и карачаево-балкарских тамгообразных знаков, мы находим всевозможные отличительные и сходные черты, уточняющие характер их визуально-графического образа. Многовековые экономические и этнокультурные связи привели к образованию идентичных родовых символов у фамилий из разных этнических групп. В частности, солярный знак *круг*, символизирующий солнце, получил широкое распространение «у самых различных народностей» [2, с. 9]. Популярность у различных народов *солнечного* знака закономерна. Скорее всего, этот символ ассоциировался с упрощенным изображением реалистических предметов и явлений, определенным образом привязанных к действиям определенных тотемных групп. На Кавказе этот идеографический комплекс приобрел особую популярность в качестве *религиозно-магического символа*. В частности, являющийся «символом солнца» *круг* считался у кабардинцев и балкарцев самым популярным космогоническим символом [6, с. 246–257].

Символизация графического знака *круг* отмечается в песенно-поэтическом фольклоре кабардинцев и балкарцев «Нарты», где отождествляют его со сказочным колесом, фигурирующим в эпосе как несомненный признак солнца. Группируя с этой точки зрения тамгообразные знаки разных народов, символизирующие солнце, мы опирались на сведения Дж. Н. Коккова о кабардино-черкесских владельцах «общих родовых знаков»: Тхазаплизевы, Напцевы, Нибежевы, Ныровы, Шируховы, Шапсуговы [11, с. 148].

Подобный перечень карачаево-балкарских фамилий публикует М. Ч. Кудав в своей монографии «Карачаево-балкарская этнохореография и символика» (Баштаковы, Дадуевы, Каникуевы, Озроковы) [12, с. 80–95].

Все вышеизложенное подтверждает, что в результате этнокультурных взаимоотношений в Кабарде и Балкарии получили распространение знаковые наследственные символы, которые обладали единой графической фабулой и использовались в качестве именных там-

гов. Как правило, символическая основа этих знаков отражает закодированную модель региональных сословно-династических, политических, обрядовых и других явлений, существующих во всевозможных графических вариациях.

Особый интерес для исследования представляет другой комплекс тамг, отличный от выше рассмотренного. Это различные варианты символов *двузубец* и *трезубец*, которые широко были распространены в семиотических системах ранних культур. Во многих историко-культурных исследованиях акцентировалось, что двузубец и трезубец «являются знаками царствующих родов» [3, с. 6–46].

По сути, связь этих символов с аристократической элитой бесспорна, что подтверждается сведениями о найденной при раскопках древнеболгарского городища, относящегося к Видинской культуре (вторая половина XIII в.), перстневой печати с изображением графического символа, схожего с буквой латинского алфавита Y. В контексте изучения символики тамгообразных систем различных цивилизаций необходимо упомянуть о монархических династиях, у которых двузубец и трезубец являлись символами власти. Именно эти знаки золотоордынские правители использовали в качестве знака собственности, атрибутики, чеканили на монетах. В частности, Д. М. Исхаков указывает на один из клановых атрибутов социально-знаковой организации династии Чингизидов, которые в XIII в. на медных монетах чеканили символические изображения – «двуглавый орел и тамга дома Бату» [8, с. 22]. Следует также отметить, что еще с III столетия до н. э. боспорские цари использовали в качестве знака царской собственности изображение трезубца. А в геральдической символике князей Рюриковичей большое распространение получили двузубые и трезубые знаки.

В процессе символизации владельческого оповещения многие северокавказские этносы также использовали *двузубые* и *трезубые* символы. Аналогичные символы использовали караево-балкарские дворяне в своих фамильных тамгах: «Абаевы, Айдеболовы, Биевы, Жаноквы, Жанхотвы, Урусбиевы, Суншевы, Шакмановы, Келеметовы, Кучуковы, Малкаруковы, Дудовы, Карабашевы».

Образцы тех же самых знаков наличествуют у кабардинской знати: Казиевы, Дохшоквы, Исламовы, Кайтуковы, Тлостаналиевы, Темботовы, Жаботовы, Мисостовы, Наурузовы.

Изобразительная идентичность графических основ двузубых и трезубых фамильных знаков кабардинцев и балкарцев не вызывает сомнения, как и истоки их происхождения. Следует отметить, что еще в начале XX в. историк и этнограф Н. А. Караулов издал результаты этнографической экспедиции на Кавказ. В его опубликованной работе (Казань, 1907 г.) приводятся сведения о графической идентичности трезубых балкарских тамгов с прямоугольным трезубцем, «составляющим тамгу династии Гиреев» [10, с. 69].

Такие же предположения существуют и в отношении некоторых кабардинских фамильных знаков. К примеру, имеются исторические сведения об идентичности фамильной тамги Анзоровых с тамгой «одной из древней фамилии Крыма... ширинского бея» [15, с. 402].

Подобное неизменное пристрастие кабардинского и балкарского дворянства к знакам *двузубец* и *трезубец* было обусловлено совместными мировоззренческими понятиями, основой которого выступали символы, способные раскрыть идентичные познавательные стремления, возникающие в процессе межкультурного взаимодействия.

В кабардино-черкесской фольклористике существует точка зрения о едином происхождении родовых знаков князей Куденетовых и Тамбиевых с тамгами крымских династий. Относительно сходства кабардинских и балкарских знаков с крымско-татарскими Л. И. Лавров утверждает, что немалая доля владельцев таких тамг «действительно происходила от нагайцев или татар» [14, с. 108].

Следует подчеркнуть, что крымско-татарские и ногайские тамги, созданные на основе знака трезубец, назывались *ханской тамгой*. Этот символический знак, представляя собой кодово-графическое воплощение этнических, религиозных, этнокультурных ценностей, помогает понять особенности смысловых ценностей. В результате чего графическая стилистика тамгов, выстроенная на чувственном ощущении символическо-культурных закономерностей, у каждого народа имеет свой специфичный характер.

Несмотря на значительное количество графических аналогий, все-таки в тамгах кабардинцев и балкарцев существует ряд стилистических различий, базирующихся на творческих способностях народов, культурно-эстетических ценностях, предпочтениях национального орнаментального искусства и своеобразии народных ремесленнических практик. Благодаря этому графическая символика тамгов приобретала новые художественные черты, воспроизводящие эстетические оценки окружающего и созданного каждым из народов.

В научных исследованиях северокавказских ученых (Х. Х. Яхтанигов, А. И. Мусукаев, Дж. Н. Коков, С. Я. Байчоров, Р. Т. Хатуев), посвященных эволюции тамгов и тамгообразных символов, существуют сведения, указывающие на сходство некоторых тамгов с графемами разных алфавитов. Каллиграфическая основа латинского и арабского шрифтов прослеживается в знаковых системах кабардинцев, балкарцев, черкесов, карачаевцев, осетин и других. Наиболее популярными в тамга-системах кабардинцев, балкарцев были изображения символов, сходных с буквами латинского алфавита: А, Н, Т, Е, S, Z, Д, V. В дальнейшем появляются комплексы наследственных тамгов, образованных на графической основе славянского алфавита: Ж, Х, Ч, Э, Ф, З, а также цифр арабского алфавита от «1» до «9» [5, с. 66–73].

В результате такого рода взаимодействия графическая основа этих тамгов зачастую образовывала новые замысловатые каллиграфические образы, где присутствовали разные семантизированные орнаментальные изображения, присущие традиционному декоративному искусству каждого из народов. Традиции степных и горских народов предписывали бережное отношение к «отцовской тамге», к их графической форме, разрешая ее лишь «несколько видоизменить» [4, с. 96].

В историко-культурных исследованиях существуют разные гипотезы о происхождении символических знаков – *тамга*. Предполагают, что эволюция тамга-знаков нераздельно связана с возникновением первых примитивных форм древнекаменного творчества: абстрактных символов и условных знаков, воспроизводящих смысловое значение религиозных и социальных сфер общества. Необходимо признать, что древние культовые символические изображения, бесспорно, оказали влияние на символическо-графическую основу тамгообразных знаков. Эти знаки, созданные человеком на основе инстинктивного, *абстрактного* мышления образовали целые семантические системы, отражающие социально-культурное развитие народов, их творческие предпочтения и духовные ориентиры.

Подводя итоги проведенного исследования, необходимо отметить, что графические системы кодовых образов, символов и знаков до настоящего времени играют важную коммуникативную роль в социокультурных взаимодействиях [19]. Являясь идейным и духовным ориентиром мировой культуры, символические образы помогают постичь традиции национальных культур через расшифровку этнокультурных кодов: проникают в различные отрасли социально-культурной деятельности, воздействуя на общность соседствующих культур, традиций и этносов. Представленные и рассмотренные сведения позволяют определить полифункциональные особенности и социокультурную значимость тамгов кабардинцев и балкарцев. Независимо от этнической принадлежности в знаковых системах этих народов образовались общие основы графической символики тамгов, имеющие различные сигнально-опознавательные функции.

В работе затронута лишь небольшая часть из аспектов темы данного исследования. Изыскания в этой области, бесспорно, должны быть продолжены. Это могут быть исследования не только этнокультурных знаковых систем, но и влияния традиционных символическо-графических систем на современную социокультурную деятельность, на новейшие художественные образы дизайнерского проектирования.

Список литературы

1. Бахманн-Медик Д. Режимы текстуальности в литературоведении и культурологии: вызовы, границы, перспективы // Новое литературное обозрение. 2011. № 1. С. 32–49.
2. Берладина К. А. Народная вышивка Северной Осетии. Орджоникидзе : ИСОНИИ, 1960. Т. 22. Вып. 4. С. 122–155.
3. Биджиев Х. Х. Раскопки Хумаринского городища в 1974 году. Археология и этнография Карачаево-Черкесии : сборник научных трудов. Черкесск, 1989. С. 6–46.
4. Бутанав В. В. Степные законы Хонгорая. Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2004. 278 с.
5. Галимова Н. В. Семейная тамга как социокультурный графический символ // Культура и искусство. 2021. № 4. С. 66–73. DOI: 10.7256/2454-0625.2021.4.35564. URL: https://e-otabene.ru/pki/article_35564.html.
6. Гарданов В. К. Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов 13–19 вв. Нальчик, 1974. 635 с.
7. Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 502 с.
8. Исхаков Д. М. Исторические очерки. Казань : Фен, 2009. 164 с.

9. Уфук Тавкул. Жизнь кавказских горцев и их культура. Стамбул, 1993. 122 с.
10. Караулов Н. А. Балкары на Кавказе // Известия общества археологии, истории и этнографии. Казань, 1907. Т. 23. Вып. 2. С. 49–70.
11. Коков Дж. Н., Кокова Л. Дж. Кабардино-черкесские фамилии. Нальчик : Эльбрус, 1993. 203 с.
12. Кудяев М. Ч. Карачаево-балкарская этнохореография и символика : литер. худ. изд. Нальчик : Эльбрус, 2003. 108 с.
13. Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л. : Наука, 1978. С. 184.
14. Лавров Л. И. Этнография Кавказа. Л. : Наука, 1982. 224 с.
15. Максимов Е. Д., Вертепов Г. А. Туземцы Северного Кавказа. Осетины, ингуши, кабардинцы. Владикавказ, 1892. Вып. 1. 188 с.
16. Ольховский В. С. Тамга (к функции знака) // Историко-археологический альманах. Армавир, 2001. № 7. С. 75–86.
17. Соломоник Э. И. Сарматские знаки Северного Причерноморья / Акад. наук УССР. Ин-т археологии. Киев : Изд-во Акад. наук УССР, 1959. 179 с.
18. Яхтанизов Х. Х. Северокавказские тамги. Нальчик, 1993. 204 с.
19. Bilbao-Orsorio B., Dutta S., Lanvin B. The Global Information Technology / World Economic Forum And INSEAD. Geneva, 2013. 409 p.

Graphic symbolism of the family tamga-signs of Kabardins and Balkars

N. V. Galimova

PhD in Cultural Studies, associate professor of the Department of Cultural Studies,
North Caucasus State Institute of Arts. Russia, Nalchik. E-mail: hudshkolanal@mail.ru

Abstract. This article analyzes the visual features of the hereditary socio-code signs "tamga", in the discourse of the traditions of ethnocultural sign formation of Kabardians and Balkars. The author offers a generalized typological characterization of the main tamgo-like complexes, through the representation of the stylistic originality of religious and magical symbols. The relevance of the article is predetermined by the significance for modern science of studying the problems of national identity of peoples, their socio-cultural identity, symbolic worldview. The purpose of this work is to analyze the traditional system of socio-cultural phenomena, to decipher the features of the Tamgo-like signs of Kabardians and Balkars.

The author of the study pays special attention to the history of the development of ethnic sign systems; determining the essence of tamgo-like signs, types and symbolic-graphic features; conducting a comparative semiotic analysis of hereditary tamgas of Kabardians and Balkars; revealing the specifics of intercultural interaction of communication symbolic-sign codes.

In the course of the research, a general scientific method of systematization and classification of traditional symbolic and graphic systems is used. The work is interdisciplinary in nature and is the subject of cultural and artistic scientific knowledge.

The scientific novelty of the work consists in revealing the social significance of the ownership tamga signs of Kabardians and Balkars; establishing the main types of tamgas of Kabardians and Balkars, the features of their symbolic visualization; determining the place of sign systems in traditional cultures of ethnic groups. The study made it possible to identify patterns of intercultural interaction of the graphic foundations of tamga signs, as a result of which new, related symbolic and graphic sign formations are formed. The article may be of interest to researchers in the field of historical and cultural problems, art history, ethnography. The materials of the work can be useful both in scientific and educational activities.

Keywords: graphic symbols, tamgo-like signs, socio-cultural practice, Kabardians and Balkars, cultural code, communication culture.

References

1. Bahmann-Medik D. *Rezhimy tekstual'nosti v literaturovedenii i kul'turologii: vyzovy, granicy, perspektivy* [Modes of textuality in literary and cultural studies: challenges, boundaries, prospects] // *Novoe literaturnoe obozrenie* – New Literary Review. 2011. No. 1. Pp. 32–49.
2. Berladina K. A. *Narodnaya vyshivka Severnoj Osetii* [Folk embroidery of North Ossetia]. Ordzhonikidze. ISONII. 1960. Vol. 22. Is. 4. Pp. 122–155.
3. Bidzhiev H. H. *Raskopki Humarinskogo gorodishcha v 1974 godu. Arheologiya i etnografiya Karachaevo-Cherkessii : sbornik nauchnyh trudov* [Excavations of the Khumarinsky settlement in 1974. Archeology and ethnography of Karachay-Cherkessia : collection of scientific papers]. Cherkessk. 1989. Pp. 6–46.
4. Butanaev V. V. *Stepnye zakony Hongoraya* [Khongorai steppe laws]. Abakan. Publishing House of Khakas State University n. a. N. F. Katanov. 2004. 278 p.

5. Galimova N. V. *Famil'naya tamga kak sociokul'turnyj graficheskij simvol* [Family tamga as a socio-cultural graphic symbol] // *Kul'tura i iskusstvo – Culture and art*. 2021. No. 4. Pp. 66–73. DOI: 10.7256/2454-0625.2021.4.35564. Available at: https://e-otabene.ru/pki/article_35564.html.
6. Gardanov V. K. *Adygi, balkarcy, karachaevcy v izvestiyah evropejskih avtorov 13–19 vv.* [Adygs, Balkars, Karachays in the news of European authors of the 13th –19th centuries]. Nalchik. 1974. 635 p.
7. Ivanov S. V. *Ornament narodov Sibiri kak istoricheskij istochnik* [Ornament of the peoples of Siberia as a historical source]. L. Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 1963. 502 p.
8. Iskhakov D. M. *Istoricheskie ocherki* [Historical essays]. Kazan. Fen. 2009. 164 p.
9. Ufuk Tavkul. *Zhizn' kavkazskih gorcev i ih kul'tura* [The life of the Caucasian mountaineers and their culture]. Istanbul. 1993. 122 p.
10. Karaulov N. A. *Balkary na Kavkaze* [Balkars in the Caucasus] // *Izvestiya obshchestva arheologii, istorii i etnografii* – Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography. Kazan. 1907. Vol. 23. Is. 2. Pp. 49–70.
11. Kokov Dzh. N., Kokova L. *Dzh. Kabardino-cherkesskie familii* [Kabardino-Circassian surnames]. Nalchik. Elbrus. 1993. 203 p.
12. Kudaev M. Ch. *Karachaevo-balkarskaya etnkhoreografiya i simvolika : liter. hud. izd.* [Karachay-Balkar ethnochoreography and symbolism : literary art. publ.] Nalchik. Elbrus. 2003. 108 p.
13. Lavrov L. I. *Istoriko-etnograficheskie ocherki Kavkaza* [Historical and ethnographic essays of the Caucasus]. L. Nauka (Science). 1978. P. 184.
14. Lavrov L. I. *Etnografiya Kavkaza* [Ethnography of the Caucasus]. L. Nauka (Science). 1982. 224 p.
15. Maksimov E. D., Vertepov G. A. *Tuzemcy Severnogo Kavkaza. Osetiny, ingushi, kabardincy* [Natives of the North Caucasus. Ossetians, Ingush, Kabardians]. Vladikavkaz. 1892. Is. 1. 188 p.
16. Ol'hovskij V. S. *Tamga (k funkcii znaka)* [Tamga (to the function of the sign)] // *Istoriko-arheologicheskij al'manah* – Historical and archaeological almanac. Armavir. 2001. No. 7. Pp. 75–86.
17. Solomonik E. I. *Sarmatskie znaki Severnogo Prichernomor'ya* [Sarmatian signs of the Northern Black Sea region] / Academy of Sciences of the Ukrainian SSR. Institute of Archaeology. Kiev. Publishing House of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR, 1959. 179 p.
18. Yahtanigov H. H. *Severokavkazskie tamgi* [North Caucasian tamgas]. Nalchik. 1993. 204 p.
19. Bilbao-Orsorio B., Dutta S., Lanvin B. *The Global Information Technology / World Economic Forum And INSEAD*. Geneva, 2013. 409 p.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 821.161.1

DOI: 10.25730/VSU.2070.22.018

Диалоги о судьбе и вятской литературе...

В. А. Поздеев

главный научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории, ФИЦ «Коми научный центр» Уральского отделения Российской академии наук. Россия, г. Сыктывкар; доцент, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: usr11446@vyatsu.ru

Аннотация. В рецензии рассматривается книга известного вятского писателя и журналиста Виктора Бакина «Поговорим. Стихи почитаем...». В этой книге автор, собрав под одной обложкой пять интервью, задавая вопросы, побуждает размышлять «о времени и о себе» поэтов Светлану Сырневу, Николая Пересторонина, отца Андрея Логвинова, отца Леонида Сафронова, Валерия Фокина, прозаика Владимира Крупина. В. Бакин поднимает такие сложные проблемы, как современный литературный процесс, вопрос о месте писателя в исторических событиях, о творческих поисках своего пути. Важным компонентом книги являются стихи, которые своеобразно дополняют размышления вятских поэтов. Некоторые стихи В. Бакин намеренно просит автора «прочитать», а большинство стихов предлагают сами поэты. Интервью с В. Крупиным В. Бакин брал во время пандемии по электронной почте, но в вопросах и ответах чувствуется непосредственность общения, в дополнение автор цитирует отрывки из прозы В. Крупина. В конце каждого раздела помещены отзывы известных критиков, литературоведов, друзей и наставников о творчестве того или иного поэта. Эти отзывы не только завершают, но как бы дают напутствие к будущим творческим свершениям. В книге вопросы и ответы составляют некое единое поле, которое раскрывает не только индивидуальность интервьюера и писателя, но высвечивает их место в вятской литературе, и шире – в русской современной литературе.

В приложении публикуются письма к М. А. Шолохову Д. В. Крупина, уроженца Вятского края, хранящиеся в ЦГАКО в фонде краеведа В. Пленкова.

Ключевые слова: В. Бакин, С. Сырнева, Н. Пересторонин, А. Логвинов, Л. Сафронов, В. Фокин, В. Крупин, интервью, вятская литература.

Книга «Поговорим. Стихи почитаем...» – это своеобразные размышления поэтов и писателей о своих творческих судьбах, отразившихся в стихах. Виктор Бакин собрал под одной обложкой пять интервью, в которых он, задавая вопросы, побуждает размышлять «о времени и о себе» поэтов Светлану Сырневу, Николая Пересторонина, отца Андрея Логвинова, отца Леонида Сафронова, Валерия Фокина, прозаика Владимира Крупина.

В заключительной части В. Бакин приводит письма Михаила Шолохова уроженцу вятской земли Дмитрию Крупину, которые хранились в личном архиве краеведа Василия Пленкова в ЦГАКО.

В каждом интервью автор вопросов побуждает творческих людей увидеть близкое и далекое, ощутить хорошее и плохое, потери и достижения в своей стране, в своей судьбе, в своем творчестве. Так биография писателя как бы камертоном отзывается на разные события в России. Надо отметить, что в современной литературе «биографизм» является для писателя одним из важнейших способов репрезентации жизненных поисков и смыслов.

В прозе и поэзии вятских писателей всегда присутствовало яркое автобиографическое начало. Писатели осмысливали опыт своей жизни, на свои биографические факты опирались в своих произведениях, в них можно увидеть проекцию судьбы автора-героя.

В. Бакин задает каждому герою своей книги самые животрепещущие вопросы. Литературный путь вятской поэтессы Светланы Сырневой раскрывается не только в ее биографических фактах, но в пересечении ее жизненного пути с известными российскими писателями, ее учителями по профессии. В ответах на вопросы о вятской литературной жизни 1980–1990-х гг. как бы из «первых уст» рассказаны история создания литературного клуба «Верлибр», отноше-

ния автора и ее друзей – молодых литераторов – с Обкомом партии и КГБ. В подборке стихов, которая сопровождает интервью, приведены самые характерные для Светланы Сырневой, отражающие не только какие-то этапы ее творческой биографии. Как, например, стихотворение «Прописи», «Противостояние Марса». О стихотворении «Зимняя свадьба» Светлана Сырнева говорит: «я считаю его знаковым».

Долго душе привыкать,
как на чужбине, в раю,
вечно грустить-вспоминать
зимнюю свадьбу свою.

О поэте протоиерее Андрее Логвинове раздел озаглавлен «Лишь бы только в ответ зажились сердца...» В. Бакин выстраивает беседу с поэтом так, чтобы раскрылась связь его жизни с высоким смыслом – служением Богу, церкви. Поэт рассказывает о том, что «телом я родился в Сибири, а душой – в России», то есть в той части, где «храмы, святыни, родная старина».

В современных прозаических произведениях писатели часто обращаются к воспоминаниям своего детства, юности, такие аспекты создают некую документальность текстов. Так и в беседе с Николаем Пересторониным вопросы касаются биографических фактов, которые так или иначе легли в основу поэтических и прозаических произведений.

Николай Пересторонин делится своими наблюдениями, которые он реализовал в книгах «Старый двор», «Александровский сад», «Окно в Венецию», «Молитва о Святой земле», «Некалендарная весна» и другие.

В Вятке как-то недолго выходят литературные периодические издания: всегда начало бывало очень обнадеживающим, но постепенно издания затухали и исчезали. В этом плане В. Бакин и Н. Пересторонин обсудили формирование литературного альманаха «Вятка литературная» и журнала «Ротонда». Николай говорит, что «и сейчас у меня заботы – это журнал «Вятка литературная» и журнал «Ротонда». Приятно, что оба тепло вспомнили ветеранов вятской литературы, своих учителей, Порфирьев, Любовикова, Лубнина.

С Леонидом Сафроновым В. Бакин беседует большей частью о судьбах России, о русских в российской глубинке, так как отец Леонид служит в далеком поселке Рудничном в храме Николая Чудотворца. Отец Леонид очень обеспокоен тем, что в родных селениях происходит опустошение не только материальное, но и духовное.

Край ты мой, мир опустевший!
Атомный каменный век...
Мимо, как лист облетевший,
Вдруг прошуршит человек...

Путь к Богу, единение с ним – в этом поэт видит спасение всех.

В своих ответах он подробно рассказывает, как его с малых лет вдохновляли стихи Есенина, которые знал и читал его отец. Особое отношение поэт высказал о русских былинах, о русской народной песне, которые он слышал в родном доме, как пела песни его мать. Устная народная поэзия для Леонида Сафронова – «это как собор в церкви».

В. Бакин своими вопросами как бы наводит на некоторые проблемы современной литературы. Например, очень неоднозначно Леонид Сафронов трактует отношение к советской детской литературе. «Советские я вообще не считаю – не нравятся совершенно». После этого отец Леонид рассуждает о стихах, «мы не должны на убийстве воспитывать детей», и тут же приводит в пример сказки Пушкина, у которого Балда лишает попа ума.

Для отца Леонида «вдохновение – это накопление сил», но он понимает, что «священство – это духовное, а поэзия – это душевное», так что для него поэзия «все равно ниже стоит...»

В. Бакин задал вопрос и о Великорецком крестном ходе, в котором отец Леонид участвует и ходит в конце хода. Он сравнивает тот костяк Великорецкого крестного хода с «позвоночником», «и если позвоночник не пойдет – крестного хода нет».

На вопрос о будущем России отец Леонид ответил: «Возрождается русский человек или идет к пропасти – это от нас зависит. Не от Бога, от нас. Потому что Бог нам дал волю».

Разговор о творчестве Валерия Фокина Виктор Бакин ведет в год юбилея Великой Победы, поэтому многие вопросы связаны с его восприятием Великой Отечественной войны через воспоминания об отце. Валерий Фокин отметил, что «отец не любил вспоминать войну...», но редкие воспоминания отца о военной службе «были светлыми». На вопрос о том, «где корни семьи Фокиных?», Валерий Фокин дал достаточно обстоятельный, с цитатами из очерка А. И. Герцена, рассказ об истории деревни Фокины (Фокинцы). Воспоминания о бабушке, маме, ее сестрах, братьях.

Большой и серьезный разговор получился и о России, ее прошлом, настоящем и будущем. На сложный вопрос о том, нашел ли поэт свою личную свободу, «изолировавшись в лес-промхозовский поселок на берегу Вятки – Разбойный Бор?», Валерий Фокин рассуждает о «свободе» и «воле». «Моя «обитель дальняя трудов и чистых нег» – место приложения сил не только физических, но и творческих. И большинство стихотворений, составивших книги «Большолуние», «Вопреки», «Из жизни в жизнь», как раз оттуда и как раз об этом».

Интересны обсуждения Виктора и Валерия о путях прихода в литературу, о тех знакомствах, которые давали толчок к преодолению трудностей, к поэтическим «вершинам». Рассказывает Фокин и о первой встрече с Владимиром Крупиним. Добрые воспоминания Валерий Фокин посвятил своему учителю Юрию Кузнецову.

Только что же ей делать на воле,
Если сил не осталось уже:
Помогают стихи Кузнецова –
До сих пор я учусь у него...

В рубрике «Из отзывов» приведен отзыв Ю. Кузнецова о стихах Валерия Фокина: «Стихи хлесткие и размашистые. В них есть напор, своя система парадоксов. Есть мелодия. Когда читаешь, это действует. Но это еще не глубины... Хорошо, что в его творчестве есть движение. Рост всегда неровен, но здесь есть рост, который дает основательную надежду на будущее поэта».

Виктор Бакин подмечает, что «судя по публикациям недавних лет, ты современные проблемы осмысляешь через свой жизненный опыт и вкладываешь в новые стихи». На это поэт отвечает, что «без искреннего осмысления и переложения в слово СВОЕГО жизненного опыта, СВОЕЙ личной сердечной (вплоть до буквальной) боли стихи будут тривиальными и вторичными, а значит, лишенными свежести и оригинальности».

Высоким огоньком на мачте
я к вам вернусь еще не раз.
А вы посмейтесь и поплачьте
Над тем, что я сказал за вас.

С вятскими писателями у Валерия Фокина складывались неоднозначные отношения. Однако он всегда чтит своих собратьев по перу: Павла Маракулина, Альберта Лиханова, Владимира Крупина, Владимира Ситникова и других.

В разделе «Крестный ход – это прививка от черствости сердца...» развертывается беседа с Владимиром Крупиним. В. Бакин, предваряя интервью, раскрывает его особенности. «...Этот разговор состоялся в период пандемии, осенью 2020 г., когда мы оба, но в разных городах – один в Вятке, другой в Москве – находились на карантине. Я набрасывал вопросы и отправлял их по электронной почте. Владимир Николаевич оперативно отвечал».

На вопрос, как В. Крупин переживает нынешнее «лихолетье», наш земляк рассуждает о России и Вятке, о судьбах людей, которые отринули Веру и как вывод: за это «оно нами заслужено». В беседе писатель приводит свое обращение к людям, которые идут в Великоречский крестный ход. «Он никогда не оставлял нас. Не оставит и нынче. И Богохранимую нашу Вятку и всю Россию» – такая мысль проходит через всю беседу. Выстраивая интервью, В. Бакин пытается выяснить истоки творческой судьбы, как творчество связано в Верой. Владимир Крупин помнит свое крещение в шесть лет в Кильмезской церкви, помнит, что крестной была бедная женщина в лаптях, которая шла по тракту мимо церкви. Для писателя это символ самой России.

Творческий почерк писателя Владимира Крупина складывался в 70-е гг. XX в. Рассуждения о первой книге, о приеме в члены Союза писателей раскрывают нелегкий путь к пониманию писательского служения. Крупин раскрывает, какие были дружеские отношения с российскими писателями Владимиром Солоухиным, Расулом Гамзатовым, Валентином Распутиным, Виктором Астафьевым и Василием Беловым. С каждым из этих и других писателей у Крупина связаны какие-то события, которые не только остались в памяти, но и повлияли на творчество.

Виктор Бакин умело подводит нашего земляка к рассуждению о современном состоянии русской литературы, к пониманию народных истоков ее. Интересный поворот делает В. Бакин, расспрашивая о детстве, о детских обязанностях, о забавах и играх, подводит писателя к рассуждению о детских книгах, о современном детском чтении. Крупин называет десять книг.

Конечно же, Виктор Бакин не мог не коснуться в своих вопросах «больной» темы для Владимира Крупина – возвращение городу имени Вятка. Позиция Крупина такова: «надо бы т р е б о в а т ь исправления нравственного преступления – насильственно отобранного имени».

Вятка для писателя – это и средоточие людей с «вятским характером». С любовью и почтением писатель вспоминает Виктора Шумихина, вдохновившего его на написание «Вятской тетради», директора Герценки Надежду Гурьянову, мастериц дымковской игрушки Валентину Племянникову, Нину Борнякову.

Заканчивая беседу, Виктор Бакин обращается к повести В. Крупина «Неделя в раю», которая как бы завершает трилогию о Великорецком крестном ходе. Писатель признается, что «навсегда буду благодарен Крестному ходу за обретение молитвенного состояния».

В своеобразном предисловии к беседе с Владимиром Крупиным Виктор Бакин замечает, что «в нашем разговоре мы решили соблюсти некую дистанцию, чтобы дружеское расположение не стало помехой для прямого и откровенного разговора».

Подводя итог обзора бесед с нашими вятскими писателями, можно видеть, какие разные судьбы, разные пути прихода к творчеству, но с другой стороны, вятские писатели – это некое духовное единство, объединенное любовью к своей земле, людям, сотоварищам по перу, к литературе. По прочтении этих бесед остается впечатление прямого и откровенного разговора.

В заключение несколько слов о полезности книги с точки зрения учебной литературы. Виктор Бакин и многие, с кем он вел беседы, имеют журналистский опыт – они профессионалы, поэтому эта книга, на наш взгляд, является хорошим пособием для факультетов журналистики. Она учит проводить интервью с точными вопросами (интервьюер знает, о чем он спрашивает, он «в теме»), учит выстраивать «сюжет» интервью, чтобы было интересно не только читателю, но и тому, с кем беседуют.

Dialogues about fate and Vyatka literature...

V. A. Pozdeev

Chief Researcher, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Center
"Komi Scientific Center" of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Russia, Syktyvkar;
Doctor of Philology, Associate Professor, Vyatka State University.
Russia, Kirov. E-mail: usr11446@vyatsu.ru

Abstract. The review considers the book of the famous Vyatka writer and journalist Viktor Bakin "Let's talk. We honor poems ...". In this book, the author, having collected five interviews under one cover, asking questions, encourages poets Svetlana Syrneva, Nikolai Perestoronin, father Andrei Logvinov, father Leonid Safronov, Valery Fokin, and prose writer Vladimir Krupin to think "about time and about himself". V. Bakin raises such complex issues as the modern literary process, the question of the writer's place in historical events, and the creative search for his own path. An important component of the book are verses, which complement the thoughts of the Vyatka poets in a peculiar way. V. Bakin deliberately asks the author to "read" some verses, and the poets themselves offer most of the verses. V. Bakin interviewed V. Krupin during the pandemic by e-mail, but in questions and answers one can feel the immediacy of communication, in addition, the author quotes excerpts from V. Krupin's prose. At the end of each section, reviews of famous critics, literary critics, friends and mentors about the work of a particular poet. These reviews not only complete, but, as it were, give parting words to future creative achievements. In the book, questions and answers form a kind of unified field, which reveals not only the individuality of the interviewer and writer, but highlights their place in Vyatka literature, and more broadly - in modern Russian literature.

The appendix publishes letters to M. A. Sholokhov by D. V. Krupin, a native of the Vyatka region, stored in the Central State Archives of Arts in the fund of local historian V. Plenkov.

Keywords: V. Bakin, S. Syrneva, N. Perestoronin, A. Logvinov, L. Safronov, V. Fokin, V. Krupin, interviews, Vyatka literature.

Вестник гуманитарного образования
Научный журнал № 2 (26) (2022)

16+

Редактор *А. В. Мариева*
Технический редактор *Л. А. Кислицына*
Дизайн обложки *А. К. Долгова*
Редактор выпускающий *А. Ю. Егоров*
Ответственный за выпуск *И. В. Смольняк*

Подписано в печать 15.08.2022 г.
Дата выхода в свет 15.09.2022 г.
Формат 60х84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 19,04. Тираж 100 экз. Заказ № 322.

Подписной индекс журнала «Вестник гуманитарного образования»
в подписном каталоге «Почта России» – ПН068

Вятский государственный университет,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36